

К.Ф.
РЫЛЕЕВ
СОЧИНЕНИЯ

К.Ф. РЫЛЕЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

ББК 84. Р1
Р 95

Составление,
вступительная статья, комментарии
С. А. ФОМИЧЕВА

Оформление художника
Н. А. НЕФЕДОВА

Р $\frac{4702010100-066}{028(01)-87}$ 30-87

© Состав, вступительная статья, примечания. Издательство «Художественная литература», 1987 г.

ПОЭЗИЯ ГРАЖДАНСКОГО МУЖЕСТВА

1

Если путь поэта исчислять с первых его зарифмованных строк, то и тогда литературная биография Рылеева окажется недлинна. Она предстанет ошеломляюще стремительной, если понять, что лишь в начале 1820-х годов, всей душой отдавшись революционной деятельности, он начал набирать силы как поэт глубокого и самобытного дарования. Поэтическая зрелость Рылеева только-только обозначилась для современников на пороге 1825 года — с выходом «Дум» и «Войнаровского», с появлением в печати отрывков из новых поэм. «По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей,— писал в это время Пушкин брату,— это предвещает перемену министерства на Парнасе. Я министр иностранных дел, и, кажется, дело меня не касается. Если «Палей» пойдет, как начал, Рылеев будет министром».

Шутливое пророчество Пушкина не сбылось, а могло сбыться... 14 декабря 1825 года — первым из организаторов восстания на Сенатской площади — Рылеев был арестован, заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, а через полгода — казнен.

Добросовестный канцелярист Следственной комиссии, формулируя смертный приговор Кондратию Федоровичу Рылееву, тридцати лет от роду, так перечислил,— по сути дела, его заслуги перед отечеством: «...усилил деятельность Северного общества; управлял оным, приготавливал способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинить Манифест о разрушении правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов...» Песни и стихи в этом официальном документе упомянуты не случайно. Поэзия Рылеева воспевала борьбу с самовластием, вербуя единомышленников, взывая к их чести и совести. Подлинная поэзия, по его глубокому убеждению, возвышалась не хитростями ремесла, а истиной, поведенной честно и прямо. Вот почему о своих стихах он говорил так:

Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства,—
Я не Поэт, а Гражданин.

В этих строках вовсе нет самоуничижения. С признанием, открытым и гордым, он обращался к другу и соратнику, а вместе с ним — к своему читателю, сознавая, что борьба «за угнетенную свободу человека» стала главной истиной времени, а стало быть, чистейшим источником поэзии.

2

К. Ф. Рылеев родился 18 (29) сентября 1795 года в сельце Батово, близ Петербурга, в семье отставного подполковника, и с шестилетнего возраста воспитывался в петербургском Кадетском корпусе. Здесь он полюбил книгу и начал писать. Тринадцать лет прошло в занятиях и муштре, не без детских проказ, конечно, но зато и с суровой расплатой за них. «Часто случалось, — вспоминал один из его приятелей, — что вину товарищей он принимал на себя и сознавался в проступках, сделанных другими. Подобное самоотвержение приобрело ему множество друзей и почитателей, вырученных им из беды и потому питавших к Рылееву безграничное доверие»¹. Популярности Рылеева много способствовали его стихи.

Судьба каждого поэта, конечно, неповторима. Нельзя не заметить, однако, как время накладывает общую печать на творчество поэтов одного поколения. Юность Рылеева совпала с героической эпохой в жизни России, со славным двенадцатым годом. Он страстно ждал выпуска в действующую армию и творил «победные песни героям», вспоминая героическое прошлое своей родины. Уже в первых пробах рылеевского пера намечены темы и поэтические принципы, которым он останется верен навсегда. В пародийной поэме «Кулакияда» он обмолвится: «Я не пиит, а только воин, В устах моих нескладен стих». Несколько позже в любовном мадригале повторит: «Не лира мне дана в удел угрюмым Кроном, А острый меч, чтобы ужасным быть врагу». Нетрудно угадать в этих строках уроки поэтической школы Дениса Давыдова:

Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз.

Но оттолкнувшись от подобных стихов, Рылеев впоследствии пересмыслит их, в духе гражданских идеалов, до неузнаваемости:

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений...

¹ К р о п о т о в Д м. Несколько сведений о Рылееве. По поводу записок Греча//Писатели-декабристы в воспоминаниях современников; В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 9.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненье тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

На пороге выпуска из Кадетского корпуса Рылеев пытается предугадать свою грядущую участь. Пылкое сердце подсказывает ему: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинной твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков». Нельзя не почувствовать в наивных и книжных, конечно, пока еще рассуждениях пророческого предвидения своей судьбы.

В 1814 году восемнадцатилетним прапорщиком-артиллеристом Рылеев попадает на театр военных действий. Можно только догадываться, насколько ошеломляющим был контраст между тринадцатилетним заточением в корпусных стенах — и заграничными походами, когда за два года Рылеев дважды отшагал всю Европу. «Свободомыслием, — позже признается он на следствии, — заразился я во время походов во Францию в 1814 и 1815 годах; потом оное постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов...» Отметим и одно происшествие той поры, весьма характерное для поэтической биографии Рылеева. В 1814 году он служил некоторое время в комендантском управлении г. Дрездена. «Одаренный необычайною живостью характера и саркастическим складом ума, Кондратий Федорович не оставлял никого в покое: писал на всех сатиры и пасквили, быстро расходившиеся по рукам, и вооружил тем против себя все русское общество Дрездена, которое, выведенное наконец из терпения, жаловалось на него князю Репнину, прося избавить от злого насмешника...»¹ Стихи эти до нас не дошли, но свидетельством постоянных литературных занятий тех лет служат отрывки из заграничного дневника Рылеева, в том числе «Письма из Парижа» (1815), где находим немало сочувственных строк, посвященных французскому народу, «в сердцах которого еще с прежнею горячностью кипит любовь к независимости и к Славе».

Потом наступили армейские будни. Артиллерийская рота Рылеева перемещалась из Литвы на Орловщину, пока весной 1817 года не обосновалась в Воронежской губернии, в селе Подгорном Острогожского уезда. Здесь Рылеев занялся воспитанием дочерей местного помещика и вскоре полюбил младшую из них, Наталью Тевяшову. Для нее он переписал в две тетрадки свои стихи, большинство из которых ей и посвящено. Нужно признать, что здесь нет шедевров. Читая эти песни, мадригалы, послания сейчас, мы невольно вспоминаем по-доброму иронические строки Пушкина о Ленском:

¹ Фелькнер А. И. Предчувствие Рылеева о своей судьбе // Писатели-декабристы... Т. 2. С. 23.

Поклонник славы и свободы,
В волнение бурных дум своих
Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их...

Сближение Рылеева с Ленским отнюдь не произвольно. Размышляя о возможной судьбе своего героя — не погибни он на нелепой дуэли, — Пушкин предполагал, что он мог бы «быть повешен, как Рылеев». Правда, в романе этому уделу противопоставлен иной, более вероятный и обычный: счастливая женитьба и — духовное отупение в поместной глуши. Словно предчувствуя эту общую участь, Рылеев, женившись и выйдя в отставку, рвется в столицу — туда, где кипит жизнь. В ответ на осторожные увещевания матери он напишет 7 апреля 1818 года: «И так уже много прошло времени в службе, которая никакой не принесла мне пользы, да и вперед не предвидится, ибо с моим характером я вовсе для нее не способен. Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастью, не могу им быть». Своим же сослуживцам он говорил в те годы: «Господа, вы или не в состоянии, или не хотите понять, куда стремятся мои помышления! Умоляю вас, поймите Рылеева! Отечество ожидает от нас усилий для блага страны!! Души с благороднейшими чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу; так будем же стараться уничтожать и переменить на лучшее!»

Характерная деталь: мемуарист, сохранивший для нас эти слова, считал, что еще до отъезда в Петербург Рылеев «успел сделать некоторые очерки для «Дум» своих». Более того, он относит к 1818 году замыслы и поэмы «Войнаровский», и оды «Гражданское мужество». Поэма и ода будут написаны значительно позже, но мысли, в них выраженные, не были новостью для воронежских приятелей поэта.

3

Осенью 1820 года Рылеев с женой и дочерью поселяются в Петербурге, а с начала 1821 года он начинает служить в Петербургской палате уголовного суда, стараясь, по свидетельству современника, «о смягчении судьбы подсудимых, особенно простых, незащитных людей»¹. К тому времени имя его уже обратило на себя внимание властей: полиция перлюстрирует его письмо к воронежскому знакомому, где в связи с волнениями в Семеновском полку содержатся непочтительные выражения

¹ Г р е ч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 442. Принципиальность позиции Рылеева в палате уголовного суда подтверждается поданным им 11 апреля 1822 г. особым мнением по делу о волнении крепостных гр. Разумовского — см. И г н а т о в и ч Н. И. Рылеев в «деле» о волнении крепостных крестьян графа Разумовского // Литературное наследство. Т. 59. 1954. С. 289—299.

о членах императорской фамилии. Здесь же читаем: «Моя сатира «К временщику» печатается в 10 книге «Невского зрителя». Многие удивляются, как пропустили ее...» В петербургских журналах уже появлялись стихотворения Рылеева. Сатира на Аракчеева сделала в одночасье имя поэта широко известным.

Аракчеев был проклятьем России — недаром аракчеевской будет названа эпоха общественной реакции. Уже народ запел песни про «Рыкчеева-злодея», уже ходила по рукам пушкинская эпиграмма «Всей России притеснитель...». Но чтобы так гласно, по-державински громко, в журнале, с дозволения цензора напечатать про всеильного временщика — такого, казалось, нельзя было и помыслить в аракчеевской России:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей...

Впервые в русской подцензурной печати прозвучало и пророческое предупреждение поэта, обращенное через голову временщика к тирану:

Тиран, вострепещи! родиться может он!
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О как на лире я потшусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!

Летом 1821 года Рылеев посещает Острогжск, захватив с собой только что вышедший из печати девятый том «Истории Государства Российского». «В своем уединении, — сообщает он в Петербург, — прочел я девятый том русской истории. Ну, Грозный! Ну, Карамзин. — Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита. Вот безделка моя — плод чтения девятого тома». Это было стихотворение, посвященное князю Курбскому.

Не вызывает сомнения, что поэта прежде всего поразили включенные в текст «Истории» послания князя к царю, воспринятые как первый на Руси вызов тирании: «Мы расстались с тобою навеки... Но слезы невинных жертв готовят казнь мучителю. Бойся и мертвых: убитые тобою живы для всевышнего, они у престола его требуют мести. Не спасут тебя воинства; не сделают бессмертным ласкатели, бояре недостойные, товарищи пиров и неги, губители души твоей, которые приносят тебе детей своих в жертву!»

Герой стихотворения Рылеева не вития. Он тихо скорбит о бедах отечества, о своем изгнании. Но негодует сама природа, тревожная и грозная, по воле поэта; пейзаж этот станет лейтмотивом всего позднейшего цикла, озаглавленного — «Думы»:

...в перекатах гром
На небе мрачном раздавался,
И темный лес, шума, кругом
От блеска молний освещался.

Вслед за «Курбским» в журналах и газетах за подписью Рылеева одно за другим появляются стихотворения, в которых страницы русской истории прочитаны как свидетельство неискоренимо вольнолюбивого духа нации.

По роду своего дарования Рылеев не был чистым лириком; недаром он постоянно обращался к различным жанрам и прозы, и драматургии. Думы Рылеева, в большинстве своем, принадлежат к жанру исторической элегии, близкой к балладе, широко пользующейся наряду с лирическими и эпико-драматическими художественными средствами. В отличие от баллад Жуковского, ориентирующихся на экзотический, условный «западный» материал, рылеевские думы представляли читателям героев русской истории. «Напоминать юношеству о подвигах предков,— подчеркивал поэт,— знакомить со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с годами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета».

В «Думах» герои заговорили сами, обращаясь к потомкам, внушая им заветы высокого патриотизма, проявляющиеся не только в воинских подвигах, но и в гражданской доблести, в честном служении обществу, в непримиримой борьбе с деспотизмом. Нельзя не заметить в мировоззрении Рылеева просветительских основ, а в его художественном методе — черт гражданского классицизма.

«Классические традиции,— справедливо замечал В. А. Десницкий, касаясь сложных процессов в русской культуре начала XIX века,— оживают на новой психологической основе. Для декабриста Якушкина любимые авторы — Плутарх, Тит Ливий, Цицерон. Он превозносит мудрость Соломона, готов, как и многие его товарищи, взять в руку «кинжал Брута», поразивший «тирана». На этой новой психологической основе поднимается новая волна интереса к античности, появляется большое количество переводов с греческого и латинского. На этой же, надо полагать, новой психологической основе вырастает и новый классицизм в литературе и в других искусствах. Только на этой основе мог вырасти и изумительный Петербург конца XVIII и начала XIX века с его прекрасными архитектурными памятниками...»¹

В европейском искусстве волна нового, гражданского классицизма была вызвана к жизни эпохой Великой французской революции. Истоки же гражданско-патриотической идеологии декабристов — в героике Отечественной войны 1812 года. «Наполеон вторгся в Россию,— напишет осужденный А. Бестужев царю,— и тогда-то народ русский впервые

¹ Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.; Л., 1958. С. 47.

ощутил свою силу, тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России»¹.

Показательно, что в «Песне воинов перед сражением» (1813) В. Раевского мы встречаем строки, предвосхищающие позднейшую оду Рылеева «Гражданин»:

Пусть дети неги и порока
С увялой рабскою душой
Трепещут гибельного рока,
Не разлучимого с войной,
И спят на лоне пресыщенья,
Когда их братья кровь лият.
Постыдной доле их презренье!
Во тьме дни слабых протекут!
А нам отчизны взор — отрада...

Своим славным отсветом эпоха эта озарит всю декабристскую поэзию. История всех времен и народов будет интересовать декабристов преимущественно в одном ракурсе: как свидетельство вечной борьбы с тиранией. Когда в период первых споров о необходимости убийства императора-деспота П. А. Катенин обращался, например, в монологе Цинны к заговору против Цезаря, поэт был искренне убежден, что события тех далеких лет были, в сущности, аналогичны нынешним: под римской тогой сердца героев были воодушевлены той же любовью к свободе.

При всем революционно-патриотическом пафосе такой поэзии, нельзя не заметить в ней и черт рационалистической упрощенности, абстрактности, рупорности, которые в более поздних своих произведениях Рылеев настойчиво преодолевал.

Примечателен отзыв о «Думах» Пушкина, высказанный им в письме к автору (май 1825 г.) с дружеской и суровой прямоотой: «Что сказать тебе о «Думах»? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы «Петра в Острогжске» чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покров: составлены из общих мест... Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключаю «Ивана Сусанина», первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант)». Нужно знать обычную манеру Пушкина, чтобы по достоинству оценить его письмо. Давно замечено, что в эпистолярных откликах на произведения своих корреспондентов Пушкин часто отделялся комплиментами и двусмысленностями, не желая бередить понапрасну авторское самолюбие. Откровенная нелицеприятность его — всегда признание подлинного дарования, с которым можно говорить на равных, без обиняков.

¹ Цит. по: Из писем и показаний декабристов/Под ред. А. К. Бородина. СПб., 1906. С. 35.

Пушкину, конечно, понятно, что под условными именами, заимствованными в русской истории, Рылеев воспевал своих современников-вольнолюбцев. Среди рылеевских дум его критик прозорливо выделил два произведения, отступающие от общей типологии: «Петр Великий в Острогожске» и «Иван Сусанин». В первом из них — праздничном по тону (ср. мрачный колорит остальных дум) — нет заданной предопределенности: история показана здесь открытой книгой, таящей в себе множество не предсказуемых до конца свершений, а общая, героическая ее тенденция намечена подлинно лирическими средствами: как мобилизующее на борьбу за правое дело народное предание:

Где плененный славы звуком
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед... —

и далее рисуется картина сказочно плодородной земли, словно таящей в себе могучие силы истории.

В «Иване Сусанине» вместо пространного монолога, исчерпывающего разом все содержание думы, намечаются энергичные и точные по языку и колориту сцены, показывающие героя в действии. Балладный размер (четырёхстопный амфибрахий) с самого начала настраивал читателя на тревожное ожидание, которое исчерпывалось сценой высокого подвига Ивана Сусанина: «Снег чистый чистейшая кровь обагрила». В контексте рылеевской думы образ этот не казался инородным и выпяченным: в ряд героев русской истории на равных вставал костромской крестьянин.

Среди нового перечня имен, намечаемого Рылеевым для следующей серии дум¹, мы встречаем имя Лукьяна Стрешнева. Почему заинтересовал поэта не славный особыми подвигами тесть царя Михаила Федоровича? Вполне очевидно, поэту дорого предание о том, что некогда Лукьян был бедным дворянином и сам пахал землю с крестьянами; став важным сановником, он сохранил скромное одеяние землепашца, чтобы, как говаривал, не впасть в гордыню.

Пушкин предъявлял к рылеевскому творчеству требование народности, улавливая потенциал его поэзии, его жизненной позиции.

4

В начале 1823 года Рылеев был принят И. И. Пушциным в Северное тайное общество и вскоре стал его руководителем. Это может показаться удивительным. Отставной подпоручик, не получивший разностороннего и глубокого образования, непрезентабельный по внешности, нерасчетли-

¹ См. с. 362 наст. изд.

вый в своих поступках и излишне вспыльчивый, Рылеев явно не соответствовал обычным представлениям о вожде. Почему же ему безусловно верили? «Рылеев был не красноречив, — свидетельствовал Н. Бестужев, — и овладевал другими не тонкостями риторики или силою силлогизма, но жаром простого и иногда несвязного разговора, который в отрывистых выражениях изображал всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной»¹.

Чуждый честолюбивых расчетов и притязаний, Рылеев стал совестью декабристского заговора. Казалось бы, подымая товарищей на восстание, руководитель обязан был вселить в них уверенность в победе. Рылеев говорил иначе: «Предвижу, что не будет успеха, но потрясение необходимо, тактика революций заключается в одном слове: дерзай, и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других»².

Поэзия Рылеева не воспевала восторга победы — она учила гражданскому мужеству.

Именно поэтому она явилась выражением судьбы декабристского поколения, с его готовностью к самозабвенному подвигу, со сладким мигом восстания и — долгими годами каторги и ссылки.

Прямо связав свою жизнь с тайным обществом, с организованной борьбой против самодержавия и крепостничества, Рылеев в том же 1823 году приступил к работе над поэмой о сибирском узнике Войнаровском. Прочитав в журналах первые отрывки из нее, Пушкин писал брату: «С Рылевым мирюсь — «Войнаровский» полон жизни».

Особое отношение русского читателя к поэме и ее автору проявилось вскоре в необычайно широком распространении ее списками, число которых сравнимо только со списками «Горя от ума», а ведь в отличие от комедии Грибоедова поэма «Войнаровский» была напечатана при жизни автора. И достоверные, будто бы схваченные очевидцем детали суровой сибирской природы, и точное описание сцены казни, и повествование о медленном угасании ссыльного, рожденного «с пылкой душой полезным быть родному краю», и даже рассказ о подвиге жены, разделившей участь осужденного, — все это позднее казалось написанным тем, кто пережил казнь на кронверке Петропавловской крепости. Но именно в сопоставлении с реальной судьбой Рылеева и смысл и пафос его поэмы неизмеримо углублялся: поэт предчувствовал все испытания и не свернул с пути, начертанного самой историей.

Поэзия Рылеева одухотворена историческим предвидением и верой в святость гражданских идеалов. Но вера эта была не исступлением фанатика, а обретена в сомнениях и исканиях. Восстание предполагало насилие, пусть революционное и правое, но все равно преступающее через кровь. Не только врагов, но и друзей. Арестованный вечером 14 декабря

¹ См.: Бестужев Н. А. Воспоминание о Рылеве // Писатели-декабристы... Т. 2. С. 75.

² См.: там же. С. 82.

1825 года, Рылеев заключает свое первое показание единственной просьбой: «Открыв откровенно и решительно, что мне известно, я прошу одной милости пощадить молодых людей, вовлеченных в общество, и вспомнить, что дух времени такая сила, пред которою они не в состоянии были устоять». Снимавший эти показания барон Толь спросил, не вздор ли затевает молодость, на что арестованный «весьма холодно отвечал»: «Я для счастья России полагаю конституционное правление самое выгодное и остаюсь при сем мнении». «На это я ему возразил, — самодовольно докладывал барон царю, — с нашим образованием выйдет это совершенная анархия»¹.

Барон не желает выглядеть мракобесом, он оговаривается «с нашим образованием...» Перед ним же стоял узник, который знал, что успокоительные разговоры о постепенности преобразований с ходом просвещения, по сути дела, самоубийственны.

Характерен и другой спор, который вспыхнул за несколько месяцев перед этим. Прочитав первую главу «Евгения Онегина», Рылеев писал автору: «Не знаю, что будет «Онегин» далее..., но теперь он ниже «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника». Я готов спорить об этом до второго пришествия». Эту оценку обычно приводят как пример излишнего ригоризма Рылеева, некоторой ограниченности его эстетических взглядов. Однако полемика с Пушкиным отнюдь не была литературной. В сущности, через головы Онегиных — разочарованных и бездеятельных — ко всем, в ком не угасла жажда свободы, была обращена ода Рылеева «Гражданин»:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян...

Заметим, что стихотворение начинается напоминанием о роковом времени, что национальная тема здесь трактуется в духе гражданских идеалов, как в грибоедовском переложении 151-го псалма («Иноплеменнику не с ними, Далече страх я отжня, Во сретенье ишел...»), как в послании из тюрьмы В. Раевского («Где племя чуждое с улыбкой Терзает нас кровавой пыткой...»). Восстание «за угнетенную свободу человека» было исторической необходимостью. Иначе — могла произойти трагедия «бунта бессмысленного и беспощадного»:

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятых сладкой неги
И, в буйном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги:

¹ См.: Восстание декабристов: Материалы Централархива: Т. 1—14. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 152—153.

Вот в такой исторической перспективе следует оценить замечательное явление декабристской поэзии: созданные Рылевым и А. Бестужевым агитационные песни. Первые из них, написанные в самом начале 1820-х годов, продолжали боевые традиции сатирических куплетов эпохи французской революции — наряду с пушкинскими «Ноэлиями» и песней П. А. Катенина «Отечество наше страдает Под игом твоим, о злодей...». В конце же 1823 года на одном из совещаний Северного тайного общества было принято решение наряду с Катехизисом вольного человека создать песни «для желаемого действия на умы народа». Так возникают подблюдные песни Рылеева и А. Бестужева, по образцу святочных, предвещающих то, что «сбудется, не минуется», воссоздающие самые сокровенные народные чаяния:

Как идет кузнец из кузницы, слава!
Что несет кузнец? Да три ножика:
Вот уж первой-то нож на злодеев вельмож,
А другой-то нож — на судей на плутов,
А молитву сотворя, — третий нож на царя!
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. Слава!

Песня звучит угрожающе, но не мрачно. Определяющей же чертой русского национального характера поэты-декабристы считают вольнолюбие: «как вольный славянин душой он раболепствовать не может».

5

О направлении творческих исканий зрелого Рылеева, оборванных его казнью, лучше всего позволяет судить его поэма о Наливайко.

Многое в этом произведении необычно для литературной практики тех лет. Обращает на себя внимание, что ни в плане, ни в написанных фрагментах мы не находим и следа любовной интриги, на которой обычно основывалась фабула романтической поэмы. «Любовь никак нейдет на ум: Увы! моя отчизна страждет», — это рылеевское признание объясняет суть дела, такой страстью всецело поглощен герой. Можно догадываться, что его протагонистом здесь должен был стать осторожный, расчетливый Лобода, спор с которым в поэме следует вслед за экспозицией: картиной угнетенной страны, не возрождающейся к жизни даже в пору весеннего цветения. К Лободе обращается герой, глядя на отряды повстанцев:

Смотри, — он Лободе сказал, —
Как изменилось все. Давно ли
Козак с печали увядал,
Стонал и под ярмом неволи
В себе все чувства подавлял?
Возьмут свое права природы,

Бессмертна к родине любовь,—
Раздастся глас святой свободы,
И раб проснется к жизни вновь.

Вместе с Лободой, согласно намеченному плану поэмы, Наливайко должен и погибнуть от рук врагов.

Не зная фактов, установленных исторической наукой значительно позже, Рылеев рисовал Наливайко с Лободой друзьями с юных лет, но в то же время собирался, по-видимому, противопоставить их как выразителей разных политических линий в среде восставших. Несомненно, что Рылеев ориентировался не столько на исторический материал (ему по большей части неизвестный), сколько на противоборство умеренного и революционного направлений в декабристском обществе. «Здесь видишь,— откликнулся на «Исповедь Наливайко» журнал «Сын отечества», прибегая к характерной декабристской фразеологии,— отпечаток души великой, непреклонной, воспламененной любовью к родине. Наливайко мыслит как герой, говорит как неукротимый сын природы, чувствует как человек, не рожденный пресмыкаться под игом иноплеменных»¹.

Но революционная тенденциозность поэмы вовсе не искажала исторической истины. Более того, как раз участие в живой политической борьбе позволило поэту почувствовать всю сложность освободительного движения — в противовес доступным историческим источникам.

План поэмы основан на сведениях, почерпнутых в «Истории русов» псевдо-Кониского. Там, вопреки историческим фактам, говорилось о полной военной победе Наливайко, о заключении мира с польским королем Сигизмундом III, и о предательской расправе с гетманом Наливайко и его соратниками: «По приезде гетмана и депутатов в Варшаву, в первую ночь взяты они на квартирах под караул и повержены тогда же в подземную темницу, а по двух дней без всяких спросов и суждений вывели гетмана и с ним Лободу, Мазепу и Кизима на площадь и, объявив им вину гонителей на веру Христову, посадили живых в медного быка и жгли того быка медленным огнем, пока вопль страдалцев был слышен, а наконец тела замученных в том быку сожжены в пепел»².

Между тем Наливайко и Лобода вовсе не погибли вместе.

В 1594 году после предательского убийства гетмана К. Косинского, выступившего против польских панов, Наливайко задумал план нового восстания и обратился за помощью к запорожцам. Из сечи под начальством полковника Лободы пришло подкрепление. Восстание охватило всю правобережную Украину, перекинулось в Белоруссию. В 1596 году на подавление его было направлено войско под командованием коронного

¹ Сын отечества. 1825. № 10. С. 198.

² История русов, или Малой России. М., 1846. С. 38—39. Приписанная белорусскому архиепископу Георгию Конискому, она была создана не раньше начала XIX века (вероятно, братьями Полетиками) и широко известна в списках.

гетмана Жолкевского. Восставшие успешно оборонялись, хотя и были вынуждены перенести военные действия на левый берег Днепра, надеясь уйти в Россию. Враги настигли их близ г. Лубны, в урочище Солоницы, где казаки построили укрепленный лагерь. Лобода, представлявший интересы зажиточного казачества и игравший двусмысленную роль на протяжении всего восстания, предложил сдаться на милость победителям и был казнен как предатель. Однако верхушка реестрового казачества все же выдала Наливайко и его сподвижников полякам. Наливайко был заключен в варшавскую тюрьму и после пыток 11 (21) апреля 1597 года казнен¹.

В поэме Рылеева Наливайко изображен как подлинно народный герой. Пробуждение массы угнетенного народа в борьбе с угнетателями составляет основную сюжетную коллизию произведения, как об этом позволяют судить написанные эпизоды. Поэма была оборвана на острие событий: перед сражением, которое должно решить судьбу восстания. Еще неизвестно, как развернутся события, но их историческая перспектива (пусть, может быть, и далекая) вполне ясна. Два лагеря разделены быстрыми волнами Тясмина. На одной стороне —

Вокруг костров шумят и пьют
Толпами буйные поляки;
Их яростные души ждут,
Как праздника, кровавой драки...

На другом берегу, свершив вечернюю молитву, в тишине отдыхает перед боем лагерь повстанцев. Сны переносят их в семью родную, к мирной счастливой жизни.

Но ужасен пророческий сон Жолкевского:

Во сне Жолкевский страшно стонет,
Трепещет, молится... вдруг зрит,
Что он в волнах кровавых тонет...

По художественному решению эти эпизоды поэмы предвосхищают лермонтовское «Бородино» и описание ночи перед Бородинским сражением в романе Л. Толстого «Война и мир», в которых современный исследователь справедливо усматривает проявление нравственно-художественных убеждений, коренящихся в глубинах русского национального самосознания².

Согласно намеченному плану эпилог поэмы Рылеева должен был быть посвящен пребыванию Наливайко в темнице и казни героя... Его поэт не успел написать.

¹ См.: Г о л о б у ц к и й В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 131—146; Р о з н е р И. Северин Наливайко — руководитель крестьянского казацкого восстания 1594—1596 гг. на Украине. М., 1961.

² П а н ч е н к о А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 202—203.

Эпилогом всего творчества Рылеева суждено было стать тюремным его стихам и письмам к жене. В них следует увидеть — за всеми житейскими обстоятельствами — нерушимую верность Рылеева заветам, определенным им для себя с юношеских лет. Восстание окончилось поражением, к которому он был заранее подготовлен. Делом следующих поколений было продолжить борьбу. Его поколение не пропустило своего часа. Исторический долг — там, на воле — он выполнил до конца. С самого начала своего заключения готовый к смертному приговору, Рылеев отдал последние силы на то, чтобы, по возможности, облегчить судьбу товарищей и семьи. Последние стихи его обращены к соратнику по борьбе и заключению. Стихи эти прощальные, кончающие расчеты с брэнной жизнью. Но мятежная душа Рылеева обнаруживается и в них:

И плоть и кровь преграды вам поставит,
 Вас будут гнать и предавать,
 Осмеивать и дерзостно бесславить,
 Торжественно вас будут убивать,
 Но тщетный страх не должен вас тревожить.
 И страшны ль те, кто властен жизнь отнять
 И этим зла вам причинить не может!

В каземате Алексеевского рavelина Рылееву было дозволено читать только религиозные сочинения. Он знал, что — прежде чем его записи будут переданы после казни жене — они будут тщательно просмотрены палачами, но рассчитывал не на них, а на единомышленников, которые за библейскими цитатами, звучащими более или менее смиренно, восстановят их контекст. «И страшны ль те, кто властен жизнь отнять?» — вопрошает поэт, отсылая своего будущего читателя к такому тексту: «Блаженны изгнанные за правду... Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за меня... так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям».

И светлое пророчество звучит в последних строках поэта, осужденного на казнь:

Душою чист и сердцем прав
 Перед кончиною подвижник постоянный,
 Как Моисей, с горы Навав
 Узрит он край обетованный.

Царское правительство предприняло немалые усилия, чтобы искоренить из памяти русского передового общества имя Рылеева, его поэзию. Из книжных лавок и библиотек учебных заведений изымались его стихи, издававшийся им совместно с А. Бестужевым альманах «Полярная звезда» и предавались огню. 6 сентября 1826 года были брошены в тюрьму поручик Молчанов и капитан Алексеев за распространение стихов на смерть Рылеева. В 1830 году был арестован цензор, пропустивший в альманахе «Денница» стихотворение «Слезами горькими, тоскою...», которое было воспринято как отклик на его казнь...

Но память о Рылееве нельзя было уничтожить. В сотнях списков разошлось по России последнее его письмо к жене, написанное накануне казни, в тысячах — произведения поэта-декабриста. Народ запел песню «Ревела буря, дождь шумел...». Из уст в уста передавались строки Н. М. Языкова:

Не вы ль, убранство наших дней,
Свободы искры огневые, —
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей.

Уже в 1827 году в «Кратком обзоре общественного мнения», подготовленном III отделением, отмечалось: «Молодежь, т. е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи... В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева»¹. Это не было преувеличением. Спустя тридцать лет А. И. Герцен и Н. М. Огарев начнут издавать за границей для русского читателя альманах вольной русской литературы, дав ему славное название — «Полярная звезда». Мотивы рылеевской лирики будут развиты в поэзии Полежаева, Лермонтова, Огарева, Некрасова.

Светлый облик Рылеева предстает перед нами в воспоминаниях его соратников по борьбе. Повествуя о днях заключения в Петропавловской крепости, Н. Р. Цебриков напишет: «Раз принесли мне обед... Я принялся рассматривать оловянные тарелки, и на одной из них нашел на обороте очень четко написанные гвоздем последние стихи Рылеева:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,

¹ См.: Красный архив. 1926. Т. 6 (37). С. 149—150.

И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну»¹.

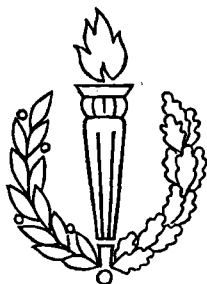
Трудно, конечно, представить, чтоб неусыпные стражи могли проглядеть у Рылеева гвоздь, да и рылеевский почерк на оловянной тарелке было бы распознать затруднительно. Однако уверенное свидетельство декабриста можно понять: Рылеев его соратникам по борьбе представлялся самым мужественным из них, рыцарем без страха и упрека, человеком, в личности, деяниях и поэзии которого воплотились лучшие черты поколения первых русских революционеров.

Таким он по праву остается и в нашей памяти.

С. А. Фомичев

¹ Воспоминания Н. Р. Цебрикова // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ. М.; Л., 1931. С. 255.

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. КУЛАКИЯДА

ПЕСНЬ I

Шуми, греми, незвучна лира
Еще неопытна певца,
Да возглашу в пределах мира
Кончину пирогов творца.
Да возведу я плач ужасный
Трех тафелей, всех поваров.
Друзья! Уж Кулаков несчастный
Не суетится средь котлов.
Уж глас его не раздастся
В обеих кухнях наших днесь,
От оногo уж не мятется
Собор команды его весь.

Уже в горохе пременился
Доселе вкус приятный нам,
Картофель густоты лишился
И льется с мисок по столам.
И ах! Наперсника лишенный,
Восплакал, возрыдал Бобров,
Такой потерей огорченный,
Он перебил всех поваров.

Но, Аполлон велеречивый
И Клио с громкою трубой,
Поведайте: маслолюбивый
Так кончил дни свои герой:
Среди котлов на очаге
Возвышен, восседал Бобров,
Внизу с чумичкою в руке
Стоял смиренно Кулаков.

Стоял... волосы его вздымались,
Стоял... вздыхал, не говоря,
Его лишь взоры устремлялись
На кухню славного царя.
Напрасно тщился пес Боброва,
Ласкаясь, его развеселить,
Напрасно повара косоного
Тулаев притащил смешить.

Бобров, Бобров замысловатый!
Успеха даже не имел,
И Кулаков в свои палаты
С тоскою мрачною отшел.
Лишь только с лестницы спустился,
Как вдруг бездыханный он пал.
«Увы! Он жизни сей лишился»,—
Тут шедший повар закричал.

Царя чертог весь взволновался,
Когда достиг к нему звук слов;
Се вопль по воздуху раздался
И с плачем прибежал Бобров,
Вослед его пес колченогий,
К нему, хромая, прискакал,
Бобров вопил: «О боги! боги!»
А пес, визжа, к нему пристал.

«Почто меня ты оставляешь,—
Несчастный продолжал Бобров,—
Мою ты жизнь тем отравляешь,
Не буду есть я пирогов!
Восстань, очнись! О, мой любезный,
Восстань, прошу тебя, восстань!
Почто велишь мне лить ток слезный —
Восстань, я протираю длань».

Осталось втуне то моленье,
Труп хладный воплям не внимал,
Скончался тот, о провиденье!
Кто хворост маслом поливал.
Скончался тот, пред кем смирились
Сапожня, кухня, погреба;
Скончался тот, кому дивились
Чаны на кухне вне себя.

Тс... тс... Пегас, скачи погише
И против воли не неси,
А коль взлететь захочешь выше,
Других ты лучше попроси,
А я устал, да и довольно
Теперь бумаги измарал,
Но нет, ты все несешь неволью,
Чтоб погребенье описал.
Быть так, я для тебя склонюся
И погребенье пропою,
Но ах! ретивый, я боюся,
Что сломишь голову мою.

ПЕСНЬ 2

О Аполлон! Поддай мне лиру,
Поддай Кастальских кубок вод,
Да воспою достойно миру
В Смоленску погребальный ход.
Впереди предшествовал Тулаев,
За ним шел Зайцев, Савинов,
С рябою харею Миняев,
Потом Затычкин и Смирнов.

Гласы их в воздухе сливались,
Трясли все зданье по странам,
Глубоко в сердце отзывались
И смех и плач являли нам.
Тулаев с Зайцевым ревели,
Савинов тенором тянул,
Смирнов, Миняев тихо пели,
Затычкин что есть мочи дул.

А Силин к ним присъединялся,
По-козьи, кажется, кричал,
Тут пес, бежа, его ласкался
И трели с визгом подпускал.
За ними зрелась колесница,
Везомая тремя коньми,
Попон на коих, как тряпица,
Разорван влекся по земли.

Коней, занятых из-под чана,
Имея факелы в руках,

Вели два наши великана,
Как можно делав меньше шаг.
За колесницею ж родные
И тьма в слезах знакомых шли,
Вблизи ж и соус и жаркие,
Как будто ордена, несли.

На гробе же пирог за шпагу
С чумичкою большой лежал,
Что Кулаков имел отвагу
На чадной кухне быть являл.
Потом шел Краснопевцев бледный
С супругой бледною своей,
Неся котел луженый, медный,
Как бы усопшего трофей.

Но, муза, стой, я зрю Боброва:
Власы растрепаны на нем,
Лице искажено сурово,
И слезы катятся ручьем.
Он рвется, плачет, замирает
И жалостный являет вид,
Едва качнется — упадет,
Не может вовсе говорить,

Но наконец уста открылись,
И прямо, Кулаков, к тебе
Слова высоко устремились, —
Я стану продолжать себе.
Но вот и к кухне подъезжают
В кафтанах новых повара,
В кастрюли громко ударяют,
Провозгласив трикрат — «Ура!».

С такой процессией прекрасной
В Смоленску тело провезли
И в мрак сырой могилы страшной
Героя кухни погребли.
Прости, священна тень героя,
Долг мудрый слабому прощать.
Прости, что, лиру я настроя,
Мог слабо тень твою бряцать.

Я знаю, точно недостоин
Вещать о всех делах твоих,

Я не пиит, а только воин,
В устах моих нескладен стих.
А ты! О мудрый, знаменитый!
Царь кухни, мрачных погребов,
Топленным жиром весь политый,
Единственный герой Бобров.

Не озлобися на поэта,
Тебя который воспевал,
И знай, у каждого кадета
Навек я тем бессмертный стал.
Прочтя сии строки, потомки
Вспомнят, мудрый, о тебе,
Твои дела прославят громки,
Вспомнят также обо мне.

(1813)

2. ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРНАС

Итак, предпринят путь к Парнасу;
Чего же медлить? Ну, смелей,
Начнемте бить челом Пегасу,
Чтоб он домчал нас поскорей!

Боярский! сядь со мной в карету!
Фролов! на козлы поскорей!
И докажи, пожалуй, свету,
Что ты мастак кричать: «Правей!»

Смотри ж! Не вдруг! Поудержися;
Четверка бойких разнесет!
А пуше в гору берегися:
Там скалы есть, там терн растет!
Там многих авторов творенья,
В пыли валяясь — гниют!
Там Лета есть, река забвенья,
В ней также много уж живут!

Я видел, в ней как Львов купался
И обмывал своих детей;
Я зрел, Шихматов в ней остался,
А с ним и тысяча дестей!
Я сам свидетель был в то время,

Как, несколько прочтя листов,
За нанесенное тем время,
Был стóлкнут с берега Хвостов!
Я был при том, когда Гераков,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомок вздорливый Ираклов,
Был Леты поглощен волной!
Я зрел, как наш пиит слезливый
Красу лужков, лазурь небес,
И сельску жизнь, и злачны нивы
Пел, пел,— и наконец — исчез!

Такая ж участь, может статься,
И нам, о други, суждена!
Так лучше вдаль нам не пускаться,
Чтоб не измерить Леты дна!
Иль едем хоть, да неprovорно,
Где можно рысью, где шажком,
И уж тогда, друзья, бесспорно
Мы будем, где творцов содом!
«Ну, что же трусить?!» — вдруг воскликнул
Фролов, тут перервав мой глас,
На удалых лошадох крикнул
И правил прямо на Парнас!..
И вот мелькнули перед нами
Рифей и Волга! Всё прости!..
И, мчаты бодрыми конями,
На половине уж пути!
Там зрели мы, как девы красны
Сбирали сочный виноград;
Там расцвели древа прекрасны,
А здесь пушистый снег и хлад!
Но вот! поднялися и в горы!..
Парнас! Парнас! Какая близь!..
Как вдруг толчок! — и где рессоры? —
Тю, тю! — и мы катимся вниз!

С сим вместе я как раз проснулся,
• От страху мраз бродил по мне!
Я окрестился, оглянулся —
И рад, что было то во сне!

*Дрезден
15 октября 1814*

3. ДРУЗЬЯМ

(В Рогово)

Нельзя ль на новоселье,
О други, прикатить
И в пунше, и в веселье
Все горе потопить?
Друзья! Прошу, спешите,
Я ожидаю вас!
Мрак хаты осветите
Весельем в добрый час!
В сей хате вы при входе
Узрите — стол стоит,
За коим на свободе
Ваш бедный друг сидит
В своем светло-кофейном,
Для смеха сотворенном
И странном сертуке,
В мечтах, с пером в руке!
Там кипа книжек рядом
Любимейших лежит,
Их переплет не златом,
А внутрь добром блестит.
Заступа от неволи,
Любезные пистоли,
Шинелишка, сертук,
Уздечка и муштук;
Ружье — подарок друга,
Две сабли — как стекло,
Надежная подпруга
И Косовско седло —
Вот все, что прикрывает
Стенную черноту;
Вот все, что украшает
Сей хаты простоту.
Друзья! Коль посетите
Меня вы под часок,
Яств пышных не просите:
Под вечер — пунш, чаек,
На полдень — щи с сметанкой,
Хлеб черный, да баранки,
И мяса фунта с два,
А на десерт от брата,
Хозяина-солдата, —
Приветные слова.

Когда такой потравы,
Друзья! хотя для славы
Желает кто из вас,
Тогда, тогда от службы
Ко мне в свободный час,
В Вежайцы, ради дружбы,
Прошу я завернуть,
И в скромный кров поэта,
Под сень анахорета
От скуки заглянуть.

⟨1816⟩

4. К ЛАЧИНОВУ

(В Москву)

Изящного любитель,
Питомец муз младой,
Прямой всего ценитель,
Певец мой дорогой!
К тебе я обращаю
Нестройной лиры глас;
С тобой, с тобой желаю
Беседовать в сей час.
С тобой, о обитатель
Столицы пышных стен,
Дев красных обожатель,
Не знающий бремени,
Эпикурейцев читатель!
Веселый посетитель
Театров и садов,
Собраний, бульваров,
Кофейниц, тротуаров
И радостей домов,
Где шумный рой лукавых
Прелестниц молодых
Сулят из глаз своих —
Утехи и забавы;
Где ветренность и младость
Прелестных дев любви
И слов коварных сладость
Льют нежный огонь в крови;
Где ты подчас, пленившись
Одною из цирцей,

С ней взором согласившись,
Издали за ней
Идешь с смиренным видом,
Как скромник иль монах;
Пришел — и одним мигом
Забыл все на грудих!
В объятьях красоты
Забыл беды, напасти,
Забыл в восторгах страсти
И друга, может, ты!..
Меж тем как в отдаленной
Здесь Жмуди жизнь влачу,
И ах! душе стесненной
Отрады не сыщу!..
Здесь в дымной, чадной хате,
В пустынной стороне,
В безмолвной тишине,
Я мыслю об утрате
Прелестных, милых дней,
Дней юных, драгоценных,
Беспечно проведенных
В кругу своих друзей.

Ах! где Боярский милый,
Мечтатель наш драгой?
Увы! в стране чужой
И с лирою унылой!
Ах! там же и Фролов,
Наш друг замысловатый,
Сатирик тороватый
И острый баснослов!
Счастливы! Они вместе!
Завиден жребий их!
А мне, а мне и вести
Давно уж нет от них!
Нет сердцу утешенья,
Нет радостей *без вас!*
Ах! скоро ль соединенья
Наступит сладкий час?
Ах! скоро ли в объятья
Друг друга заключим?
Прижмем, вздохнем, о братья!
И — души соединим!

(1816)

5. К ФРОЛОВУ

Печали враг, забав любитель,
Остряк, поэт и баснослов,
Поборник Правды и ревнитель,
Товарищ юности, Фролов!
Прошу, прерви свое молчанье
И хоть одной своей строкой
Утишь душевное страданье
И сердце друга успокой.
Увы! кто знает, друг мой милый,
Что ожидает завтра нас!
Быть может, хлад и мрак могилы,—
Ничтожности ужасный час!
Быть может, ярою Судьбою
Уж над моей теперь главой
Смерть хладною своей рукою
Махает острою косою!
Почто ж, мой друг, нам тратить время
И чуждыми для Дружбы жить,
Почто печалей вьючить бремя
И чашу зол в днях юных пить!
Почто,— когда имеем средства
Свое мы горе услаждать
И из печали и из бедства
С уроком пользу извлекать?

Взгляну ль, мой друг, на мир сей бедный,
И что ж, коль стану примечать?
Меж тысячью едва приметно
Счастливец двух, а много — пять!
Кто ж виновен в сем? — Увы! мы сами,
О, точно так, никто иной;
С закрытыми идя очами,
Не трудно в яму пасть ногой.

.

И в самом деле, друг бесценный,
Все в нашей воле состоит.
Пусть лютый рок и разъяренный
Мне скорой гибелью грозит...
Но я коль тверд, коль презираю
Ударов тяжесть всю его,
Коль в оборону поставляю
Терпение против всего,

Тогда меня и рок устанет
Все с прежней ненавистью гнать,
И скоро час и мой настанет,
Мой друг! от горя отдыхать.

Пойдем, Фролов, мы сей стезею —
Вожатый Дружба наш, — пойдем!
Но вместе чур! рука с рукою!
Авось до счастья добредем!
Авось, авось все съединимся —
Боярский, Норов, я и ты,
Авось отрадой насладимся,
Забыв все мира суеты.

⟨1816—1818⟩

6. ИЗВИНЕНИЕ ПРЕД Н. М. Т(ЕВЯШО)ВОЙ

Прости, что воин дерзновенный,
Желая чувства свои к тебе излить,
Вожатого не взяв, на Геликон священный
Без дарования осмелился ступить.

.
Ах! сколько надобно иметь тому искусства —
Оттенки нежные страстей изображать,
Когда желает кто свои сердечны чувства
Другому в сердце излить!

Но ах! Сей дар мне не дан Аполлоном,
Я выразаться не могу;
Не лира мне дана в удел угрюмым Кроном,
А острый меч, чтобы ужасным быть врагу!

⟨1817—1818⟩

7. АКРОСТИХ

Нет тебя милей на свете,
Ангел несравненный мой!
Ты милее в юном цвете
Алой розы весной.
Легче с жизнью разлучиться
И все в свете позабыть,
Я клянусь в том, чем решиться

Тебя, друг мой, не любить.
Есть на свете милых много,
Верь, что нет тебя милей;
Я давно прошу у бога —
Шутки в сторону, ей-ей! —
Одного лишь в утешенье:
Вечно, вечно быть с тобой!
Ах, свершится ли моление,
Скоро ли я буду твой?

Подгорное
17 октября 1818

8. К И. А. (СОСКО) ВУ

(В ответ на письмо)

Напрасно думаешь, что там
Светильник Дружбы угасает,
Где жертвенник Любви пылает;
Напротив, друг мой! фимиам,
Тем сердцем дружбе приносимый,
В котором огонь неугасимый
Любви горит уж навсегда, —
Не перестанет никогда
С сугубой ревностью куриться;
Любовью все животворится.
И из чего, скажи, ты взял,
Что твой сопутник с колыбели
Любить друзей уж перестал?
Иль в нем все чувства онемели
И он, как лед, холоден стал?
Мой друг! так думаешь напрасно;
Все тот же я, как прежде был,
И ничему не изменил;
Люблю невольно, что прекрасно;
И если раз уж заключил
С кем Дружества союз я вечный,
Кого люблю чистосердечно,
К тому, к тому уж сохраню
Любовь и Дружество, конечно,
И никогда не изменю.
А потому и будь покоен,
Коль дорожишь ты мною так;

Тебя, мой друг, полюбит всяк,
Ты Дружбы каждого достоин.

Что ж я молчал — тому виной
Не Дружбы нежной охлажденье,
Как уличаем я тобой;
Но, так сказать, себя забвенью
Любви в счастливом упоенье.

Так, друг мой, так, и я стал жрец
У алтаря Киприды милой;
И что бы ни было... счастливый
Или несчастный мне конец,
Я не престану неизменно
Отныне жертву приносить
Своей богине повседневно.
Ах! можно ль, друг, и не любить?
Любовь есть цель всего созданья!
Но пусть по-твоему — мечтанье,
Мгновенный призрак, легкий сон;
Пусть сон... я буду им доволен,
Я буду счастлив, хоть неволен,
Лишь только б продолжился он!

Да и когда же предаваться
Мечтам, мой друг, как не теперь,—
Лишь только в юности, поверь,
Мы ими можем наслаждаться;
А юность, друг, стрелы быстрей
За каждым вслед летит мгновеньем!
Летит — и мчатся вместе с ней
Мечты, утехи с наслажденьем.
За ними старость прибредет,
А вместе с нею и кручины,
Чело покроют всё морщины,
Унынье дряхлость наведет,
Настанут, друг мой, дни угрюмы,
Встревожат сердце мрачны думы,
Любовь и места не найдет.

Итак, доколь еще есть время,
Живи в веселье и люби;
Не почитай любовь за бремя
И даром время не губи.

⟨1818⟩

«Ты знаешь Фирса чудака;
Зачем он головой кивает?» —
«От пустоты она уж так легка,
Что и зефир ее качает».

⟨1820⟩

**10. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ
ОДНОГО СТАРОГО ВОИНА,
УМЕРШЕГО ОТ КРОВОПУСКАНИЯ**

Вот верное изображение
Того, которого щадили сорок лет
Трехгранные штыки и пули на сраженье,—
Не пощадил его лишь докторский ланцет!

⟨1820⟩

11. РОМАНС

Как счастлив я, когда сижу с тобою,
Когда люблюя я, глядя на тебя,
Твоею милою, любезной красотой!
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда ты, друг мой милый,
Свой голос с звуками гитары соедини,
Поешь иль песенку, или романс унылый,—
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда умильным взором,
Прелестный, милый друг, ты подаришь меня
Иль обратишься вдруг ко мне ты с разговором,—
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда ты понимаешь
Из взора моего, сколь я люблю тебя,
Когда мне ласками на ласки отвечаешь,
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда своей рукою
Ты тихо жмешь мою и, глядя на меня,

Твердишь вполголоса, что счастлива ты мною,—
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда вдруг осторожно,
Украдкой ото всех целуешь ты меня.
Ах, смертному едва ль так счастливым быть можно,
Как счастлив я!

1819—1820

12. К ДЕЛИИ

(Подражание Тибуллу)

Почто, о Делия! с коленопреклоненьем
К бессмертным прибегал с напрасным я моленьем?
Почто на алтарях им фимиам курил,
Коль рок тебя ко мне еще не возвратил?
Дерзал ли у богов в своих молениях скромных
Тибулл спрашивать себе палат огромных,
Иль Крезовых богатств, иль славы и честей,
Иль тучных пажитьми Церериных полей,
Иль стад бесчисленных с обширными лугами? —
Об скромной бедности лишь им скучал мольбами,
Которую б делил всегда с тобою я;
Молил, чтоб при тебе застала смерть меня...
На что сокровища, на что стада мне тучны?
Иль будем боле мы с тобой благополучны
В чертогах мраморных, для коих привезли
Огромны глыбы гор из разных стран земли?
Ах! нет, ни золото, ни ткани драгоценны,
Ни храмины, рукой искусства иссеченны,
Ни в злате блещуща толпа наемных слуг
Нам счастья даровать не в силах, милый друг!
С тобой мне, Делия, и домик мой убогий
Олимпом кажется, где обитают боги;
Скудельностью своей и скромной простотой
Он гонит от себя сует крылатых рой;
И я за миг один, с тобой в нем проведенный,
Не соглашуся взять сокровищ всей вселенной.

О боги! Пусть Тибулл, всех благ земных лишась,
Но только с Делией своей соединясь,
В дому родительском с ней вместе обитает
И вместе с нею же в нем дни свои скончает.

О дочь Сатурнова! И ты, любви мать!
Дерзаю к вам мольбы усердны воссылать;
Вы с благосклонностью, вам сродной, им внемлите
И Делию навек Тибуллу возвратите.
Но если Парки мне сего не прорекли,
Коль Делии не зреть мне боле на земли,
То пусть сей час сойду в подземные пещеры,
Где сестры лютые безжалостной Мегеры,
В жилище мрачном их тень новую узря,
Улыбкой адскою приветствуют себя.

Острогожск
1820

13. К ВРЕМЕННОМУ

(Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Внесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула — достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем!
Коль сам с презрением я на тебя гляжу
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах! лучше скрыть себя в безвестности простой,
Чем с низкими страстями и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сани мне и в почестях моих?
Не сан, не род — одни достоинства почтенны;
Сеян! и самые цари без них — презренны,
И в Цицероне мной не консул — сам он чтим
За то, что им спасен от Катилины Рим...
О муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злого?
Тиран, вострепещи! родиться может он,

Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положении,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленье,
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь.
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он — что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

⟨1820⟩

14. К ДРУГУ

Не нам, мой друг, с тобой чуждаться
Утех и радостей земных,
Красою милых не прельщаться
И сердцем дорожить для них.
Пусть мудрецы все за химеру
Считают блага жизни сей,—
Не нам их следовать примеру
В цветущей юности своей.
Теперь еще в нас свежи силы
И сердце бьется для любви;
Придут дни старости унылы —
Угаснет прежний огонь в крови,
К утехам чувства онемеют,
Кровь медленней польется в нас,
Все нервы наши ослабеют...
И все напомним смерти час!
Тогда, тогда уже не время
О милых будет вспоминать
И сей угрюмой жизни бремя
В объятьях нежных облегчать...
Итак, доколе не промчалась

Быстротекущих дней весна,
Доколь еще не показалась
На наших кудрях седина,
Доколь любовью полны очи
Прелестниц юных нас манят
И под покровом мрачной ночи
Восторг и радости сулят —
Мой друг, в свой домик безопасный
Когда сну предан Петроград,
Спеши с Доридою прекрасной
На лоно пламенных отрад.

(1820)

15. К ДЕЛИИ

Опять, о Делия, завистливой судьбою
Надолго, может быть, я разлучен с тобою!
Опять, опять один с унылою душой
В Пальмире Севера прекрасной
Брожу как сирота несчастный,
Питая мрачный дух тоской!
Ничтожной славой ослепленный,
Жилище скромное и неги и отрад,
Жилище радостей — твой дом уединенный,
Безумец, променять дерзнул на Петроград,
Где всё тоску мою питает,
Где сердце юное страдает!
Почто молениям твоим я не внимал?
Почто, о Делия! с тобою я расстался?
Ах! я б теперь с тоскою не скитался,
Но в хижине б твоей с любовью обитал,
В сей хижине, где я узнал тебя впервые!
Где в жизни первый раз, с потоком сладких слез,
В часы для сердца дорогие,
Несмелым голосом *люблю* я произнес!
Где ты мне на любовь любовью отвечала,
Где сладострастие и негу я вкушал...
Где ты в объятиях счастливец трепетала,
Где я мгновения восторгами считал!..
Ах! скоро ли опять из шумной и огромной
Столицы Севера, о мой бесценный друг!

Нечаянно в твой домик скромный
Предстанет нежный твой супруг?..*

<1820>

16. ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Завеса наконец с очей моих упала,
И я коварную Дориду разгадал!
Ах! если б прежде я изменницу узнал,
Тогда бы менее душа моя страдала,
Тогда б я слез не проливал!
Но мог ли я иметь сомненье!
Ее пленительный и непорочный вид,
Стыдливости с любовью боренье,
И взгляды нежные, и жар ее ланит,
И страстный поцелуй, и персей трепетанье,
И пламень молодой крови,
И робкое в часы отрад признание —
Все, все казалось в ней свидетельством любви
И нежной страсти пылким чувством!
Но было все коварств плодом,
И записных гетер искусством,
Корысти низкия трудом!
А я, безумец, в ослепленье,
Дориду хитрую в душе боготворил,
И, страсти пламенной в отрадном упоенье,
Богов лишь равными себе в блаженстве мнил!..

<1820>

17

Безделок несколько наш Бавий накропав,
Твердит, что может он с Державиным равняться.
В жару мечтать так Бавий прав!
Но вправе же за то и мы над ним смеяться.

Острогожск
1820

* В автографе наряду с другими мелкими разночтениями, сохранились четыре последние строки, не вошедшие в печатный текст:

И ты в объятия к нему полунагая
С постели бросишься, вся радости в слезах,
И я забуду все — на трепетных грудях
В восторгах пылких утопая!.. (Здесь и далее примеч.,
помеченные звездочкой, сделаны составителем.)

18. ШАРАДА

Часть *первая* моя, от зноя укрывая,
Усталых путников под тень свою манит
И, их прохладой освежая,
С зефиром шепчет и шумит.

Вторая часть моя приводит в восхищенье,
Коль был творцом ее Державин иль Петров;
Когда ж скропал Свистов —
Всех погружает в усыпленье!

А *целое*, заметь, читатель дорогой,
В себе волшебника всю заключало силу,
Посредством коей он прекрасную Людмилу
Похитил дерзостно, в час полночи глухой,
Из брачной храмины в волшебный замок свой.

(1820)

19. ЖЕСТОКОЙ

Смотри, о Делия, как вянет сей цветочек,
С какой свирепостью со стебелька
Вслед за листочком рвет листочек
Суровой осени рука!

Ах! скоро, скоро он красы своей лишится,
Не станет более благоухать;
Последний скоро лист свалится,
Зефир не будет с ним играть.

Угрюмый Аквилон нагонит тучи мрачны,
В уныние природу приведет,
Оденет снегом доли злачны,—
Твой взор и стебля не найдет...

Так точно, Делия, дни жизни скоротечной
Умчит Сатурн завистливый и злой
И блага юности беспечной
Ссечет губительной косой...

Все изменяется под дланью Крона хладной;
Остынет младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
Под старость к злу родит любовь!

Тогда, жестокая, познаешь, как ужасно
Любовью тщетною в душе пылать
И на очах не пламень страстный,
Но хлад презрения встречать.

<1821>

20. НЕЧАЯННОЕ СЧАСТИЕ

(Подражание древним)

О радость, о восторг!.. Я Лилу молодую
Вчера нечаянно узрел полунагую!
Какое зрелище отрадное очам!
Власы волнистые небрежно распушенны
По алебастровым плечам,
И перси девственны, и ноги обнаженны,
И стройный, тонкий стан под дымкою одной,
И полные огня пленительные очи,
И все, и все — в часы глубокой ночи,
При ясном свете ламп, в обители немой!
Дыханья перевесть не смея в изумленье,
На прелести ее в безмолвии взирал —
И сердце юное пылало в восхищенье,
В восторгах таял я, и млея, и трепетал,
И взоры жадные сквозь дымку устремлял!
Но что я чувствовал, когда младая Лила,
Увидев в храмине меня между столпов,
Вдруг в страхе вскрикнула и руки опустила —
И с тайных прелестей последний пал покров.

<1820—1821>

21. ПЕРЕВОДЧИКУ «АНДРОМАХИ»

*(На случай пятого издания перевода
сей прекрасной Расиновой трагедии)*

Пусть современники красот не постигают,
Которыми везде твои стихи блещут;

Пускай *от зависти* их даже не читают
И им забвением грозят!
Не верь зоилам сим: они шипят из праха,
Ни дарования, ни вкус им не даны,
Коль Гермiona, Пирр, Орест твой, Андромаха
Им кажутся смешны...

Хвостов! будь тверд и не страшись забвенья:
Твой славный перевод Расина, Буало,
В награду за труды и дивное терпенье,
Врагам, *завистникам* назло,
Венцом бессмертия венчал твоё чело.
Так, так; твои стихотворенья
В потомстве будут все читать
И слезы сожаленья
На мавзолей твой проливать.

<1821>

22. ПУТЬ К СЧАСТИЮ

Сатира

(РАЗГОВОР ПОЭТА С БОГАЧОМ — СТАРИННЫМ ЕГО ЗНАКОМЦЕМ)

П о э т

Придумать не могу, какой достиг дорогой
В храм изобилия, приятель мой убогий?
Давно ли ты бродил пешком по мостовой,
Едва не в рубище, с поникшей головой?
Тогда ты не имел нередко даже пищи,
Был худ, как труженик или последний нищий!
Теперь защеголял в одеждах дорогих;
В карете щегольской, на четверне гnedых
Летишь, как вихрь, и, пыль взвивая за собою,
Знакомым с важностью киваешь головою!
Сияя роскошью владетельных князей,
Твой дом есть сборище отличнейших людей.
С тобою в дружестве министры, генералы,
Ты часто им даешь и завтраки, и балы;
Что прихоть с поваром лишь изобрести могла,
Все в дань со всех сторон для твоего стола...
Меж тем товарищ твой, служитель верный Феба,
И в прозе, и в стихах бесплодно просит хлеба.
Всю жизнь в учении с дней юных проведя,
Жить с счастьем в ладу не научился я...
Как ты достиг сего, скажи мне, ради бога?

Б о г а ч

Уметь на свете жить — одна к тому дорога!
И тот, любезный друг, бывал уже на ней,
Кто пользу извлекал из глупости людей;
Чьи главны свойства — лесть, уклончивость,
терпенье

И к добродетели холодное презренье...
Сам скажешь ты со мной, узнав короче свет,—
Для смертных к счастью пути другого нет.

П о э т

Хотя с младенчества внимая гласу чести,
Душ мелких ремесло я видел в низкой лести,
Но, угнетаемый жестокою судьбой,
И я к ней прибежал с растерзанной душой;
И я в стихах своих назвал того Катонем,
Кто пресмыкается, как низкий раб, пред тронем.
И я Невеждину, за то, что он богат,
Сказал, не покраснев: «Ты русский Меценат!»
И если трепетать душа твоя привыкла
В восторге пламенном при имени Перикла,
То подивись! я так забылся наконец,
Что просвещенья враг, невежда и глупец
И, словом, жалкий Клит, равно повсюду славный,
Воспет был как Перикл на лире своенравной!
И всяк, кто только был богат иль знаменит,
У бедного певца был Цесарь, Брут иль Тит!
И что ж? достиг ли я чрез то желанной цели?
Увы! я и теперь, как видишь, без шинели;
И столь хвалимое тобою ремесло
Одно презрение и стыд мне принесло!
Что ж до терпения... его, скажу неложно,
Так много у меня, что поделиться можно.
Ко благу нашему, любезный друг, оно
В удел писателям от неба суждено.
Ах, кто бы мог без сей всевышнего помощи
Снести цензуры суд привязчивый и строгий,
Холодность публики, и колкость эпиграмм,
Злость критик, что дают превратный толк словам,
И дерзких крикунов не дельное сужденье,
И сплетни мелких душ, и зависти шипенье,
И площадную брань помесячных вралей,
И грозный приговор в кругу невежд-судей,
И, наконец, гнев тех, которые готовы

На разум наложить протекших лет оковы!
И, словом, всюду я, куда ни посмотрю,
Лишь неприятности и беспокойства зрю;
С терпеньем все сношу, узреть плоды в надежде,
Но остаюсь без них, как и теперь и прежде.

Б о г а ч

По правилам твоим давая ход делам,
Нельзя успеха ждать и зреть плоды трудам.
Искусно должно льстить, чтоб быть льстецом
приятным;

К чему приписывал ты добродетель знатным,
Коль ни ее в них нет, ни побужденья к ней!
Как в зеркале, себя мы зрим в душе своей,
И мнимых свойств хвала вельмож не восхищает,
Но чаще их краснеть к досаде заставляет;
Не в дружбе жить с тобой ты сам принудишь их,
Но бегать от тебя и от похвал твоих.
Когда ты вздумаешь опять за лиру взяться,
То помни, что всегда долг первый твой — стараться
Не добродетели в вельможах выхвалять,
Но слабостям уметь искусно потакать.
Грабителю тверди, что наживаться в моде,
Скажи, что все живут добычею в природе;
Красы увядшей вид унынием зови;
Кокетку старую — царицею любви.
Кто ж сластолюбия почти погиб в пучине,
Тому изобрази в прелестнейшей картине
Все ласки нежные прелестниц записных,
И их объятия, и поцелуй их,
И чувства пылкие, и негу сладострастья,
Прибавь, что только в нем искать нам должно
счастья.

Невеждам повторяй, что просвещение вред,
Что завсегда оно причиной было бед,
Что наши праотцы, хоть книг и не любили,
Но чуть не во сто крат счастливей внуков жили;
Творца галиматии зови красой певцов,
Дивись высокому в бессмыслице стихов...
Но чтоб без бед пройти по скользкой сей дороге,
Подчас будь глух и нем и забывай о боге;
У знатных бар шути и забавляй собой,
В день другом будь для них, а в сумерки слугой;
Скрыв самолюбие под маской униженья,
С терпением внимай глас гнева и презренья

И, если вытерпишь и боле что-нибудь,
Смолчи, припомнивши, что это к счастью путь!
Располагаясь так, ты будешь всем приятен,
И так богат, как я, и точно так же знатен...

Поэт

Нет! нет! не уступлю за блага жизни сей
Ни добродетели, ни совести моей!
Не заслужу того, чтобы писатель юный,
Бросающий в порок со струн своих перуны,
Живыми красками, в разительных чертах,
Меня изобразил и выставил в стихах...

Богач

Так думая, мой друг, ты в нищете, конечно,
При прозе и стихах останешься навечно!
Но било семь... прощай! Сенатор граф Глупон
Просил меня к себе приехать на бостон! *

(1821)

23. А. П. ЕРМОЛОВУ

Наперсник Марса и Паллады!
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасти сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!
Узрев тебя, любимец славы,
По манию твоей руки,
С врагами лютыми, как вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки —

* Первоначально была намечена иная концовка:
Судьбой враждующей невольно увлеченный,
Мог уклониться я от истины священной,
Но, шествуя льстецов презренною стезей,
Я мучеником был, гнушаясь сам собой;
С душою пылкою младый питомец музы
Влачить позорные недолго может узы...
И я, по-прежнему став истины жрецом,
Дал клятву никогда не быть вперед льстецом.
Когда путь к счастью столь низок в жизни сей,
Так пусть останусь я при бедности моей,
Пусть буду целый век скитаться без шинели
В осенние дожди и в зимние метели;
Мне лютость непогод поможет перенести
Мое сокровище единственное — честь!..

И, цепи сбросивши панического страха,
 Как феникс молодой,
 Воскреснет Греция из праха
И с древней доблестью ударит за тобой!..
Уже в отечестве потомков Фемистокла
Повсюду подняты свободы знамена,
Геройской кровию земля промокла
И трупами врагов удобрена!
Проснулись вздремавшие перуны,
 Отвсюду храбрые текут!
Теки ж, теки и ты, о витязь юный,
Тебя все ратники, тебя победы ждут...

<1821>

24. К К<ОСОВСКО>МУ

*(В ответ на стихи, в которых он советовал мне
навсегда остаться на Украине)*

Чтоб я молодые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет! тому вовек
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто Славой не пленится!
Кумир молодой души —
Она меня, трубою
Будя в немой глуши,
Вслед кличет за собою
На берега Невы!

Итак простите вы:
Краса благой природы,
Цветущие сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И мир души моей,
И кров уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной, —
Где, горя, и сует,
И обольщений чуждый,

Прожить бы мог поэт
Без прихотливой нужды;
Где б дни его текли
Под сенью безмятежной
В объятиях Дружбы нежной
И родственной Любви!

Все это оставляя,
Пылающий поэт
Направит свой полет,
Советам не внимая,
За чародейкой вслед!
В тревожном шуме света,
Средь горя и забот,
В мои молодые лета,
Быть может, для поэта
Она венок совет.
Он мне в уединенье,
Когда я буду сед,
Послужит в утешенье
Средь дружеских бесед.

⟨1821⟩

25. ПУСТЫНЯ

(К М. Г. Бедраге)

Бежавший от сует
И от слепой богини,
Твой друг, молодой Поэт,
Вдруг стал анахорет
И жизнь ведет в пустыне...
В душе моей молодой
Нет боле жажды славы,
И шумные забавы
Сменил я на покой.
Безумной молодежи
Покажется смешно,
Что я не пью вино,
Что мне вода дороже
И что я сплю давно
На одиноком ложе,
Но несмотря на то,

На тихий звук свирели
В уютный домик мой
Вертявою толпой
Утехи налетели
И весело обсели
В нем все углы, мой друг;
С печалию ж докучной
Сопутник неразлучный,
Томительный недуг
И, дочь мирского шума
Со свитою своей,
Души угрюмой дума
От хижины моей
Стремятся торопливо...
Лишь только боязливо
Задумчивость порой
Заглянет в угол мой,
Покойный и счастливый.

«Оставив шумный свет
И негу сладострастья,
Как мог во цвете лет
Найти дорогу счастья
Твой ветренный поэт?» —
Ты спросишь в изумленье.
Мой друг! в уединенье,
Как пышные цветы,
Кипят в воображенье
Прелестные мечты...
Они волшебной силой
В тени моей немой,
С своей подругой милой —
Фантазией младой,
Меня увеселяют
Чудесною игрой
И сердцу возвращают
Утраченный покой,
Который мне в пустыне
Милее всех даров
Обманчивой богини:
И злата, и чинов,
И шумных пирований,
И ласковых речей,
И ветреных лобзаний
Предательниц-цирцей...

Но ты, мой друг бесценный,
Быть может, хочешь знать,
Как дни мои летят
В Украине отдаленной.
Изволь: твой друг молодой,
Простясь с коварным миром,
С свободою златой,
Душ пламенных кумиром,
Живет в степи глухой,
Судьбу благословляя;
Он с ложа здесь встает,
Зарю предупреждая,
И в садик свой идет
Немного потрудиться,
Взяв заступ, на грядках.
Когда ж устанет рыться,
Он, с книгою в руках,
Под тень дерев садится
И в пламенных стихах
Иль в прозе, чистой, плавной,
Чужд горя и забот,
Восторги сладки пьет.
То Пушкин своенравный,
Парнасский наш шалун,
С «Русланом и Людмилой»,
То Батюшков, резвун,
Мечтатель легкокрылый,
То Баратынский милый,
Иль с громом звучных струн,
И честь и слава россов,
Как диво-исполин,
Парящий Ломоносов,
Иль Озеров, Княжнин,
Иль Тацит-Карамзин
С своим *девятым томом*,
Иль баловень Крылов
С гремушкою и Момом,
Иль Гнедич и Костров
Со стариком Гомером,
Или Жан-Жак Руссо
С проказником Вольтером,
Воейков-Буало,
Жуковский несравненный,
Иль Дмитриев почтенный,
Иль фаворит его

Милонов — бич пороков,
Иль ветхий Сумароков,
Иль «Душеньки» творец,
Любимец муз и граций,
Иль важный наш Гораций,
Поэтов образец,
Иль сладостный певец,
Нелединский унылый,
Или Панаев милый
С идиллией своей —
В тиши уединенной
Дарят попеременно
Мечты душе моей.

Но полдень! В дом укромный
Иду; давно уж там
Меня обед ждет скромный;
Приятный фимиам
От сочных яств курится;
Мгновенно возбудится
Завидный аппетит —
И труженик-пиит
За шаткий стол садится...
Потом на одр простой
Он на часок приляжет;
Бог сна, Морфей молодой,
Ему гирлянду свяжет
Из маковых цветов,
И в легком сне покажет
Приятелей-певцов...
Они все в Петрополе;
В моей счастливой доле
Лишь их недостает!
Под вечер за работу
Иль в сад, иль в кабинет,
Иль грозно на охоту
С котомкой за спиной
Иду с ружьем — на бой
Иль с зайцами, иль с дичью!
И, возвратясь домой,
Обременен добычью,
Пью ароматный чай...
Вдруг входит невзначай
Ко мне герой Кавказа,
Которого в горах

Ни страшная зараза,
Ни абазех, ни бах,
Ни грозный кабардинец,
Ни яростный лезгин,
Ни хищный абазинец
Среди своих долин
Шесть лет не в силах были
Дух твердый сокрушить...
Непобедимым быть,
Казалось, судили
Герою небеса!
Но вдруг его пленили
Прелестные глаза...
Вздыхая и вздыхая,
Не умер чуть боец;
Но сжался наконец,
Красавица младая
И сердце и себя,
Героя полюбя,
С рукой ему вручила
Во храме под венцом;
Но скоро изменила
И молодым певцом
Бойца переменяла...

Сей отставной майор,
Гроза Кавказских гор,
Привез с собой газеты.
Принявши грозный вид,—
«Почто,— входя, кричит,—
Мои молодые леты
С такую быстротой,
О труженик молодой!
Сокрылись в безднах Леты?
Война, война кипит!
В Морее пышет пламя!
Подняв свободы знамя,
Грек оттоману мстит!
А я, а я не в силах
Лететь туда стрелой,
Куда стремлюсь душой!
Кровь тихо льется в жилах
И с каждым, с каждым днем
Все более хладеет;
Рука владеть мечом

Как прежде — не умеет,
И бич Кавказских стран
Час от часу дряхлеет,
И грозный оттоман
Пред ним не побледнеет!»
Со вздохом кончив речь,
Майор с себя снимает
Полузаржавый меч
И слезы отирает.
О прошлой старине,
О Сечи своевольной,
О мире, о войне
Поговорив довольно,
Мы к ужину идем;
Там снова в разговоры,
А изредка и в споры,
Разгорячась вином,
Майор со мной вступает,
И Порту и Кавказ
В покое оставляет,
Поэзию ругает
И приступом Парнас
Взять грозно обещает!..
Но вот уж первый час!
Морфей зовет к покою
И старому Герою
На вежды веет сон,
Вакх также наступает,
А старость помогает,
И в спальню быстро он,
Качаясь, отступает,
В атаке с трех сторон...

Майора в ретирате
До ложа проводя,
Я освежить себя
Иду в прохладном саде:
Чуть слышный ветерок,
Цветов благоуханье,
Лепечущий поток,
Листочков трепетанье,
И мрак, и тень деревьев,
И тишина ночная,
Пучина голубая
Безоблачных небес,

И в ней, в дали безбрежной,
Уныла и бледна,
Средь ярких звезд одна,
Как лебедь белоснежный,
Плывущая луна;
И древ и неба своды,
И хижинка моя,
Смотрящиеся в воды
Шумящего ручья,
И лодки колыханье,
И Филомелы глас —
Всё, всё очарованье
В священный ночи час!
Природы красотами
Спокойно наслаждаясь,
Я тихими шагами
В приют свой возвращусь,
Пенатам поклонюсь,
К ним верой пламенея,
И на одре простом
В объятиях Морфея
Забудусь сладким сном...
Так юного поэта,
Вдали от шума света,
Проходят дни в глуши;
Ничто его души,
Мой друг, не беспокоит,
И он в немой тиши
Воздушны замки строит!
Заботы никогда
Его не посещают,
Напротив, всегда
С ним вместе обитают
Свобода и покой
С веселостью беспечной...

Но здесь мне жить не вечно,
И час разлуки злой
С пустынею немой
Мчит время быстротечно!
Покину скоро я
Украинские степи,
И снова на себя
Столичной жизни цепи,
Суровый рок кляня,

Увы, надену я!
Опять подчас в прихожей
Надутого Вельможи,
Тогда как он покой
На пурпурóвом ложе
С прелестницей младой
Вкушает безмятежно,
Ее лобзая нежно,
С растерзанной душой,
С главою преклоненной
Меж челядью златой,
И чинно и смиренно
Я должен буду ждать
Судьбы своей решенья
От глупого сужденья,
Которое мне дать
Из милости рассудит
Ленивый полуцарь,
Когда его разбудит
В полудни секретарь...

.
Для пылкого поэта
Как больно, тяжело
В триумфе видеть зло
И в шумном вихре света
Встречать везде ханжей,
Корнетов-дуэлистов,
Поэтов-эгоистов
Или убийц-судей,
Досужих журналистов,
Которые тогда,
Как вспыхнула война
На Юге за свободу,
О срам! о времена!
Поссорились за оду!..

<1821>

26. К С.

Наш хлебосол-мудрец,
В своем уединенье,
Прими благодаренье,

Которое певец
Тебе в стихах слагает
За ласковый прием
И в них же предлагает
Благой совет тишком:
В своей укромной сени
Живи, как жил всегда,
Страшися вредной Лени
И другом будь Труда.
Люби, как любишь ныне,
И угощай гостей
В немой своей пустыне
Бердяевкой своей ¹.
Она печали гонит,
Любовь к себе манит,
К чистосердечью клонит
И сердце веселит.
Что б ни было с тобою,
Ее не забывай,
*Разгорячись порою,
Но дома — не сжигай!..*²

⟨1821⟩

27. ПОСЛАНИЕ К Н. И. ГНЕДИЧУ

(Подражание VII посланию Державина)

Питомец важных муз, служитель Аполлона,
Певец, который нам паденье Илиона
И битвы грозные ахейн и троян,
С Пелидом бедственну вражду Агамемнона,
Вторженья Гектора в враждебный греков стан,
И бой и смерть сего пергамского героя
Воспел пленительно на лире золотой,
На древний лад ее с отважностью настроя,
И путь открыл себе бессмертья в храм святой!

¹ Так прозвал он прекрасную свою наливку, сделанную им по наставлению майора Бердяева, славного гастронома.

² Один великий и беспокойный сутяга, лишив многих наследств (енного) достояния, угрожал и С-ву отнять у него дом... «Если он это сделает, — сказал мой гостеприимный сосед, — то поверь мне, что я сожгу дом свой; пусть и ему не достанется...»

Не думай, чтоб и ты, пленя всех лирой звучной,
От всех хвалу обрел во мзду своих трудов;
Борение с толпой совместников, врагов,
И с предрассудками, и с завистью докучной —
Всегдашний был удел отличнейших певцов!
Ах! иногда они в друзьях врагов встречали,
И, им с беспечною вверяясь душой,
У сердца нежного змею отогревали
И целый век кляли несчастный жребий свой...
Судьи-завистники, убийцы дарований,
Везде преследуют несчастного певца;
И похвалы друзей, и шум рукоплесканий,
И лавры свежие прекрасного венца —
Всё души низкие завистников тревожит,
Всё дикую вражду к их бедной жертве множит!
Одна, одна лишь смерть гоненья прекратит,
И, успокоясь в мирной сени,
Дань должной похвалы возьмет с потомства гений
И, торжествующий, зоилов постыдит.

Таланта каждого сопутник неизменный,
Негодование толпы непросвещенной
И зависть злобная — его всегдашний враг —
Оспоривали здесь ко славе каждый шаг
Творца «Димитрия», «Фингала», «Поликсены»;
Любимца первого российской Мельпомены
Яд низкой зависти спокойствия лишил
И, сердце отравив, дни жизни сократил.
Но весть печальная лишь всюду пролетела,
Почувствовали все, что без него у нас
Трагедия осиротела...

Тогда судей-невежд умолк презренный глас,
Венки посыпались, и зависть онемела...
Судьбу подобную ж Фонвизин претерпел,
И Змейкина, себя узнавши в Простаковой,
Сулила автору жизнь скучную в удел
В стране далекой и суровой.

На трудном поприще ты только мог один
В приятной звучности прелестного размера
Нам верно передать всю красоту картин
И всю гармонию Гомера.
Не удивляйся же, что зависть вокруг тебя
Шипит, как черная змея!

И здесь; как и везде, нас небо наставляет;
Мудрец во всем, во всем читает
Уроки для себя:

На лоне праздности дремавший долго гений,
Стрелами зависти быв пробужден от лени,
Ширясь, как орел, на небеса парит
И с высоты на низ с презрением глядит,
Где клеветой его порочит пустомеля...
Так деспот-кардинал с ученою толпой
Уничжить хотел бессмертного Корнеля,
На «Сиде» вооружил зоилы дерзкий рой!
«Сид» бранью угнетен, но трагик оскорбленный
Явился с «Цинною» во храме Мельпомены —

И посрамленный кардинал
Смотрел с ничтожными льстецами,
Как гением своим Корнель торжествовал
Над Академией и жалкими судьями!
Так и Жуковский наш, любимый Феба сын,
Сокровищ языка счастливый властелин,
Возвышенного полн, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной пери.

И ты примеру следуешь их,
И на суждения завистников твоих,
На площадную брань и приговор суровый
С Гомером отвечай всегда беседой новой.
Орла ль, парящего среди эфирных стран,
В полете карканьем удержит наглый вран?
Иди бестрепетно проложенной стезею
И лавры свежие рви смелою рукою;
Пусть завистники вокруг тебя шипят!
О Гнедич! Вопли их, и дикие и громки,
Тобой заслуженной хвалы не заглушат:
Защитник твой — Гомер, твои судьи — потомки!
Зачем тревожиться, когда твоих трудов
Не вздумает читать какой-нибудь Вралёв,
Иль жалкий Азбукин, иль Клит-стихоропатель,
Иль в колпаке магистр, или Дамон-ругатель?
Нет, нет! читателей достоин ты других;
Желаю, Гнедич, я, чтобы в стихах твоих
Восторги сладкие поэты почерпали,
Чтобы царица-мать красе дивилась их,
Чтоб перевод прекрасный твой читали
С воспламененною душой
Изящного ценители прямые,
Хранящие любовь к стране своей родной

И посвященные муз в таинства святые.
Не много их! Зато внимание певцам
Средь вопля дикого должно быть драгоценно,
Как в Ливии, от солнца раскаленной,
Для странника ручей, журчащий по пескам...

<1821>

28

Поверь, я знаю уж, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты...
Твой тусклый взор и томность вида
Отцветшей рано красоты
Мне слишком много объяснили:
Тебя, прелестная, пленили
Любви неясные мечты.
Они, везде тебя тревожа,
В уединение манят
И среди девственного ложа
Отраду слабую дарят,
Лишь жажду наслаждений множа.
Как жертвуешь ты сим мечтам
При свете дня или во мраке ночи,
Почти закрывшиеся очи
Склоняешь с робостью к дверям,
И если юная подруга
Иль кто другой к тебе войдет,
В одно мгновение от испуга
Румянец нежный пропадет.
Потупишь взор... Несвязность речи,
И твой смущенный робкий вид,
И неожиданность сей встречи
Тебя кой в чем изобличит...
Но ты краснеешь, друг бесценный,
Меня давно ты поняла,
Оставь же сей порок презренный,
Доколь совсем не отцвела...
Беги! беги сего порока,
В мечтах себя не погуби,
Не будь сама к себе жестока
И хоть меня ты полюби.

<1821 ?>

58

Вотще в различные рядим его одежды;
 Пускай, пускай зовем его царем своим
 И, полные в душе обманчивой надежды,
 Мним счастья в храм войти, руководимы им!
 Пусть будет в жизни он нам спутник неразлучный;
 Всё так, всё хорошо, но только в книге скучной
 Я уважаю ум,— но, истиной пленен,
 Скажу: блаженней всех, кто мене всех умен.

⟨1821—1822⟩

Они под звуком труб повиты,
 Концом копья воскормлены,—
 Луки натянуты, колчаны их открыты,
 Путь сведом ко врагам, мечи наточены.
 Как волки серые, они по полю рыщут
 И — чести для себя, для князя славы ищут.
 Ничто им ужасы войны!

В душе пылая жаждой славы,
 Князь Игорь из далеких стран
 К коварным половцам спешит на пир кровавый
 С дружиной малою отважных северян.
 Но, презирая смерть и пламенея боем,
 Последний ратник в ней является героем...

⟨1821—1822⟩

По небу голубому
 Плыл месяц молодой;
 По валу крепостному
 Вдоль ходит часовой *.
 Вокруг мгновенный трепет
 И шелест парусов,
 Невы невнятный лепет

* Далее первоначально было записано:

Мундир Преображенский
 Стан стройный обхватил.

И крики рыбаков...
Шумит река. Но воин
Не слышит плеску волн
И бродит, беспокоен.
Сердечной думы полн.
Луч месяца играет
На трепетных струях,
Огонь души пылает
У воина в очах.
С волнением обычным,
Отрадою дыша,
Томится чем-то тайным
〈Высокая〉 душа.
Безмолвие в природе,
Но в 〈нем〉 волнует кровь
И к правде и к свободе
Священная любовь.
Кипят в нем и роятся
Высокие мечты
И вылететь стремятся,
Как будто из тюрьмы.

Свое предназначенье
Узнав в тиши ночной,
«Не это ль вдохновенье?» —
Рек воин молодой.

Кто ж был сей 〈несравненный〉
Сей дивный часовой?
Певец наш вдохновенный,
Державин молодой.

〈1821—1822〉

32. 〈ОТРЫВОК〉

На дальних берегах чужбины
Он девять месяцев разил
Иноплеменные дружины
И их зеленые равнины
Невинной кровию багрил.
Непостоянство бурной влаги,
Пучины грозные морей,
Ни блеск сверкающих мечей

Не охлаждали в нем отваги.
Владыки, чуждые пиры
В нагорных замках нам давали,
Несли с покорностью дары,
Свои услуги предлагали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
И дружбу нашу, и союз.
Успехами надменный сими
И славы жаждущий Иснель
С друзьями храбрыми своими,
Прибрежных к трепету земель,
Приготовлялся к битвам новым...
Однажды пред костром дубовым,
На почерневшем сидя пне,
Вечерних сумраков порою,
Задумчиво склонясь главою:
«О царь певцов! — сказал он мне, —
Почто столь долгое молчанье?
Почто, почто в очарованье
Ты не приводишь, скальд молодой,
Души тоскующего друга
И в повести своей живой
Преданий древности седой
Нам не расскажешь в час досуга?
Отчизны милая страна
Ольбровна именем полна,
Но кто он был — Иснель не знает...»
«Под камнем сим, — был мой ответ, —
Сей храбрый витязь почивает
С подругой нежной юных лет!
Дубравы Скании дремучи
Гремели дел его молвой:
Вскипев отважною душой,
Пятнадцать раз Ольбровн могучий
Медведей лютых низлагал
Своею сильною рукою
И их свирепство укрощал
Перед трепещущей толпою.
Пятнадцать раз его стрела
Паренье дерзкого орла
Внезапно с жизнью пресекала
И от туманных облаков
При кликах радостных стрелков
На дол зеленый повергала.

Но в те лета, когда любовь
Кипящую волнует кровь,
Когда все дышит негой сладкой,
Как роза пышная весной,
И сердце юное украдкой
Подруги ищет молодой,—
Один Ольбровн не ведал страсти,
Лишь он был долго чужд цепей,
Не знал любви волшебной власти,
Не ведал прелести очей...
Однажды с Руслою прекрасной
Он встретился в лесной глуши;
Взглянул — и огонь любви страстной
Свободу заменил души...
С тех пор он каждый день с зарею
Из мрачной глубины лесов,
При громком лае серых псов,
Перед красавицей младою,
Чтоб приобрести ее любовь,
Являлся с дикою козою
Или со шкурами волков.
Суров и горделив доньше,—
Так наконец он ей сказал,—
Дни одинокие в пустыне,
Как сирота, я провождал.
Любви томления приятны,
И нега чувств души младой
Ольбровну были непонятны...
О Русла, друг прекрасный мой,
Очей прелестных пылкий пламень
Ты в душу мне перелила,
Ты в сердце претворила камень,
Ты мне почувствовать дала,
Ты воскресила мою младость...»

⟨1822⟩

33. ⟨А. А. БЕСТУЖЕВУ⟩

Ты разленился уж некстати,
Беглец Парнаса молодой!
Скажи, что сделалось с тобой?
В своем болотистом Кронштадте
Ты позабыл совсем о брате

И о поэте — что порой,
Сидя, как труженик, в Палате,
Чтоб свой исполнить долг святой,
Забыл и негу и покой...
Но тщетны все его порывы:
Укоренившееся зло
Свое презренное чело,
Как кедр Ливана горделивый,
Превыше правды вознесло.
Так... сделавшись жрецом Фемиды,
Я о Парнасе позабыл...
К тому ж боюсь, чтоб Аониды
За то, что я им изменил,
Певцу не сделали обиды.
Хоть я и некрасив собой,
Но музы исстари ревнивы.
А я — любовник боязливый...
И вот что, друг мой молодой,
В столице вкуса прихотливой
Молчанью моему виной.
Твое ж молчанье непонятно!..
Драгун ты хоть куда лихой,
Остришься ловко и приятно
И, приголубив нежных муз,
Их так пленить умел собою —
Что, в детстве соверша союз,
Они вертлявою толпою
Везде порхают за тобою
И не изменят никогда,
Пока ты всем им не изменишь;
Но кажется, что иногда
Ты ласковость их худо ценишь.
Так, например: прошел здесь слух,
Не знаю я, по чьей огласке,
Что будто Мейеровой глазки
Твой возмутили твердый дух,
И верность к девам песнопений
Поработил свободный гений,
Поколебал любви недуг...
А между тем как очарован
Ты юной прелестию глаз,
Пафосских шалостью проказ
К Кронштадту скучному прикован,
Забвенью предаешь Парнас,
Один пигмей литературный,

Из грязи выникнув главой,
Дерзнул взглянуть на свод лазурный
И вызывать тебя на бой.

26 апреля 1822

34

Весь мир великостию духа
Сей император удивил:
Он неприятель мухам был,
А неприятелям был муха.

1822 (?)

35

Ты, Глинка, прав — и твой совет
На мудром опыте основан;
Но пусть чернит поэта свет:
Уж я давно разочарован,
И заблуждений прошлых лет
В душе увял минутный цвет...
Я славою не избалован,
Но, к благу общему дыша,
К нему от детства я прикован,
<К нему> <ле>тит моя душа,
<Его пою> на звучной лире...

<1823 ?>

36. ВИДЕНИЕ

*(Ода на день тезоименитства
Его императорского высочества
великого князя Александра Николаевича,
30 августа 1823 года)*

1

Какое дивное виденье
Очам представилось моим!
Я вижу в сладком упоенье:
По сводам неба голубым
Над пробужденным Петроградом

Екатерины тень парит!
Кого-то ищет жадным взглядом,
Чело величием горит...

2

Но вот с устен царицы мудрой,
Как луч, улыбка сорвалась:
Пред нею отрок златокудрый.
Средь сонма воинов резвясь,
То в длани тяжкий меч приемлет,
То бранный шлем берет у них,
То, трепеща в восторге, внемлет
Рассказам воинов седых.

3

Румянцев, Миних и Суворов
Волнуют в нем и кровь, и ум,
И искрится из юных взоров
Огонь славлюбивых дум.
Проникнут силою рассказа,
Он за Ермоловым вослед
Летит на снежный верх Кавказа
И жаждет славы и побед.

4

Царица тихо ниспускалась,
На легком облаке как дым,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестным правнуком своим;
Но вдруг Минервы светлоокой
Чудесный лик прияв, она
Слетела, мудрости высокой
Огнем божественным полна.

5

К прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой дух пылает бранью,
Ты любишь громкие дела.
Но для полунощной державы

Довольно лавров и побед,
Довольно громозвучной славы
Протекших, незабвенных лет.

6

Военных подвигов година
Грозою шумной протекла;
Твой век иная ждет судьбина,
Иные ждут тебя дела.
Затмится свод небес лазурных
Непроницаемую мглой;
Настанет век борений бурных
Неправды с правдою святой.

7

Уже воспрянул дух свободы
Против насильственных властей;
Смотри — в волнении народы,
Смотри — в движенье сонм царей.
Быть может, отрок мой, корона
Тебе назначена творцом;
Люби народ, чти власть закона,
Учись заране быть царем.

8

Твой долг благотворить народу,
Его любви в делах искать;
Не блеск пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвещенные уставы,
Свободу в мыслях и словах,
Науками очисти нравы
И веру утверди в сердцах.

9

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства дух неблагородный —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданных ревнитель:

Оно есть первый долг царей;
Будь просвещенья покровитель:
Оно надежный друг властей.

10

Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран,
Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан.
Будь Антонином на престоле,
В чертогах мудрость водвори —
И ты себя прославишь боле,
Чем все герои и цари».

<1823>

37. ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

Ода

Кто этот дивный великан,
Одеян светлою броней,
Чело покойно, стройный стан,
И весь сияет красотою?
Кто сей, украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость,
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ль, о мужество граждан,
Неколебимых, благородных,
Не ты ли гений древних стран,
Не ты ли сила душ свободных,
О доблесть, дар благих небес,
Героев мать, вина чудес,
Не ты ль прославила Катонов,
От Катилины Рим спасла
И в наши дни всегда была
Опорой твердою законов.

Одушевленные тобой,
Презрев врагов, презрев обиды,
От бед спасали край родной,
Сияя славой, Аристиды;
В изгнании, в чужих краях
Не погасали в их сердцах
Любовь к общественному благу,
Любовь к согражданам своим;
Они благодетели им
И там, на стыд ареопагу.

Ты, ты, которая везде
Была народных благ порукой;
Которой славны на суде
И Панин наш, и Долгорукий:
Один, как твердый страж добра,
Дерзал оспаривать Петра;
Другой, презревши гнев судьбины
И вопль и клевету врагов,
Совет опровергал льстецов
И был столпом Екатерины.

Велик, кто честь в боях снискал
И, страхом став для чуждых воев,
К своим знаменам приковал
Победу, спутницу героев!
Отчизны щит, гроза врагов,
Он достояние веков;
Певцов возвышенные звуки
Прославят подвиги вождя,
И, юношам об них твердя,
В восторге затрепещут внуки.

Как полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьет внезапно мрак густой
И путникам заблещет в очи —
Так будет вождь, сквозь мрак времен,
Сиять для будущих племен;
Но подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

Где славных не было вождей,
К вреду законов и свободы?
От древних лет до наших дней
Гордились ими все народы;
Под их убийственным мечом
Везде лилася кровь ручьем.
Увы, Аттил, Наполеонов
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлись толпой...
Но много ль было Цицеронов?..

Лишь Рим, вселенной властелин,
Сей край свободы и законов,
Возмог произвести один
И Брутов двух, и двух Катонов.
Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной,
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней,
Средь сонма избранных мужей
В совете бодрствует Мордвинов?

О, так, сограждане, не нам
В наш век роптать на провиденье —
Благодаренье небесам
За их святое снисхождение!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам дан;
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит;
Вотще коварство вокруг шипит —
Он наступил ему на выю.

Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.
Он тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в советах и суде
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу.

Так в грозной красоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мгlistом:
Вкруг буря, град, и гром гремит,
И ветер в ущельях воет с свистом,
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.

⟨1823⟩

38. ВОСПОМИНАНИЯ

Элегия

Посвящается Н. М. Р(ылеев)ой

Еще ли в памяти рисуется твоей
С такою быстротой промчавшаяся младость,—
Когда, Дорида, мы, забыв иных людей,
Вкушали с жаждою любви и жизни сладость?..
Еще ли мил тебе излучистый ручей
И струй его невнятный лепет,
Зеленый лес, и шум молодых ветвей,
И листьев говорящий трепет,—
Где мы одни с любовью своей
Под ивою ветвистою сидели:
Распростирала ночь туманный свой покров,
Терялся вдалеке чуть слышный звук свирели,
И рог луны глядел из облаков,
И струйки ручейка журчащие блестели...
Луны серебристые лучи
На нас, Дорида, упали
И что-то прелестям твоим в ночи
Небесное земному придавали:
Перерывался разговор,
Сердца в восторгах пылких млели,
К устам уста, тонул во взоре взор,
И вздохи сладкие за вздохами летели.
Не знаю, милая, как ты,
Но я не позабуду про бывшее:
Мне утешительны, мне сладостны мечты,
Безумство юных дней, тоска и суеты;

И наслаждение сие немое
Так мило мне, как запах от левкоя,
Как первый поцелуй невинной красоты.

⟨1823⟩

39. НА БОЛЕЗНЬ КРЫЛОВА

Нет одобрения талантам никакого:
В России глушь и дичь.
О даровании Крылова
Едва напомнил паралич.

⟨1823⟩

40. ⟨ПАРТИЗАНЫ⟩

В лесу дремучем на поляне
Отряд наездников сидит.
Окрестность вся в седом тумане;
Кругом осенний ветер шумит,
На тусклый месяц набегают
Порой густые облака;
Надулась черная река,
И молнии вдали сверкают.

Плащи навешаны шатром
На пиках, в глубь земли вонзенных;
Биваки в сумраке ночном
Вокруг костров воспламененных!
Средь них толпами удалцы:
Ахтырцы, бугцы и донцы.

Пируют всадники лихие,
Свершив отчаянный набег;
Заботы трудны боевые,
Но весел шумный их ночлег:
Живой беседой сокращают
Они друг другу час ночной,
Дела вождей страны родной
Вспоминаньем оживляют

И лес угрюмый и густой
Веселым пеньем пробуждают *.

«Вкушает враг беспечный сон;
Но мы не спим, мы надзираем —
И вдруг на стан со всех сторон,
Как снег внезапный, налетаем.

В одно мгновенье враг разбит,
Врасплох застигнут удалцами,
И вслед за ними страх летит
С неутомимыми донцами.

Свершив набег, мы в лес густой
С добычей вражеской уходим
И там за чашей круговой
Минуты отдыха проводим.

С зарей бросаем свой ночлег,
С зарей опять с врагами встреча,
На них нечаянный набег
Иль неожиданная сеча».

Так сонмы ратников простых
Досуг беспечный провождали.

<1824 ?>

41

Повсюду вопли, стоны, крики,
Везде огонь иль дым густой.
Над белокаменной Москвой
Лишь временем Иван Великий
Сквозь огонь, сквозь дым и мрак ночной

* Далее в автографе следовали наброски:

Приятен [шумный] радостный ночлег,
Но веселей с врагами встреча,
На них нечаянный набег
Иль неожиданная сеча.
Пируйте, други, праздный час
Вину и дружбе посвящайте,
Ждет снова завтра битва вас.
Чрез лес, чрез дол и топкий мох
Летим к враждебному биваку
И, налетев, как снег, врасплох...

Столпом огромным прорезался
И, в небесах блестя челом,
Во всем величии своем
Великой жертвой любовался.

(1824 ?)

42. НА СМЕРТЬ БЕЙРОНА

О чем среди ужасов войны
Тоска и траур погребальный?
Куда бегут на звон печальный
Священной Греции сыны?
Давно от слез и крови взмокла
Эллада среди святой борьбы;
Какою ж вновь бедой судьбы
Грозят отчизне Фемистокла?

Чему на шатком троне рад
Тиран роскошного Востока,
За что благодарить пророка
Спешат в Стамбуле стар и млад?
Зрю: в Миссолонге гроб среди храма
Пред алтарем святым стоит,
Весь катафалк огнем блестит
В прозрачном дыме фимиама.

Рыдая, вокруг его кипит
Толпа шумящего народа,—
Как будто в гробе том свобода
Воскресшей Греции лежит,
Как будто цепи вековые
Готовы вновь тягчить ее,
Как будто идут на нее
Султан и грозная Россия...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своих детей.
Парящий ум, светило века,
Твой сын, твой друг и твой Поэт,
Увянул Бейрон в цвете лет
В святой борьбе за вольность грека.

Из океана своего
Текут лета с чудесной силой:
Нет ничего уже, что было,
Что есть, не будет ничего.
Грядой возлягут на твердыни
Почить усталые века,
Их беспощадная рука
Преобратит поля в пустыни.

Исчезнут порты в тьме времен,
Падут и запустеют грады,
Погибнут страшные армады,
Возникнет новый Карфаген...
Но сердца подвиг благородный
Пребудет для души младой
К могиле Бейрона святой
Всегда звездой путеводной.

Британец дряхлый поздних лет
Придет, могильный холм укажет
И гордым внукам гордо скажет:
«Здесь спит возвышенный поэт!
Он жил для Англии и мира,
Был, к удивленью века, он
Умом Сократ, душой Катон
И победителем Шекспира.

Он все под солнцем разгадал,
К гоненьям рока равнодушен,
Он гению лишь был послушен,
Властей других не признавал.
С коварным смехом обнажила
Судьба пред ним людей сердца,
Но пылкая душа певца
Презрительных не разлюбила.

Когда он кончил юный век
В стране, от родины далекой,
Убитый грустию жестокой,
О нем сказал Европе грек:
„Друзья свободы и Эллады
Везде в слезах в укор судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады“».

<1824>

Я ль буду в роковое время
 Позорить гражданина сан
 И подражать тебе, изнеженное племя
 Переродившихся славян?
 Нет, неспособен я в объятых сладострастья,
 В постыдной праздности влачить свой век молодой
 И изнывать кипящею душой
 Под тяжким игом самовластья.
 Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
 Постигнуть не хотят предназначенье века
 И не готовятся для будущей борьбы
 За угнетенную свободу человека.
 Пусть с хладною душой бросают хладный взор
 На бедствия своей отчизны
 И не читают в них грядущий свой позор
 И справедливые потомков укоризны.
 Они расскаются, когда народ, восстав,
 Застанет их в объятых праздной неги
 И, в бурном мятеже ища свободных прав,
 В них не найдет ни Брута, ни Риэги.

<1824>

44. СТАНСЫ

(К А. Б<естуже>ву)

Не сбылись, мой друг, пророчества
 Пылкой юности моей:
 Горький жребий одиночества
 Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
 Опыт грозный разогнал,
 Слишком рано, друг единственный,
 Я сердца людей узнал *.

* Далее в автографе следовало:
 Все они с душой бесчувственной
 Лишь для выгоды своей
 Сохраняют жар искусственный
 К благу общему людей.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжелой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилую угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

⟨1824⟩

45. В АЛЬБОМ Т. С. К.

Своей любезностью опасной,
Волшебной сладостью речей
Вы край далекий, край прекрасный
Душе напомнили моей.
Я вспомнил мрачные дубравы,
Я вспомнил добрых земляков,
Гостеприимные их нравы
И радость шумную пиров.
Я вспомнил пламенную младость,
Я вспомнил первую любовь,
Опять воскресла в сердце радость,
Певец для счастья ожил вновь.
Иной подруге обреченный,
Обетам верный навсегда,
Моей Матильды несравненной
Я не забуду никогда.
Она, как вы, была прекрасна,
Она, как вы, была мила,
И так же для сердец опасна,
И точно так же весела.

⟨1824—1825⟩

У вас в гостях бывать накладно,—
 Я то заметил уж не раз:
 Проголодавшись изрядно,
 Сижу в гостиной целый час
 Я без обеда и без вас.
 Порой над сердцем и рассудком
 С такой жестокостью шутя,
 Зачем, не понимаю я,
 Еще шутить вам над желудком?..

⟨1824—1825⟩

47

Исполнились мои желанья,
 Сбылись давнишние мечты:
 Мои жестокие страданья,
 Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
 За страсть вполне я награжден:
 Я вновь для счастья сердцем ожил,
 Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
 В тот час, когда горит восток,
 Вновь воскресает ночью хладной
 Полузавялый василек.

⟨1824—1825⟩

48

Покинь меня, мой юный друг,—
 Твой взор, твой голос мне опасен:
 Я испытал любви недуг,
 И знаю я, как он ужасен...
 Но что, безумный, я сказал?
 К чему укоры и упреки?
 Уж я твой узник, друг жестокий,
 Твой взор меня очаровал.

Я увлечен своей судьбою,
Я сам к погибели бегу:
Боюсь встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

⟨1824—1825⟩

49

Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой,
Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой.

Твой голос нежный, взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Сие отрадное участие,
Сие вниманье, милый друг,
Мне снова возвратили счастье
И исцелили мой недуг.

С одра недуга рокового
Я встал и бодр и весел вновь,
И в сердце запылала снова
К тебе давнишняя любовь.

Так мотылек, порхая в поле
И крылья опалив огнем,
Опять стремится поневоле
К костру, в безумии слепом.

⟨1824—1825⟩

50

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участие,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим —
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Заняття нужны мне иные:
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,—
Душа в волненье тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

<1824—1825>

51. ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ СТОЛЫПИНОЙ

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долг перед тобою
Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой,
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим
И смело скажем: знайте, им
Отец Столыпин, дед Мордвинов.

⟨1825⟩

52. БЕСТУЖЕВУ

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил,
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует, не просит.

Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом
Слетит порой толпа вертлявых муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.

⟨1825⟩

1

Мне тошно здесь, как на чужбине.
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто даст крыле мне голубине,
Да полечу и почию.

Весь мир как смрадная могила!
Душа из тела рвется вон.
Творец! Ты мне прибежище и сила,
Воньми мой вопль, услышь мой стон.

Приникни на мое моление,
Воньми смирению души,
Пошли друзьям моим спасенье,
А мне даруй грехов прощенье
И дух от тела разреши.

2

О милый друг, как внятн голос твой,
Как утешителен и сердцу сладок:
Он возвратил душе моей покой
И мысли смутные привел в порядок.
Для цели мы высокой созданы:
Спасителю, сей истине верховной,
Мы подчинить от всей души должны
И мир вещественный, и мир духовный.
Для смертного ужасен подвиг сей,
Но он к бессмертию стезя прямая;
И, благовествуя, речет о ней
Сама нам истина святая:
«И плоть и кровь преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,
Торжественно вас будут убивать,
Но тщетный страх не должен вас тревожить.
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять
И этим зла вам причинить не может!
Счастлив, кого Отец мой изберет,
Кто истины здесь будет проповедник;

Тому венец, того блаженство ждет,
Тот царствия небесного наследник».
Как радостно, о друг любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу
И, как орел, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

3

Ты прав: Христос спаситель нам один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше.
Прямой мудрец: он жребий свой вознес,
Он предпочел небесное земному,
И, как Петра, ведет его Христос
 По треволнению мирскому.
Душою чист и сердцем прав
Перед кончиною подвижник постоянный,
 Как Моисей, с горы Навав,
 Узрит он край обетованный.

<1826>

ДУМЫ

1. < ПРЕДИСЛОВИЕ К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ >

*Его высокопревосходительству
Николаю Семеновичу Мордвинову
с глубочайшим уважением
посвящает сочинитель*

«Напомянуть юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с годами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета».

Так говорит Немцевич¹ о священной цели своих исторических песен (*Spiewy Historiczne*); эту самую цель имел и я, сочиняя думы. Желания славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название думы.

Дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них. Сарницкий² свидетельствует, что на Руси пелись элегии в память двух храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами. Элегии сии, говорит он, у русских думами называются. Соглашая заунывный голос и телодвижения

¹ *Spiewy Historiczne Niemcewicza*. См. Предисловие.

² *Annales Regni Pol.*, t. 11, k. 1198. Слово в слово: «Anno 1506 duo fratres Strusii (Felix i Serzy, iak Swadczy Nie-Siecki Herb. IV, 218) adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitur exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit».

со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели.

В числе предлагаемых дум читатели найдут две пиесы, которые не должны бы войти в сие собрание: это «Рогнеда» и «Олег Вещий». Первая по составу своему более повесть, нежели дума; вторая есть историческая песня (Spiew Historiczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я решился поместить ее в числе дум, чтобы показать состав исторических песен Немцевича, одного из лучших поэтов Польши.

Примечания, припечатанные при думах, кроме некоторых, сделаны П. М. Строевым.

2. ОЛЕГ ВЕЩИЙ

Рюрик, основатель Российского государства, умирая (в 879 г.), оставил малолетнего сына, Игоря, под опекою своего родственника, Олега. Опекун мало-помалу сделался самовластным владетелем. Время его правления примечательно походом к Константинополю в 907 году. Летописцы сказывают, что Олег, приплыв к стенам византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колеса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали *Вещим* (мудрым).

1

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег
И с ними полетел грозюю
На цареградский брег.

2

Покрылся быстрый Днепр ладьями,
В брегах крутых взревел
И под отважными рулями,
Напеньясь, закипел.

3

Дружина храбрая героев
На славные дела,
Сгорая пылкой жаждой боев,
С веселием текла.

4

В пути ей не были преграды
Кремнистых гор скалы,
Днепра подводные громады,
Ни ярых вод валы.

5

Седый Олег, шумящей птицей,
В Евксин через Лиман —
И пред Леоновой столицей
Раскинул грозный стан!

6

Мгновенно войсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась;
Везде кипит война!

7

Горят деревни, селы пышут,
Прах вьется средь долин;
В сердцах убийством хладным дышат
Варяг и славянин.

8

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися в стенах;
Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

9

Их император самовластный
В чертогах трепетал
И в астрологии, несчастный!
Спасения искал.

10

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.

«Идем, друзья!» — рек князь России
 Геройским племенам —
 И шел по суше к Византии,
 Как в море по волнам.

Боязни, трепету покорный,
 Спасти желая трон,
 Послов и дань — за мир позорный
 К Олегу шлет Леон.

Объятый праведным презреньем,
 Берет князь русский дань;
 Дарит Леона примиреньем —
 И прекращает брань.

Но в трепет гордой Византии
 И в память всем векам
 Прибил свой щит с гербом России
 К царьградским воротам.

Успехом подвигов довольный
 И славой в тех краях,
 Олег помчался в град престольный
 На быстрых парусах.

Народ, узрев с крутого берега
 Возврат своих полков,
 Прославил подвиги Олега
 И восхвалил богов.

Весь Киев в пышном пированье
 Восторг свой изъяслял
 И князю Вещего прозвание
 Единогласно дал.

1821 или 1822

3. ОЛЬГА ПРИ МОГИЛЕ ИГОРЯ

Игорь, сын основателя Российского государства, Рюрика, принял правление в 912 году. Первым его подвигом было усмирение возмущившихся древлян. Сие народное славянское племя обитало в лесах нынешней Волынской губернии. Игорь наложил дань, которую древляне платили до 945 года. В сие время ему захотелось умножить сбор, древляне возмутились снова, и корыстолюбивый Игорь погиб: они привязали его к двум деревьям, нагнули их и таким образом разорвали надвое. По нем остался малолетний сын Святослав. Супруга его, Ольга, правила государством около десяти лет; скончалась в 969 году. Церковь причла ее к лику святых жен.

Осенний ветер бушевал,
Крутя дерев листьями,
И сосны древние качал
Над мрачными холмами.
С поляны встал седой туман
И все сокрыл от взгляда;
Лишь Игорев синел курган,
Как грозная громада.

Слетала быстро ночь с небес;
Луна меж туч всплывала
И изредка в дремучий лес
Иль в дол лучом сверкала.
Настала полночь... Вдруг вдали
Как шелест по поляне...
То Ольга с Святославом шли
И стали при кургане.

И долго мудрая в тиши
Стояла пред могилой,
С волнением горестной души
И с думою унылой.
О прошлом, плавая в мечтах,
Она, томясь, вздыхала;
Но огонь блеснул в ее очах,
И мудрая вещала:

«Мой сын! здесь пал родитель твой.
Вот храброго могила!
Но слез не лей: я мезтью злой
Древлянам заплатила.

Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла,
И кровь, пролитая рекой,
Тут, мнится, не обсохла!..

Так, сын мой! Игорь отомщен;
Моя спокойна совесть;
Но сам виновен в смерти он —
Внемли об оной повесть:
Уже надменный грек, смирен
Кровопролитной бранью,
Покой от северных племен
Купил позорной данью.

И Игорь, бросив меч и щит
К подножию кумира,
Молил Перуна, да хранит
Ненарушимость мира.
Из града в град везде текла
Его деяний слава,
И счастьем мирным процвела
Обширная держава.

Вдруг князя гордая душа
Покой пренебрегает
И, к золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляет.
Дружины собралися в стан,
В доспехах ярой брани,
И полетели в край древлян
Сбирать покорства дани.

Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольный
Стал вновь налоги брать с земли
С дружиной своевольной.
«О князь! — народ ему вещал, —
Чего еще желаешь?..
От нас последнее ты взял —
И нас же угнетаешь!»

Но князь не внял молениям сим —
И угнетенных племя
Решилося сразиться с ним
И сбросить ига бремя.

«Погибель хищнику, друзья!
Пускай падет он мертвый!
Его сразит стрела моя,
Иль все мы будем жертвой!» —

Древлянский князь твердил в лесах...
Отважные восстали
И с дикой яростью в сердцах
На Игоря напали.
Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
А твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!

Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив и народ,
Где на престоле страсти.
Но вдвое князь — во всех местах
Внимает вопль с укором;
По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором.

Отец будь подданным, о сын,
И боле князь, чем воин;
Будь над страстями властелин *,
И жить в веках достоин!» —
Так князю-отроку рекла
И, поклонясь кургану,
Мать с сыном тихо потекла
Ко дремлющему стану.

1821 или 1822

4. СВЯТОСЛАВ

Святослав, сын русского князя Игоря Рюриковича, принял правление около 955 года. В истории славны походы его в Болгарнию Дунайскую и битвы с греками. Перед одною из сих последних Святослав воспламенил

* В прижизненных публикациях предпоследняя строфа отсутствовала, а начало последней печаталось в следующем виде:

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим...

мужество своих воинов следующей речью: «Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрадим отечества, но ляжем на месте битвы: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу голову, делайте что хотите!» Возвращаясь в отечество, Святослав (в 972 г.) зимовал у Днепровских порогов; на него напали печенеги, и герой погиб. Враги сделали чашу из его черепа.

И одинока, и бледна,
В туманных облаках ныряя,
Текла двурогая луна
Над берегом быстрого Дуная:
Ее перловые лучи
Стан усыпленный озаряли;
Сверкали копыя и мечи,
И ратников ряды дремали.

С отвагой в сердце и в очах,
Младой гусар, вдали от стана,
Закутан буркой, на часах
Стоял на высоте кургана.
Пред ним на острове реки
Шатры турецкие белели;
Как лес, вздымались бунчуки
И с ветром в воздухе шумели.

В давно минувших временах
Крылатой думою летая,
О прошлых он мечтал боях,
Гремевших на берегах Дуная.
«На сих степях, — так воин пел, —
С Цимискием в борьбе кровавой
Не раз под тучей грозных стрел
Наш Святослав увенчан славой.

По манию его руки
Бесстрашный росс, пылая мезтью,
На грозные врагов полки
Летал — и возвращался с честью.
Он на равнинах дальних сих,
Для славы на беды готовый,
Дивил и чуждых и своих
Своею жизнью суровой.

Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод,

Земля под войлоком — одром,
А пищею — конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет! —
Гремел герой на бранном поле.—
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей...

Сразимся ж, храбрые, смелей;
Не посраим отчизны милой —
И груди вражеских костей
Набросим над своей могилой!»
И горсть славян на тьмы врагов
Текла, вождя послышав голос,—
И у врага хладела кровь
И дыбом становился волос!..

С утра до вечера кипел
На ближнем поле бой кровавый;
Двенадцать раз герой хотел
Венчать победу звучной славой.
Валились грудями тела,
И грек не раз бежал из боя;
Но рать врагов превозмогла
Над чудной доблестью героя!

Закинув на спину щиты,
Славяне шли, как львы с ловиты,
Грозя с нагорной высоты
Кровопролитьем новой битвы.
Столь дивной изумлен борьбой,
Владыка гордой Византии
Свидание и мир с собой
Здесь предложил главе России.

И к славе северных племен
И цареградского престола
Желанный мир был заключен
Невдалеке от Доростола.
О князь, давно истлел твой прах,
Но жив еще твой дух геройский!
Питая к славе жар в сердцах,
Он окрыляет наши войски!

Он там, где пыл войны кипит,
Орлом ширяясь перед строем,

Чудесной силою творит
Вождя и ратника героем!
Но что?.. Уж вспыхнула заря!..
Взгремела пушка вестовая —
И войска Белого Царя
Покрыли берега Дуная.

Трубы призывной слышен звук!
Меня зовут на пир кровавый...
Туда, мой конь, где саблей стук,
Где можно пасть, венчавшись славой!..»
Гусар умчался... гром взревел!
Свистя, сшибались картечи,
И смело строй на строй летел,
Ища с врагами ярой сечи...

Вдруг крови хлынула река!..
Отважный Вейсман пал, но с честью;
И рой наездников полка
На мусульман ударил мезтью.
Враги смешались, дали тыл —
И поле трупами покрыли,
И русский знамя водрузил,
Где греков праотцы громили.

1822

5. СВЯТОПОЛК

Святополк, сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром Великим. Сей властолюбивый князь захватил великокняжеский престол и умертвил своих братьев: Бориса, Глеба и Святослава (в 1015 г.). Ярослав Владимирович, князь Новгородский, после продолжительных междоусобий разбил его на берегах реки Альты. Святополк бежал из пределов российских, скитался в пустынях Богемии, расслаб душою и телом и кончил жизнь в припадках ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, беспре-рывно его преследующие. Проклятие современников увековечило память о Святополке. Летописи называют его *Окаянным*.

В глуши богемских диких гор,
Куда ни голос человека,
Ни любопытства дерзкий взор
Не проникал еще от века,

Где только в дебрях серый волк
С щетинистым вепрём встречался —
Братоубийца Святополк,
От всех оставленный, скитался...

Ему был страшен взор людей:
Он видел в нем себе укоры;
Страдальцу мнилось: «Ты злодей!» —
В глухих отзывах вторят горы.
«Злодей!» — казалось, вопиют
Ему лесов дремучих сени,
И всюду грозные бегут
За ним убитых братьев тени.

Из дебри в дебрь, из леса в лес
В неистовстве перебегая,
Встречал он всюду гнев небес
И кончил дни свои, страдая...
Никто слезы не уронил
На прах отверженника неба,
И всех проклятье заслужил
Убийца — брат святого Глеба.

И обитатель той земли,
Завидев, трепетом объятый,
Его могилу издали,
Бежа, крестил себя трикраты.
От современников до нас
Дошло ужасное преданье,
И сочетал народа глас
С ним Окаянного прозвание!

И в страшной повести об нем
Его ужасные злодейства
Пересказав в кругу родном,
Твердил детям отец семейства:
«Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Тот с каждым днем летит быстреей
От преступленья к преступленью».

1821

6. РОГНЕДА

А. А. В (оейково)й

Около 970 года варяг Рогволод, оставив отечество, поселился в Полоцке, главном городе тогдашней области Кривской. Он имел прекрасную дочь, по имени Рогнеду, или Гориславу: ее сговорили за великого князя Ярополка Святославича. Брат его, Владимир Великий, взяв Полоцк (в 980 г.), умертвил Рогволода, двух сыновей его, и насильно понял Рогнеду. От ней родился сын, Изяслав. Впоследствии Владимир разлюбил жену, выслал ее из дворца и заточил на берегу Лыбеди, в окрестностях Киева. Однажды, гуляя в сих местах, князь заснул крепко; мстительная Рогнеда, приблизившись, хотела нанести ему смертельный удар, но Владимир проснулся. В ярости он захотел казнить несчастную, велел ей надеть брачную одежду и, сидя на богатом ложе, ожидать казни. Входит Владимир; юный Изяслав, наученный Рогнедою, бросается к нему и подает меч: «Родитель! — говорит он, — ты не один: сын твой будет свидетелем твоей ярости». Изумленный Владимир простил Рогнеду и вместе с сыном отправил ее в новопостроенный город, названный им Изяславлем. Сие происшествие описано в некоторых летописях.

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала —
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблестав порой,
Над берегом Лыбеди скромной,
Свет бледный проливала свой
На терем пышный и огромный.

Все было тихо... лишь поток,
Журча, роптал между кустами
И перелетный ветерок
В дубраве шелестил ветвями.
Как месяц утренний, бледна,
Рогнеда в горести глубокой
Сидела с сыном у окна
В светлице ясной и высокой.

От вздохов под фатой у ней
Младые перси трепетали,
И из потупленных очей,
Как жемчуг, слезы упали.
Глядел невинный Изяслав

На мать умильными очами,
И, к персям матери припав,
Он обвивал ее руками.

«Родимая! — твердил он ей,—
Ты все печальна, ты все вянешь:
Когда же будешь веселей,
Когда грустить ты перестанешь?
О! полно плакать и вздыхать,
Твои мне слезы видеть больно,—
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдруг и я невольно.

Ты б лучше рассказала мне
Деянья деда Рогволода,
Как он сражался на войне,
И о любви к нему народа».
«О ком, мой сын, напомнил ты?
Что от меня узнать желаешь?
Какие страшные мечты
Ты сим в Рогнеде пробуждаешь!..

Но так и быть; исполню я,
Мой сын, души твоей желанье:
Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье...

Родитель мой, твой славный дед,
От тех варягов происходит,
Которых дивный ряд побед
Мир в изумление приводит.
Покинув в юности своей
Дремучей Скании дубравы,
Вступил он в землю кривичей
Искать владычества и славы.

Народы мирной сей страны
На гордых пришлецов восстали,
И смело грозных чад войны
В руках с оружием встречали...
Но тщетно! роковой удел

Обрек в подданство их герою —
И скоро дед твой завладел
Обширной Севера страной.

Воздвигся Полоцк. Рогволод
Приветливо и кротко правил
И, привязав к себе народ,
Власть князя полюбить заставил...
При Рогволоде кривичи
Томились жаждой дел великих;
Сверкали в дебрях их мечи,
Литовцев поражая диких.

Иноплеменные цари
Союза с Полоцком искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вменяли». —
Но шум раздался у крыльца...
Рогнеда повесть прерывает
И видит: пыль и пот с лица
Гонец усталый отирает.

«Княгиня! — он вещал, войдя: —
Гоня зверей в дубраве смежной,
Владимир посетить тебя
Прибудет в терем сей прибрежный».
«И так он вспомнил об жене...
Но не желание свиданья...
О нет! влечет его ко мне —
Одна лишь близость расстоянья!» —

Вещала — и сверкнул в очах
Негодованья пламень дикий.
Меж тем уж пронеслись в полях
Совы полуночные крики...
Сгустился мрак... луна чуть-чуть
Лучом трепещущим светила;
Холодный ветер начал дуть,
И буря страшная завывала!

Лыбедь вскипела меж берегов;
С деревьев листья полетели;
Дождь проливной из облаков,
И град, и вихорь зашумели,
Скопились тучи... и с небес.

Вилася молния змиею;
Гром грохотал — от молний лес
То здесь, то там пылал порою!..

Внезапно с бурей звук рогов
В долине глухо раздается:
То вдруг замолкнет средь громов,
То снова с ветром пронесется...
Вот звуки ближе и громчей...
Замолкли... снова загремели...
Вот топот скачущих коней,
И всадники на двор взлетели.

То был Владимир. На крыльце
Его Рогнеда ожидала;
На сумрачном ее лице
Неведомая страсть пылала.
Смушенью мрачность приписав,
Герой супругу лобызает
И, сына милого обняв,
Его приветливо ласкает.

Отводят отроки коней...
С Рогнедой князь идет в палаты,
И вот, в кругу богатырей,
Садится он за пир богатый.
Под тучным вепрем стол трещит,
Покрытый скатертью браной;
От яств прозрачный пар летит
И вьется по избе брусяной.

Звездясь, янтарный мед шипит,
И ходит чаша круговая.
Все веселятся... но грустит
Одна Рогнеда молодая.
«Воспой деянья предков нам!» —
Бояну витязи вещали.
Певец ударил по струнам —
И вещие зарокотали.

Он славил Рюрика судьбу,
Пел Святославовы походы,
Его с Цимискием борьбу
И покоренные народы;
Пел удивление врагов,

Его нетрепетность средь боя,
И к славе пылкую любовь,
И смерть, достойную героя...

Бояна пламенным словам
Герои с жадностью внимали
И, праотцев чудясь делам,
В восторге пылком трепетали.
Певец умолкнул... но опять
Он пробудил живые струны
И начал князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждые грома,
Давно ль наполнил славой бранной
Ты дальней Нейстрии поля
И Альбиона край туманный?
Давно ли от твоих мечей
Упали Полоцка твердыни
И нивы храбрых кривичей
Преобратилися в пустыни?

Сам Рогволод...» Вдруг тяжкий стон
И вопль отчаянья Рогнеды
Перерывают гуслей звон
И радость шумную беседы...
«О, успокойся, друг молодой! —
Вещал ей князь, — не слез достоин,
Но славы, кто в стране родной
И жил, и кончил дни как воин.

Воскреснет храбрый Рогволод
В делах и в чадах Изяслава,
И пролетит из рода в род
Об нем, как гром гремящий, слава».
Рогнеды вид покойней стал;
В очах остановились слезы,
Но в них какой-то огонь сверкал,
И на щеках пылали розы...

При стуках чаш Боян поет,
Вновь тешит князя и дружину...
Но кончен пир — и князь идет
В великолепную одрину.
Сняв меч, висевший при бедре,

И вороненые кольчуги,
Он засыпает на одре
В объятых молодой супруги.

Сквозь окон скважины порой
Проникнув, молния пылает
И брачный одр во тьме ночной
С четой лежащей освещает.
Бушуя, ставнями стучит
И свищет в щели ветер порывный;
По кровле град и дождь шумит,
И гром гремит бесперерывный.

Князь спит покойно... Тихо встав,
Рогнеда светоч зажигает
И в страхе, вся затрепетав,
Меч тяжкий со стены снимает...
Идет... стоит... ступила вновь...
Едва дыханье переводит...
В ней то кипит, то стынет кровь...
Но вот... к одру она подходит...

Уж поднят меч!.. вдруг грянул гром,
Потрясся терем озаренный —
И князь, объятый крепким сном,
Воспрянул, треском пробужденный,—
И пред собой Рогнеду зрит...
Ее глаза огнем пылают...
Поднятый меч и грозный вид
Преступницу изобличают...

Меч выхватив, ей князь вскричал:
«На что дерзнула в исступленье?..»
«На то, что мне повелевал
Ужасный Чернобог,— на мщенье!»
«Но долг супруги, но любовь?..»
«Любовь! к кому?.. к тебе, губитель?..
Забыл, во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель!..

Ты, ты, тиран, его сразил!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишил
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,

Рекой ты кровь в нем пролил всюду
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груду.

Но недовольный... местью злой
К бессильной пленнице пылая,
Ты брак свой совершил со мной
При зареве родного края!
Повлек меня в престольный град;
Тебе я сына даровала...
И что ж?.. еще презренья хлад
В очах тирана прочитала!..

Вот страшный ряд ужасных дел,
Владимира покрывших славой!
Не через них ли приобрел
Ты на любовь Рогнеды право?..
Страдала, мучилась, стена,
Вся жизнь текла моя в кручине;
Но, боги! не роптала я
На вас в злосчастиях доныне!..

Впервые днесь ропщу!.. увы!..
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы
И совершить достойной тризны!
С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!..»

Супруг, слова прервав ее,
В одрину стражу призывает.
«Ждет смерть, преступница, тебя! —
Пылая гневом, восклицает.—
С зарей готова к казни будь!
Сей брачный одр пусть будет плаха!
На нем пронжу твою я грудь
Без сожаления и страха!»

Сказал — и вышел. Вдруг о том
Мгновенно слух распространился —
И терем, весь объятый сном,
От вопля женщин пробудился...
Бегут к княгине, слезы льют;

Терзаясь близостью разлуки,
Себя в молодые перси бьют
И белые ломают руки...

В тревоге все — лишь Изяслав
В объятьях сна, с улыбкой нежной,
Лежит, покровы разметав,
Покой вкушая безмятежный.
Об участи Рогнеды он
В мечтах невинности не знает;
Ни бури рев, ни плач, ни стон
От сна его не пробуждает.

Но перестал греметь уж гром,
Замолкли ветры в чаще леса,
И на востоке голубом
Редела мрачная завеса.
Вся в перлах, злате и серебре,
Ждала Рогнеда без боязни
На изукрашенном одре
Назначенной супругом казни.

И вот денница занялась,
Сверкнул сквозь окна луч багровый —
И входит с витязями князь
В одрину, гневный и суровый.
«Подайте меч!» — воскликнул он,
И раздалось везде рыданье,—
«Пусть каждого страшит закон!
Злодейство примет воздаянье!»

И, быстро в храмину вбежав:
«Вот меч! коль не отец ты ныне,
Убей! — вещает Изяслав,—
Убей, жестокий, мать при сыне!»
Как громом неба поражен,
Стоит Владимир и трепещет,
То в ужасе на сына он,
То на Рогнеду взоры мечет...

Речь замирает на устах,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещет он; в его костях
И лютый хлад, и пламень льется,

В душе кипит борьба страстей:
И милосердие, и мщенье...
Но вдруг с слезами из очей —
Из сердца вырвалось: прощенье!

1821 или 1822

7. БОЯН

Сочинитель известного *Слова о полку Игореве* называет Бояна *Соловьем старого времени*. Неизвестно, когда жил сей славянский бард. Н. М. Карамзин, в *Пантеоне Росс. Авторов*, говорит о нем так: «Может быть, жил Боян во времена героя Олега; может быть, пел он славный поход сего аргонавта к Царю-граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстиею своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнучки Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне». Не менее правдоподобно, что Боян был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательном дворе Северного Карломана находились и песнопевцы: их привлекали великолепные пиршества, богатырские потехи и приветливость доброго князя; а славные победы над греками, ляхами, печенегами, ятвягами и болгарами могли воспламенить дух питизма в сих диких сынах Севера. И грубые норманны услаждали слух свой песнями скальдов.

На брег Днепра, разбив болгар,
Владимир-Солнце возвратился
И в светлой гриднице, в кругу князей, бояр,
На шумном пиршестве с друзьями веселился...

Мед, в стариках воспламенивши кровь,
Протекшую напомнил младость,
Победы славные, волшебницу-любовь
И лет утраченных былую радость.

Беспечнее веселый круг шумел,
Звучнее гусли раздавались.
Один задумчиво Боян сидел;
В нем думы думами сменялись...

«Какое зрелище мой видит взор!—
Мечтал певец унылый: —

Бояр, князей и витязей собор,
И государь, народу милый!

Дивятся их бесчислию побед
Иноплеменные державы,
И служит, трепеща, завистливый сосед
Для них невольным отголоском славы.

Их именами все места
Исполнены на Севере угрюмом,
И каждый день из уст в уста
Перелетают с шумом...

И я, дивясь их делам,
Пел витязей — и сонмы умолкали,
И персты вещие, по золотым струнам
Летая, славу рокотали!

Но, может быть, времен губительных полет
Всесокрушающею силой
Деянья славные погубит в бездне лет,
И будет Русь пространною могилой!..

И песни звучные Бояна-соловья
На пиршествах не станут раздаваться,
Забудут витязей, которых славил я,
И память их хвалой не будет оживляться.

Ах, так — предчувствую: Бояна вещий глас
Веков в пучине необъятной,
Как эхо дальное в безмолвной ночи час
Меж гор, умолкнет невозвратно...

По чувствам пламенным не оценит
Певца потомок юный;
В мрак неизвестности все песни рок умчит,
И звучные порвутся струны!

Но отлети скорей,
Моей души угрюмое мечтанье,
Не погашай последней искры в ней
Надежды — жить хоть именем в преданье».

8. МСТИСЛАВ УДАЛЫЙ

Ф. В. Булгарину

Мстислав, сын Владимира Великого, был удельный князь Тмутараканский. Столица сего княжества, Тмутаракань (древняя Таматарха), находилась на острове Тамани, который образуют рукава реки Кубани при впадении ее в Азовское море. В соседстве жили косоги, племя горских черкесов. В 1022 году Мстислав объявил им войну. Князь Косожский, Редедя, крепкотелый великан, по обычаю богатырских времен предложил ему решить распрю единоборством. Мстислав согласился. Произошел бой: Тмутараканский князь поверг врага и умертвил его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Он умер около 1036 года. Летописи называют его *Удалым*.

Как тучи, с гор текли косоги;
Навстречу им Мстислав летел.
Стенал поморья брег пологий,
И в поле гул глухой гремел.
Уж звук трубы на поле брани
Сзывал храбрейших из полков;
Уж храбрый князь Тмутаракани
Кипел ударить на врагов.

Вдруг, кожую покрыт медведя,
От вражьих отделясь дружин,
Явился с палицей Редедя,
Племен косожских властелин.
Он к войску шел, как в океане
Валится в бурю черный вал,
И стал, как сósна, на кургане
И громогласно повещал:

«Почто кровавых битв упорством
Губить и войско, и народ?
Решим войну единоборством:
Пускай за всех один падет!
Иди, Мстислав, сразись со мною:
И кто в сей битве победит,
Тому владеть врага строною
Или отдать ее на щит!»

«Готов!» — князь русский восклицает
И, грозный, стал перед бойцом,
С коня — и на курган взлетает

Удалый ясным соколом.
Сошлись, схватились, в бой вступили...
Могущ и князь, и великан!
Друг друга стиснули, сдавили;
Трещат... колеблется курган!..

Стоят — и миг счастливый ловят;
Как вихрь крутятся... прах летит...
Погибель, падая, готовят,
И каждый яростью кипит...
Хранят молчание два строя,
Но души воинов в очах:
Смотря по переменам боя,
В них блещет радость или страх.

То русский хочет славить бога,
Простерши длани к небесам;
То вдруг слышна мольба косога:
«О! помоги, всевышний, нам!»
И вот князья, напрягши силы,
Друг друга ломают, льется пот...
На них, как верви, вздулись жилы;
Колеблется и сей и тот...

Глаза, налившись кровью, блещут,
Колена крепкие дрожат,
И мышцы сильные трепещут,
И искры сыплются от лат...
Но вот Мстислав изнемогает —
Он падает!.. конец борьбе...
«Святая дева! — восклицает: —
Я храм сооружу тебе!..»

И сила дивная мгновенно
Влилася в князя... он восстал,
Рванулся бурей разъяренной,
И новый Голиаф упал!
Упал — и стал курган горою.
Мстислав широкий меч извлек
И, придавив врага пятою,
Главу огромную отсек.

1822

9. МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

Ф. В. Булгарину

Несчастный Михаил, сын Тверского князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) должен был вступить на великокняжеский престол; но племянник его, Георгий Данилович, князь Московский, начал оспаривать у него сие право. Россия находилась тогда под владычеством моголов: оба князя отправились в Орду, и хан (Тохта) утвердил Михаила. Более десяти лет протекло мирно; но злоба не угасла в сердце Георгия, он не пропускал случая вредить Михаилу. Между тем Тохта умер (1312 г.); ему наследовал сын его, Узбек. Несогласия князей возобновились, и Георгия призвали в Орду (1315 г.). Целые три года он раболепствовал перед Узбеком, дарами и происками снискал себе милостивое расположение и, в довершение всего, женился на сестре его Кончаке (1318 г.). Хан наименовал Георгия старейшим из князей русских и дал ему войско. Михаил выступил к нему навстречу, сразился и одержал победу: татарский полководец Кавгадый и супруга Георгия впали в плен; последняя умерла скоропостижно в Твери. Раздраженный Узбек призвал Михаила в Орду, жестоко истязал его и, наконец, велел лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца к лику св. мучеников.

За Узбеком вслед влекомый
Кавгадыем, Михаил
В край чужой и незнакомый
С сыном юношей вступил.
Мчался Терек быстрым бегом
Меж нависших берегов;
Зрелись гор хребты под снегом
Из-за сизых облаков.

Стан Узбеков за рекою,
На степи, в глуши пестрел;
Всюду воины толпою;
Всюду гул глухой шумел.
Ветхим рубищем покрытый
С мрачной грустию в груди,
Князь-страдалец знаменитый
Сел в цепях на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой:
«Это князь был! — говорили
И качали головой. —

Он обширными странами,
Как Узбек наш, обладал;
Он с отважными полками
Кавгады поражал!..»

В речи вслушавшись чужие,
Загрустил сильнее князь;
Вспомнил славу — и впервые
Слезы брызнули из глаз.
«До какого униженья,—
Он мечтал, потупя взор,—
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор!

Те, которых трепетали
Хитрый грек и храбрый лях,
Ныне вдруг рабами стали
И пред ханом пали в прах!
Я любил страну родную
И пылал разрушить в ней
Наших бед вину прямую:
Распри злобные князей.

О Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!
Ты на дядю поднял длани;
Ты в душе был столь жесток,
Что на Русь всю лютость брани
И татар толпы навлек!

Смерть свою давно предвижу;
Для побега други есть,—
Но побегом не унижу
Незапятнанную честь!
Так, прав чести не нарушу;
Пусть мой враг, гонитель мой,
Насыщает в злобе душу
Лютым мщеньем надо мной!

Пусть вымаливает казни!
Тверд и прав в душе своей,
Смерть я встречу без боязни,
Как в боях слетался с ней.

Не хочу своим спасеньем
На родимый край привлечь
Кавгадыя с лютым мщеньем
И Узбека грозный меч!»

Подкрепленный сею думой,
Приподнялся Михаил
И, спокойный, но угрюмый,
Тихо в свой шатер вступил.
Кавгадыем обольщенный,
Между тем младый Узбек,
В сердце трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрек...

Уж Георгий с палачами
И коварный друг царя
Шли поспешными шагами
К жертве, злобою горя...
Пред иконою святою
Михаил псалом читал;
Вдруг с той вестью роковою
Отрок княжеский вбежал...

Вслед за ним убийцы с криком
Ворвались в густых толпах:
Блещет гнев во взоре диком,
Злоба алчная в чертах...
Ворвались — и напали...
Как гроза в глухой ночи,
Над упавшим засверкали
Ятаганы и мечи...

Кровь из язв лилась струею...
И пробил его конец:
Сердце хладною рукою
Вырвал дикий Романец.
Князь скончался жертвой мщенья!
С той поры он всюду чтим:
Михаила за мученья
Церковь празднует святым.

1821 или 1822

10. ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Подвиги великого князя Димитрия Иоанновича Донского известны всякому русскому. Он был сын великого князя Московского Иоанна Иоанновича, родился в 1350 году, великокняжеский престол занял 1362 года. Владычествовавшая над Россиею Золотая, или Сарайская, Орда в его время раздиралась междоусобиями. Один из князей татарских, Мамай, властвовал там, под именем Мамант-Салтана, слабого и ничтожного хана. Недовольный великим князем, Мамай отправил (в 1378 г.) мурзу Бегича со множеством татарского войска; ополчение Димитрия встретило их на реке Воже, сразилось мужественно и одержало победу. Раздраженный Мамай, совокупив еще большие толпы иноплемеников, двинулся с ними к пределам России. Димитрий вооружился; противники сошлись на Куликовом поле (при речке Непрядве, впадающей в Дон); бой был жестокий и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространстве двадцати верст кровь русских мешалась с татарскою. Наконец Мамай предался бегству, и Димитрий восторжествовал. Сия знаменитая победа доставила ему великую славу и уважение современников. Потомство наименовало его *Донским*. Димитрий умер в 1389 году.

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы,
И прах замученных отцов!

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
Туда! за Дон!.. настало время!
Надежда наша — бог и меч!
Сразим моголов и, как бремя,
Ярмо Мамая сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел
И, в помощь бога призывая,
Перуном грозным полетел...
«К врагам! за Дон! — вскричали войски,—
За вольность, правду и закон!» —

И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся полные отваги,
Волн упеждают быстрый бег;
Летят, как соколы, — и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и берега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, доли, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры...
Повсюду бердыши блестят.
Идут как мрачные дубравы —
И вторят степи гул глухой;
Идут... там хан, здесь чада славы —
И закипел кровавый бой!..

«Бог нам прибежище и сила! —
Рек Дмитрий на челе полков. —
Умрем, когда судьба судила!»
И первый грянул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простерся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями,
Зеленый побагровел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол,
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.
Там Белозерский князь и чада,
Достойные его любви,

И окрест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали,
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг был пасть готов,—
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!» —
И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!
Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!..

Но кто там, бледен, близ дубравы,
Обрызган кровию лежит?
Что зрю?.. Первоначальник славы¹,
Димитрий ранен... страшный вид!..
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вот к стнящему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!»
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!
Велик! — речет,— к нему молитвы!
Он Сергия услышал глас;
Ему вся слава грозной битвы;
Он, он один прославил нас!»

1822

¹ Выражение летописца.

11. ГЛИНСКИЙ

Князь Михаил Львович Глинский некогда знатный и богатый литовский вельможа. Род его происходил от татарского князя, выехавшего из Орды во времена в(еликого) к(нязя) Витовта. Воспитанный в Германии, Глинский принял тамошние обычаи, долго служил императору и отличался храбростью и умом. Возвратясь в отечество, он снискал милость короля Александра и был его любимцем и другом. Когда (в 1508 г.) Сигизмунд сделался королем, завистники обнесли пред ним Глинского. Главный враг его был пан Забржезенский. Князь Глинский, обще с двумя братьями, передался вел. князю Московскому Василию Иоанновичу, был принят им с уважением и сделан воеводою. Глинский сражался против своих соотечественников и оказал особенные услуги при взятии Смоленска (1514 г.). Вел. князь обещал его сделать владельцем сего княжества; но не сдержал слова. Глинский вошел в переписку с Сигизмундом и намерен был ему передаться; его схватили, привезли в Москву и заключили в темницу. Там он просидел более двенадцати лет. Вел. князь женился на его племяннице, княжне Елене, дочери брата его Василия. Через год царица выпросила своему дяде прощение (1527 г.), и кн. Глинский пришел еще в ббльшую силу. По кончине вел. князя Елена сделалась правительницею государства. Князь Михаил был одним из сильнейших членов Думы: нескромная слабость племянницы к любимцу ее, князю Телепневу-Оболенскому, возбудила в нем справедливое негодование, он стал делать ей увещания и подпал гневу; снова его заключили в темницу, где он и умер (в 1534 г.).

Под сводом обширным темницы подземной,
Куда луч приветный отрадных светил
Страшился проникнуть, где в области темной
Лишь бледный свет лампы, мерцая, бродил,—
Гремевший в Варшаве, Литве и России
Бесславьем и славой свершенных им дел,
В тяжелой цепи по рукам и по вые,
Князь Глинский задумчив сидел.

Волос уцелевших седые остатки
На сморщенно веком и грустью чело
Спадали кудрями, вясь в беспорядке:
Страданье на Глинском бразды провело...
Сидел он, склоненный на длань головою,
Угрюмою думой в минувшем летал;
Звучал средь безмолвья цепями порою
И тяжко, стоная, вздыхал.

При нем неотступно в темнице сидела
Прелестная дева — отрада слепца;
Свободой, и счастьем, и светом презрела,
И блага все в жертву она для отца.
Блеск пышный чертога для ней заменила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здесь девичью прелесть дочь нежная скрыла
И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь, стоная, лить слезы? —
Рекла она нежно.— Печали забудь!
Быть может, расторгнешь сии ты железы:
Надежда лелеет и узников грудь!
Быть может, остаток несчастливой жизни,
Спокою волнение и бурю души,
Как гражданин верный, на лоне отчизны
Ты счастливо кончишь в тиши».

«На лоне отчизны! — воскликнул изменник.—
Не мне утешаться надеждою сей:
Страшась угрызений, стенающий пленник,
Несчастный, и вспомнить трепещет о ней.
Могу ль быть покоен хотя на мгновение?
Червь совести тайно терзает меня;
К себе самому я питаю презренье
И мучусь, измену кляня.

Природа дала мне возможные блага,
Чтоб славным быть в мире иль грозным в войне:
Богатство, познания, порода, отвага —
Все с щедростью было ниспослано мне.
Желал еще славы и лавров победы;
Душа трепетала, дух юный кипел...
Вдруг поднялись тучей на Польшу соседы —
И лавр мне достался в удел.

Могольские орды влетели бедою:
Литва задымилась в пылу боевом —
И старцы, и жены, и дети толпою
Влеклися в неволю свирепым врагом;
И в пепел деревни и пышные грады;
И буйный татарин в крови утопал;
Ни веку, ни полу не зрели пощады —
Меч жадный над всеми сверкал.

Встревожен невзгодой, я к хищным навстречу
С дружиною храбрых помчался грозой,
Достиг — и отважно в кровавую сечу,
И кровь полилася, напелась, рекой.
Покрылись телами поля и равнины:
Литвин и татарин упорно стоял;
Но с яростью новой за мною дружины —
И гордый могол побежал.

Боролся с кончиной властитель державный;
Тревогой и плачем наполнен дворец —
И вдруг о победе и громкой и славной
От Глинского с вестью примчался гонец.
Чело Александра веселость покрыла:
«Когда торжествует родная страна,—
Он рек предстоящим,— тогда и могила,
Поверьте, друзья, не страшна!»

Сим подвигом славным чрез меру надменный,
Не мог укротить я волненья страстей —
И род Забржезенских, давно мне враждебный
Внезапно средь ночи пал жертвой мечей.
Погиб он — и други мне стали врагами,
И, предан душою лишь мести одной,
Дерзнул я ввестися с чужими полками
В отчизну свирепой войной.

О мука! о совесть — тиран неотступный!..
Ни зрелище стягов родимой земли,
Ни тайный глас сердца из длани преступной
В час битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженных, пылающих мщеньем,
И ярых и грозных душой москвитян,
Увы, к преступленью влеком преступленьем,
Разил я своих сограждан!..

Бой кончен — и Глинский узрел на равнине
Растерзанных трупы и груды костей;
Душа предалась невольно кручине,
И брызнули слезы на грудь из очей.
Не в пору познал я тоску преступленья!
Вся гнусность измены представилась мне;
Молил Сигизмунда проступкам забвенья,
Мечтал о родной стороне!

Но гений враждебный о тайне душевной
Царю в злое время известие дал,
И русский властитель, смущенный и гневный,
Раскаиванье сердца изменой назвал:
Лишил меня зренья убийцы руками,
Забывши и славу, и старость мою,
И дядю царицы, опутав цепями,
Забросил в темницу сию.

Лет десять живу я в могиле сей холодной;
Ни звезды, ни солнце не светят ко мне;
Тоскую, угрюмый, в душе безотрадной
И думой стремлюся к родимой стране.
Приметно слабею в утраченных силах,
Чуть сердце трепещет, немеет мой глас,
И медленней льется кровь холодная в жилах,
И смерти уж близится час.

О дочь моя! скоро, над гробом рыдая,
Ты бросишь на прах мой горсть чуждой земли.
Скорее, друг юный, беги сего края:
От милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народ наш, деяньями славный,
Издавна известный в далеких краях,
Проступки несчастных отцов своенравно
Не будет отмщать на детях.

Край милый увидишь — и сердца утраты,
И юных лет горе в душе облегчишь;
И башни, и храмы, и предков палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нежно
И ласково примут отчизны сыны —
И ты дни окончишь в тиши безмятежной
На лоне родимой страны.

Пусть рок мой, исполнен тоской и мученьем,
Пребудет примером отчизны моей!
Да каждый, пылая преступным отмщеньем,
Идти не посмеет стезею страстей!
Да видят во мне моей родины братья,
Что рано иль поздно — измене взгремят
Ужасные сердцу сограждан проклятья
И совесть от сна пробудят!»

Несчастный умолкнул с душевной тоскою;
Вдруг стон по темнице — и Глинский упал
На дочери лоно седой головою,
И холод кончины его оковал!..
Так Глинский — муж Думы и пламенный воин —
Погиб на чужбине, как гнусный злодей;
Хвалы бы он вечной был в мире достоин,
Когда бы не буря страстей.

1822

12. КУРБСКИЙ

Князь Андрей Михайлович Курбский, знаменитый вождь, писатель и друг Иоанна Грозного. В Казанском походе, при отражении крымцев от Тулы (1552 г.) и в войне Ливонской (1560 г.) он оказал чудеса храбрости. В 1564 году Курбский был воеводою в Дерпте. В сие время Грозный преследовал друзей прежнего своего любимца, Адашева, в числе которых был и Курбский: ему делали выговоры, оскорбляли и, наконец, угрожали. Опасаясь гибели, Курбский решился изменить отечеству и бежал в Польшу. Сигизмунд II принял его под свое покровительство и дал ему в поместье княжество Ковельское. Отсюда Курбский вел бранную и язвительную переписку с Иоанном; а потом еще далее простер свое мщение: забыл отечество, предводительствовал поляками во время их войны с Россиею и возбуждал против нее хана Крымского. Он умер в Польше. Пред смертью сердце его несколько умягчилось: он вспомнил о России и называл ее милым отечеством. Спасаясь из Дерпта, Курбский оставил там супругу и девятилетнего сына; потом, в Польше, вторично женился на княгине Дубровицкой, с которою король повелел ему развестись. Курбский известен также литературными своими трудами: он описал жестокости царя Иоанна и перевел некоторые беседы Златоустого на «Деяния св. апостол(ов)». В конце XVII века правнуки его выехали в Россию.

На камне мшистом в час ночной,
Из милой родины изгнанник,
Сидел князь Курбский, вождь младой,
В Литве враждебной грустный странник,
Позор и слава русских стран,
В совете мудрый, страшный в брани,
Надежда скорбных россиян,
Гроза ливонцев, бич Казани...

Сидел — и в перекатах гром
На небе мрачном раздавался,

И темный лес, шумя кругом,
От блеска молний освещался.
«Далёко от страны родной,
Далёко от подруги милой,—
Сказал он, покачав головой,—
Я должен век вести унылый.

Уж боле пылких я дружин
Не поведу к кровавой брани,
И враг не побежит с равнин
От покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь в тиши бесславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гоним судьбою своенравной.

За то, что изнемог от ран,
Что в битвах край родной прославил,
Меня неистовый тиран
Бежать отечества заставил:
Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мне священо,
И в чуждую уйти страну
С душою, грустью отягченной.

В Литве я ныне стал вождем;
Но, ах! ни почести велики
Не веселят в краю чужом,
Ни ласки чуждого владыки.
Я все стенаю, и грущу,
И на пирах сию угрюмый,
Чего-то для души ищу,
И часто погружаюсь в думы...

И в хижине, и во дворце
Меня глас внутренний тревожит,
И мрачность на моем лице
Веселость шумных пиршеств множит...
Увы! всего меня лишил
Тиран отечества драгова.
Сколь жалок, рок кому судил
Искать в стране чужой покрова».

Июнь 1821

13. СМЕРТЬ ЕРМАКА

П. А. Муханову

Под словом Сибирь разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыше, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависело от Россин. В 1569 году царь Кучум *был принят под руку* Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем сибирские татары и подвластные им остяки и вогуличи вторгались иногда в пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на обеспечение сих украин укрепленными местами и умножением в них народонаселения. Богатые в то время купцы Строгоновы получили во владение обширные пустыни на пределах Пермии: им дано было право заселить их и обработать. Сзывая вольницу, сии деятельные помещики обратились к казакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили на Волге промышленников и купеческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро, главный назывался Ермак Тимофеев. Строгоновы присоединили к ним 300 человек разных всельников, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отправили за Уральские горы (в 1581 г.). В течение следующего года казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер, пленили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трех лет господствовали в Сибири. Между тем число их мало-помалу уменьшалось: много погибло от оплошности. Сверженный Кучум бежал в киргизские степи и замышлял способы истребить казаков. В одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильном дожде, он учинил неожиданное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и незапности удара. Не имея средств к спасению, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, в намерении переплыть на другую сторону, и погиб в волнах. Летописцы представляют сего казака героя крепкотелым, осанистым и широкоплечим, он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею. В течение XVII века непрерывные завоевания разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного океана.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите,— мнил герой,—
Друзья, под бурю ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!»

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны,—
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны.

С вождем покой в объятых сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1821

14. БОРИС ГОДУНОВ

Борис Федорович Годунов является в истории с 1570 года: тогда он был царским оруженосцем. Возвышаясь постепенно, Годунов сделался боярином и конюшим: титулы важные при прежнем дворе российском. Сын Иоанна Грозного, царь Феодор, сочетался браком с его сестрою, Ириною Феодоровною. Тогда Годунов пришел в неограниченную силу: он имел столь великое влияние на управление государством, что иностранные державы признавали его соправителем сего кроткого, слабодушного монарха. По кончине Феодора Иоанновича (1598 г.), духовенство, государственные чины и поверенные народа избрали Годунова царем. Правление его продолжалось около осьми лет. В сие время Годунов старался загладить неприятное впечатление, какое оставили в народе прежние честолюбивые и хитрые его виды; между прочим ему приписывали отдаление от двора родственников царской фамилии (Нагих, кн. Сицких и Романовых) и умерщвление малолетнего царевича Димитрия, брата царя Феодора, в 1591 году погибшего в Угличе. Годунов расточал награды царедворцам, благотворил народу и всеми мерами старался приобрести общественную любовь и доверенность. Между тем явился ложный Димитрий, к нему пристало множество приверженцев, и государству угрожала опасность. В сие время (1605 г.) Годунов умер незапно; полагают, что он отравился. Историки несогласны в суждениях о Годунове: одни ставят его на ряду государей великих, хвалят добрые дела и забывают о честолюбивых его происках; другие — многочисленнейшие — называют его преступным, тираном.

Москва-река дремотною волной
Катилась тихо меж брегами;
В нее, гордясь, гляделся Кремль стеной
И златоверхими главами.
Умолк по улицам и вдоль берегов
Кипящего народа гул шумящий.
Всё в тихом сне: один лишь Годунов
На ложе бодрствует стенающий.

Пред образом Спасителя, в углу,
Лампада тусклая трепещет,
И бледный луч, блуждая по челу,
В очах страдальца страшно блещет.
Тут зрелся скиптр, корона там видна,
Здесь золото и серебро сияло!
Увы! лишь добродетели и сна
Великому недоставало!..

Он тщетно звал его в ночной тиши:
До сна ль, когда шептала совесть
Из глубины встревоженной души
Ему цареубийства повесть?
Пред ним прошедшее, как смутный сон,
Тревожной оживлялось думой —
И, трепету невольно предан, он
Страдал в душе своей угрюмой.

Ему представился тот страшный час,
Когда, достичь пылая трона,
Он заглушил священный в сердце глас,
Глас совести, и веры, и закона.
«О, заблуждение! — он возопил: —
Я мнил, что глас сей сокровенный
Навек сном непробудным усыпил
В душе, злодейством омраченной!

Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его к народу;
Лишь одному злодейству буду враг;
Всем дам законную свободу.
Начнут торговлю везде цвести
И грады пышные, и села;
Полезному открою все пути
И возвеличу блеск престола.

Я мнил: народ меня благословит,
Зря благоденствие отчизны,
И общая любовь мне будет щит
От тайной сердца укоризны.
Добро творю, — но ропота души
Оно остановить не может:
Глас совести в чертогах и в глуши
Везде равно меня тревожит.

Везде, как неотступный страж, за мной,
Как злой, неумолимый гений,
Влачится вслед — и шепчет мне порой
Невнятно повесть преступлений!..
Ах! удались! дай сердцу отдохнуть
От нестерпимого страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна уж чаша наказанья!

Взываю я,— но тщетны все мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящий перст судьбы
И слышу сердца глас угрюмый.
Терзай же, тайный глас, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую
И смою черное с души пятно
И кровь царевича святую!

Пусть злобный рок преследует меня —
Не утомлюся от страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодеянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правление прославлю
И прах несчастного почтить слезой
Потомка позднего заставлю.

О так! хоть станут проклинать во мне
Убийцу отрока святого,
Но не забудут же в родной стране
И дел полезных Годунова».
Страдая внутренно, так думал он;
И вдруг, на глас святой надежды,
К царю слетел давно желанный сон
И осенил страдальца вежды.

И с той поры державный Годунов,
Перенося гоненье рока,
Творил добро, был подданным покров
И враг лишь одного порока.
Скончался он — и тихо приняла
Земля несчастного в объятья —
И загремели за его дела
Благословенья и — проклятья!..

1821 или 1822

15. ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Читавшим отечественную историю известен странный Лжедимитрий — Григорий Отрепьев. Повествуют, что он происходил из сословия детей боярских, несколько лет находился в Чудове монастыре иеродьяконом и был келейником у патриарха Иова. За беспорядочное поведение

Отрепьев заслуживал наказание; он желал избежать сего и предался бегству. Долго скитаясь внутри России и переходя из монастыря в монастырь, наконец выехал в Польшу. Там он замыслил выдать себя царевичем Димитрием, сыном Иоанна Грозного, который умерщвлен был (в 1591 г.) в Угличе — как говорили, по проискам властолюбивого Годунова. Он начал разглашать выдуманные им обстоятельства мнимого своего спасения, привлек к себе толпу легковерных и, с помощью Сендомирского воеводы Юрия Мнишка, вторгся в отечество вооруженною рукою. Странное стечение обстоятельств благоприятствовало Отрепьеву: Годунов умер незапно, и на престоле российском воссел самозванец (1605 г.). Но торжество Отрепьева было недолговременно: явная преданность католицизму и терпимость иезуитов сделало его ненавистным в народе, а развратное поведение и дурное правление ускорили его падение. Князь Василий Шуйский (в 1606 г.) произвел заговор, возникло народное возмущение — и Лжедмитрия не стало. Явление сего самозванца, быстрые его успехи и странное стечение обстоятельств того времени составляют важную загадку в нашей истории.

Чьи так дико блещут очи?
Дыбом черный волос встал?
Он страшится мрака ночи;
Зрю — сверкнул в руке кинжал!..
Вот идет... стоит... трепещет...
Быстро бросился назад;
И, как злой преступник, мечет
Вдоль чертога робкий взгляд!

Не убийца ль сокровенный,
За Москву и за народ,
Над стезею потаенной
Самозванца стережет?..
Вот к окну оборотился;
Вдруг луны сребристый луч
На чело к нему скатился
Из-за мрачных, грозных туч.

Что я зрю? То хищник власти
Лжедмитрий там стоит;
На лице пылают страсти;
Трепеща, он говорит:
«Там в чертогах кто-то бродит —
Шорох — заскрыпела дверь!..
И вот призрак чей-то входит...
Это ты — Бориса дочь!..»

О, молю! избавь от взгляда...
Укоризною горя,
Он вселяет муки ада
В грудь преступного царя!..
Но исчезла у порога;
Это кто ж мелькнул и стал,
Притаясь в углу чертога?..
Это Шуйский!.. Я пропал!..»

Так страдал злодей коварный
В час спокойствия в Кремле;
Проступал бесперестанно
Пот холодный на челе.
«Не укроюсь я от мщенья! —
Он невнятно прошептал.—
Для тирана нет спасенья:
Друг ему — один кинжал!

На престоле, иль на ложе,
Иль в толпе на площаді,
Рано, поздно ли, но все же
Быть ему в моей груди!
Прекращу свой век постылый;
Мне наскучило страдать
Во дворце, как средь могилы,
И убийцу нажидать».

Сталь нанес — она сверкнула —
И преступный задрожал,
Смерть тирана ужаснула:
Выпал поднятый кинжал.
«Не настало еще время, —
Простонал он, — но придет,
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадет».

Но как будто вдруг очнувшись:
«Что свершить решился я? —
Он воскликнул, ужаснувшись.—
Нет! не погублю себя.
Завтра ж, завтра все разрушу,
Завтра хлынет кровь рекой —
И встревоженную душу
Вновь порадует покой!

Вместо праотцев закона
Я введу закон римлян;
Грозной мезтью гряну с трона
В подозрительных граждан.
И твоя падет на плахе,
Буйный Шуйский, голова!
И, дымясь в крови и прахе,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолк. Преступные надежды
Удалили страх — и он
Лег на пышный одр, и вежды
Оковал тревожный сон.
Вдруг среди безмолвья грянул
Бой набата близ дворца,
И тиран с одра воспрянул
С смертной бледностью лица...

Побежал и зрит у входа:
Изо всех кремлевских врат
Волны шумные народа,
Ко дворцу стремясь, кипят.
Вот приблизились, напали;
Храбрый Шуйский впереди —
И сарматы побежали
С хладным ужасом в груди.

«Все погубло! нет спасенья,
Смерть прибежище одно!» —
Рек тиран... еще мгновенье —
И бросается в окно!
Пал на камни, и, при стуках
Сабель, копий и мечей,
Жизнь окончил в страшных муках
Нераскаянный злодей.

1821 или 1822

16. ИВАН СУСАНИН

В исходе 1612 года юный Михаил Феодорович Романов, последняя отрасль Рюриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III

Один отряд проникнул в костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел поляков в противную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увезти его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Феодоровича (в 1613) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; ее подтверждали и последующие государи.

«Куда ты ведешь нас?.. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги,—
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас,— так будет тебе за труды;
Иль бойся: не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?»

«Деревня! — сарматам в ответ мужичок: —
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снега соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой! —
Вошел, проворчал так сармат молодой.—
Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объаты,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому,
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей,
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге».
«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?»
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.
На небе восточном зарделась заря,
Проснулись сарматы — злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали, — что молишься богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.

Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят не шелохнясь и дуб, и береза,
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг за другом идут в молчанье сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес —
Все глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними:
И сосны, и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настоroje тревожное ухо:
Все в том захолустье и мертво, и глухо...
«Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —

Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги, закипев, —
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же! — сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали! —
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

1822

17. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Зиновий (Богдан) Хмельницкий, сын чигиринского сотника, воспитывался в Киеве и кончил учение у иезуитов, в польском городе Ярославце. В истории он становится известен с 1620 года. В сражении при Цецоре турки взяли его в плен и держали в неволе два года. По возвращении своем Хмельницкий служил в войске польском; потом несколько лет жил в селении Субботове, в покое. Чигиринский подстароста Чаплицкий, захватив селение, похитил у него подругу и высек плетью малолетнего его сына. Хмельницкий поехал в Варшаву, жаловался, но не нашел управы. Тогда он поклялся отомстить всем полякам. В 1647 году в Малороссии вспыхнуло возмущение, — Хмельницкий принял в нем деятельное участие, поощрял недовольных и умножал толпы их. Дошло до явной войны. Хмельницкий выбран был гетманом. Он вошел в связи с крымцами, призвал их на помощь и с лишком четыре года противостоял полякам. Примечательны сражения: на Желтой Воде, под Корсуном и при Берестечке. В 1651 году прекратились раздоры. Поляки заключили с малороссиянами и запорожским войском мирный договор под Белою Церковью; но, несмотря на сие, не упускали случая оскорблять их. Сии притеснения заставили Хмельницкого просить российского государя о принятии его с войском в подданство (1654 г.). Он умер в Чигирине 15 августа 1657 года. За освобождение отчины его прозвали *Богданом*, т. е. богом дарованным избавителем.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникал,
Скользя по сводам, луч денницы
И ужас места озарял, —
В цепях, и грозный, и угрюмый,
Лежал Хмельницкий на земле;
В нем мрачные кипели думы
И выражались на челе.

Темницы мертвое молчанье
Ни стон, ни вздох не нарушал;
Надежду мести и страданье
Герой в груди своей питал.
«Так, так, — он думал, — час настанет!
Освобожденный от оков,
Забытый узник бурей грянет
На притеснителей врагов!

Отмстит холодное презренье
К священнейшим правам людей;
Отмстит убийства и хищенье,
Бесчестье жен и дочерей!

Позорные разрушит цепи
И, рабства сокруша кумир,
Вновь водворит в родные степи
С святой свободой тихий мир.

Покроет ржа врагов кольчуги,
И прах их ветер разнесет,
Застонут нежные супруги,
И мать детей не обоймет.
А ты, пришлец иноплеменный,
Тиран родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкий! трепещи, злодей!

За кровь пролитую, за слезы
И жен, и старцев, и сирот,
За все — и за сии железы
Тебя мое отмщенье ждет!..
Но где о вольности мечтаю?
Увы! в темнице дни влача,
Свой век, быть может, окончаю
От рук презренных палача!

И долго, может быть, стеная
Под тяжким бременем оков,
Хмельницкого страна родная
Пребудет жертвою врагов!»
Чела страдальца вид суровый
Мрачнее стал от думы сей,
И на заржавые оковы
Упали слезы из очей.

Вдруг слышит: загремели створы,
Со скрипом дверь отворена,—
И входит, потупля взоры,
Младая, робкая жена.
«Кто ты? — Хмельницкий изумленный
Представшей незнакомке рек: —
Оковы ль снять?.. о, час блаженный!
О, если б этот час притек!

Или, с жестокою душою,
С презреньем хладным на очах,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня в цепях?»

«О нет! — приветно произносит,—
В душе любви питаю жар,
Жена Чаплицкого приносит
Тебе с рукой свободу в дар».

«Жена Чаплицкого!» — «Мученье
И вместе мужество твое
Вдохнули в душу мне почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила — и пылала
Из сих оков тебя извлечь;
Я связь с тираном разорвала;
Будь мой!» — «Я твой!» — «Прими свой меч!»

«Мой меч! — Хмельницкий восклицает,—
Жив бог!.. и ты погиб, злодей!
Заря свободы засияет
От блеска мстительных мечей!»
Сребрила дол царица ноши,
В брега волною Днепр плескал,
Опенив удила, у роши
Нетерпеливый конь стоял.

Герой вскочил, веселья полный,
Летит — и зрит поля отцов,
И вокруг его, как моря волны,
Рои толпятся козаков.
«Друзья! — он к храбрым восклицает,—
За мной, чью грудь волнует месть,
Кто рабству смерть предпочитает,
Кому всего дороже честь!

Сам бог поборник угнетенным!
Вожди — решительность и я!
Навстречу ко врагам презренным,
На Воды Желтые, друзья!»
И вот сошлись два народа,
И с яростью вступили в бой
С тиранством бодрая свобода,
Кипя отвагою молодой.

Сармат, и храбрый и надменный,
Вотще упорствовать хотел;
Вотще, разбитый, побежденный,
Бежал мечей и метких стрел.

Преследуя, как ангел мщенья,
Герой везде врагов сражал,
И трупы их без погребенья
Волкам в добычу разметал!..

И воцарилась свобода
С тех пор в украинских степях,
И стала с счастьем народа
Цвезть радость в селах и градах.
И чтя послом небес желанным,
В замену всех наград и хвал,
Вождя-героя — Богом данным
Народа общий глас назвал.

1821

18. АРТЕМОН МАТВЕЕВ

Артемон Сергеевич Матвеев родился в 1625 году. В правление царя Алексея Михайловича он отличился доблестями на поприще военном и политическом: сражался с поляками, шведами и татарами, заключил договор о сдаче Смоленска (1656 г.), убедил запорожцев к подданству России и уничтожил невыгодный для нее Андрусовский мир (1667 г.). Начальствуя над посольским приказом, Матвеев умел вселить в других европейских дворах должное уважение к России. В его доме воспитывалась Наталия Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексея Михайловича, от которой родился Петр Великий. Впоследствии государь возвел Матвеева в ближние бояре и оказывал ему особенную доверенность и даже дружбу. С кончиною царя Алексея Михайловича (в 1676 г.) кончилось блистательное поприще Матвеева: враги оклеветали его и удалили от двора. Матвеев получил назначение в Верхотурье воеводою; на дороге настиг его гонец и отвез в отдаленный Пустозерский острог. Целые семь лет Матвеев пробыл в заточении. Наконец ему велено было ехать в город Лух (Костромской губернии). В дороге Матвеев узнал о кончине царя Феодора Алексеевича и получил приглашение ко двору воцарившихся соправителей. В столице ожидало его новое бедствие: на четвертый день приезда (15 мая 1682) взбунтовались стрельцы, и Матвеев пал жертвою преданности к государям. Любя добродетель, он уважал просвещение и науки; сочинил Российскую историю; имел вкус к изящным искусствам: живописи, музыке и драматическим представлениям. При нем впервые стали известны у нас театральные зрелища.

Муж знаменитый, друг добра,
Боярин Артемон Матвеев
Был сослан в ссылку от двора,

По клеветам своих злодеев.
Семь лет томился он в глуши;
Семь лет позор и стыд изгнанья
Сносил с величием души,
Без слез, без скорби и роптанья.

«Когда защитник нам закон
И совесть сердца не тревожит,
Тогда ни ссылка, — думал он, —
Ни казнь позорить нас не может.
Быв другом доброго царя,
Народа русского любимец,
Всегда в душе спокоен я
И в злополучии счастливец.

Для блага сограждан моих
Усилия мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за них
Глас благодарности приветный.
Все козни злых клеветников
Потомству время обнаружит,
И ненависть моих врагов
К бесславию для них послужит.

Пускай перед царем меня
Чернит и клевета, и злоба.
Пред ними не унижусь я:
Мне честь сопутницей до гроба.
Щитом против коварства стрел,
Среди моей позорной ссылки,
Воспоминанье добрых дел
И дух, к добру, как прежде, пылкий.

Того не потемнится честь,
Кому, почтив дела благие,
Народ не пощадил принести
В дар камни предков гробовые.
Опалой царской не лишен
Я гордости той благородной,
Которой только одарен
Муж справедливый и свободный.

Пустоозерска дикий вид,
Угрюмая его природа,
Не в силах твердости лишить

Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбе,
Быть твердым всюду я умею;
Жалею я не о себе,
Я боле о царе жалею.

На страшной трона высоте
Необходима прозорливость.
О государь! вняв клевете,
Ты оказал несправедливость.
Меня ты в ссылку осудил
За то ль, что я служил полвека?
Но я давно тебя простил,
О царь! простил как человека.

Близ трона, притаясь, всегда
Гнездятся лезть и вероломство.
Сколь много для царей труда!
Деяний их судьей — потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златом блещущим, ни страхом.
Нелицемерный сей судья
Творит свой приговор над прахом».

Так изгнанный мечтал в глуши,
Неся позорной ссылки бремя,—
И правоту его души
Пред светом оправдало время:
Друг истины и друг добра,
Горя к отечеству любовью,
Пал мертв за юного Петра,
Запечатлев невинность кровью.

1822

19. ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ОСТРОГОЖСКЕ

Петр Великий, по взятии Азова (в августе 1696 года), прибыл в Острогожск. Тогда приехал в сей город и Мазепа, охранявший у Коломака, вместе с Шереметевым, пределы России от татар. Он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и осыпанную драгоценными камнями, и на золотой цепи щит с такими ж украшениями. В то время Мазепа был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасься в милость Петра. Монарх почтил его посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и с честью отпустил в Украину.

В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
С бунчуком и булавою
Вкруг монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами козаки.

«Виден промысла святого
Над тобою дивный щит! —
Покорителю Азова
Старец бодрый говорит.—
Оглася победой славной
Моря Черного берега,
Ты смирил, монарх державный,
Непокорного врага.

Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей велик.
Чту я славою и честью
Быть врагом твоим врагам
И губительною местию
Пролететь по их полкам.

Уснежился черный волос,
И булат дрожит в руке:
Но зажжет еще мой голос
Пыл отваги в козаке.
В пылком сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне — бой кровавый;
Мне музыка — стук мечей!»

Кончил — и к стопам Петровым
Щит и саблю положил;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то в сердце затаил...
В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?

Сей пришлец в стране пустынной
Был Мазепа, вождь седой;
Может быть, еще невинный,
Может быть, еще герой.
Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепый
Клясться в искренности смел?

Там, где волны Острогощи
В Сосну тихую влились;
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись;
Где с отвагой молодецкой
Русский крымцев поражал;
Где напрасно Брюховецкий
Добрых граждан возмушал;

Где, плененный славы звуком,
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;
Там, где с щедростью обычной
За ничтожный, легкий труд
Плод оратаю сторичный
Нивы тучные дают;

Где в лугах необозримых,
При журчании волны,
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где, в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенный
Острогожских козаков.

1823

20. ВОЛЫНСКИЙ

Волынский начал поприще службы при Петре Великом. Получив чин генерал-майора, он оставил военную службу и сделался дипломатом: ездил в Персию в качестве министра, был вторым послом на Немировском конгрессе, в 1737 году пожалован в статс-секретари. Манштейн изобрá-

жает его человеком обширного ума, но крайне искательным, гордым и сварливым. Неосторожность погубила Вольтского. Однажды, приметя холодность императрицы Анны к герцогу Бирону, он решился подать ей меморию, в которой обвинял во многом герцога и некоторых сильных при дворе особ: ему хотелось отдалить их. Узнав о сем, жестокий Бирон излил месть на Вольтского: его отдали под суд и приговорили к смертной казни (в 1739 г.) *.

«Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!
Пусть будет муж совета он
И мученик позорной казни,
Стоять за правду и закон,
Как Долгорукий, без боязни.

Пусть будет он, дыша войной,
Врагам, в часы кровавой брани,
Неотразимую грозой,
Как покорители Казани.
Пусть удивляет... Но когда

* В первом издании думы ей было предпослано следующее примечание:

«Обер-егермейстер и кабинетный министр, Артемий Петрович Вольтский, служил государям Петру I, Екатерине I, Петру II, Анне. В последние годы царствования императора Петра I был он астраханским губернатором и участвовал в 1723 году в усмирении калмыков. При императрице Анне, вскоре по составлении кабинета, был он назначен кабинетным министром и находился в сем высоком звании до 1736 года, в которое время отправлен был вместе с д. т. с. бароном Шафировым и т. с. Неплюевым на Немировский конгресс для переговоров с турками. Возвратившись ко двору, он оставался в кабинете до 1740 года. Тут, движимый патриотизмом и разделяя всеобщую ненависть к Бирону, воспользовался он однажды удобным случаем, чтобы подать императрице челобитную, в коей представлял о необходимости удалить Бирона. Мстительный любимец узнал о сем и решил погубить мужа-патриота. Фельдмаршал Миних упоминает, что сам видел, как императрица Анна обливалась слезами, подписывая смертный приговор Вольтского. Предание говорит, что происшествие сие имело сильное влияние на добрую, но слишком доверчивую государыню и ускорило ее кончину. О характере Вольтского кн. Шаховской в записках своих говорит, что он разговорами своими поселял высокое мнение о любви своей к отечеству, о ревности ко славе монаршей и усердии к пользе общественной. Казнь Вольтского последовала 8-го июля 1740-го года. Он похоронен на кладбище церкви Самсония, что на Выбургской стороне, вместе с друзьями своими Хрущовым и Еропкиным»

Он все творит то из тщеславья —
Беда несчастному, беда!
Он сын не славы, а бесславья.

Глас общий цену даст делам,
Изобличатся вероломства —
И на проклятие векам
Предастся раб сей от потомства.
Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!

Но тот, кто с гордыми в борьбе,
Наград не ждет и их не просит,
И, забывая о себе,
Все в жертву родине приносит *.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.

Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи:
Он на него — как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи!

И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

* В автографе ИРЛИ:

Но тот, кто с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу...

Вражда к неправде закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Неправосудие в обломках» *.
Так, сидя в крепости, в цепях,
Волынский думал справедливо;
Душою чист и прав в делах,
Свой жребий нес он горделиво.

Стран северных отважный сын,
Презрев и казнь, и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.

Свершил, исполнил долг святой,
Открыл вину народных бедствий
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий.
Не долго, вольности лишен,
Герой влачил свои оковы;
Однажды вдруг заповорв звон —
И входит страж к нему суровый.

Проник — и, осенясь крестом,
Сказал: «За истину святую
И казнь мне будет торжеством!
Я мнил спасти страну родную **.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мне врагов коварных злоба?
Я посвящал себя добру
И верен правде был до гроба!»

* В автографе ИРЛИ:

Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Власть чужеземную в обломках...

** В автографе ИРЛИ:

Проник — и, осенясь крестом,
Сказал он: «За тебя, свобода!»
И к месту казни с торжеством
Шел бодро верный друг народа.

В его очах при мысли сей
Сверкнула с гордостью отвага;
И бодро из тюрьмы своей
Шел друг общественного блага.
Притек... увидел палача —
И голову склонил без страха.
Сверкнуло лезвие меча —
И кровью освятилась плаха!

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при вратах,
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! приведи
К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью к родине дыша,
Да все для ней он переносит
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом,
За страждущих — железной грудью,
И вечно заклятым врагом
Постыдному правосудью.

1821 или 1822

21. НАТАЛИЯ ДОЛГОРУКОВА

Княгиня Наталия Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитого сподвижника Петра Великого. Нежная ее любовь к несчастному своему супругу и непоколебимая твердость в страданиях увенчали ее имя.

Настала осени пора;
В долинах ветры бушевали,
И волны мутного Днепра
Песчаный берег подрывали.
На брег сей дикий и крутой,
Невольно слезы проливая,

Беседовать с своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребий мой:
Раздастся колокол церковный —
И я навек с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной!
О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом!
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом!

В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным.
Была гонима всюду я
Жезлом судьбины самовластной;
Увы! Вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

В борьбе с враждующей судьбой
Я отцветала в заточенье;
Мне друг прекрасный и молодой
Был дан, как призрак, на мгновенье.
Забыла я родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Чтоб с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность.

Все с твердостью перенесла
И, бедствуя в стране пустынной,
Для Долгорукого спасла
Любовь души своей невинной.
Он жертвой мести лютой пал,
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя меж снежных скал,
Ему в душе не изменила.

Судьба отраду мне дала
В моем изгнании унылом:
Я утешалась, я жила
Мечтой всегдашнею о милом!

В стране угрюмой и глухой
Она являлась мне как радость
И в душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

Но завтра, завтра я должна
Навек забыть о страсти нежной;
Живая в гроб заключена,
От жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свет,
И, холодна к любви и злобе,
Суровый выполню обет
Мечтать до гроба лишь о гробе.

О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом:
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом.
В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным».

Тут, сняв кольцо с своей руки,
Она кольцо поцеловала
И, бросив в глубину реки,
Лицо закрыла и взрыдала:
«Сокройся в шумной глубине,
Ты, перстень, перстень обручальный,
И в монастырской жизни мне
Не оживляй любви печальной!»

Река клубилась в берегах,
Поблеклый лист валился с шумом;
Порывный ветер шумел в полях
И бушевал в лесу угрюмом.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль реки
Дочь Шереметева младая.

Обряд свершился роковой...
Прости последнее веселье!

Одна с угрюмою тоской
Страдалица сокрылась в келье.
Там дни свои в посте влача,
Снедалась грустью безотрадной
И угасала, как свеча,
Как пред иконой огонь лампадный.

1823

22. ДЕРЖАВИН

Н. И. Гнедичу

Державин родился 1743 года в Казани. Он был воспитан сперва в доме своих родителей, а после в Казанской гимназии, в 1760 записан был в инженерную школу, а в следующем году за успехи в математике и за описание болгарских развалин переведен в гвардию в чине поручика, отличился в корпусе, посланном для усмирения Пугачева. В 1777 году поступил в статскую службу, а в 1802 году пожалован был в министры юстиции. Скончался июля 6 дня 1816 года в поместье своем на берегу Волхова.

«К бессмертным памятникам Екатеринина века принадлежат песнопения Державина. Громкие победы на море и сухом пути, покорение двух царств, унижение гордости Оттоманской Порты, столь страшной для европейских государей, преобразования империи, законы, гражданская свобода, великолепные торжества просвещения, тонкий вкус, все это было сокровищем для гения Державина. Он был Гораций своей государыни... Державин великий живописец... Державин хвалит, укоряет и учит... Он возвышает дух нации и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа...» — говорит *г. Мерзляков*.

С дерев валится желтый лист,
Не слышно птиц в лесу угрюмом,
В полях осенних ветров свист,
И плещут волны в берег с шумом.
Над Хутынским монастырем
Приметно солнце догорало,
И на главах златым лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омрачен,
Младый певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,
И заблестал огонь во взгляде:

«Что вижу я?.. на сих берегах,—
Он рек,— для севера священный
Державина ль почитет прах
В обители уединенной?»

И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской
Сел у подножия гробницы;
И долго молча он сидел,
И мрачную тревожим думой,
Певец задумчивый глядел
На грустный памятник урюмо.

Но вдруг, восторженный, вещал:
«Что я напрасно здесь тоскую?
Наш дивный бард не умирал:
Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венков нетленный,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг,
Он так твердил любимцам трона:

«Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно!
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно;
Что он орудье власти есть,
Всех царственных подпора зданий;
Должны быть польза, слава, честь
Вся мысль его, цель слов, деяний»¹.

О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:

¹ См. «Вельможа», соч. Державина.

Святая правда — долг его,
Предмет — полезным быть для света.
Служитель избранный творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.

Ему неведом низкий страх *;
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.
Над ним кто будет властелин? —
Он добродетель свято ценит
И ей нигде, как верный сын,
И в думах тайных не изменит.

* В автографе вместо строф 8—12 было:

К неправде он кипит враждой.
Ярмо граждан его тревожит;
Как вольный славянин душой,
Он раболепствовать не может.
Повсюду тверд, где б ни был он —
Наперекор судьбе и року;
Повсюду честь — ему закон,
Везде он явный враг пороку.

Греть грозой противу зла
Он чтит святым себе законом
С спокойной важностью чела
На эшафоте и пред треном.
Ему неведом низкий страх,
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом свободным зажигает.

Ему ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.
Повсюду Правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.

Поклонник пламенный Добра,
Ничем себя не опорочит
И освященного пера
В нечестье буйном не омочит.
Над ним и рок не властелин!
Он истину достойно ценит,
И ей нигде, как верный сын,
И в тайных думах не изменит.

Таков наш бард Державин был,—
Всю жизнь он вел борьбу с пороком;
Судьям ли правду говорил,
Он так гремел с святым пророком:
«Ваш долг на сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
И свято сохранять законы.

Ваш долг несчастным дать покров,
Всегда спасать от бед невинных,
Исторгнуть бедных из оков,
От сильных защищать бессильных»¹.
Певцу ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.

Повсюду Правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.
Поклонник пламенный Добра,
Ничем себя не опорочит
И освященного пера —
В нечестье буйном не омочит.

Творцу ли гимн святой звучит
Его восторженная лира —
Словами он, как гром, гремит,
И вторят гимн народы мира.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Откажет ли и самый рок
Тебе в бессмертии, Державин?

Ты прав, певец: ты будешь жить,
Ты памятник воздвигнул вечный,—
Его не могут сокрушить
Ни гром, ни вихорь быстротечный»².
Певец умолк — и тихо встал;

¹ См. «Властителям и судиям», его же.

² См. Памятник, подражание Державина Горациевой оде: «Eхegi monumentum aere perennius...».

В нем сердце билось, и в волненье,
Вздыхнув, он, отходя, вешал
В каком-то дивном исступленьи:

«О, пусть не буду в гимнах я,
Как наш Державин, дивен, громок,—
Лишь только б молвил про меня
Мой образованный потомок:
„Парил он мыслию в веках,
Седую вызывая древность,
И воспалял в молодых сердцах
К общественному благу ревность!“»

1822

**ДУМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ
В ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ. НЕОКОНЧЕННОЕ**

23. <ВИДЕНИЕ АННЫ ИОАНОВНЫ>

Свершилась казнь — и образец
Любви к отечеству священной
Приял страдальческий венец,
Венец прекрасный и нетленный!
Волынский тверд был до конца!
Не уstraшенный мукой казни,
Он важность гордого лица
Не изменил чертой боязни.

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота;
Сверкнул — глава упала с плеч
И покатилаcь с эшафота.
И страх, и тайную тоску
Льстецы в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой;
Как будто камень, залегла
Тоска в душе ее угрюмой!
С тех пор от ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться:
Ее очам и день и ночь
Какой-то призрак стал являться...

Однажды пир шумел в дворце,
Гремела музыка на хорах;
У всех веселье на лице
И упоение во взорах.
В душе своей утомлена,

Бледна, печальна и угрюма,
Царица в тронную одна
Ушла украдкою от шума.

Увы! и радость не могла
Ее порадовать улыбкой
И мрачность бледного чела
Развеселить, хотя ошибкой!
«О, где найду душе покой?» —
Она в раздумье возопила
И, опершись на трон рукой,
Уныло голову склонила.

«И в шуме пиршеств, и в тиши
Меня раскаянье терзает;
Оно из глубины души
Волынского напоминает!..»
«Он здесь!» — внезапно зазвучал
По сводам тронной страшный голос...
В царице трепет пробежал,
И дыбом приподнялся волос!..

Она взглянула — перед ней
Глава Волынского лежала
И на нее из-под бровей
С укором очи устремляла.
Лик смертной бледностью покрыт,
Уста раскрытые трепещут;
Как огонь болотный в ночь горит,
Так очи в ней неясно блещут.

Кругом главы во тьме ночной
Какой-то чудный свет сияет,
И каплющая кровь порой
Помост чертога обагряет.
Рисует каждая черта
Страдальца славного отчизны;
Вдруг посинелые уста
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты?.. Давно я жду
Тебя к творцу на суд священный;
Там каждый восприимлет мзду,
Равны там царь и раб презренный!»
Окончив грозные слова,

По-прежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...

Гром музыки звучал еще,
Весельем оживлялись лица;
Все ждали Анну — но вотще!
Не возвращалась царица...
Исчезла радость, шум затих;
На царедворцах мрак угрюмый,
И каждый, глядя на других,
Спешит домой с тяжелой думой.

1822

24. ЯКОВ ДОЛГОРУКИЙ

Корабль летел как на крылах,
Шумя уныло парусами,
И, зарываясь в волнах,
Клубил их и вздымал буграми.
Седая пена за кормой
Рекой клубящейся бежала
И шум однообразный свой
С ревушей бурей сливала.

На шканцах шумною толпой
Стояли с пленниками шведы,—
Они летели в край родной
С отрадной вестию победы.
Главу склонив, с тоской в очах
И на крест опустивши руки,
На верхней палубе, в мечтах,
Сидел отважный Долгорукый.

Об чем ты думаешь, герой?
Об чем в унынии мечтаешь?
Знать, мыслишь о стране родной
И плен постыдный проклинаешь.
Он говорил: «Родной земли
Уже не зреть страдальцу боле;
Умру, как изгнанник вдали,
Умру с бесславием в неволе.

В печальном плене дни влача
В своей темнице безотрадной,
Я буду таять, как свеча,
Как пред иконой огонь лампадный;
В печальном плене дни влача,
Вотще пылаю славой дедов;
Увы! не притупить меча
Тебе об кости грозных шведов.

Уж для меня, как битвы знак,
Не загремят в полках литавры,
И не украсят мой шишак
Неувядаемые лавры.
Не буду я, служа Добру,
Творить вельможам укоризны
И правду говорить Петру
Для благоденствия Отчизны.

Ах! лучше смерть в седых валах,
Чем жизнь без славы и свободы;
Не русскому стенать в цепях
И изнывать без цели годы». —
Так пел герой. Меж тем вдали
Уже сияли храмов шпицы,
Чернелись берега земли
И стаями неслися птицы.

Вот видны башни на скалах:
То Готенбург на бреге диком —
И шведы с пламенем в очах
Приветствуют отчизну криком!
Подняв благочестивый взор
И к небу простирая длани,
В слезах благодарит пастор
И бога вод, и бога брани.

Вокруг него толпы врагов,
Молясь, упали на колена...
Бушует ветр меж парусов,
Корабль летит, клубится пена.
Катятся слезы из очей
И груди шведов орошают;
Они отцов, сестер, детей
Уже в мечтаньях обнимают...

Вдруг Долгорукий загремел:
«За мной! Расторгнем плен постыдный!
Пусть слава будет нам удел
Иль смертью умрем завидной».
Лилася кровь, сверкал булат,
Пал неприятель изумленный,
И завоеванный фрегат
Помчался в Ревель покоренный.

1823

25. ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ В РОЖЕСТВЕНЕ

Страшно воеет лес дремучий,
Ветр в ущелиях свистит,
И украдкой из-за тучи
Месяц в Оредеж глядит.

Там разбросаны жилища
Угнетенной нищеты,
Здесь стоят средь красоты
Деревенского кладбища
Деревянные кресты.
Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
И вослед себе ведут
Берега, поросши лесом...
Кто ж сидит на черном пне
И, вокруг глядя со страхом,
В полунощной тишине
Тихо шепчется с монахом?

«Я готов, отец святой,
Но ведь царь — родитель мой...»
«Не лжеумствуй своенравно! —
Слышен голос старика.
Гибель церкви православной
Вижу я издалека...
Видишь сам, — уж все презренно:
Предков нравы и права,
И обычай их священный,
И родимая Москва!

Ждет спасенья наша вера
От тебя, младый герой;
Иль не зришь себе примера:
Мать твоя перед тобой.
Все царица в жертву богу
Равнодушно принесла
И блестящему чертогу
Мрачну келью предпочла.
В рай иль в ад тебе дорога...
Сын мой! слушай чернеца;
Иль отца забудь для бога,
Или бога для отца!»

Смолк монах. Царевич юный
С пня поднялся, говоря:
«Так и быть! Сберу перуны
На отца и на царя!..»

<1823 ?>

26. ВЛАДИМИР СВЯТЫЙ

Ни гром побед, ни звуки славы,
Ничто Владимира утешить не могло,
Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное чело...

Братоубийством отягченный,
На светлых пиршествах сидел он одинок
И, тайной мыслию смущенный,
Дичился радостей, как узанный порок.

Напрасно пение Бояна
И *рокот струн живых* ласкали княжий слух,—
Души не исцелялась рана,
И все тревожился и тосковал в нем дух!

Однажды он с привычной думой,
На длань склонен главой, уединясь, сидел
И с дикостью души угрюмой
На вновь воздвигнутый Перунов лик глядел.

Вокруг зеленого кургана
Толпами шумными на теремном дворе
Народ кипел у истукана,
Сиявшего, как луч, и в злате, и в серебре!..

«Перун! твой лик я здесь поставил,—
Вещал страдалец князь.— Мировправитель бог!
Тебя я всех признать заставил
И дуб, священный дуб перед тобой возжег!

Почто ж не укротишь волненья
Обуреваемой раскаяньем души!
Увы! ужасные мученья
Меня преследуют и в шуме, и в тиши.

Молю у твоего кумира:
Предел страданиям душевным положи,—
Пересели меня из мира
Или по-прежнему с веселием сдружи!»

Вдруг видит старца пред собою!
Почтенный, важный вид: спокойствие в чертах,
Брада до чресл седой волною,
Кудрями волосы седые на плечах.

На посох странничий склоненный,
В десной распятие золотое он держал;
И в князя взор его вперенный
На душу грешника смятенье проливал...

«Кто ты?» — Владимир с изумленьем
И гласом трепетным пришельца спросил.
«Посол творца! — он рек с смиреньем,—
Ты бога вышнего делами прогневил...

Ни в Чернобоге, ни в Перуне,
Ни в славе, ни в пирах Владимиров покой;
Его ты, грешник, жаждешь втуне:
Как за добычей вран, так совесть за тобой!..

Но что, о князь, сии терзанья!
Тебя, отверженец, ужаснейшие ждут!
Наступит час — ценить деянья!
Воскреснут мертвые! Настанет Страшный суд!

И суд сей будет непреложен, —
Твое могущество тебя не защитит!
Там раб и царь равно ничтожен —
Всевышний судия на лица не глядит.

Пред ним угаснет блеск короны!
И князю-грешнику один и тот же ад,
Где вечный скрежет, плач и стоны
С рабами низкими властителя сравнят!»

Так говорил пришлец священный,
И пылкий, яркий огонь в глазах его блистал,
И князь, трепещущий, смятенный,
Лия потоки слез, словам его внимал!..

«О, чем же я избегну ада?..
Наставь, наставь меня!.. — Владимир старцу рек: —
Из твоего читаю взгляда,
Что ты, таинственный, спасти меня притек!..»

«Крести себя, крести народы! —
В ответ вещал святой, — и ты себя спасешь!
И славу дел из рода в роды
С благословением потомства перельешь!

Тогда не ад, блаженство рая
И вечность дивная тебя, Владимир, ждут,
Где сонмы ангелов, порхая,
Пред троном вышнего твой подвиг воспоют!»

«Крести ж, крести меня, о дивный!» —
В восторге пламенном воскликнул мудрый князь...
Наутро звук трубы призывный —
И рать Владимира к Херсону понеслась...

На новый подвиг, с новым жаром
Летят дружинами с вождем богатыри,
Зарделись небеса пожаром,
Трепещет Греция и гордые цари!..

Так в князе огонь души надменной,
Остаток мрачного язычества горел:
С рукой царевны несравненной
Он веру самую завоевать летел...

< 1822 или 1823 ? >

27. <ВАДИМ>

Над кипящею п<учиною>
Ходит сумрачно <Вадим> *
И на Новгород <с кручи>ною
Смотрит нем и недвижим.

Страсти пылкие рисуются
На челе его младом;
Перси юные волнуются,
И глаза блестят огнем.

Гром гремит! Змеей огнистою
Воздух молния сечет.
Волхов пеной серебристою
В берег плещет и ревет.

До какого нас бесславия
Довели вражды граждан —
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян!

Грозен князь самовластительный!
Но наступит мрак ночной,
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой.

Вот уж небо в звезды рядится,
Как в серебряный венец,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто в саване мертвец...

<1821—1823>

28

На гордой крутизне берегов
Стоит во мраке холм Олегов;
Под Киевом вокруг костров
Пируют шайки печенегов.
Отраднa им гроза набегов,

* В первоначальных набросках было:

Над кипящею пучиною,
Подпершись, сидит Вадим.

Им наслаждение война;
На лицах варваров видна
Печать свирепых, диких нравов.
Среди вождей перед костром
Их князь сидит на пне седом,
И буйную толпу кругом
Обходит череп Святославов
С заморским пенистым вином...

⟨1821—1823⟩

29. <МАРФА ПОСАДНИЦА>

1

Была уж полночь. Бранный шум
Затих на стогнах Новограда,
И Марфы беспокойный ум —
Свободы тщетная ограда —
Вкушал покой от мрачных дум.

В полях сверкали огоньки;
Расположась обширным станом
Близ озера и вдоль реки,
Вдали чернели за туманом
Царя отважного полки.

Все было в непробудном сне;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стене,
И Волхов в берега крутые
Плескал волною в тишине.

[И долго длилась тишина,
Заря на небе зажигалась,
И вся окрестная страна,
И вся природа пробуждалась,
Покоя сладкого полна.]

Покой и мрак среди домов...
Вдруг с Ярославова Дворища
Звон вечевых колоколов —
И грянул, бросив пепелища,
Народ со всех Пяти Концов.

. . . .

Простите вы, поля, долины, реки!
 С волнением растерзанной души
 Я с вами днесь прощаюся навеки:
 Мне суждено окончить дни в глуши.

Твои, о Новгород! разрушенны твердыни
 Перед царем легли в <о> прах,
 Окрестности превращены в пустыни,
 И Марфа гордая в цепях!

[Как гордый дуб в час грозной непогоды,
 Покорены свободные народы.]
 И вече в прах, и древние права,
 И гордую защитницу свободы
 В цепях увидела Москва.

Решать дела привыкли мы на Вече,
 Нам не грози, покорная Москва.
 За мной, друзья! умрем в кровавой сече
 Иль отстоим священные права!

Нам от беды не откупиться златом.
 Мы не рабы: мы мир приобретем,
 Как люди вольные, своим булатом
 И дружество скрепим копьём.

Все отнял рок жестокий и суровый:
 Отечество, свободу, сыновей.
 И вместо них мне дал одни оковы
 И вечный мрак тюрьмы моей.

Свершила я свое предназначенье;
 Что мило мне, чем в свете я жила:
 Детей, свободу и свое именьё —
 Все родине я в жертву принесла.

Душа моя тверда, как дуб нагорный,
 Напрасно бедствия сразить ее хотят
 [Вотще ревет и вихрь, и ветр упорный]

.....

Не ездили из Новгорода в степи
 Мы на поклон в презренную Орду;

Мы на себя не налапали цени
И
Кто чести друг, кто друг прямой народа
.

Что случилось с ней — народное преданье
В унылой робости молчит.
С Посадницей исчезнула свобода,
И Новгород в развалинах лежит...

(1822—1823)

30. <МЕНШИКОВ>

[В стране угрюмой] и глухой *,
Где Сосва с бурей часто воеет
И берег дикий и крутой
Шумящею волною роет,—
Между кудрявым тальником,
Близ церкви, осененной бором,
Чернеет обветшалый дом
С полуразрушенным забором.

«Будь ласков, дедушка, ко мне:
Скажи, над чьей простой могилой
Стоит под елью в стороне,
К земле склонившись, крест унылый?
Сугробы снега занесли
Пустынный холм и все кладбище,
Там церковь новая вдали,
Тут обветшалое жилище.
С могилки две стези бегут:

* Сохранился иной вариант начала думы:
В краю, где солнце редко блещет
На мрачных небесах,
Где Сосва в берег с ревом плещет,
Где воеет ветер в лесах,
Где снег лежит две трети года,
Как саван гробовой,
И полумертвая природа
[Чуть оживляется с весной],
Где царство вьюги и мороза,
Где жизни нет ни в чем,
Чернеет сумрачно береза
На берегу крутом.

Одна бежит по косогору
В убогий нищеты приют,
Другая змейкой вьется к бору...

Не в сих местах мой край родной
Я на чужбине здесь, я в ссылке;
Скажи мне, дедушка седой!
Чей прах почует в той могилке?»
«Как ты, из дальней стороны
В сей край изгнанные судьбою,
Под той могилою простою
Отец и дочь схоронены.
Отец, как здесь болтали тайно,
Был другом [мудрого] Петра»*.

* Имеется и иной набросок рассказа о Меншикове:
[Любил уединенье он:
Я часто зрел его, мой сын]
Склоняся на руку главой,
Угрюмый, мрачный и безмолвный,
Он часто, позднею порой,
Сидел на паперти церковной.
[Тут познакомился я с ним,
Он подал мне на дружбу руку.]

ПОЭМЫ

1. ВОЙНАРОВСКИЙ

...Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...¹

Dante

А. А. БЕСТУЖЕВУ

Как странник грустный, одинокий,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистный
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне:
Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства,—
Я не Поэт, а Гражданин.

¹ Нет большего горя, как вспоминать о счастливом времени в несчастье. Данте.— *Ред.*

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МАЗЕПЫ

Мазепа принадлежит к числу замечательнейших лиц в российской истории XVIII столетия. Место рождения и первые годы его жизни покрыты мраком неизвестности. Достоверно только, что он провел молодость свою при варшавском дворе, находился пажом у короля Иоанна Казимира и там образовался среди отборного польского юношества. Несчастные обстоятельства, до сих пор еще не объясненные, заставили его бежать из Польши. История представляет нам его в первый раз в 1674 году главным советником Дорошенки, который, под покровительством Польши, правил землями, лежавшими по правой стороне Днепра. Московский двор решился присоединить в то время сии страны к своей державе. Мазепа, попавшись в плен при самом начале войны с Дорошенком, советами против бывшего своего начальника много способствовал успеху сего предприятия и остался в службе у Самойловича, гетмана малороссийской Украины. Самойлович, заметив в нем хитрый ум и пронырство, увлеченный его красноречием, употреблял его в переговорах с царем Феодором Алексеевичем, с крымским ханом и с поляками. В Москве Мазепа вошел в связи с первыми боярами царского двора и после неудачного похода любимца Софии князя Василья Васильевича Голицына в Крым в 1687 году, чтоб отклонить ответственность от сего вельможи, он приписал неуспех сей войны благодетелю своему Самойловичу, отправил о сем донос к царям Иоанну и Петру и в награду за сей поступок был, по проискам Голицына, возведен в звание гетмана обеих Украин.

Между тем война с крымцами не устала: поход 1688 года был еще неудачнее прошлогоднего; здесь в то время произошла перемена в правлении. Владычество Софии и ее любимца кончилось, и власть перешла в руки Петра. Мазепа, опасаясь разделить несчастную участь с вельможею, которому он обязан был своим возвышением, решился объявить себя на стороне юного государя, обвинил Голицына в лихоимстве и остался гетманом.

Утвержденный в сем достоинстве, Мазепа всячески старался снискать благоволение российского монарха. Он участвовал в азовском походе; во время путешествия Петра по чужим краям счастливо воевал с крымцами и один из первых советовал разорвать мир с шведами. В словах и поступках он казался самым ревностным поборником выгод России, изъявлял совершенное покорство воле Петра, предупреждал его желанья, и в 1701 году, когда буджацкие и белгородские татары просили его о принятии их в покровительство, согласно с древними обычаями козаков, «прежние козацкие обыкновения миновались, — отвечал он депутатам, — гетманы ничего не делают без повеления государя». В письмах к царю Мазепа говорил про себя, что он один и что все окружающие его недоброжелательствуют России; просил, чтоб доставили ему случай показать свою верность, позволив участвовать в войне против шведов, и в 1704 го-

ду, после похода в Галицию, жаловался, что король Август держал его в бездействии, не дал ему способов к оказанию важных услуг русскому царю.— Петр, плененный его умом, познаниями и довольный его службою, благоволил к гетману особенным образом. Он имел к нему неограниченную доверенность, осыпал его милостями, сообщал ему самые важные тайны, слушал его советов. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его в измене, государь велел отсылать их в Малороссию и судить как ябедников, осмелившихся поносить достойного повелителя козаков. Еще в конце 1705 года Мазепа писал к Головкину: «никогда не отторгнусь от службы премилостивейшего моего государя». В начале 1706 года был он уже изменник.

Несколько раз уже Станислав Лещинский подсылал к Мазепе поверенных своих с пышными обещаниями и убеждениями преклониться на его сторону, но последний отсылал всегда сии предложения Петру. Замыслив измену, повелитель Малороссии почувствовал необходимость притворства. Ненавидя россиян в душе, он вдруг начал обходиться с ними самым приветливым образом; в письмах своих к государю уверял он более чем когда-нибудь в своей преданности, а между тем потаенными средствами раздувал между козаками неудовольствие против России. Под предлогом, что козаки ропщут на тягости, понесенные ими в прошлогодних походах и в крепостных работах, он распустил войско, вывел из крепостей гарнизоны и стал укреплять Батурин; сам Мазепа притворился больным, слег в постель, окружил себя докторами, не вставал с одра по несколько дней сряду, не мог ни ходить, ни стоять, и в то время как все полагали его близким ко гробу, он приводил в действие свои намерения: переписывался с Карлом XII и Лещинским, вел по ночам переговоры с присланным от Станислава иезуитом Зеленским о том, на каких основаниях сдать Малороссию полякам, и отправлял тайных агентов к запорожцам с разглашениями, что Петр намерен истребить Сечу и чтоб они готовились к сопротивлению. Гетман еще более начал притворяться по вступлении Карла в Россию. В 1708 году болезнь его усилилась. Тайные пересылки с шведским королем и письма к Петру сделались чаще. Карла умолял он о скорейшем прибытии в Малороссию и избавлении его от ига русских, и в то же время писал к графу Гавриле Ивановичу Головкину, что никакие прелести не могут отторгнуть его от высокодержавной руки царя русского и поколебать недвижимой его верности. Между тем шведы были разбиты при Добром и Лесном, и Карл обратился в Украину. Петр повелел гетману следовать к Киеву и с той стороны напасть на неприятельский обоз; но Мазепа не двигался из Борзны; притворные страдания его час от часу усиливались; 22 октября 1708 года писал он еще к графу Головкину, что он не может ворочаться без пособия своих слуг, более 10 дней не употребляет пищи, лишен сна и, готовясь умереть, уже соборовался маслом, а 29, **явившись** в Горках с 5000 козаков, положил к стопам Карла XII булаву и бунчук, в знак подданства и верности.

Что побудило Мазепу к измене? Ненависть ли его к русским, полученная им еще в детстве, во время его пребывания при польском дворе? Любовная ли связь с одною из родственниц Станислава Лещинского, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, как некоторые полагают, любовь к отечеству, внушившая ему неуместное опасение, что Малороссия, оставшись под владычеством русского царя, лишится прав своих? Но в современных актах ее не вижу в поступке гетмана Малороссии сего возвышенного чувства, предполагающего отвержение от личных выгод и пожертвование собою пользе сограждан. Мазепа в универсалах и письмах своих к козакам клялся самыми священными именами, что действует для их блага; но в тайном договоре с Станиславом отдавал Польше Малороссию и Смоленск с тем, чтоб его признали владельческим князем полоцким и витебским. Низкое, мелочное честолюбие привело его к измене. Благо козаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для скрытия своего вероломства, и мог ли он, воспитанный в чужбине, уже два раза опятнавший себя предательством, двигаться благородным чувством любви к родине?

Генеральный судья Василий Кочубей был давно уже в несогласии с Мазепой. Ненависть его к гетману усилилась с 1704 года, после того как сей последний, во зло употребляя власть свою, обольстил дочь Кочубея и, смеясь над жалобами родителей, продолжал с нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепе; узнав о преступных его замыслах, может быть движимый усердием к царю, решился открыть их Петру. Согласившись с полтавским полковником Искрою, они отправили донос свой в Москву, а вскоре потом и сами туда явились; но двадцатилетняя верность Мазепы и шестьдесят четыре года жизни отдаляли от него всякое подозрение. Петр, приписывая поступок Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, велел отослать их в Малороссию, где сии несчастные, показав под пыткой, что их показания ложны, были казнены 14 июля 1708 года в Борщаговке, в 8 милях от Белой Церкви.

А. К<орнилович>

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВОЙНАРОВСКОГО

Андрей Войнаровский был сын родной сестры Мазепы, но об его отце и детстве нет никаких верных сведений. Знаем только, что бездетный гетман, провидя в племяннике своем дарования, объявил его своим наследником и послал учиться в Германию наукам и языкам иностранным. Объехав Европу, он возвратился домой, обогатив разум познанием людей и вещей. В 1705 году Войнаровский послан был на службу царскую. Мазепа поручил его тогда особому покровительству графа Головкина; а в

1707 году мы уже встречаем его атаманом пятитысячного отряда, посланного Мазепю под Люблин в усиление Меншикова, откуда и возвратился он осенью того же года. Участник тайных замыслов своего дяди, Войнаровский в решительную минуту впадения Карла XII в Украину отправился к Меншикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведение. Но Меншиков уже был разочарован: сомнения об измене Мазепы превращались в вероятия, и вероятия склонились к достоверности — рассказы Войнаровского остались втуне. Видя, что каждый час умножается опасность его положения, не принося никакой пользы его стороне, он тайно отъехал к войску. Мазепа еще притворствовал: показал вид, будто разгневался на племянника, и, чтобы удалить от себя тягостного наждателя, полковника Протасова, упробил его исходатайствовать лично у Меншикова прощение Войнаровскому за то, что тот уехал не простясь. Протасов дался в обман и оставил гетмана, казалось, умирающего. Явная измена Мазепы и прилучение части козацкого войска к Карлу XII последовали за сим немедленно, и от сих пор судьба Войнаровского была нераздельна с судьбою сего славного изменника и венценосного рыцаря, который не раз посылал его из Бендер к хану крымскому и турецкому двору, чтобы восстановить их противу России. Станислав Лещинский нарек Войнаровского коронным воеводою Царства Польского, а Карл дал ему чин полковника шведских войск и по смерти Мазепы назначил гетманом обеих сторон Днепра. Однако ж Войнаровский потерял блестящую и верную надежду быть гетманом всей Малороссии, ибо намерение дяди и желание его друзей призывали его в преемники сего достоинства, отклонил от себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни беглецы, и даже откупился от оногo, придав Орлику 3000 червонных к имени гетмана и заплатив кошевому 200 червонцев за склонение козаков на сей выбор. Наследовав после дяди знатное количество денег и драгоценных каменьеb, Войнаровский приехал из Турции и стал очень роскошно жить в Вене, в Бреславле и в Гамбурге. Его образованность и богатство ввели его в самый блестящий круг дворов германских, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется, весьма двусмысленное) с славною графинею Кенигсмарк, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица де Сакс. Между тем как счастье ласкало так Войнаровского забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намереваясь отправиться в Швецию для получения с Карла занятых им у Мазепы 240 000 талеров, он приехал в 1716 году в Гамбург, где и был схвачен на улице магистратом по требованию российского резидента Беттахера. Однако ж, вследствие протестации венского двора, по правам нейтралитета, отправление его из Гамбурга длилось долго, и лишь собственная решимость Войнаровского отдаться милости Петра I предала его во власть русских. Он представился государю в день именин императрицы, и ее заступление спасло его от казни. Войнаровский был сослан со всем семейством в Якутск, где и кончил жизнь свою, но когда и как, неизвестно. Миллер, в бытность свою в Сиби-

ри в 1736 и 1737 годах, видел его в Якутске, но уже одичавшего и почти забывшего иностранные языки и светское обхождение.

Такова была жизнь Войнаровского, и нрав его виден в делах. Он был отважен, ибо Мазепа не вверил бы ему многочисленного отряда людей независимых, у коих одни личные достоинства могли скреплять власть; красноречив, что доказывают поручения от Карла XII и Мазепы; решителен и неуклончив, как это видно из размолвки его с Меншиковым; наконец, ловок и обходителен, ибо тщеславие не нарекло бы его в Вене графом ¹⁾, если бы любезный дикарь сей не имел тонкости светской; одним словом, Войнаровский принадлежал к числу тех немногих людей, которых Великий Петр почтил именем опасных врагов. Без сомнения, Войнаровский, одаренный сильным характером, которому случай дал развернуться в такую славную эпоху, принадлежит к числу любопытнейших лиц прошлого века — лиц, равно присвоенных истории и поэзии, ибо превратность судьбы его предупредила все вымыслы романтика.

А. <Бестужев>

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В стране метелей и снегов,
На берегу широкой Лены,
Чернеет длинный ряд домов
И юрт бревенчатые стены ¹⁾.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких;
Вдали шумит дремучий бор,
Белеют снежные равнины,
И тянутся кремнистых гор
Разнообразные вершины...

Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узников тюрьмы,
Не посетит, боясь зимы

¹⁾ В Вене называли его графом.

И продолжительной, и хладной.
Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалый;
Лишь раз иль дважды в круглый год,
С толпой преступников усталой,
Дружина воинов придет;
Иль за якутскими мехами,
Из ближних и далеких стран,
Приходит с русскими купцами
В забытый город караван.
На миг в то время оживится
Якутск унылый и глухой,
Все зашумит, засуетится,
Народы разные толпой:
Якут и юкагир пустынный,
Неся богатый свой ясак ²,
Лесной тунгуз и с пикой длинной
Сибирский строевой козак.

Тогда зима на миг единый
От мест угрюмых отлетит;
Безмолвный лес заговорит,
И чрез зеленые долины
По камням Лена зашумит.
Так посещает в подземелье
Почти убитого тоской
Страдальца узника порой
Души минутное веселье.
Так в душу мрачную влетит
Подчас спокойствие ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодея прояснит...

Но кто украдкою из дому,
В тумане раннею порой,
Идет по берегу крутому
С винтовкой длинной за спиной;
В полукафтанье, в шапке черной
И перетянут кушаком,
Как стран Днепра козак проворный
В своем наряде боевом?
Взор беспокойный и угрюмый,
В чертах суровость и тоска,
И на челе его слегка
Тревожные рисует думы

Судьбы враждующей рука.
Вот к западу простер он руки;
В глазах вдруг пламень засверкал,
И с видом нестерпимой муки,
В волненье сильном он сказал:

«О край родной! поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святыя,
Изгнаннику не обнимать.

Горит напрасно пламень пылкий,
Я не могу полезным быть:
Средь дальней и позорной ссылки
Мне суждено в тоске изныть.

О край родной! поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святыя,
Изгнаннику не обнимать».

Сказал; пошел по косогору;
Едва приметною тропой
Поворотил к сырому бору,
И вот исчез в глуши лесной.
Кто ссыльный сей, никто не знает;
Давно в страну изгнанья он,
Молва народная вешает,
В кибитке крытой привезен.
Улыбки не видать приветной
На незнакомце никогда,
И поседели уж приметно
Его и ус, и борода.
Он не варнак³, смотри: не видно
Печати роковой на нем,
Для человечества постыдной,
В чело клейменной палачом.
Но вид его суровой вдвое,
Чем дикий вид чела с клеймом;
Покоен он — но так в покое
Байкал⁴ пред бурей мрачным днем.
Как в час глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей месяц спит,
Могильный огонек горит,—
Так незнакомца блещут очи.

Всегда дичится и молчит,
Один, как отчужденный, бродит,
Ни с кем знакомства не заводит,
На всех сурово он глядит...

В стране той хладной и дубравной
В то время жил наш Миллер⁵ славный:
В укромном домике, в тиши,
Работал для веков в глуши,
С судьбой боролся своенравной
И жажду утолял души.
Из родины своей далекой
В сей край пустынный завлечен
К познаниям страстию высокой,
Здесь наблюдал природу он.
В часы суровой непогоды
Любил рассказы стариков
Про Ермака и козаков,
Про их отважные походы
По царству хлада и снегов;
Как часто, вышедши из дому,
Бродил по целым он часам
По океану снеговому,
Или по дебрям и горам.
Следил, как солнце, яркий пламень
Разлив по тверди голубой,
На миг за Кангалацкий камень
Уходит летнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климат жестокий и суровый
И диких нравов простота.

Однажды он в мороз трескучий,
Оленя гнав с сибирским псом,
Вбежал на лыжах в лес дремучий —
И мрак и тишина кругом!
Повсюду сосны вековые
Иль кедры в инее седом;
Сплелися ветви их густые
Непроницаемым шатром.
Не видно из лесу дороги...
Чрез хворост, кочки и снега
Олень несется быстроногий,
Закинув на спину рога,

Вдали меж соснами мелькает,
Летит... вдруг выстрел!.. быстрый бег
Олень внезапно прерывает...
Вот зашатался — и на снег
Окровавленный упадает.
Смущенный Миллер робкий взор
Туда, где пал олень, бросает,
Сквозь чашу, ветви, дичь и бор,
И зрит: к оленю подбегает
С винтовкой длинною в руке,
Окутанный дахою⁶ черной
И в длинношерстном чебаке⁷,
Охотник ловкий и проворный...

То ссыльный был. Угрюмый взгляд,
Вооруженье и наряд
И незнакомца вид унылый —
Все душу странника страшило.
Но, трепеща в глуши лесной
Блуждать один, путей не зная,
Преодолел он ужас свой
И быстрой полетел стрелой,
Бег к незнакомцу направляя.
«Кто б ни был ты,— он так сказал,—
Будь мне вожатым, ради бога;
Гнав зверя, я с тропы сбежал
И в глушь нечаянно попал;
Скажи, где на Якутск дорога?»
«Она осталась за тобой,
За час отсюда в ближнем доле;
Кругом все дичь и лес густой,
И вряд ли до ночи глухой
Успеешь выбраться ты в поле;
Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи займки⁸ скудной:
Пойдем — там в юрте до утра
Ты отдохнешь с охоты трудной».
Они пошли. Все глуше лес,
Все реже виден свод небес...
Погасло днёвное светило;
Настала ночь... Вот месяц всплыл,
И одинокий и унылый,
Дремучий лес осеребрил
И юрту путникам открыл.
Пришли — и ссыльный, торопливо

Вошел в угрюмый свой приют,
Вдруг застучал кремнем в огниво,
И искры сыпались на трут,
Мрак освещая молчаливый,
И каждый в сталь удар кремня
В углу обители пустынной
То дуло озарял ружья,
То ратовище пальмы⁹ длинной,
То саблю, то конец копья.

• Глаз с незнакомца не спуская,
Близ двери Миллер перед ним,
В душе невольный страх скрывая,
Стоит и нем, и недвижим...
Вот, вздув огонь, пришлец суровый
Проворно жирник¹⁰ засветил,
Скамью придвинул, стол сосновый
Простою скатертью накрыл
И с лаской гостя посадил.
И вот за трапезою сытной,
В хозяина вперяя взор,
Заводит странник любопытный
С ним о Сибири разговор.
В какое ж Миллер удивленье
Был незнакомцем приведен,—
И кто бы не был поражен:
Стран европейских просвещенье
В лесах сибирских встретил он!
Покинув родину, с тоскою
Два года Миллер, как чужой,
Бродил бездомным сиротою
В стране забытой и глухой.
Но тут, в пустыне отдаленной,
Он неожиданно, в глуши,
Впервые мог тоску души
Отвести беседой просвещенной.
При строгой важности лица,
Слова, высоких мыслей полны,
Из уст седого пришлеца
В избытке чувств текли, как волны.
В беседе долгой и живой
Глаза у обоих сверкали;
Они друг друга понимали;
И, как друзья, в глуши лесной
Взаимно души открывали.
Усталый странник позабыл

И поздний час, и сон отрадный,
И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье был.

«Ты знать желаешь, добрый странник,
Кто я и как сюда попал? —
Так незнакомец продолжал, —
Того до сей поры изгнанник
Здесь никому не поверял.
Иных здесь чувств и мнений люди:
Они не поняли б меня,
И повесть мрачная моя
Не взволновала бы их груди.
Тебе же тайну вверю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты в родине, как должно мужу,
Наукой просветил себя.
Ты все поймешь, ты все оценишь
И несчастливцу не изменишь...

Дивись же, странник молодой,
Как гонит смертных рок свирепый:
В одежде дикой и простой,
Узнай — сидит перед тобой
И друг, и родственник Мазепы! ¹¹
Я Войнаровский. Обо мне
И о судьбе моей жестокой
Ты, может быть, в родной стране
Слышал не раз с тоской глубокой...
Ты видишь: дик я и угрюм,
Брожу как остов, очи впали,
И на челе бразды печали,
Как отпечаток тяжких дум,
Страдальцу вид суровый дали.
Между лесов и грозных скал,
Как вечный узник безотраден,
Я одряхлел, я одичал
И, как климат сибирский, стал
В своей душе жесток и хладен.
Ничто меня не веселит,
Любовь и дружество мне чужды,
Печаль свинцом в душе лежит,
Ни до чего нет сердцу нужды.
Бегу, как недруг, от людей;
Я не могу снести их вида:

Их жалость о судьбе моей —
Мне нестерпимая обида.
Кто брошен в дальние снега
За дело чести и отчизны,
Тому сноснее укоризны,
Чем сожаление врага.

К чему напрасное моление!
И ты печально не гляди,
Не изъясляй мне сожаленье
И так жестоко не буди
В моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться ль, странник: я б желал,
Чтоб люди узника чуждались,
Чтоб взгляд мой душу их смущал,
Чтобы меня среди этих скал,
Как привидения, пугались.
Ах! может быть, тогда покой
Сдружился бы с моей душой...
Но знал и я когда-то радость,
И от души людей любил,
И полной чашею испил
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лоне счастья и свободы,
Мои младенческие годы
Ручьем игривым протекли;
Как легкий сон, как привиденье,
За ними радость на мгновенье,
А вместе с нею суеты,
Война, любовь, печаль, волнение
И пылкой юности мечты.

Враг хищных крымцев, враг поляков,
Я часто за Палеем ¹² вслед,
С ватагой ¹³ храбрых гайдамаков ¹⁴,
Искал иль смерти, иль побед.
Бывало, кони быстроноги
В степях и диких, и глухих,
Где нет жилья, где нет дороги,
Мчат вихрем всадников лихих.
Дыша любовью к дикой воле,
Бодры и веселы без сна,
Мы воздухом питались в поле

И малой горстью толокна ¹⁵.
В неотразимые наезды
Нам путь указывали звезды,
Иль шумный ветер, иль курган;
И мы, как туча громовая,
Внезапно и от разных стран,
Пустыню воплем оглашая,
На вражий наезжали стан,
Дружины грозные громили
Селения и грады в прах
И в земли чуждые вносили
Опустошение и страх.
Враги везде от нас бежали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
У нас сомнительный союз.

Однажды, увлечен отвагой,
Я, с малочисленной ватагой
Неустрашимых удалцов,
Ударил на толпы врагов.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смешались в рядах
И, строясь дале, на холмах,
Нам уступали поле драки.
Вдруг слышим крымцев дикий глас...
Поля и стонут, и трясутся...
Глядим — со всех сторон на нас
Толпы враждебные несутся...
В одно мгновенье тучи стрел
В дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотел:
Враги всё боле нас стесняли,
И наконец, покинув бой,
Мы степью дикой и пустой
Рассыпались и побежали...
Погоню слыша за собой,
И раненый, и изнуренный,
Я на коне летел стрелой,
Страшася в плен попасть презренный

Уж Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали,
За рубежом родной страны
Уж хутора ¹⁶ вдали мелькали.

Уж в куренях ¹⁷ я зрел огонь,
Уже я думал — вот примчался!
Как вдруг мой изнуренный конь
Остановился, зашатался
И близ границ страны родной
На землю грянулся со мной...

Один, вблизи степной могилы ¹⁸,
С конем издохнувшим своим,
Под сводом неба голубым
Лежал я мрачный и унылый.
Катился градом пот с чела,
Из раны кровь ручьем текла...
Напрасно, помощь призывая,
Я слабый голос подавал;
В степи пустынной исчезая,
Едва родясь, он умирал.

Все было тихо... Лишь могила
Уныло с ветром говорила.
И одинока, и бледна,
Плыла двурога луну
И озаряла сумрак ночи.
Я без движения лежал;
Уж я, казалось, замирал;
Уже, заглядывая в очи,
Над мною хищный вран летал...
Вдруг слышу шорох за курганом
И зрю: покрытая серпием
Козачка юная стоит,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня с немой тоскою
И нежной жалостью глядит.

О, незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебе,
Назло враждующей судьбе,
И здесь страдальцу упоенье!
Я не забыл его с тех пор;
Я помню сладость первой встречи,
Я помню ласковые речи
И полный состраданья взор.
Я помню радость девы нежной,
Когда страдалец безнадежный
Был под хранительную сень

Снесен к отцу ее в курень.
С какой заботою ходила
Она за страждущим больным;
С каким участием живым
Мои желанья ловила.
Я все утехи находил
В моей козачке черноокой;
В ее словах я негу пил
И облегчал недуг жестокий.
В часы бессонницы моей
Она, приникнув к изголовью,
Сидела с тихою любовью
И не сводя с меня очей.
В час моего успокоенья
Она ходила собирать
Степные травы и коренья,
Чтоб ими друга врачевать.
Как часто нежно и приветно
На мне прекрасный взор бродил,
И я козачку неприметно
Душою пылкой полюбил.
В своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковал, кипела кровь!
Но скоро пылкая любовь
И в милой деве запылала...
Настала счастья пора!
Подругой юной исцеленный,
С душой, любовью упоенной,
Я обновленный встал с одра.
Недолго мы любовь таили,
Мы скоро жар сердец своих
Ее родителям открыли
И на союз сердец просили
Благословения у них.

Три года молнией промчались
Под кровом хижины простой;
С моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
В кругу резвящихся детей,
На мирном лоне сладострастья
С козачкой милою моей
Вполне узнал я цену счастья.

Угрюмый гетман нас любил,
Как дед, дарил малюток милых
И наконец из мест унылых
В Батури́н нас переманил.

Все шло обычной чередой.
Я счастлив был; но вдруг покой
И счастье мое сокрылось;
Нагрянул Карл на Русь войной —
Всё на Украине ополчилось,
С весельем все летят на бой;
Лишь только мраком и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Из-под бровей нависших стал
Сверкать какой-то пламень дикий;
Угрюмый с нами, он молчал
И равнодушнее внимал
Полков приветственные клики.

Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всех скрывался,
Молчал — и собирал полки.
Однажды позднею порою
Он в свой дворец меня призвал;
Вхожу и слышу: «Я желал
Давно беседовать с тобою;
Давно хотел открыться я
И важную поверить тайну;
Но наперед заверь меня,
Что ты, при случае, себя
Не пожалеешь за Украйну».

«Готов все жертвы я принести,—
Воскликнул я,— стране родимой;
Отдам детей с женой любимой;
Себе одну оставлю честь».
Глаза Мазепы засверкали,
Как пред рассветом ночи мгла,
С его угрюмого чела
Сбежало облако печали.
Сжав руку мне, он продолжал:
«Я зрю в тебе Украйны сына;
Давно прямого гражданина
Я в Войнаровском угадал.

Я не люблю сердец холодных:
Они враги родной стране,
Враги священной старине:
Ничто им бремя бед народных.
Им чувств высоких не дано,
В них нет огня душевной силы,
От колыбели до могилы
Им пресмыкаться суждено.
Ты не таков, я это вижу;
Но чувств твоих я не унижу,
Сказав, что родину мою
Я более, чем ты, люблю.
Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детьми и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая мезтью,
Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью.
Но к тайне приступить пора:
Я чту Великого Петра;
Но — покоряся судьбине,
Узнай: я враг ему отныне!..
Шаг этот дерзок, знаю я;
От случая всему решенье,
Успех не верен, — и меня
Иль слава ждет, иль поношенье!
Но я решил: пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем, —
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем!»

Началом бед моих была
Сия беседа роковая!
С тех пор пора утех прошла,
С тех пор, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла.
Мазепе предался я слепо,
И, друг отчизны, друг добра,
Я поклялся враждой свирепой
Против Великого Петра.
Ах, может, был я в заблужденье
Кипящей ревностью горя;
Но я в слепом ожесточенье
Тираном почитал царя...

Быть может, увлеченный страстью,
Не мог я цену дать ему
И относил то к самовластью,
Что свет отнес к его уму.
Судьбе враждующей послушен,
Переносу я жребий свой,
Но, ах! вдали страны родной
Могу ль всегда быть равнодушен?
Рожденный с пылкою душой,
Полезным быть родному краю,
С надеждой славиться войной,
Я бесполезно изнываю
В стране пустынной и чужой.
Как тень, везде тоска за мною,
Уж гаснет огонь моих очей,
И таю я, как лед весною
От распалющихся лучей.
Душе честолюбивой бремя
Вести с бездействием борьбу;
Но как ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу — всю жизнь влача в кручине,
Тая тоску в душе своей,
Зреть гроб в безбрежной сей пустыне,
Далёко от родных степей...
Почто, почто в битвѣ кровавой,
Летая гордо на коне,
Не встретил смерти под Полтавой?
Почто с бесславием иль славой
Я не погиб в родной стране?
Увы! умру в сем царстве ночи!
Мне так сулил жестокий рок;
Умру я — и чужой песок
Изгнанника засыплет очи!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уж было ясно и светло,
Мороз стрелял в глуши дубравы,
По небу серому текло
Светило дня, как шар кровавый.
Но в юрту день не проникал;
Скользя сквозь ветви древ густые,
Едва на окна ледяные
Луч одинокий ударял.

Знакомцы новые сидели
Уже давно пред очагом;
Дрова сосновые дотлели,
Лишь угли красные блестели
Порою синим огоньком.
Недвижно добрый странник внемлет
Страдальца горестный рассказ,
И часто гнев его объемлет
Иль слезы падают из глаз...

«Видал ли ты, когда весной,
Освобожденная из плена,
В брегах крутых несется Лена,
Когда, гоня волну волной
И разрушая все преграды,
Ломает льдистые громады
Иль, поднимая дикий вой,
Клубится и бугры вздымает,
Утесы с ревом отторгает
И их уносит за собой,
Шумя, в неведомые степи?
Так мы, свои разрушив цепи,
На глас отчизны и вождей*,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.

Летая за гремющей славой,
Я жизни юной не щадил,
Я степи кровью обагрив
И свой булат в войне кровавой
О кости русских притупил.

Мазепа с северным героем
Давал в Украине бой за боем.
Дымились кровию поля,
Тела разбросанные гнили,
Их псы и волки теребили;
Казалась трупом вся земля!
Но все усилья тщетны были:
Их ум Петров преодолел;
Час битвы роковой приспел —

* В автографе ЦГАОР:

На глас свободы и вождей...

И мы отчизну погубили!
Полтавский гром загрохотал...
Но в грозной битве Карл свирепый
Против Петра не устоял!
Разбит, впервые он бежал;
Вослед ему — и мы с Мазепой.

Почти без отдыха пять дней
Бежали мы среди степей,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались нам.
Дрожа от стужи по ночам,
Изнемогая в день от зноя,
Едва сидели мы верхом...
Однажды в полночь под леском
Мы для минутного покоя
Остановились за Днепром.
Вокруг синела степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумела в берегах река.
На войлоке простом и грубом,
Главою на седло склонен,
Усталый Карл дремал под дубом,
Толпами ратных окружен.
Мазепа пред костром сосновым,
Вдали, на почерневшем пне,
Сидел в глубокой тишине,
И с видом мрачным и суровым,
Как другу, открывался мне:

«О, как неверны наши блага!
О, как подвластны мы судьбе!
Вотще в душах кипит отвага:
Настал конец святой борьбе.
Одно мгновенье все решило.
Одно мгновенье погубило
Навек страны моей родной
Надежду, славу и покой...
Мазепе ль духом унижаться?
Не буду рока я рабом;
И мне ли с роком не сражаться,
Когда сражался я с Петром?
Так, Войнаровский, испытаю,

Покуда длится жизнь моя,
Все способы, все средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоен я в душе своей:
И Петр, и я — мы оба правы:
Как он, и я живу для славы,
Для пользы родины моей».
Замолкнул он; глаза сверкали;
Дивился я его уму.
Дрова, треща, уж догорали.
Мазепа лег; но вдруг к нему
Двух пленных козак примчали.
Облокотясь, вождь седой,
Волнуем тайно мрачной думой,
Спросил, взглянув на них угрюмо:
«Что нового в стране родной?»

«Я из Батурина недавно,—
Один из пленных отвечал,—
Народ Петра благословлял
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал;
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан нам на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь — и брань, и поношенье!»

В ответ, склонив на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилег, безмолвный, на траву
И в плащ широкий завернулся.
Мы все с участием живым,
За гетмана пылая мезтью,
Стояли молча перед ним,
Поражены ужасной вестью.
Он приковал к себе сердца:
Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили.
Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украины
Иль в ней себе воздвигнуть трон,—
Мне гетман не открыл сей тайны.

Ко нраву хитрого вождя
Успел я в десять лет привыкнуть;
Но никогда не в силах я
Был замыслов его проникнуть.
Он скрытен был от юных дней,
И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.
Но знаю то, что, затая
Любовь, родство и глас природы,
Его сразил бы первый я,
Когда б он стал врагом свободы *.

С рассветом дня мы снова в путь
Помчались по степи унылой.
Как тяжело взволновалась грудь,
Как сердце юное заныло,
Когда рубеж страны родной
Узрели мы перед собой!

В волненье чувств, тоской томимый,
Я как ребенок зарыдал
И, взявши горсть земли родимой,
К кресту с молитвой привязал.
«Быть может,— думал я, рыдая,—
Украины мне уж не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня в чужбине утешая,
От грусти будешь врачевать,
Отчизну мне напоминая...»

Увы! предчувствие сбылось:
Судьбы веленьем самовластной
С тех пор на родине прекрасной
Мне побывать не довелось...

В стране глухой, в стране безводной,
Где только изредка ковыль
По степи стелется бесплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили,

* В изд. «Войнаровский», 1825:
Когда б он стал врагом народу

Страдал увенчанный беглец,
И с горстью шведов наконец
В Бендеры к туркам мы вступили.
Тут в страшный недуг гетман впал;
Он непрестанно трепетал
И, взгляд кругом бросая быстрый,
Меня и Орлика он звал
И, задыхаясь, уверял,
Что Кочубея видит с Искрой.

«Вот, вот они!.. при них палач! —
Он говорил, дрожа от страху.—
Вот их взвели уже на плаху,
Кругом стенания и плач...
Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки...
Вот покатилась голова...
И вот другая!.. все трепещут!
Смотри, как страшно очи блещут!..»

То в ужасе порой с одра
Бросался он в мои объятья:
«Я вижу грозного Петра!
Я слышу страшные проклятья!
Смотри: блестит свечами храм,
С кадилъниц вьется фимиама...
Митрополит, грозящий взором,
Так возглашает с громким хором:
„Мазепа проклят в род и род:
Он погубить хотел народ!“»

То, трепеща и цепenea,
Он часто зрел в глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь.
В страданьях сих изнемогая,
Молитву громко он читал,
То горько плакал и рыдал,
То, дикий взгляд на всех бросая,
Он, как безумный, хохотал.
То, в память приходя порою,
Он очи, полные тоскою,
На нас уныло устремлял.

В девятый день приметно стало
Мазепе под вечер трудней;
Изнеможенный и усталый,
Дышал он реже и слабей;
Томим болезнию своей,
Хотел он скрыть, казалось, муку...
К нему я бросился, взял руку;
Увы! она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза, остановясь, смотрели,
Пот проступал, он отходил...
Но вдруг, собрав остаток сил,
Он приподнялся на постели
И, бросив пылкий взгляд на нас:
«О, Петр! О, родина!» — воскликнул.
Но с сим в страдальце замер глас,
Он вновь упал, головой поникнул,
В меня недвижный взор вперил
И вздох последний испустил...
Без слез, без чувств, как мрамор хладный,
Перед умершим я стоял,
Я ум и память потерял,
Убитый грустью безотрадной...

День грустных похорон настал:
Сам Карл, и мрачный, и унылый,
Вождя Украины до могилы
С дружиной шведов провожал.
Козак и швед равно рыдали;
Я шел, как тень, в кругу друзей.
О странник! Все предузнавали,
Что мы с Мазепой погребали
Свободу родины своей.
Увы! последний долг герою
Чрез силу я отдать успел.
В тот самый день внезапно мною
Недуг жестокий овладел.
Я был уж на краю могилы;
Но жизнь во мне зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова начал я страдать.

Бендеры мне противны стали,
Я их покинул и летел
От земляков в чужой предел,

Рассеять мрак своей печали.
Но, ах, напрасно! рок за мной
С неотразимую бедой,
Как дух враждующий, стремился:
Я схвачен был толпой врагов
И в вечной ссылке очутился
Среди пустынных сих лесов...

Уж много лет прошло в изгнание.
В глухой и дикой стороне
Спасение и упование
Была святая вера мне.

Я привыкал к несчастной доле;
Лишь об Украине и родных,
Украдкой от врагов моих,
Грустил я часто поневоле.
Что случилось с родиной моей?
Кого в Петре — врага иль друга
Она нашла в судьбе своей?
Где слезы льет моя подруга?
Увижу ль я своих друзей?
Так я души покой минутный
В своем изгнание возмущал
И от тоски и думы смутной,
Покинув город бесприютный,
В леса и дебри убежал.
В моей тоске, в моем несчастье,
Мне был отраден шум лесов,
Отрадно было мне ненастье,
И вой грозы, и плеск валов.
Во время бури заглушала
Борьба стихий борьбу души;
Она мне силы возвращала,
И на мгновение, в глуши,
Душа страдать переставала.

Раз у якутской юрты я
Стоял под сосной одинокой;
Бурян шумел вокруг меня,
И свирепел мороз жестокий;
Передо мной скалы и лес
Грядой тянулись безбрежной;
Вдали, как море, с степью снежной
Сливался темный свод небес.

От юрты вдаль тальник кудрявый
Под снегом стлался, между гор
В боку был виден черный бор
И берег Лены величавой.
Вдруг вижу: женщина идет,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дров едва несет,
Работой и тоской убита.
Я к ней, и что же?.. узнаю
В несчастной сей, в мороз и выюгу,
Козачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!..

Узнав об участи моей,
Она из родины своей
Пошла искать меня в изгнание.
О странник! тяжело было ей
Не разделять со мной страданье.
Встречала много на пути
Она страдальцев знаменитых,
Но не могла меня найти:
Увы! я здесь в числе забытых.
Закон велит молчать, кто я,
Начальник сам того не знает.
Об том и спрашивать меня
Никто в Якутске не дерзает.

И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску в душе высокой.

Ах, говорить ли, странник мой,
Тебе об радости печальной
При встрече с доброю женой
В стране глухой, в стране сей дальной?

Я ожил с нею; но детей
Я не нашел уже при ней.
Отца и матери страданья
Им не судил узнать творец;
Они, не зрев страны изгнанья,
Вкусили радостный конец.

С моей подругой возвратилось
Душе спокойствие опять;

Мне будто легче становилось;
Я начал реже тосковать.
Но, ах! не долго счастье длилось;
Оно, как сон, исчезло вдруг.
Давно закравшийся недуг
В младую грудь подруги милой
С весной приметно стал сближать
Ее с безвременной могилой.
Тут мне судил творец узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдальницы несчастной.
Болезнию изнурена,
С какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежних говорила днях,
О славном * дяде, о детях.
К ней жизнь, казалось, возвращалась
С порывом пылких чувств ея;
Но часто, тайно от меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молил напрасно;
Судьбы ничем не отвратить.
Настал для сердца час ужасный!
«Мой друг! — сказала мне она, —
Я умираю, будь покоен;
Нам здесь печаль была дана;
Но, друг, есть лучшая страна:
Ты по душе ее достоин.
О! так, мы свидимся опять!
Там ждет награда за страданья,
Там нет ни казней, ни изгнанья,
Там нас не будут разлучать».
Она умолкла. Вдруг приметно
Стал угасать огонь очей.
И наконец, вздохнув сильнее,
Она с улыбкою приветной
Увяла в цвете юных лет,
Безвременно, в Сибири хладной,
Как на иссохшем стебле цвет
В теплице душевной, безотрадной.

* В изд. «Войнаровский», 1825:

О падшем дяде, о детях.

Могильный, грустный холм ея
Близ юрты сей насыпал я.
С закатом солнца я порою
На нем в безмолвии сижу
И чудотворною мечтою
Лета протекшие бужу.
Все воскресает предо мною:
Друзья, Мазепа, и война,
И с чистою своею душою
Невозвратимая жена.

О странник! Память о подруге
Страдальцу бодрость в душу льет;
Он равнодушной смерти ждет
И плачет сладостно о друге.

Как часто вспоминаю я
Над хладною ее могилой
И свойства добрые ея,
И пылкий ум, и образ милый!
С какую страстию она,
Высоких помыслов полна,
Свое отечество любила.
С какую живостью об нем
В своем изгнанье роковом
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль
Ее, тягча, снедала тайно;
Ее тоски не зрел москаль —
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотела
Ни тихим вздохом, ни слезой.
Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть
И жар к добру души прекрасной,
В укор судьбине самовластной,
В самом страданье сохранить.
. *
С утратой сей, от бед усталый,
С душой для счастья увялой,
Я веру в счастье потерял;
Я много горя испытал,

* Строка точек в подлиннике. — *Ред.*

Но, тяжелой жизнью недовольный,
Как трус презренный, не искал
Спасенья в смерти самовольной.
Не раз встречал я смерть в боях;
Она кругом меня ходила
И груды трупов громоздила
В родных украинских степях.
Но никогда, ей в очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывал, стремясь в бой,
Что мне Мазепа друг и дядя.
Чтить Брута с детства я привык;
Защитник Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Делами истинно велик.
Но он достоин укоризны:
Свободу сам он погубил:
Он торжество врагов отчизны
Самоубийством утвердил.—
Ты видишь сам, как я страдаю,
Как жизнь в изгнанье тяжела;
Мне б смерть отрадою была,—
Но жизнь и смерть я презираю...
Мне надо жить; еще во мне
Горит любовь к родной стране,—
Еще, быть может, друг народа
Спасет несчастных земляков,
И, достояние отцов,
Воскреснет прежняя свобода!...»
Тут Войнаровский замолчал;
С лица исчезнул мрак печали,
Глаза слезами засверкали,
И он молиться тихо стал.
Гость просвещенный угадал,
Об чем страдалец сей молился;
Он сам невольно прослезился
И несчастливцу руку дал,
В душе с тоской и грустью сильной,
В знак дружбы верной, домогильной..

Дни уходили с быстротой.
Зима обратно налетела
И хладною рукой одела
Природу в саван снеговой.

В пустыне странник просвещенный
Страдальца часто навещал,
Тоску и грусть с ним разделял
И об Украине незабвенной,
Как сын Украины, он мечтал.

Однажды он в уединенье
С отрадной вестью о прощенье
К страдальцу другу поспешал.
Мороз трещал. Глухой тропею
Олень пернатую стрелою
Его на быстрой нарте мчал.
Уже он ловит жадным взором
Сквозь ветви древ, в глуши лесной,
Кров одинокий и простой
С полуразрушенным забором.

«С каким восторгом сладким я
Скажу: окончены страданья!
Мой друг, покинь страну изгнанья!
Лети в родимые края!
Там ждут тебя, в стране прекрасной,
Благословенья земляков,
И круг друзей с душою ясной,
И мирный дом твоих отцов!» —
Так добрый Миллер предавался
Дорогой сладостным мечтам.
Но вот он к низким воротам
Пустынной хижины примчался.
Никто встречать его нейдет.
Он входит в двери. Луч приветный
Сквозь занесенный снегом лед
Украдкой свет угрюмый льет:
Все пусто в юрте безответной;
Лишь мрак и холод в ней живет.
«Всё в запустенье! — мыслит странник. —
Куда ж сокрылся ты, изгнанник?»
И, думой мрачной отягчен,
Тревожим тайною тоскою,
Идет на холм могильный он, —
И что же видит пред собою?

Под наклонившимся крестом,
С опущенным на грудь челом,
Как грустный памятник могилы,

Изгнанник мрачный и унылый
Сидит на холме гробовом
В оцепененье роковом:
В глазах недвижных хлад кончины,
Как мрамор лоснится чело,
И от соседственной долины
Уж мертвеца до половины
Пушистым снегом занесло.

1823—1824

ПРИМЕЧАНИЯ

К ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ВОЙНАРОВСКОГО»

¹ *Юрта* — жилище диких сибирских обывателей. Они бывают летние и зимние, подвижные и постоянные; бывают бревенчатые, берестяные, иногда войлочные и кожаные.

² *Ясак* — подать мехами, собираемая с сибирских народов.

³ *Варнак* — преступник, публично наказанный и заклейменный.

⁴ *Байкал* — святое море или озеро, справедливее Ангарский провал, лежит в Иркутской губернии между 51° и 58° северной широты и между 121° и 127° восточной долготы, считая от острова Ферро. Непостоянные ветры, непрерывные жестокие бури и непроницаемые туманы, особенно в ноябре и декабре месяце бывающие на сем озере, были причиною многих бедствий. Часто во время весьма хорошей погоды ветер неожиданно и мгновенно переменяется, начинается буря, и до того спокойные и светлые воды Байкала подымаются горами, чернеют, пенятся, ревут, и все представляет ужасное и вместе величественное зрелище.

⁵ В стране той холодной и дубравной

В то время жил наш Миллер славный.

Миллер. Российский историограф Гергард-Фридрих Миллер родился 7 октября 1705 года в Вестфалии. Первое воспитание получил он под надзором отца своего, который был ректором Герфордской гимназии. Тогда еще открывалась в юноше склонность к истории. Он любил по вечерам в семейственном кругу рассказывать братьям и сестрам слышанное того утра о греках и римлянах, с жадностью читал жизни великих мужей древности; и когда Петр I проезжал в 1717 году чрез Герфорд, двенадцатилетний Миллер ушел тайным образом босой из отцовского дома, чтоб иметь случай посмотреть на Великого. На 17-м году возраста Миллер отправился в Лейпцигский университет, где довершил свое воспитание под руководством Готтеда, в свое время ученейшего мужа в Германии.

Между тем Петр, окончив войну с Швециею, занялся исключительно водворением просвещения в своем отечестве. Зная, что прежде заведения училищ нужно было образовать учителей, он учредил Академию; и, чтоб

достигнуть своей цели, дал ей направление, соответственное своим видам. Все европейские заведения сего рода состоят из ученых людей, которые сочинениями своими обязаны способствовать успеху наук и искусств. С.-Петербургская академия, сверх сей обязанности, имела другую: образование молодых россиян, которые в свою очередь должны были сообщать приобретенные познания своим соотечественникам. Она была светилом, которого благотворные лучи должны были распространяться во все концы России. Президенту ее Блюментросту поручено было вызвать для сего из Германии ученых, и по его-то приглашению Миллер прибыл в Россию.

Петра I не стало, но намерения его исполнялись: Академия открыла свои заседания 16 декабря 1725 года, и Миллер начал свое поприще в России преподаванием латинского языка, географии и истории в верхнем классе академической гимназии. Познания его, рачительность в исполнении возложенной на него обязанности и точное исполнение порученной ему секретарской должности, во время которой он издал три части комментариев, заслужили ему всеобщее уважение. В половине 1730 года Миллер произведен был в профессора истории и назначен действительным членом Академии.

Скорое его возвышение поселило зависть в людях, которые хотя уступали ему в познаниях, но полагали, что имеют равные с ним права на почести. Чтоб удалиться от неприятностей, Миллер под предлогом домашних обстоятельств поехал в чужие края и во время сего путешествия имел случай оказать услугу Академии, приобретши для нее нового члена, ученого ориенталиста Кера, который положил основание нынешнему Азиатскому минц-кабинету при Петербургской Академии наук.

Новое важнейшее поручение ожидало Миллера по возвращении его в Россию. В это время Петербургская Академия наук предприняла достойный ее труд. снаряжена была экспедиция для приведения в известность земель, составляющих северную часть Азии. Профессор Делиль де ла Крокер отправлен был для астрономических наблюдений; Гмелин должен был заняться описанием всего, что касалось до естественных наук, а Миллеру поручено было обратить внимание на географию, древности и историю народов, населяющих Сибирь. Путешествие сие, начатое в феврале 1733 года, продолжалось 10 лет. Не будем следовать за ученым исследователем во время его пути, наблюдать с ним вместе обычаи черемисов и вотяков и простые нравы телеутов, тунгузов и якутов. Довольно, если скажем, что он вел подробный журнал всему пути, сам заготовлял карты оному, с точным означением местности каждой страны, составлял исторические и географические описания городов, чрез которые проезжал, разбирал архивы оных и тщательно выписывал все, что находил в них для русской истории, срисовывал везде древности, какие ему попадались, и, кроме того, привез кучу замечаний о нравах, языке и вере народов, которых посещал. Сие множество трудов и суровый климат Сибири расстроили его здоровье. Он не мог ехать далее Якутска и большой

возвратился в Петербург в 1743 году. Здесь к физическим болезням присоединились нравственные. В отсутствие Миллера сделан был президентом Академии Шумахер, человек познаний ограниченных, не прощавший Миллеру его достоинств. Посредственность ненавидит истинное дарование. Шумахер, с завистью смотревший на возвышение Миллера, еще более вознегодовал на него, когда сей возвратился из Сибири, предшествуемый славою, что кончил столь важное для наук поручение. Миллер за десятилетние труды свои получил вместо награды одни неприятности. Он не оспаривал у других права ползать перед сильными, не искал посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имел право требовать, не унижал дарований своих, изменяя истине, а потому имел многих неприятелей. Тауберт, Теплов и даже великий наш Ломоносов, ни в чем не терпевший соперников, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали внимания, и даже, поверит ли этому потомство, диссертацию о начале русского народа, которую он напечатал на латинском и русском языках и готовился читать в публичном собрании Академии 5 сентября 1743 года, в день именин императрицы, запретили потому только, что историограф утверждал в ней, будто Рюрик вышел из Скандинавии. Несмотря на сии неприятности, Миллер, любивший науки не из личных видов и движимый любовью к общей пользе, был неусыпен в трудах своих. Казалось, что деятельность его возрастала с препятствиями, какие он встречал на каждом шагу. За работою ученый муж находил утешение от несправедливости людей, которых отзывы не доходили до его кабинета. По званию российского историографа в 1747 году занимался он составлением сибирской и разными исследованиями по части российской истории и географии, составлял родословные таблицы российских великих князей, исправлял должность конференц-секретаря при Академии и был самым деятельным сотрудником в издании «Ежемесячных сочинений» с 1757 по 1764 год.

Со вступлением императрицы Екатерины занялась в России новая заря на горизонте наук. Заслуги Миллера были наконец уважены. По просьбе Ив. Ив. Бецкого назначен он был в 1763 году директором Московского воспитательного дома, а в 1766, по представлению графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына, определен в начальники Московского архива иностранных дел. Никто лучше Миллера не мог исполнить обязанностей, сопряженных с сим местом. Он радовался как дитя, когда получил оное, и по целым суткам проводил в сем хранилище отечественных хартий, занимаясь приготовлением материалов для российской истории и объяснением встречающихся в оной темных мест. Государыня, быв еще великою княжною, знала Миллера и во время пребывания его в Москве часто призывала его к себе для советов. Миллер был избран Академиею в 1767 году депутатом в Комиссию законов, находившуюся в Москве, и здесь предлагал различные планы для водворения наук и распространения просвещения в России. Когда комиссия переведена была в С.-Петербург, он получил от императрицы

позволение остаться в Москве и, кроме архива иностранных дел, занялся по приказу государыни разбором архивов Разрядного и Сибирского приказа. Он работал с утра до ночи, и жалел только, что ему минуло 63 года и он не будет иметь ни времени, ни силы для исполнения ожиданий монархини и соотечественников. В 1775 году Академия поручила ему написать ее историю от самого ее основания. В том году праздновали 50-летнее ее существование. Миллер, единственный из членов, который находился при ее основании, был свидетелем и участником в том, что в ней происходило во все время ее заседаний, и потому лучше всякого другого мог исполнить сие назначение. Окончив сию работу, он занялся по-прежнему извлечениями из архивских бумаг и приготовлениями материалов для русской истории. Необъятный труд сей занимал последние годы его жизни. Иногда для поправления своего здоровья отвлекал он себя поездками в города, лежащие поблизости Москвы; но и тут, чтоб употребить время с пользою, составлял историческое и географическое описание оных. Миллер скончался в 1783 году, имея 79 лет от роду.

Заслуги Миллера по нашей истории более или менее известны всякому образованному россиянину. Излишне было бы исчислять его сочинения. Здесь прибавим только, что нравственные его качества не уступали его познаниям. Миллер знал, что человек, готовящийся к исправлению других, должен сам собою подавать пример, что в писателе добродетельная жизнь есть лучшее предисловие к его сочинениям. Избрав Россию своим отечеством, он любил ее как родной ее сын, всегда предпочитал ее пользу частным выгодам, никогда не жаловался на оказанные ему несправедливости и везде, где мог, старался быть ей полезным. Никогда не унижал он достоинства своего лестью, искательством; никогда не старался выставлять себя: скромность, отличительная черта истинного таланта, и даже некоторая застенчивость составляли главные черты его характера. Многие особы, занимавшие после важнейшие места при дворе Екатерины, обязаны ему своим воспитанием. Он охотно помогал советами молодым людям из россиян или иностранным писателям, желавшим иметь сведения по части российской истории. В домашнем быту он служил образцом семейственного счастья, был лучшим супругом, лучшим отцом семейства. Он имел многих врагов, которые, завидуя его славе, старались очернить его в глазах современников; но справедливость восторжествовала: обвинения их, внушенные корыстолюбием, были опровергнуты, и Миллер в конце жизни своей имел утешение видеть, что истинное достоинство найдет всегда защитников и почитателей.

⁶ *Даха* — шуба вверх шерстью, из кожи дикой козы.

⁷ *Чебак* — большая теплая шапка с ушами.

⁸ *Займка* — вне города место, занятое под частный дом, или крестьянский двор с огородом и с другими принадлежностями; словом, русская дача или малороссийской хутор.

⁹ *Пальма*. Так называются в Сибири длинные, широкие и толстые

ножи, укрепленные наиболее в березовых, для крепости прокопченных, ратовишах, обшитых снаружи кожей. С ними якуты, юкагиры и другие северные народы ходят на лосей, медведей, волков и проч.

¹⁰ *Жирник* — ночник с каким-нибудь маслом или жиром, засвечаемый на ночь.

¹² *Хвостовский* (Хвостов, местечко в Киевской губернии, Васильковского уезда), полковник *Симеон Палей*, отважный предводитель заднепровских наездников, родился в Борзне и стал славен подвигами около 1690 года. Под рукою гетмана своего *Самуся* он, как владетельный князь, брал дань с земель по Днестр и Случ, запирали Россию и Польшу от татар, нередко вторгался в орды Буджацкую и Белгородскую и захватил однажды в плен самого салтана. Получал от первых награды, брал от других добычи и выкупы. Очаков не раз видал его истребительный пламень вокруг стен своих. Восстав на поляков за их неправды, он попал в плен, но вырвался из крепкой тюрьмы магдебургской и сторицею заплатил им за свою неволю, разбив поляков под Хвостовым, под Бердичевым и покорились России. В 1694 году с Мокиевским набежав на турок под Очаковым, не вкладывая сабли в ножны, с черниговским полковником Лизогубом вторгся в орду Буджацкую. Добыча и победа увенчали оба предприятия. Удалые промыслы его над поляками перемерзались только тогда, как он громил татар. Он брал и палил польские города и, опустошив край Волыни, овладел Троянкою. Между тем коварный Мазепа, завистливый к славе, жадный к богатству, недоверчивый к силе Самуся и Палея, своих соперников, старался очернить их в глазах Петра Великого. С наветами представил и доказательства: жалобы Августа, письма Потоцкого и Яблоновского, которые писали, что «Палей вьет себе разбойничьи гнезда в крепостях Ржечи-Посполитой и кормится хлебом, которого не сеял». Мазепа тайно действовал против Самуся и Палея, а они явно воевали Польшу. Первый занял Богуслав, Корсунь, Бердичев; второй взял Немиров и Белую Церковь. Перерезали там шляхтичей и жидов, и всех окружающих крестьян подняли на поляков, обещая им права и вечную свободу. Мазепа жаловался на послушанье, Август просил удовлетворения; Петр повелевал оставить в покое своего союзника, но ожесточенные полководцы делали свое, ничему не внимая. Наконец решился Мазепа известить Палея, как бы то ни было. Окруженный всем своим войском, выступившим тогда на помощь Августу против шведов, сильный собственною властью и милостию царскою, он не смел, однако ж, захватить Палея силою; позвал к себе в гости в Бердичев и за дружескою чашею заковал доверчивого героя в цепи, как это видно из следующих стихов одной песни:

Ой, пье Палий, ой, пье Семен да головоньку клонит,
А Мазепин чура ¹ Палию Семену кайданы готовит.

¹ Ч у р а — слуга.

Вслед за сим он отослал его в Батурин, извежая Головина, что Палей оказался явным изменником государю и преданся Карлу XII, в надежде через посредство Любомирских получить гетманство в Малороссии. В следующем году он был отправлен в Москву, а оттоле по указу государеву сослан в Енисейск, где целые пять лет томился вдалеке от родины и родных, снедаем тоскою бездействия и неволи. Измена Мазепы открыла глаза Петру, и он посреди забот военных вспомнил об оклеветанном Палее и возвратил ему имущество, чин и свободу. Но как земная власть могла возвратить ему здоровье! Однако ж последние дни Палеевой жизни были отрадны для сердца старого воина. Он приехал к войску в день Полтавской битвы, сел на коня и, поддерживаемый двумя козаками, явился перед своими. Радостные клики огласили воздух — вид Палея воспламенил всех мужеством. Старик ввел козаков в дело, и хотя сабля его не могла уже разить врагов, но еще однажды указала путь к победе. Весело было умирать после Полтавского сражения; недолго пережил его и Палей от язв, трудов, лет, несчастий и славы.

В характере сего бесстрашного вождя украинцев видны все черты дикого рыцарства. Открыт в дружбе и жесток в мести. Деятелен и сметлив в войне, которая стала его стихиею, — он не менее был искусен и в распорядке дел гетманских, которые велись его головою; ибо Самусь, лишась его, сложил булаву правления. Когда имя Палеево сторожило границу Заднепрни, татары не нарушали ее покоя и поляки не смели там умничать. Попеременно вождь и подчиненный, он умел повиноваться своеизбранной власти и строго хранить ему врученную; был любим как брат своими товарищами и как отец своими козаками. Когда Мазепа захватил его, то насилу мог взять Белую Церковь, и то изменою мешан. «Умрем тут вси, — говорили козаки Палеевы, — а не поддадимся, коли нет здесь нашего батьки». Враг татар за их грабежи, враг поляков за их утеснения — он в обоих случаях был полезен России, хотя не вполне исполнял ее требования, как воспитанник необузданной свободы. Сын сего неустрашимого воина по неотступной просьбе старшин Белоцерковского полка заступил его место.

¹³ *Ватага* — малороссийское слово, имеет следующие значения: толпа, шайка, стадо, стая; ватага разбитак — шайка разбойников (Котляревский).

¹⁴ *Гайдамак* — иногда удалец, иногда разбойник; слово сие, как видно из его корня, взято с татарского языка и в собственном смысле значит бродяга или беглец; посему гайдамаки в Малороссии значат то же, что *ускоки* у славян иллирийских.

¹⁵ *Толокно* — мука из пересушенного овса. Известно, что в дальних своих походах, как ныне в *чумакованье*, то есть поездках за рыбою и солью, малороссияне запасались всегда небольшим количеством толокна или гречневых круп для кашицы, которую называют они *кулиш*. Умеренность есть одна из похвальных добродетелей сих простодушных сынов природы. Идучи обозом, они останавливаются в поле, разводят огонь

и всем *кошем*, т. е. артелью, садятся за кашу, которую варит для них так называемый *кашевар*. Кто едет в осеннюю ночь по степным полям Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, тому часто случается видеть несколько таких огней, мелькающих, как звездочки, в разных расстояниях на гладкой необозримой равнине.

¹⁶ *Хутор* — небольшая деревушка, часто один дом, стоящий среди поля или в лесу, в стороне от жилых мест. Обыкновенно почти таковые хутора строятся при яругах, лесистых оврагах или под прикрытием *чапыжника* (дробнолеска).

¹⁷ *Курень* — хижина или землянка, в каковых и поныне еще живут многие черноморские козаки. Несколько таковых куреней состоят под ведением *куренного*, или старшины, назначаемого от начальства.

¹⁸ *Курганы* — высокие земляные насыпи, видимые и ныне во многих местах Малороссии и Украины. Курганы сии служили иногда общими могилами на местах столь частых сшибок, бывавших у малороссиян с всегдашними их врагами татарами и, во время отторжения их от Польши, с поляками; в таковых курганах и поныне при разрытии оных находят кости и волосы человеческие, недотлевшие лоскутки одежд, отломки орудий, старинные монеты, сткляницы и т. п. Иногда же целый ряд таковых курганов, идущий на далекое пространство по одному направлению, подобно цепи гор, служил как бы ведедами или подзорными возвышениями для наблюдения за неприятелем. Таковых курганов много можно видеть по древним границам Малороссии и Украины с Ордою крымскою, особливо в губерниях Слободско-Украинской и Полтавской.

2. МАЗЕПА

Отрывки из поэмы

1. ГАЙДАМАК

Осенней ночью, близ кургана,
В степи глухой у огонька,
Сидят одни во мгле тумана
Два запорожских козака.
Напрасно зоркие их очи
Сквозь черный мрак угрюмой ночи
Чего-то ищут в дальней мгле;
Вотще они к сырой земле
Свое прикладывают ухо,—
Кругом все сумрачно и глухо;
Молчит река, безмолвен лес,
Ни звездочки среди небес.
Объята черной пеленою,
Как будто вся природа спит,
Лишь, налетая, ветер порою
Сухой ковылью шевелит,
Да кони борзые, на воле
Гуляя, травку щиплют в поле...

«Где запоздал он?.. Уж пора
Ему примчаться. От Днепра
Тут недалеко... Конь надежный:
С ним и в такую ночь никак
С дороги сбиться невозможно;
Удал отважный гайдамак!
Пусть ночь, удвоя черный мрак,
На степь унылую наляжет,—
Козак всегда козак: ему
На Запорожие сквозь тьму
Пустынный ветер путь укажет...

Не подстерег ли удальца
В глуши татарин кровожадный?

Ну что ж? Пусть так,— у молодца
Булат с пищалью семипядной.
И в ясный день, и в час ночной
Он сам нередко с самопалом
Стрежет врагов в траве густой
Иль рыщет по степи шакалом...

Я хорошо тот помню день,
Когда пришел он в наш курень
И клятву дал быть гайдамаком,
За Сечь свободную стоять
И вечно ненависть питать
И к хищным крымцам, и к полякам.
Непринужденный разговор,
Движенья, поступь, гордый взор,
Черты, жупан — все род высокий
Изобличало в пришлеце;
Прекрасен гость был черноокий,
Все нас пленяло в молодце;
Но зрелся след тоски глубокой
На молодом его лице...

Все, любя его, ласкали,
Шутили с ним средь шумных игр;
Но разогнать его печали
Не мог никто... Как юный тигр
На всех глядел, нахмуря брови,
Был дружбы чужд, был чужд любви.
Летал в пустынях на коне,
И, увядая в тишине,
Он рвался в бой, он жаждал крови...

Сбылось желанье: саранчой
Мы понесли под Очаков;
И удалством пришлец молодой
В грязь затоптал всех гайдамаков.
Суров, и дик, и одинок,
Чуждаясь всех, всегда угрюмый,
И ныне бродит, как порок,
В местах глухих он с тайной думой.
Печаль, как черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожит
Его повсюду и всегда;

Ничем, нигде и никогда
Ее рассеять он не может.

Ему несносна тишина;
Без крови вражеской, без боя,
Он будто чахнет средь покоя;
Его душе нужна война:
Опасность, кровь и шум военный
Одни его животворят
И в буре битв покой мгновенный
Душе встревоженной дарят.
Толпой и крымцы, и поляки
Не раз гонимы были им;
Как божий гнев, ужасны с ним
В набегах бурных гайдамаки...

В нем не волнуют уже кровь —
Младых украинок любовь
И верной дружбы глас приветный;
Давно он ко всему приметно
Остыл бесчувственной душой,
В нем веет холод гробовой:
Она, как хладная могила,
Его все блага поглотила...

Всегда опущены к земле
Его сверкающие очи;
Темнеет на его челе
Какой-то грех, как сумрак ночи.
Еще никто не зрел того,
Чтобы хотя на миг единый
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовом лице его.
Однажды только, уверяли,
В нем очи радостью сверкали:
То было в замке богача,
Убитого им на Волыни,
Где превратил он все в пустыни,
Как, гнев небесный, саранча;
Где кровь ручьями лил он хладно,
Где все погибло беспощадно
Иль от огня, иль от меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ног лежал магнат:
В грудь старца, воплям не внимая,
Вонзил он с хохотом булат...»

Так говорили меж собою
Про гайдамака-молодца
Два заднепровских удальца...
Меж тем уж начал за рекою
Мерцать на дальнем небе свет,
А запорожца нет как нет.
Несется ночь... и вот зарею
Занялся сумрачный восток,
Сильней зашевелил травую
Передрассветный ветерок;
Уж погасает огонек,
И вьется тонкою струею
Во мгле редеющей дымок...

Вдруг конский топот раздается,
Как шум глухой, издалика;
Вот громче, ближе... вот несется
Конь вороной без седока.
Вот за могилую степною
Своих товарищей узнал,
Помчался к ним, летит стрелою
И, подбежавши, вдруг заржал,
Запрял ушами и упал
Почти недвижимый, бездыханный...
По шее кровь бежит из раны.
Расколот рыцарский сайдак,
И безобразными клоками,
Обрызган кровью, меж ногами
Висит разорванный чепрак...

Но где же грозный гайдамак,
Краса и слава вольной Сечи?
Погиб... но где, когда и как,
И при какой враждебной встрече?
Быть может, дерзкою толпой
В глуши захваченный в неволю,
В темнице душной и сырой
Клянет в цепях свою он долю;
Иль, крымским хищником убит,
В степи пустынной он лежит,
И уже волк во мраке ночи
Терзает труп среди травы,
И из козацкой головы
Орел выклевывает очи...

Конец 1824 — начало 1825

2. ПАЛЕЙ

Не тучи солнце обступали,
Не ветры в поле бушевали:
Палея с горстью козаков
Толпы несметные врагов
В пустынном поле окружали...
Куда укрыться молодцу?
Как избежать неравной драки?
И там и здесь — везде поляки...
По смуглому его лицу
Давно уж градом пот катится;
От меткого свинца валится
С коня козак за козаком...
Уже обхвачен он кругом...
Уж плен ему грозит позорный...
Но вдруг, один, с копьём в руке,
Сквозь густоту толпы упорной
Несется он, как ветер нагорный.
Вот вправо, влево, — и к реке.
Коню проворною рукою
Набросил на глаза башлык,
Сам головой к луке приник,
Ударил плетью — и стрелою
Слетел с берегов, отваги полн;
И вот — средь брызгов и средь волн
Исчез в клубящейся пучине...
Бушует ветер, река ревет...
Уж он спокойно на середине
Днепра шумящего плывет.
Враги напрасно мещут стрелы,
Свинец напрасно тратят свой.
Разит лишь воздух он пустой —
И невредимо витязь смелый
Выходит на берег крутой.
Конь опененный встрепенулся,
Прочхнулся, радостно заржал;
Палей с насмешкой оглянулся,
Врагам проклятие послал
И в степь глухую ускакал...

3. НАЛИВАЙКО

〈Отрывки из поэмы〉

* * *

Блестит весна; ее дыханьем,
Как бы волшебным врачеваньем,
Край утесненный оживлен;
Все отрясает зимний сон:
Пестреет степь, цветет долина,
Оделся лес, стада бегут,
Тяжелый плуг поселянина
Волы послушные влекут;
Кружится жаворонок звонкий,
Лазурней тихий небосклон,
И воздух чистый, воздух тонкий
Благоуханьем напоен.

Все веселятся, все ликуют,
Весне цветущей каждый рад;
Поляк, еврей и униат
Беспечно, буйственно пируют,
Все радостью оживлены;
Одни украинцы тоскуют,
И им не в праздник пир весны.
Что за веселье без свободы,
Что за весна — весна рабов;
Им чужды все красоты природы,
В душах их вечный мрак гробов.
Печали облако не сходит
С их истомленного лица;
На души их, на их сердца
Все новую тоску наводит.
Лазурь небес, цветы полей
Для угнетенных не отрадны,—
Рабы и сумрачны, и хладны.
Питая грусть в душе своей,

Глядят уныло на детей,
Все радости для них противны,
И песни дев их заунывны,
Как заунывен звук цепей *.

* * *

Но Наливайко всех сильнее
Томится думою и страждет;
Его душа чего-то жаждет,
Он что-то на сердце таит;
Родных, друзей, семьи бежит,
Один в степи пустынной бродит
Нередко он по целым дням:
Ему отраднo, сладко там,
Он грусть душевную отводит
В беседе там с самим собой
И из глуши в Чигирин свой
Назад спокойнее приходит **.

* * *

«Ты друг давно мне, Лобода,
Давно твои я чувства знаю,
Твою любовь к родному краю
Я уважал, я чтил всегда;
Ты ненавидишь, как злодеев,
И дерзких ляхов, и евреев:
Но ты отец, но ты супруг,
А уж давно пора, мой друг,
Быть не мужьями, а мужами ***.

* В черновике далее следовало:

О как несносно, как ужасно
Под иго чуждое попасть
И после вольности прекрасной
Врагов насильственную власть...

** В черновике далее следовало:

В степи душе его простор,
В степи спокойнее он дышит,
Там ляхов не встречает взор
И воплей земляков не слышит...

*** В черновике далее сначала следовало:

Давно пора, забыв отцов,
Жену, детей и мать родную,
Восстать на дерзких пришлецов
За край родной, за Русь святую.

Всех оковал какой-то страх,
Все пресмыкаются рабами,
И дерзостно надменный лях
Ругается над козаками».

«Ты прав, мой друг, люблю родных,
Мне тяжело видеть их в неволе,
Всем жертвовать готов для них,
Но родину люблю я боле.
Нет, не одна к жене любовь
Мой ум быть осторожней учит,—
Нередко дума сердце мучит,
Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вот я чего, мой друг, боюсь,—
Тогда, тогда святая Русь
Навек странною будет плача».

* * *

«Забыв вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть может, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья —
Не в силах я: один лишь раб
Так может быть и подл, и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?..
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов» *.

* В черновиках поэмы сохранилось несколько фрагментов, место которых определить затруднительно. Возможно, они относились также к спору Наливайки с Лободой.

•

«Не говори о людях мне
Их испытал я, их я знаю,
Они презрительны вполне,
И я давно их презираю».

Едва возникнувший из праха,
С полуразвенчанным челом,
Добычей дерзостного ляха
Дряхлеет Киев над Днепром.

Как все изменчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
В стране богатой он сиял;
Смотрелся в Днепр с берегов высоких
И красотой из стран далеких
Пришельцев чуждых привлекал.
На шумных торжищах звенели
Царьградским золотом купцы,
В садах по улицам блестели
Великолепные дворцы.
Среди хазар и печенегов
Дружиной витязей храним,
Он посмевался, невредим,
Грозе их буйственных набегов,
Народам диво и краса:
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились в небеса
Главы обители Печерской,
Как души иноков святых
В своих молитвах неземных.

«Нет, нет, невольники не в силах
Пылать огнем высоких дум;
Не кровь, вода течет в их жилах,
Их чувства спят, их дремлет ум».

«Нет примирений, нет условий
Между тираном и рабом;
Тут надо не чернил, а крови;
Нам надо действовать мечом».

«Вражда к тиранам неприметна,
Спокойны гордые умы;
Но так порой спокойна Этна
Под хладным черепом знымы».

Но уж давно, давно не видно
Богатств и славы прежних дней —
Всё Русь утратила постыдно
Междоусобием князей:
Дворцы, серебро, врата золотые,
Толпы граждан, толпы детей —
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедимин нанес удар:
Прошло владычество татар!
На миг раздался глас свободы,
На миг воскреснули народы...
Но Киев на степи глухой,
Дивить уж боле неспособный,
Под властью ляха роковой
Стоит как памятник надгробный
Над угнетенною страной!

* * *

Протяжный звон колоколов
В Печерской лавре раздавался;
С рассветом из своих домов
Народ к заутрене стекался.
Один, поодаль от других,
Шел Наливайко. Благовенье
К жилищу мертвецов святых
И непритворное смирение
В очах яснили голубых.
Как читатель ревностный заксна,
К воротам ограды подойдя,
Крестом он осенил себя
И сделал три земных поклона.
Вот в церкви он. Идет служенье,
С камильниц вьется фимиам,
Сребром и золотом блещет храм,
И кротко-сладостное пенье
Возносит души к небесам.
В углу, от всех уединенно,
Колени преклоня смиренно,
Он стал. В богатых жемчугах
Пред ним Марии лик сияет;
Об угнетенных земляках
Он к ней молитвы воссылает;
Лицо горит, и, как алмаз,

Как драгоценный перл, из глаз
Слеза порою упадет.
Так для него прошло семь дней*.

* * *

«Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный.

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу,—
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я на душу принять готов.
Итак, уж не старайся боле
Меня страшить. Не убеждай!
Мне ад — Украину зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай!..

Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине.
Тогда, объятый низким страхом,
Никто не рабствовал пред ляхом;
Никто дней жалких не влачил
Под игом тяжким и бесславным:
Козак в союзе с ляхом был
Как вольный с вольным, равный с равным
Но всё исчезло, как призрак.
Уже давно узнал козак
В своих союзниках тиранов.
Жид, униат, литвин, поляк —
Как стаи кровожадных вранов,
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет,
Вотще народный слышен глас:
Ему никто, никто не внемлет.

* В черновике далее следовало:

Часов молитв не пропуская,
Постится он. И вот страстная...

К полякам ненависть с тех пор
Во мне кипит, и кровь бунтует.
Угрюм, суров и дик мой взор,
Душа без вольности тоскует.
Одна мечта и ночь и день
Меня преследует, как тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
«Пора! — мне шепчет голос тайный, —
Пора губить врагов Украины!»

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

* * *

С пищалью меткой и копьем,
С булатом острым и с нагайкой
На аргамаче вороном
По степи мчится Наливайко.
Как вихорь бурный, конь летит.
По ветру хвост и грива вьется,
Густая пыль из-под копыт,
Как облако, вослед несется...
Летит... привстал на стремях,
В туман далекий взоры топит,
Узрел — и с яростью в очах
Коня и нудит, и торопит...

Как точка, перед ним вдали
Чернеет что-то в дымном поле;
Вот отделилась от земли,
Вот с каждым мигом боле, боле,
И наконец на вышине,

Средь мглы седой, в степи пустынной,
Вдруг показался на коне
Красивый всадник с пикой длинной...

Козак коня быстрее погнал;
В его очах веселье злое...
И вот — почти уж доскакал...
Копье направил роковое,
Настиг, ударил — всадник пал,
За стремя зацепясь ногою,
И конь испуганный помчал
Младого ляха под собою.

Летит, как ястреб, витязь вслед;
Коня измученного колет
Или в ребро, или в хребет
И в дальний бег его неволит.
Напрасно ногу бедный лях
Освободить из стремя рвется —
Летит, глотая черный прах,
И след кровавый остается...*

* * *

Веет, веет, повевает
Тихий ветер с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход.
Полк за полком безбрежной степью
Иль тянутся лесистой цепью,
Или несутся на рысях.
По сторонам на скакунах
Гарцуют удальцы лихие:
То быстро, как орлы, степные,
Из глаз умчатся, то порой,
Дразня друг друга, едут тихо,
То вскачь опять, опять стрелой —
И вдоль полков несутся лихо.

* В черновике сохранился следующий вариант последних строк:
Вдруг конь исколотый упал,
Чигирина староста буйный
[Обезображенный] Под ним в пыли, в крови лежал...

Вослед за войском идут вьюки.
Свирелей, труб, суремок звуки,
И гарк летящих удальцов,
И шум и пенье козаков,—
Все Наливайку веселило,
Все добрым предвещаньем было.

«Смотри,— он Лободе сказал,—
Как изменилось все. Давно ли
Козак с печали увядал,
Стонал и под ярмом неволи
В себе все чувства подавлял?
Возьмут свое права природы,
Бессмертна к родине любовь,—
Раздастся глас святой свободы,
И раб проснется к жизни вновь» *.

* * *

Глухая ночь. Молчит река,
Луна сокрылась в облака.
И Чигирин, и оба стана
Обвиты саваном тумана.

Вокруг костров шумят и пьют
Толпами буйные поляки;

* В черновиках поэмы сохранился частично зачеркнутый фрагмент:

Скачут, мчатся беззаботно
Через степи козаки,
Веет ветер мимолетный,
Грозно вьются бунчуки.
Степью дикой и широкой
От полков на скакуне
В мрачной думе, одинокий,
Едет тихо на коне.
Лишь один всеведец знает,
Но не знают козаки,
Что Хмельницкий замышляет
И куда ведет полки.
Мчатся быстро козаки,
Грозно вьются бунчуки.

Орда от козаков несется,
Лишь по траве сакма за ней
В степи пустынной остается.
И глухо в поле раздастся
И прыск, и ржание коней...

Их души яростные ждут,
Как праздника, кровавой драки.
Одни врагов своих клянут,
Другие спорят, те поют,
Тот, богохульствуя, хохочет,
Тот хвалится лихим конем
И дерзостно над козаком
Победу землякам пророчит.
В кунтуше пышном на ковре
Жолкевский спит в своем шатре.

* * *

Над ним летает чудный сон:
В Варшаве площадь видит он;
На ней костер стоит, чернея;
В середине столб; палач, бледнея,
Кого-то в саване влечет;
Вослед ему народ толпами
Из улиц медленно идет
И головы свои несет,
Окровавленными руками
Подняв их страшно над плечами.

Вот неизвестный с палачом
К костру подходит без боязни;
Взошли... безмолвие кругом...
Вот хладный исполнитель казни
Его к столбу уж привязал,
Зажег костер, костер вспылал,
И над высокими домами
Понесся черный дым клубами.
Вдруг в небесах раздался глас:
«Свершилось все... на вас, на вас
Страдальца кровь и вопль проклятий
Погиб, но он погиб за братий».
Народ ужасно застонал,
Кругом костра толпиться стал
И, головы бросая в пламень,
Назад в стенании бежал
И упал на хладный камень.
Все тихо... Только кровь шумит...
Во сне Жолкевский страшно стонет,
Трепещет, молится... вдруг зрит,

Что он в волнах кровавых тонет.
Душа невольно обмерла;
Сон отлетел; в шатре лишь мгла,
Но он, но он еще не знает,
Что в крупных каплях упадет —
Иль кровь, иль пот с его чела...

* * *

«Ты зришь, о боже всемогущий!
Злодействам ляхов нет числа;
Как дуб, на теме гор растущий,
Тиранов дерзость возросла.
Я невиновен, боже правый,
Когда здесь хлынет кровь рекой;
Войну воздвиг я не для славы,
Я поднял меч за край родной;
Ты лицемеров ненавидишь,
Ты грозно обличаешь их;
Ты с высоты небес святых
На дне морском песчинку видишь...» *

* * *

Меж тем, потопленный в туманах,
Козацкий табор на курганах
Спокойно дремлет вдоль реки;
Как звезды в небесах пустынных,
Кой-где чуть светят огоньки;
Вкруг них у коновязей длинных
Лежат рядами козаки **.

* Далее в черновике следовало:

Ты проникаешь, мой творец,
В изгибы тайные сердец...

** В черновике сохранился следующий вариант:

Сны благодатные над ними
Летают резвою толпой.
Тот зрѣт себя между родными,
[Вокруг него малюток рой]
[Вот тащит рыцарскую сбрую]
Сей, по Днепру раскинув сети,
Обратно к берегу плывет,
Вот сотни рыб на став влечет...

Напрасно Тясмин быстры воды,
Шумя, в очеретах струит,
Напрасно, вестник непогоды,
Ветр буйный по степи шумит:
Спят сладко ратники свободы,
Их сна ничто не возмутит...*

1825

* Далее в черновике следовало:
Свершив вечернюю молитву...

**АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ,
НАПИСАННЫЕ СОВМЕСТНО
С А. А. БЕСТУЖЕВЫМ**

1

Ах, где те острова,
Где растет трень-трава,
Братцы!

Где читают Руселле,
И летят под постель
Святцы.

Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.

Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.

Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.

Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.

Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.

Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
Варом.

Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

1823—1825

2

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе!

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

Между 1822 и 1825

Царь наш — немец русский —
Носит мундир узкий.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царствует он где же?
Всякий день в манеже.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Прижимает локти,
Прибирает в когти.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царством управляет,
Носки выправляет.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Враг хоть просвещенья,
Любит он ученья.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Школы все — казармы,
Судьи все — жандармы.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А граф Аракчеев
Злодей из злодеев!

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Князь Волконский баба
Начальником штаба.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А другая баба
Губернатор в Або.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А Потапов дурный
Генерал дежурный.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Трусит он законов,
Трусит он масонов.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Только за парады
Раздает награды.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за комплименты —
Голубые ленты.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за правду-матку
Прямо шлет в Камчатку.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

1823

4

Ах, тошно мне
И в родной стороне:
Всё в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

По две шкуры с нас дерут,
Мы посеём — они жнут,
 И свобода
 У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то,
 И в приволье,
 На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
 И обманом
 Их карманом
Стала наша мошна.

Бара с земским судом
И с приходским попом
 Нас морочат
 И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде,
 Без синюхи
 Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
 За бумагу,
 За отвагу —
Ты за все про все давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша:
 Заседатель,
 Председатель,
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь:
 То дороги,
 То налоги,
Разорили нас вконец.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином,
 И народу
 Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
 Всех затеев
 Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет,
 Ему шутка,
 А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко,
 Да мы сами
 Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

<1824>

5

Подгуляла я,
Нужды нет, друзья,
Это с радости,
 Это с радости.

Я, свободы дочь,
Со престолов прочь
Императоров,
 Императоров.

На свободы крик
Развяжу язык
У сенаторов,
У сенаторов *.

1824 или 1825 (?)

6. ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ

1

Слава богу на небе, а свободе на сей земле!
Чтобы правде ее не изменяться,
Ее первым друзьям не состареться,
Их саблям, кинжалам не ржаветься,
Их добрым коням не изъезживаться.
Слава богу на небе, а свободе на сей земле!
Да и будет она православным дана. Слава!

2

Как идет мужик из Новáгородá,
У того мужика обрита борода;
Он ни плут, ни вор, за спиной топор;
А к кому он придет, тому голову сорвет.
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. Слава!

3

Вдоль Фонтанки-реки квартируют полки,
Их и учат, их и мучат, ни свет ни заря!
Что ни свет ни заря, для потехи царя!
Разве нет у них рук, чтоб избавиться мук?
Разве нет штыков на князьков-голяков?
Да Семеновский полк покажет им толк.
А кому сбудется, не минуется. Слава!

* Песня в устной традиции контаминировалась со строками, приписывавшимися Е. А. Баратынскому:

С неба чистая,
Золотистая
К нам слетела ты.

Все прекрасное,
Все опасное
Нам пропела ты.

Сей, Маша, мучицу, пеки пироги:
 К тебе будут гости, к тирану враги,
 Не с иконами, не с поклонами,
 А с железом да с законами.
 Что мы спели, не минуется ему,
 И в последний раз крикнет: «Быть по сему!»

Уж как на небе две радуги,
 А у добрых людей две радости:
 Правда в суде да свобода везде,—
 Да и будут они россиянам даны. Слава!

Уж вы вейте веревки на барские головки,
 Вы готовьте ножей на сиятельных князей,
 И на место фонарей поразвешивать царей.
 Тогда будет тепло, и умно, и светло. Слава!

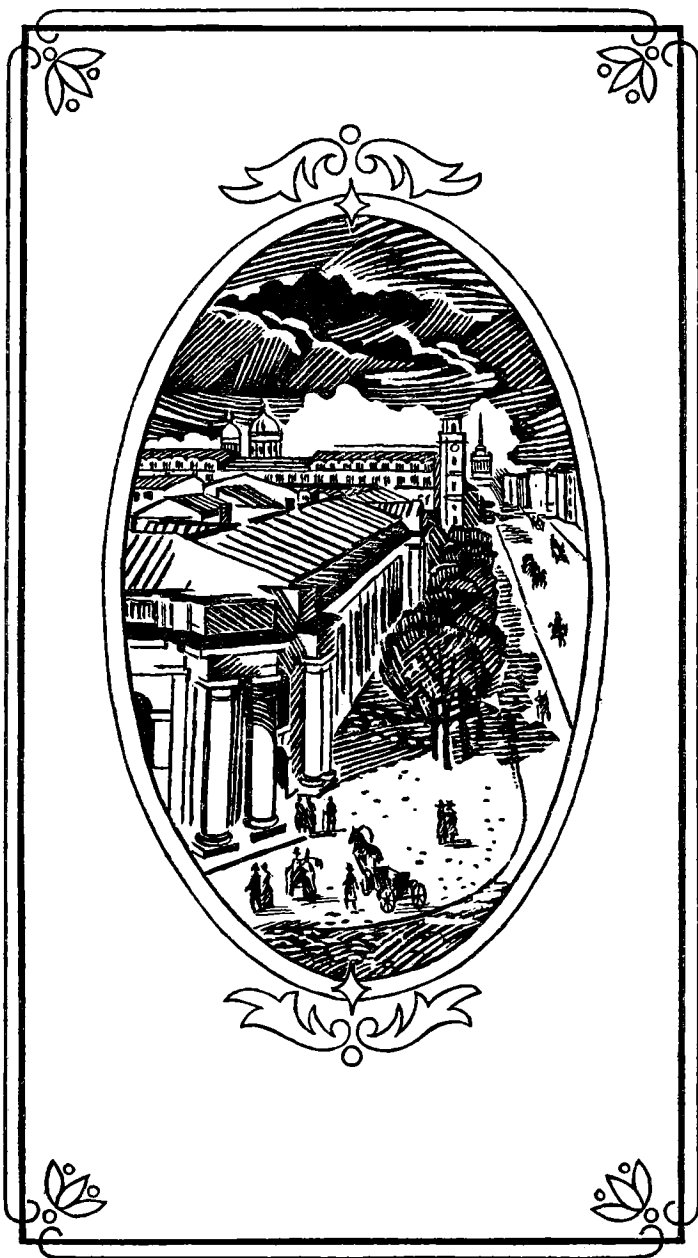
Как идет кузнец из кузницы, слава!
 Что несет кузнец? Да три ножика:
 Вот уж первой-то нож на злодеев вельмож,
 А другой-то нож — на судей на плутов,
 А молитву сотворя,— третий нож на царя!
 Кому вынется, тому сбудется,
 Кому сбудется, не минуется. Слава!

1824 или 1825

ПРОЗА

1. ПОБЕДНАЯ ПЕСНЬ ГЕРОЯМ

Низойдите, тени Героев! низлетите к нам на крыльях из Виталища доблести! низлетите разделить радость нашу!.. Мы прогнали сильного с полей отечественных; истребили неисчетные полчища его, пришедшие расхищать сокровища храмов божиих; лишать невинности жен, сестер и дочерей наших; ругаться остатками святых, угодивших госпо-ду...— Низлетите, тени Героев, тени Владимира, Святослава, Пожарского!.. Оставьте на время райские обители! — Зрите, и дивитесь славе нашей!.. Сломлен рог Гордого; силы его ослаблены; могущество зыблется, и слава исчезла, яко дым, яко мгла утренняя. Скоро, скоро с шумом падет он с той высоты, на которую рука слепого счастья вознесла его!

Смерть летала над полями нашими; опустошения и пожары свирепствовали в градах и весях наших; ежедневно слышны были стоны и вопли дряхлых старцев и пола нежного. Сердца наши обливались кровию; нам зрелась близкая гибель; внезапно является Кутузов во стане воев наших, и явление сего дряхлого старца оживляет мужей и юношей. Приход его был подобен восходу солнца после страшной непогоды. Надежда, что враги будут низложены, одушевляет воинов русских, и они, подобно бурным потокам, разрушающим твердые плотины, вторгаются в ряды противные и истребляют нечестивых.

Кутузов, ты спаситель наш! ты истребитель врагов Вселенная! Какая хвала может быть тебя достойна? Кроткий Монарх, краса Владык земных! ты лучший пример им; ты покорила сердца людей не оружием, а Ангельской душою

своею! ты друг народа своего; ты созиждешь блаженство Вселенной; ты караешь врагов всеобщих! — Всевышний творец Чудного мира сего давно уготовал тебе место среди Петра и Екатерины.

Подобно робким еленям, преследуемым от звероловов, утекали враги наши из Москвы златоглавой; подобно искуснейшим охотникам вои наши воспретили им уйти в земли отечественные.— Мраз и Глад, съединившись с храбростию сынов Севера, ежедневно умалял число хищных. И се! ...силы тьмочисленные истреблены, подобно легкому праху, развеваемому сильным ветром.— Было время, в которое враги сии славились своею храбростию; но время сие пролетело и исчезло, подобно как пролетает звезда по синему небу и исчезает со мраком ночи.

Возвысьте гласы свои, Барды. Воспойте неимоверную храбрость воев Русских! Девы красные, стройте сладкозвучные арфы свои: да живут герои в песнях ваших. Ликуйте в виталищах своих, Герои времен протекших. Переходи из рук в руки, чаша с вином пенистым, в день освобождения Москвы из когтей хищного. Да, вспоминая о доблестях предков своих, потомки наши возгорят жаром великим любви к Отечеству; и да всегда разят врагов имени Российского.

2. РЕЙНСКИЙ ВОДОПАД

Шафхаузен. Марта 25 дня 1814

Возвращаясь в свое Отечество чрез Шафхаузен — и оставляя за собой виноградные берега быстротекущего Рейна, я спешил посетить место, в которое толпами стекаются странствующие, — дабы удивиться чудесному низвержению славной реки.— Утро было прекрасное; солнце светило во всем своем величестве; — Силу падения воды невозможно ни с чем сравнить! Пенящиеся волны с порывом рвутся между скал и, низвергаясь с крутизны утеса — дробятся, образуя над поверхностью воды густое и блестящее облако пыли, соединяются, делятся вновь, вновь совокупляются и воспринимают дальнейшее свое течение. Шум и рев волн, с необычайною силою ударяющихся о

кремнистые скалы, оглушает и изумляет зрителя; — — Два вековые утеса, гордо, при подножии падения, поднявшие чело свое, увенчанное мхом и с презрением отражающие все усилия порывистого стремления, еще более усугубляют удивление странника, поселяя в душе его величественные мысли; — — — сердце трепещет, душа млеет в восторгах, слабый Ум стремится понять творца природы и — утопает в его величии!

3. ПИСЬМА ИЗ ПАРИЖА

...Музыканты приведут в необычайное изумление каждого, не знающего силы Механизма.

После сего пошли мы в самый Спектакль. Робертсон, сказав несколько слов о Магии древних, хлопнул в ладоши; — свечка потухла, вспыхнувши, — и мы остались в темноте; — мертвая тишина воцарилась между нами; можно было заключать, что каждый с нетерпением ожидал начала; — — чрез несколько минут блеснула молния, раздался гром, огненные нетопыри полетели над нами; — вдали видны были огненные тени, медленно приближающиеся к нам в длинных саванах. — Вот, они приблизились, но раздался гром — и все исчезли в дымном облаке!.. Является гроб, гром прокатился снова — — гроб вскрылся и мы увидели восстающего Скелета, — сей также исчез; за ним последовало явление Дьявола, ход Монахинь, Могильщик и другие не менее мрачные сцены. Представление кончилось, и я пошел в Palais Royale, в Кондиторскую Foу, а оттуда к себе. —

ПИСЬМО ТРЕТИЕ

Г. Париж. С<ен>т<я>б<р>я 1815 года

Сегодня я осматривал Пале-Рояль; фасы оногo составляют параллелограмм. Войди во внутренность, ты увидишь сад; он длиною 117, а ширина его 30 тоазов — служит довольно приятным гуляньем. Сто восемьдесят портиков составляют нижнее его строение; оно занято лавками и кофейницами. Зрелище великолепное, особенно при освещении вечером. Средний этаж также полон магазинами, ресторациями или живущими в нем купцами

и ремесленниками, а верхние по большей части есть обиталище тех презренных жертв ее распутства, кои в толиком множестве толпятся в Пале-Рояль! Без ужаса не могу вспомнить об них! Красота некоторых чрезвычайна! В ином месте не смел бы и подумать об них худо, когда б твари сии своим нахальством себя не изобличили. Некоторые из них до того дерзки, что, не в силах будучи убедить следовать за собою словами своими и красотой, хотят принудить к тому насильно, хватая за руки. Ты знаешь мою стоическую твердость против искушений сего рода, следовательно, не можешь сомневаться, что друг твой и в Пале-Рояль избег сетей соблазна.

Приди в Пале-Рояль в какой бы то ни было час — и ты верно едва продерешься чрез толпы посетителей! Что тебе угодно? Ступай в Пале-Рояль, и не сомневайся, чтобы ты с деньгами чего не нашел; — приди туда голый, но с деньгами, тебя назовут Маркизом, — и ты в минуту одет по самой последней моде. Смело можно сказать, что Пале-Рояль есть душа Парижа; здесь стекаются все его сословия, здесь бывают все их сборища, здесь в какой-нибудь из кофейниц решалась судьба многих и, может быть, производились и составлялись важнейшие заговоры.

ПИСЬМО ТРЕТИЕ (продолжение)

Г. Париж. 18 с<ен>т<я>б<р>я 1815 года

Сегодня день моего рождения; — прошлого года провёл я оный в Дрездене — и мог ли воображать тогда через год праздновать его в Париже! Вот, друг мой, каковы нынешны обстоятельства! Сегодня здесь, а завтра — бог весть! Помнишь ли, как мы читали Исторические описания славных деяний Рима и древней Греции! Это Басни! — восклицал ты часто. Сообрази же теперешние случаи с тогдашними, и ты увидишь, что происшествия наших времен более достойны удивления, более невероятны, нежели все до оных в мире случившиеся — и ежели мы не верим чрезвычайным событиям лет протекших, то не знаю, как поверят потомки наши происшествиям, которые происходили при глазах наших. И как поверить, что один ничтожный смертный был причиною столь ужаснейших политических переворотов! Как поверить, что в продолжение не более как десяти лет возрождалось и упало до десяти Государств, восстанавлилось и низвергалось не-

сколько Монархов — и все по прихотям одного человека! Как, наконец, поверить, что сей самый человек, неоднократно повелевавший Судьбе, сам подпал под острие косы сей владычицы Мира!.....

В 9-ть часов пришел ко мне Знакомец наш Е***, дабы вместе идти в Панораму, представляющую гор. Кале (Pas de Calais). Нельзя довольно надивиться совершенству искусства!..... Зрение обманывается — думаешь, что находишься над самым городом, которого не только собственные, но даже и окрестные строения в дали на три часа представляются взорам в том самом виде, как они есть в Натуре: Город, валы, ров, пристань, море и все вообще предметы, самые отдаленные, изображены с чрезвычайною точностью. Е *** протирал глаза, смотрел в зрительную трубу, оборачивался туда, сюда и с каждой минутой более и более удивлялся. Я также не менее его был поражен. Наконец мы вышли.

Как уже было время завтрака, то я и пригласил на оный своего товарища в Пале-Рояль. Мы достали там аглицкий бифтекс, форель, хороших Устриц, две бутылки портеру, одну Шато-Морго, а в заключение распили и Шампанского. Французы удивлялись доброму аппетиту и здоровому русскому желудку.

Прогулявшись по Булевару, мы пошли каждый к себе, уговорившись вечером сойтиться в театре.

В Париже ежедневно открыто по крайней мере шесть театров; по сему можно судить и <о> многолюдстве и образе жизни обитателей оногo. В это же самое время зайти в Пале-Рояль, пройдишь по любому из бульваров — и везде с трудом протеснишься чрез толпы народа.

Во Французском Театре (Theatre Français) играли «Кокетку», от великого стечения посетителей было даже душно; я не мог дожидаться окончания третьего действия; мне сделалось дурно — и я принужден был оставить пиэсу.

Г. Париж. Сент(ября) 19 дня 815

Вчера просидел я за Журналом до двух часов, после таковой усталости проспал до один(над)цати, и вспомнивши, что сегодня открыт Музеум Наполеона в Лувре, я спешил одеться и поскакал в оный. Здесь я удивлялся искусству древних и новых художников, произведениями коих наполнены Залы сего огромного строения. Кому не известны Аполлон Пифийский, славный под названием Бельведерского? ¹ Он здесь. Труппа Лаокаонова (Laocoon), Венера Медицейская (Venus, dite la Venus de Medicis), Боец (Héros combattant, dit le Gladiateur Borghèze), Юнона Капитолийская (Junon du Capitole) и другие не менее прекрасные статуи также украшают сей Музеум.

Все сии великие остатки от древних служат полным доказательством, сколь мы еще далеко отстоим от них в искусстве сего рода.

Долго удивлялся я сыну Латоны, победителю Змия Пифийского! Вид его полон божественного величия, всюду сияет вечная юность и красота, сила необоримая и мужество.— Все показывает спасителя обитателей Дельфских! Все сии статуи из Ватикана, Виллы Боргезы, Виллы Албани и других мест Италии. Каких сокровищ, каких высоких памятников неподражаемого искусства сынов своих лишилась страна сия от алчности Наполеона.

Картинная галерея также полна произведениями Рафаеля, Мишель Анжа и других великих артистов из школ Итальянской, Фламандской и Голландской; — но лучшие из оных взяты Австрийцами и Прусаками, говорят, что превосходнейшие из статуй должны ожидать подобной же участи.—

Самое строение Лувр не менее достойно примечания, как и находящиеся внутри его редкости: Оно начато в царствование Филиппа Августа; Емануель, Император Греции, Сигизмунд, Император Германский, и другие, в разные времена жили в оном. Фасада его бесподобна; огромностию подобного строения я нигде не видел; вот, уже несколько веков, как оно строится, и еще не кончено! — Оно примыкает к Тюльери, в коем обыкновенно жительствует король. Триумфальные ворота, выстроенные по приказанию Наполеона, достойны служить памятником

¹ Apollon Pythien, dit l'Apollon du Belvédère.

всяких побед! На верьху оных стоит колесница, с четырьмя коньми, а по бокам крайних по Архангелу из свинца, работы чрезвычайной. Лошади сии, вывезенные из Венеции, как триумфы побед Наполеона в Италии, при мне сняты Австрийцами. Я ходил на высоту Арки в намерении лучше рассмотреть сии достойные памятники славы — и получил от одного солдата Цесарского кусок от вензеля Наполеонова. Не одобряю поступок нашего союзника Франца II-го. Зачем раздражать народ действительно славный; зачем затрогивать честолюбие и гордость народную, двадцатилетними победами в сердцах утвердившуюся. Не значит ли это вродать в них к себе вечную ненависть? Мы, Русские, совсем иначе обходимся. Наши союзники надменностию и жестокостию своею скоро выведут из терпения народ, в сердцах которого еще с прежнею горячестию кипит любовь к независимости и к Славе. Я сам был свидетелем одному происшествию:

Пруссаки поставили в саду Пале-Рояль караул. Солдаты стали обижать проходящих, обиженный закричал — и в минуту сбежалось до 200 французов. Прусский офицер велел примкнуть штыки и пошел разгонять стекшийся народ; обезоруженная толпа сия разбежалась, но через минуту собралась еще в большем количестве; — офицер не переставал храбриться, но над ним смеялись, народ скоплялся, лавки запирали. Пришел Патруль Парижской Национальной Гвардии — и немного спустя отряд Англичан; тогда уже их выгнали из сада.

В это время произошел у меня с Французским офицером следующий разговор: «Мы покойны, сколько можем, сказал он, но Союзники ваши скоро нас выведут из терпения.— Мы французы, мы с чувствами!» —

— Я Русский, и вы напрасно говорите мне.

— Затем-то я и говорю, что вы Русский. Я говорю другу, ибо ваши Офицеры, ваши солдаты так обходятся с нами. Ваш Александр покровитель нам, он наш благодетель — но Союзники его — кровопийцы! — Чего они хотят от нас?! Разве еще они не довольны бедствиями Франции, что ругаются над священнейшим сокровищем нашим — честью! — Кто мы? Рабы, что ли, ваши?.. По жребию оружия — мы побеждены, но были некогда и мы победителями, и раздражали ли народ подобными обидами?.. —

— Полно, полно, прошу вас; мы не виноваты; — мы, Русские — друзья ваши.—

Я был совершенно растроган; — он хотел говорить, но слова замирали от сердечной боли, слезы блистали на

глазах его. Я посмотрел на Патриота — и увидел воина, лет тридцати, украшенного легионом чести и Орденом св. Лудовика и... на деревяшке! Я поцеловался с ним. Сей сцене были свидетели многие Французы. Чувства их были одинаковы. Они громко проклинали Прусаков. Я спешил удалиться.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Г. Париж. Сентября 20-го дня 815 г.

Сегодня был я в большой Опере, где пленялся приятностью пения лучших Театра сего актеров и актрис. В балете шестидесятилетний Вестрис удивлял меня своею легкостью. Невозможно дать совершенного понятия о превосходстве игры, танцев и пения; всякое описание будет недостаточно; скажу только, что я редко был так очарован, хотя часто бывал на прекраснейших балетах в С.-Петербурге. Сосед мой, пожилой француз, поминутно спрашивал меня: Доволен ли я игрою? —

— О, чрезвычайно! — отвечал я, — мне редко удавалось видеть подобную.

— Вы, конечно, были в С.-Петербурге?

— Я там воспитывался.

— Часто ли посещали Театр; у вас также много хороших актеров — и я слышал, что балетная труппа из первейших в Европе.

— Это правда; — мы имеем Дюпора, который не уступит вашему Вестрису; у нас есть Колосова, которая на каждом театре в балете пантоминном заслужит первенство; но жаль, что нет у нас теперь столь огромного театра, где бы удобно было разыгрывать большие пиэсы.

— Да; — ведь ваш каменный большой Театр сгорел. Это большая и чувствительная утрата для публики С.-Петербурга; он был побольше нашего.

— В полтора раза.

— *Sacrèstie!* — сказал он. Вдруг музыка заиграла известную национальную песню: *Vive Henri IV!* В ложах, в партере, везде захлопали в ладоши. Энтузиазм некоторых разительно отличался от принужденного веселия многих. Боже! избави Францию от третьего посещения! Но кажется, оно неминуемо: здешние умы расположены к мятежам, сердца к мести. Почти каждодневно обнаружива-

ется враждебный дух Парижан, склонный к беспокойствам! Я боюсь за остающихся здесь Прусаков и Австрийцев! Это верные жертвы, статья может, уже составленного заговора. Чего не было в наши времена? Надлежит всего ожидать — и смотри, если Варфоломеевская Ночь и ужасы Варшавского кровопролития не повторятся. Но время, время!.. — Быть может, я заблуждаюсь; быть может, кровожадность человечества уже пресыщена? желание покою заступило место оной!.. О, когда б это было так! — ...

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Г. Париж. Сентября 21 дня 815 г.

Сегодня прогуливался я по берегу Сены, т. е. по ее набережной, которая вся из камня. Река сия разделяет Париж на две части; пятнадцать мостов соединяют оные; из коих примечательнейшие: Мост Аустерлицкий (Pont d'Austerlitz) пред самыми воротами сада кабинета Натуральной истории. Оный сооружен из железа на каменных арках, в 806 году по приказанию Наполеона. Мост, соединяющий гроб⟨ницу⟩ св. Жерменя с Лувром, также прекрасен¹; а Ньюльи (Pont de Neuilly) есть первейший в Париже и, как говорят, лучший во всей Франции. Действительно, нельзя не удивиться оному — это одна из чрезвычайнейших архитектур. Камни, образующие его парапет, величины необычайной, и, при всем том, он весьма легок. Он начат в 1768, а кончен в 1772 году.—

Идя по набережной пред Тюльери, ты увидишь множество колясок, готовых к отъезду в окрестные места Парижа, в Версаль, С.-Клуд, Жермень и так далее. Мне это весьма понравилось; здесь путешествующему нет затруднения. Жаль, что мне недостаточно времени побывать в сих местах — ибо я намерен дни через два оставить сию столицу веселостей.

За Тюльери, на самом берегу Сены, простираются необозримые аллеи со множеством Кофейниц и Ресторанов.

¹ Мост сей примечателен также по множеству соседственных оному Кофейниц, в коих можно найти всякого роду прохладительное.

ций; — это поля Элисейские (Champs Elisées). Говорят, что они служат весьма приятным гуляньем для публики Парижской; — но только не теперь. Бивуаки Англичан занимают в оных великое пространство, почему и не думаю, чтобы они были посещаемы при столь неприятной Картине.

С одним из своих приятелей был я при игре в Рулетку — мне она нравится. В ней все зависит от фортуны, и кажется, никакого обмана быть не может; вот краткое описание оной:

В середине стола круг неподвижный, на который пускают шарик; в середине же сего круга другой с Номерами, числом до 36-ти, разделяющимися на красные и черные; сей круг вертится посредством медной рукоятки с четырьмя кончами — и в это-то самое время, Банкер пускает шарик в противную сторону. Играющие ставят деньги. Шарик сбегает с неподвижного круга на вертящийся и попадает, положим, на один из красных номеров, на 3-й; кто ставил на оный, тот выигрывает — черная сторона проиграла, и так далее.

Здесь есть общество, которое содержит игры: Банк, Рулетку Rouge et Noire и в кости — оно покровительствуется правительством, платя за то ежегодно важную сумму. Недавно один молодой человек проигрался до последнего Су, и тут же в Пале-Рояль застрелился. Редко случится кому здесь выиграть; из тысячи разве одному удастся — но при всем том охотников пробовать счастье всегда великое множество. Один из наших Офицеров, воспитывавшийся вместе со мною в корпусе, выиграл 30 000 франков, и не более как через час опять спустил их. Французы думали, что он застрелится, однако ошиблись; он хладнокровно пошел в Кофейницу, спросил несколько бутылок Шампанского — и распил оное с нами. Сим кончилась вся его Панихида о 30 000 франках.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Г. Париж. Сент(ября) 22 дня 815 г.

Можно утвердительно сказать, что ни один Король из фамилии Бурбонов не украсил столько Парижа, как Напо-

леон. В его царствование, несмотря на беспрестанные войны, выстроены многие прекрасные здания, воздвигнуты великие памятники и великолепные обелиски, долженствующие предать в позднее потомство славу двадцатилетнего правления Наполеона и сохранить имена созидавших оные.

На площади Вандома (Place Vendôme) возвышается столп Аустерлицкий, высота его — — окружность — — . Сей памятник сооружен из камня, на всю высоту свою обложен кругом медными листами, в полтора пальца толщины, и украшен Барельефами. Подобно столпу Траянову, он составлен из трофеев всякого рода, приобретенных в кампании 805 года.

Один из Барельефов представляет французов на Батарее; офицер бросается на орудие и с отчаянием упорствует в отдаче оногo. — Это наш Артиллерист Д *** в Аустерлицком сражении; — враги пощадили храброго и, обезоружив, раненого взяли в плен. — Прошлого года сей достойный офицер вместе с хозяином своим осматривали сей славный монумент и между прочим видели и сие изображение храбрости русской! Какое чувство было тогда в душе Д ***! Какое изумление было на лице хозяина-француза, узнавшего в постояльце своем одного из Героев Севера!

Сие признание во враге своем достоинств, сей памятник славному неприятелю, вернее, нежели все прочие, сохранит имя Наполеона в потомстве.

Вот слова, написанные на пьедестале:

NAPOLIO, IMP. AUG. MONUMENTUM. BELLI
GERMANICI ANNO M. D. CCCV (1805) TRIMESTRI
SPATIS. DUCTO, SUO PROTIGATI EX CERE CAPTO GLORIAE
EXERCITUS. MAXIMI, DICAVIT.

На высоте сего монумента стояла прежде статуя Наполеона — но она снята еще в прошлом годе. Теперь на месте оной развевается знамя Лудовика XVIII-го.

Сей памятник, сделанный по плану Г-на Лепера (Lepere), есть одно из образцовых произведений сего рода архитектуры.

Памятник Генералу Дезе (Dessaix) еще не поставлен; оный назначен стоять на Place Victoire. Четырехсторонняя

пьедесталь одного давно на своем месте; она сделана из белого мрамора, весьма хорошо выполированного.

Генерал Дезе родился в Департаменте Пюй-де-Дом, августа 17 дня 1768 года, а умер на поле чести в сражении при Маренго, будучи причиною победы; последние слова его Лебрюню, сыну третьего Консула, были следующие: «Ступай, скажи первому Консулу, что я умираю с соболезнованием, сделав столь мало для потомства».

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Г Париж. Сентября 23 дня 815

Наконец, я оставляю Париж, сию шумную столицу забав и веселостей, сие обиталище разврата и пороков; — я оставляю сей Лабиринф, в коем тысячи Минотавров облеченных в приманчивую одежду сладострастия и неисчерпаемых наслаждений, ежеминутно ожидают жертв для утоления жажды своей; но, ах! она никогда не утоляется! — Горе неопытному Юноше, блуждающему в оном без доброго наставника — гибель неизбежная ожидает его на каждом шагу: Здесь цветет Роза; прелесть ее ослепляет взоры твои, обоняние прельщается приятностию запаха; душа твоя пленяется — ты стремишься сорвать приманчивый цветок. — Стой! это расставленные тебе сети; страшись запутаться в оных или ты погибнешь!.. Ты удивляешься, — не доверяешь, но посмотри на цветок сей не пылким взором разгоряченного Юноши, но взором пронительности хладнокровного старца, коего зрение на сей раз превосходнее твоего; посмотри, говорю я, — и ты увидишь, что Роза сия ненатуральна, что благоухание оной несходственно с благоуханием свежего цветка, разливающего оное в поле.

Парижанин встает с постели в десять часов, завтракает в двенадцать и обедает в пять. Ужина здесь не знают.

Дороговизна в Париже вообще не так ужасна, как натолковали об ней. Каждый Гражданин с посредственным достатком кушает весьма хорошо. Обед его всегда почти составляет пять, шесть и более блюд, кроме десерта, который по большей части состоит из плодов разного рода, а после одного чашка доброго Кофе.

В шесть часов спешат в Театры, другие в Пале-Рояль, на Булевары, в Тюльери и другие публичные места; так что куда ты ни зайдешь, всюду увидишь посетителей праздных, гуляющих.

Париж имеет прекрасные сады: Тиволи, Ваксаль, Сад Гебы, Турецкий и другие часто посещаемы. Первый славится великолепными праздниками, которые он дает; каждый из прочих имеет также свои игры и занятия.

Париж богат также и богоугодными заведениями, где содержатся бедные и пользуются больные без всякой за то платы. —

Более всего, что понравилось мне в Париже — это есть Дом Инвалидов (*Hotel des Invalides, ou Temple de Mars* . Учреждение сие приносит великую честь Лудовику XIV-му, основателю оною. Сие обширное и великолепное строение служит прибежищем изувеченным на войне воинам или за дряхлостью более уже неспособных к продолжению долголетней службы своей. Правительство усердно печется об них: они имеют хороший стол, на день бутылку доброго вина и двести франков ежегодной пенсии. Великолепная и чрезвычайной архитектуры церковь сего славного заведения вмещает в себе Мавзолею Маршалов Тюреня, Вобана и Лана, герцога Монтебельского. Какую пользу приносит сие учреждение! — Воин бестрепетнее идет на поле битвы; он надеется, что в случае смерти незабвен будет от бога, — а в случае увечья верное имеет прибежище для успокоения своего.

Суд над Маршалом Неем продолжают; говорят, что члены оною третий раз переменяются. Первыми двумя нарядами, оправдавшими Маршала, Король весьма недоволен, но, несмотря на то, можно думать, что его и теперь оправдают; ибо во всех частях правления он имеет великое множество друзей, которые сильно держат его сторону.

Никакая на свете Полиция не может сравниться с французскою; говорят, что она со времени падения Наполеона стала приходить в упадок; но при всем том и теперь ей нельзя не удивиться. Верность ее к Правительству чрезвычайна, старания непомерны. О всяком намерении какого-нибудь скопища она знает уже при начале составления оногo. Фуше, нынешний Министр Полиции, бывший оным и при Наполеоне, имеет чрезвычайные способности для исполнения долга своего.

По дороге в Версаль находится машина г-на Марли. Путешествующие стекаются удивляться чудесной ее архитектуре и Механизму. Машина сия доставляет воду в Версаль и в безводные ее окрестности. Господ(ин) Марли трудился над оной во время революции и, разогорченный Правительством, которое не умело его за то наградить, сказал в сердцах, что он поедет в Лондон и сделает там машину еще превосходней. Революционное правление приговорило, дабы не допустить его до исполнения слов своих, *выколоть глаза!* Какая ужасная награда за столь полезное дело!....

4. НЕЧТО О СРЕДНИХ ВРЕМЕНАХ

(По дороге от Бреславля. Мая 15 дня 1815 г.)

Влево, за обширными равнинами, синеются горы Силезские; гигантские вершины оных, одни пред другими возвышаясь, скрываются наконец в туманных облаках. Некоторые, покрытые снегом, — другие лесом, представляют зрелище величественное, благоговейное! Это Ризенгебирге; мрак необразованности средних времен верил, что там обитают чародеи; народные сказки ближних мест подтверждают то; ум не мог тогда развиваться; дух необычайного суеверия и странных предрассудков сковал его. Все просвещение тмилось во мраке стен монастырских без всякой пользы; монашество, из собственных выгод, старалось не токмо не выводить народ из того невежества, которое в тогдашние времена между оным царствовало, но погружало оный еще в глубочайшее. Тогда ужасные, теперь смешные сказки о духах были главнейшим содержанием их проповедей. Народ толпами стекался слушать оные — и, пересказывая детям своим, посеивал в них суеверие и невежество, которое с возрастом более и более в них

укоренялось; и когда являлся один ум — ум, который мог быть страшен монахам,— то гроза проклятий от сих последних дотоле с кафедров не переставала поражать их, доколе оный не умолкал или не удалялся: нередко случалось, что таковые несчастные погибали ужасно... Но явился Лютер, предприимчивый, благоразумный Лютер,— и где ярмо нечестивых?..

Великий, чудесный дух! удивляюсь тебе — и благоговею!..

5. ПРОВИНЦИАЛ В ПЕТЕРБУРГЕ

1. ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД. МАГАЗИНЫ

Приехав с женою в Петербург, которого ни я, ни она родясь еще не видали, захотелось нам побывать в нем везде и посмотреть на все. Вследствие сего намерения на другой же день нашего приезда предположили мы начать осмотр свой с храма Казанския богоматери: «В котором-де кстати,— примолвила жена моя,— и отслужим, по долгу добрых христиан, благодарственный молебен за благополучное совершение нашего пути, а оттуда, душенька, заедем в магазин мадам А...» На первое предложение, как на богоугодное, я согласился с удовольствием, но при втором, признаюсь чистосердечно, от страху я невольно затрепетал, лоб мой покрылся морщинами, и брови нахмурились... Жена моя хотя и не читывала Лафатера, но в четыре года замужества так успела всмотреться во все черты лица моего, что по малейшему движению умеет узнавать сокровеннейшие мысли мои. Приметив, вероятно, что я готовлюсь противоречить ей, она подскочила ко мне и так нежно, так сладко поцеловала, что все мои морщины, подобно тучам от дуновения ветра, исчезли, и я приказал Трифону (который, если не хвастает, знает Петербург и вдоль и поперек) надеть свою ливрею и с запяток указывать кучеру дорогу.

Едва проехали мы несколько сажень по Невскому проспекту, как жена моя вскричала: «Ах, друг мой! посмотри, какая бесподобная шляпка! Заедем, пожалуйста!» — «Что ты! В уме ли? Разве позабыла, что мы не отслужили еще молебна!» — «Друг мой! ангел! утешь же меня! Ну, сам посмотри: что за шляпка на мне! Как я буду стоять в Казанской! Я сгорю со стыда!» Она проговорила это с таким

жаром и так громко, что и проезжающие, и проходящие оглянулись на нас. Боясь, дабы жена моя не заговорила еще громче, я поскорей приказал повернуть сани и привез ее в магазин.

— Что вам угодно? — спросила нас француженка, не приподнявшись даже со стула своего. Она, верно, встретила нас по платью...

— Вот эту шляпку, — сказал я, указывая на ту, которая соблазнила жену мою.

— Подай! — сказала француженка одной из сидевших за рукодельем девиц.

Шляпок было множество, и одна другой лучше! Прежняя не обращала уже на себя внимания. Ее поставили на свое место — и начался перебор, который продолжался около часа. Сама мадам подошла на помощь — и наконец шляпка выбрана. Только я приготовился отсчитать сто двадцать рублей, как был остановлен сими словами:

— Постой, друг мой! я еще хочу взять этот эшарп.

— Не угодно ли, сударыня, — спросила мадам с чрезвычайной вежливостью, — взять еще чего-нибудь? У меня теперя очень много новостей из Парижа.

— Из Парижа? Ах, покажите, пожалуйста!

И услужливая торговка начала выдвигать ящики и выдвигать шкафы. Не более как в две минуты столы были завалены: материи разных сортов, платки, платочки, блонды, кружева лежали в самом соблазнительном беспорядке!

Между тем как на лице жены моей, у которой, как говорится, разбежались глаза, было написано удовольствие и радость, сердце мое билось так сильно, так сильно... как стенные часы! Мне весьма было досадно и на жену мою, и на модную торговку. Я предчувствовал, что от прихотей первой и от услужливости другой бумажник мой может истощиться. Рассудок беспрестанно твердил мне: пора для собственного благополучия сделать формальную ретираду; но природная моя застенчивость и боязнь услышать от вежливой и услужливой мадам А. какое-нибудь неприятное приветствие не позволили мне воспользоваться добрым советом его. Я безмолвствовал, торговка без умолку лепетала, девушки, как угорелые, бегали по магазину с модною дрянью, а жена моя с жадностью пересматривала все. Наконец, выбрав себе материи и на капот, и на платья — с длинными и с короткими рукавами, два эшарпа, из коих один тру-тру, блонд и несколько платочков, жена моя попросила все уложить в кордон. Я заплатил

пятьсот семьдесят пять рублей, и мы отправились далее. Мадам А. проводила нас до самых дверей, отворила их и наговорила столько вежливостей, что и самым мелким письмом не упишешь и половины из оных на целом листе. Она, верно, проводила нас по покупке.

Только спустились мы с Полицейского моста, как, взглянув налево, жена моя опять вскричала: «Ах, друг мой! что мы сделали?.. Стой, Федот!» Кучер остановился. Я перепугался и подумал, не позабыла ли она чего в магазине или не оставил ли я в нем бумажника своего, в котором было еще четыреста двадцать пять рублей, кроме пятнадцати рублей, особенно отложенных для молебна; я осмотрелся и удостоверился, что последней беды еще не случилось.

— Что ж сделали мы и куда ты ведешь меня? — спросил я у жены, которая, взяв меня за руку, почти тащила на лестницу.

— Ужасную глупость! — отвечала она.

— Какую же?

— Ту, что купили шляпку не в этом магазине. Я видела в окошко одну такую, какой родясь еще не видывала.

— Сумасшедшая! — вскричал я.

Но двери были уже открыты, и мы вошли. Жена моя и здесь принялась пересматривать и перебирать модные вещи, только что привезенные из Парижа. Мадам Б. служивала еще ловче, нежели мадам А., и особенно умела прельстить одною шляпкою и модными часами с золотой цепочкою. Я было решился вооружиться всем моим хладнокровием, не слушать никаких просьб и убеждений и тем сохранить бумажник свой от конечного разорения, почему, приняв решительный вид, сказал твердым голосом: «Теперь у меня нет денег. Заедем завтра!» Но жена моя так нежно взглянула на меня, как еще ни разу не взглядывала, — даже и в самый день свадьбы нашей. Я растаял и спросил:

— Что стоят часы сии и шляпка?

— Ровно пятьсот рублей.

— Не дорого ли?

— Помилуйте! Мы лишнего никогда не просим: это весь город знает. Мы никого не грабим.

При сих словах мадам сделала такой суровый вид, как будто бы я обидел ее ужаснейшим образом. «Что делать? потешу жену и удовлетворю мадам», — подумал я и, вынув бумажник, отдал последние из оногo четыреста сорок

рублей, включая в то число и пятнадцать, взятых на молебен. Потом вынул я и кошелек, в котором как будто нарочно было золота и серебра ровно на шестьдесят рублей. Расплатившись таким образом и простясь с удовлетворенною француженкою, сели мы в сани.

— Куда же мы теперь поедем? — спросил я у жены

— Как куда, друг мой! А к Казанской... ты разве позабыл?

— Да зачем? Ведь мы хотели молебен отслужить, а у меня, по милости твоей, не осталось теперь ни копейки! Что делать? Поворачивай, Федот! Поедем домой.

Таким образом возвратились мы к себе в дом, не только не отслужив молебна, но даже не увидев Казанского собора. Теперь я вот уже трое суток безвыходно сижу дома. Боюсь выйти. Что мне делать, сам не знаю!.. Первый выезд стоил мне тысячи семидесяти пяти рублей. Что, если и второй и третий столько же будут стоить? Ехать вместе с женою — беда! Одну ее отпустить — и того опаснее! Сам выехать — боюсь; ибо, судя по неотступным просьбам жены, чтобы опять ехать в Казанский собор, я подозреваю, что она снова умышляет навестить или мадам А., или мадам Б., или незнакомую еще мадам В., которую особенно рекомендовала жене моей двоюродная сестрица.

2. ЖЕНСКАЯ ИГРУШКА

— Неужели вы никогда не видели калейдоскопа? — с удивлением спросила жену мою двоюродная сестрица.

— Нет, никогда,— отвечала она.

— Неужели и вы не видели его?

— Где же нам, матушка, видеть: живем в степи, далеко от столицы. Редкостей к нам никаких не привозят, и мы не только не видели кале..... как вы называли-то?

— Калейдоскоп.

— Не только не видели, но даже и не слышали его названия.

— Жаль, очень жаль! Эта игрушка так мила, так занимательна, что я вам сказать не могу... Года с полтора назад все лучшие женщины почти не выпускали ее из рук.

— Что ж бы это такое? Скажи, пожалуйста, сестрица.

— Чудо, милая, чудо!.. Но я теперь не скажу тебе ни слова. Приезжай ко мне; я покажу.

Немного спустя двоюродная сестрица уехала, и жена моя приступила ко мне, чтоб я сейчас же отправился искать калейдоскопа. Желая удовлетворить просьбе моей жены и подстрекаемый собственным любопытством, я велел подать сани и поскакал в магазин уже знакомой мадам Б. Приезжаю; услужливая француженка принимает меня так мило, так ласково, как будто мы знакомы уже лет двадцать. Чего не делают деньги!..

— Опять изволили пожаловать.

— Здравствуйте. Есть ли у вас ка... ка... тьфу, пропасть! никак не могу вспомнить.

— Что бы такой, monsieur? Не матери ли какой для вашей супруги?

— Нет, нет...

— Эшарп?

— Нет! Ах, боже мой!..

— Новомодные платки тру-тру?

— Нет, madame, не из нарядов. Мне нужно игрушку.

— Какую, сударь?

— Которую любят женщины и которую, когда она появилась, они не выпускали из рук...— Проговорив сие, я улыбнулся; мне самому казалось странно и смешно, что я приехал покупать вещь, которой хорошо и названия не знаю.

Француженка пристально посмотрела на меня, улыбнулась сама и сказала:

— Теперь я понимаю; вам, конечно, нужен калейдоскоп; для кого вам нужна сия игрушка?

— Для жены.

— Для вашей супруги! И вы позволяете ей иметь такую игрушку?

— Почему ж не так? Когда прочие мужья покупают ее женам своим или знают, что они сами покупают, то я не хочу своей отказывать в том.

— Так извольте, сударь, я принесу; только скажите, какого сорта нужно вашей супруге: русского, французского или аглицкого?

— А какой лучший?

— Теперь в моде аглицкий. И у меня, я вам за тайну скажу, осталось одна только дюжина из десяти, выпитых мною месяца два назад прямо из Лондона. Это совершенство в своем роде! Сей сорт изобретен в Англии нарочно, как сказывают, для королевы, когда она разлучилась с Бергами. Устройство и механизм вещи сей точно как у натуральной!

Любопытство мое с каждым словом возрастало. «Пожалуйста, покажите, madame». Madame вынула ящик, открыла его и подала мне; а сама отошла к окошку. Я взглянул — и остолбенел от изумления!.. Я увидел такую игрушку, о существовании которой никогда и не воображал!.. Неужели, думал я, сестрица говорила об этой игрушке! О tempoга! О mores! *

— Что, нравится ли вам эта женская игрушка?

— А что стоит она? — спросил я вместо ответа.

— Сто рублей.

— Как не купить! но не для жены: сохрани боже! Сия искусственная вещь ей вовсе не нужна; но она может послужить украшением кабинета редкостей, который достался мне от одного натуралиста.— О tempoга, о mores!..

3. ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ

— Что тут удивительного, сестрица? Люди всегда и везде люди! — говорил наш уездный судья.

Не знаю, откуда занял он сие короткое изречение, но, верно, уж не из судейской своей Архивы, ибо я уверен, что подобных справедливых сентенций ни он, ни предшественник его не дельвали от самого учреждения уездных судов.

— Люди всегда и везде люди!.. Как это прекрасно сказано! Сие изречение, конечно, принадлежит какому-нибудь древнему мудрецу, который знал свет, как Трифон Петербург,— и вдоль и поперек. Готов биться об заклад, что новые не скажут так коротко и вместе так ясно.

— Как же бы они сказали? — спросила меня двоюродная сестрица, которая не терпит ничего старого.

— Они, верно бы, сказали: «Люди и во времена патриархов, и во времена фараонов, и в золотой век Греции, и в славные дни Рима, то есть всегда, и на востоке, и на западе, и на севере, и на юге, то есть везде, были, как и в наше время,— злы, лицемерны, низки, подлы, лстывы, глупы, жестоки, коварны, любопытны, неверны, слабы, несправедливы...» Но, сударыня, если я стану продолжать, то, верно, и в целый час не кончу, ибо новые так плодовиты, так болтливы, что каждую мысль, которую б древние выразили в нескольких словах, распространят, разукрасят,

* О времена, о нравы! — Ред.

распестрят с таким усердием, что едва она уместится и на двух страницах. Да я и не понимаю, сестрица, как может тебе нравиться долгий период? Он может утомить, замучить.

— Да что ж проку и в слишком коротких?

— Ах! сестрица, в краткости, мне кажется, и заключается главное достоинство...

— Воля ваша, — сказала сестрица, — думать как вам угодно, а мне новые нравятся гораздо более, нежели древние.

Кто переспорит женщину, а особливо такую, как моя сестрица. Что однажды возьмет она себе в голову, того уж ничем не вытеснишь из нее. Так, например, она утверждает и твердо стоит на том, что «Липецкие воды» несравненно превосходнее «Недоросля». Сколько я ни опровергал сие странное мнение, но никак не мог оспорить оно. Я говорил, что характеры в «Липецких водах» не выдержаны, и списаны еще с натуры, и именно лицо и есть настоящий портрет княгини N, с которою сестрица не ладит. «Когда суждением управляет ненависть, или пристрастие, можно ли тогда ожидать справедливости», — подумал я и — замолчал.

Может быть, некоторые читатели полюбуются узнать, к чему сказал я сестрице: люди всегда и везде люди.

Вот в чем дело.

Сестрица, которой новости обеих столиц и даже из нашей степной губернии сообщаются посредством ее корреспондентов и корреспондентниц с непостижимою скоростью, приехала удивить меня и жену мою вестью, полученною ею из нашего уездного городка.

— Знаете ли вы госпожу Зефирину?

— Боже мой, как не знать! — вскричала жена моя. — Она первая красавица в нашем уезде, и хотя, по бедности родителей своих, не имела за собой ничего, но по счастью вышла за одного хотя и старого, но богатого и доброго человека, который женитьбою своею составил не только для нее, но и для всех родственников ее счастье, помогая им в нуждах и воспитывая детей их на свой счет.

— Ну, так поздравьте же благодетельного помещика: Зефирина бросила старика и бежала с одним молодым драгунским офицером.

— Какая ужасная неблагодарность! — вскричала жена моя, и на лице ее изобразилось негодование.

— Вот, братец, какие казусы случаются ныне и у вас в степи!

— Что ж тут удивительного, сестрица? — сказал я. — Люди всегда и везде есть люди!

⟨1820—1821⟩

6. ЧУДАК

Повесть

Угрюмов был странный человек: он ненавидел женщин и, не веря добродетели их, везде поносил прекрасных. За два года пред сим писал он другу своему:

«Представь себе: батюшка было вздумал меня женить и, не сказав мне ни слова, повез к Добронравову. На половине дороги признался он, что едет сватать за меня Лизу, старшую дочь сего старого своего друга, сослуживца и соседа.

— Но разве не знаете вы, что сын ваш никогда не намерен жениться? — сказал я ему.

— Почему? — спросил он сурово.

— Потому что я ненавижу женщин.

— Такой вздор и слушать я не хочу. Ты должен непременно жениться, и жениться на Лизе, если не имеешь в виду другой девицы.

— Но, батюшка, мне ни Лиза, ни кто не нравится: вы сделаете нас несчастными.

— И это вздор! Женись; я тебе приказываю.

Так решительно батюшка никогда еще не говорил мне; я заключил, что он решил женить меня во что бы то ни стало! Между тем мы подъехали к дому Добронравовых. Входим и застаем все семейство в гостиной. Лиза имеет вид весьма привлекательный. «Что,— подумал я,— если бы и душевные ее качества соответствовали наружным. Я бы мог быть счастливым...» Но мечта, мечта! И я, зная, что батюшка никогда не любит шутить, решил открыться ей самой, что я не могу быть ее супругом. Избрав удобный случай, когда старики удалились, я без дальних околичностей объяснился с нею. Она дала слово — отказать мне, и исполнила оное. Теперь, слава богу, я спокоен. Батюшка не тревожит меня, и я восхищаюсь, что таким образом избавился от ужасного несчастья — быть женатым».

Шутливый друг отвечал чудаку в следующих выражениях:

«С боязнию за тебя читал я последнее письмо твое; оно дышит ненавистью к нежному полу... Или ты забыл, какая участь постигла смельчака Тирезия, дерзнувшего только отдать преимущество мужскому полу пред женским (что он один только и был в состоянии справедливо сделать, быв и мужчиною и женщиною). Юнона, мстя ему за сие и, вероятно, с тем, дабы он впредь не видел недостатков пола ее, бесчеловечно лишила его зрения, которого, конечно, не променял бы он на дар пророчества, коим за оказанную справедливость наделил его царь богов и человеков. Ревнуя ко благу друзей моих, поставляю себе за священную обязанность предостеречь тебя, дабы ты, говоря впредь о милом поле, был несколько поосторожнее, если только не желаешь на самом себе испытать несчастья Тирезия, тем вернее, что Юноны нашего времени ничуть не снисходительнее и не хуже Юноны лет древних. Красота многих из них ослепительна, и если ты не наделен от Гермеса, подобно Улиссу, чудесною травкою моли, предохраняющею от очарования красоты, то будь уверен, что никакие средства не спасут тебя от сетей какой-нибудь красавицы, следовательно, и от ослепления, даже непобедимое хладнокровие того философа, над которым славная Лаиса, тщетно истощив все средства обольстительного искусства хитрых гетер, сказала наконец, что она взялась прельщать человека, а не статую.

Так, любезный друг, я боюсь за тебя. Нежный пол, тобою оскорбленный, будет отомщен».

И представьте: боязнь шутивного друга была справедлива! По прошествии года Лиза вышла за Ариста, друга Угрюмова. Посещая их, чудак неприметно влюбился в прежнюю свою невесту и на опыте дознал, что и женщины могут быть добродетельными, ибо Лиза, несмотря на то, что сама пламенно полюбила Угрюмова, осталась верною супругою Ариста, за которого отдана была против желания.

<1821>

7. ЕЩЕ О ХРАБРОМ М. Г. БЕДРАГЕ

После десятимесячного отсутствия возвратившись в здешнюю столицу и прочитывая периодические издания, в продолжение того времени вышедшие, с великим удовольствием нашел я во второй книжке «Отечественных записок» следующую статью:

«Поправка сочинителем «Партизанского дневника» ошибки, найденной им в выписке, помещенной в первой книжке «Отечественных записок».

«...Я никогда не командовал первым эскадроном, а командовал первым батальоном Ахтырского гусарского полка: тогда гусарские полки состояли в десяти эскадронах и разделялись на два батальона; первым же эскадроном командовал ротмистр (что ныне л.-г. конно-егерского полка полковник) Михаил Григорьевич Бедрга, высокой храбрости и дарований офицер, изувеченный на священной Бородинской битве. Пользуясь вкравшейся опечаткой, я рад, что имею случай изъяснить чувства мои товарищу, столько же достойному уважения на поле брани, как и в мирном уединении, и проч.

Денис Давыдов»

Таким образом славный партизан наш, смею сказать, равно оригинальный и на войне, и в стихотворениях своих, отдал перед публикою должную справедливость храброму и отличному товарищу, подававшему о себе великую надежду всем тем, которые знали его... Да позволено будет и мне сказать о нем несколько слов и тем принести ему должную благодарность от лица прежнего моего начальника, известного в артиллерии своею ревностью и усердием к службе, полковника П. А. Сухозанета, а равно и от любимых моих товарищей: капитана Н. А. Костомарова, командовавшего в корпусе графа Витгенштейна, в конце 1812 года, особенным летучим отрядом, поручика барона Унгерн-Штернберга, столь славно отличившегося при Гальберштате в отряде храброго Чернышева, и от прочих — за те ласки и приятные беседы, коими пользовались мы в доме господ Бедрга в продолжение двухлетнего пребывания нашего с конно-артиллерийскою ротою № 12 в селе Белогорье, что в Воронежской губернии.

М. Г. Бедрга служил в Ахтырском гусарском полку почти с самого малолетства, вместе с младшими братьями своими Николаем и Сергеем Григорьевичами. И во время мира, и во время войны все они почитались за отличнейших офицеров, что может засвидетельствовать Ахтырский полк и прежний начальник оногo, командующий ныне гвардейским корпусом генерал-лейтенант Л. В. Васильчиков. М. Г. Бедрга в чине поручика до роковой раны своей командовал лейб-эскадроном и довел его до такой степени совершенства, что многие господа генералы и штаб-офицеры, привлекаемые молвою, из-за несколько сот верст

приезжали смотреть оный. Будучи самых высоких понятий и чести и благороден чувствами и поступками, он умел вдохнуть и в нижних чинов дух свой и любовь к чести. Если кто-нибудь из них изобличен бывал в каком-либо постыдном деле, то весь эскадрон, как бы стыдясь иметь такого товарища, чуждался его. Всегда постоянно строгий к себе, он строг был и к подчиненным; но как строгость его никогда не выходила за пределы благоразумия и не обращалась в жестокость, то он не только не заставлял роптать их, но, напротив, вселял к себе глубочайшее почтение и почти детскую привязанность; так что когда он был ранен, эскадрон, как бы приведенный в ужас, замешался и в продолжение нескольких дней, по уверению некоторых офицеров Ахтырского полка, находился в приметном унынии.

Эскадрон его не только на кантонир-квартирах, но даже и в быстрых переходах во время отечественной войны шеголял чистотою и исправностью. Во время ужасов сражения гусары его, как будто на ученье, хранили глубокое молчание, строились в примерном порядке, под карточками стояли неподвижно и, как бы прикованные, взоры свои не сводили с начальника, на лице коего блистало хладнокровие и грозная храбрость. В Бородинской битве, сраженный пулею близ самого виска, он упал... Несколько гусаров подскочили к нему, дабы подать помощь. От чрезмерной боли быв не в состоянии ни слова сказать, но и в сие роковое мгновение думая единственно о пользе любезного отечества, он отверг услуги их, указывая на неприятеля.

Сия-то жестокая язва, лишив его возможности продолжать службу, для коей он, можно сказать, родился, лишила отечество одного из отличнейших сынов его, армию — храброго и искусного воина, офицеров — редкого умом и способностями товарища, подчиненных — примерного начальника.

Теперь живет он Воронежской губернии в селе Белогорье, в совершенном уединении. Там-то имел я счастливый случай познакомиться с ним и приобрести лестное для меня дружество.

Вот вам, почтеннейший Павел Петрович, некоторые черты храброго воина. Если письма подобного содержания имеют место в «Отечественных записках», то вы одолжите помещением в них сего.

Кондратий Рылеев

С.-Петербург. Ноября 20 дня 1820 г.

8. ОБ ОСТРОГОЖСКЕ

Острогожск, ныне уездный город Воронежской губернии, некогда был главным городом Острогожского слободского полка. Он построен в 1562 году и первоначально населен по указу царя Алексея Михайловича заднепровскими козаками, в числе 1000 человек, пришедшими с полковником своим Дзеньковским. За верные службы свои противу ногайцев и крымцев (от коих впоследствии почти целый век оберегали они границы России), а более еще за оказанные услуги в битвах против Виговского и Брюховецкого, получили они от царя похвальные грамоты, право свободного винокурения и некоторые другие привилегии. Сии выгоды и благословенный климат привлекли на обширные земли их множество выходцев. Упомянутые грамоты и права впоследствии были подтверждены почти всеми монархами России, в том числе Петром, Екатериною и благословенным внуком ее. Обитатели края благоденствовали. Года за три перед сим благосостояние страны сей стало приходить в упадок. Неурожай и невозможность с прежнему дешевизною содержать рогатый скот нанесли первый удар цветущему состоянию тамошних жителей. Торговля год от году становится маловажнее. Желательно, чтобы попечительное правительство вникнуло и в другие причины теперешних несчастных обстоятельств края. Я, со своей стороны, смею сказать, что свобода винокурения, которою прежде равно пользовались и богатые и бедные всех сословий, хотя существует и ныне для всех, но по некоторым обстоятельствам перешла в руки одних капиталистов. И оттого для самой многочисленной части дворянства и войсковых жителей, или так называемых черкесов, почти единственный источник их благосостояния иссякнул совершенно. Могу ошибаться, но ошибаюсь как гражданин, радеющий о благе отечества.

Не за излишнее считаю сказать, что на землях острогожских не видали крепостных крестьян до конца прошедшего столетия. Полковые земли, доставшиеся впоследствии разным чиновникам Острогожского полка, были обрабатываемы вольными людьми или козаками. Некоторые частные беспорядки от свободного перехода сих людей, побегии на Дон и некоторые другие причины были поводом к разным прошениям Екатерине Великой и императору Павлу, вследствие которых и состоялся указ декабря 12 дня 1796 года. Но прикрепленные к земле малороссияне по сие время называют себя только подданными,

как бы в отличие от крепостных, коих они зовут и дразнят крепачками.

Петр Великий по взятии Азова в августе месяце 1696 году прибыл в Острогожск. Тогда приехал в сей городок и Мазепа, охранявший у Коломака вместе с Шереметевым пределы России от татар. Он поднес в дар царю богатую турецкую саблю, вправленную в золото и осыпанную драгоценными камнями, и на золотой цепи щит с подобными же украшениями. Предание говорит, что Мазепа в то время был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасься в милость Петра. Монарх почтил его своим посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и с честью отпустил в Украину.

9. ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ДУМЫ»

(Первая редакция)

С некоторого времени встречаем мы людей, утверждающих, что народное просвещение есть гибель для благосостояния государственного. Здесь не место опровергать сие странное мнение; к тому ж оно, к счастью, не может в наш век иметь многочисленных приверженцев, ибо источник его и подпора — деспотизм — даже в Турции не имеет прежней силы своей.

За полезное, однако ж, сказать почитаю, что один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество: таким образом, жители Митиленские, покорив возмущившихся союзников, не нашли надежнейшего средства поработить их совершенно, как запретив детей их чему-либо учить *. Благосостояние и тишина общественные реже нарушаются в государствах образованных, нежели непросвещенных, ибо народы первых лучше понимают истинные пользы свои, нежели последних, ибо просвещение — надежная узда противу волнений народных, нежели предрассудки и невежество, которыми стараются в правлениях самовластных двигать или воздержать страсти народа. Невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причи-

* Далее зачеркнуто: законные правительства, основанные на законной свободе, тверже народов просвещенных.

на всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире. Одни только друзья тиранов и то же невежество приписывает их излишнему просвещению. Пусть раздаются презренные вопли прорицателей света, пусть изрыгают они хулы свои и изливают тлетворный яд на распространителей просвещения... пребудем тверды, питая себя тою сладостною надеждою, что рано ли, поздно ли лучи благодетельного светила проникнут в мрачные и дикие дебри и смягчат окаменелые сердца самих прорицателей просвещения.

Обязанность каждого писателя — быть для соотечественников полезным, и я, по возможности, желая исполнить долг сей, предпринял, подобно польскому знаменитому стихотворцу Немцевичу, написать исторические Думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или, по крайней мере, достопримечательнейшие деяния предков наших.

Вот что говорит Немцевич о цели подобных сочинений:

«Вспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине. Ничто уже тогда тех первых впечатлений, тех ранних понятий подавить не в силах; они усиливаются с летами, приготовляя храбрых для войны ратников и мужей добродетельных для совета.

Царское общество наук в Варшаве, — продолжает тот же писатель, — постигая всю важность сей истины, выдало новый проспект для сочинения истории народной: труд сей, разделенный между многими писателями, требует немало времени. Все заставляет надеяться, что читатель найдет в оной достаточное о деяниях народных известие; но происшествия, рассказанные важным и суровым слогом истории, нередко ускользают из памяти юношества, равномерно многочисленные томы подобных творений не каждый может достать и читать... Общество, не жалея никаких средств, не желая упустить для столь благородной цели, поручило мне выставить в исторических песнях славнейшие происшествия и знаменитейшие деяния и победы королей и вождей польских».

Цель моя — та же самая, то есть распространить между простым народом нашим, посредством Дум сих, хотя некоторые познания о знаменитых деяниях предков, заставить его гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою. Счастливым почту себя,

когда хотя несколько успею в своем предмете; еще счастливейшим, когда люди благомыслящие одобряют мое намерение — пролить в народ наш хоть каплю света.

1824

10. О ПРОМЫСЛЕ

Человек свят, когда соглашает поступки свои с делами промысла.

Человечество не имеет свободы воли...

Усовершенние есть цель, к которой стремится оно по предназначению промысла; история народов служит тому неопровержимым доказательством. Никакие усилия Омаров не в состоянии остановить его на сем пути; высокие истины, обнаруженные однажды мудрецами, бессмертны: это такие монеты, штемпель которых от времени не сглаживается, но, напротив, еще делается явственнее. Вот почему ни одна истина древних мудрецов не пропала для нас.

Человек, в частности, одарен свободой воли, он властен делать или не делать то, что внушают ему страсти и рассудок; но его деяния худы или хороши только в отношении к нему; на судьбу же всего человечества они не имеют никакого влияния, особенно когда они не согласовались с видами промысла. Противоречия намерений с последствиями деяний человеческих ясным служат тому доказательством. Брут, желая спасти мир от деспотизма, убил Цезаря. Деяние хорошее, но оно не имело влияния на судьбу человечества, ибо не было согласно с видами промысла. Таким образом, приняв за основную истину, что человек, в частности, свободен, а человечество нет, можно и должно будет поставить нравственным законом для наших деяний: поступай так, чтобы твои поступки не противоречили воле промысла. Но спросят: каким образом распознать волю сию? Воля промысла изъясняется в духе времени.

1824—1825

II. НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПОЭЗИИ

(Отрывок из письма к N. N.)

Спор о романтической и классической поэзиях давно уже занимает всю просвещенную Европу, а недавно начался и у нас. Жар, с которым спор сей продолжается, не только от времени не простывает, но еще более и более увеличивается. Несмотря, однако ж, на это, ни романтики, ни классики не могут похвалиться победою. Причины сему, мне кажется, те, что обе стороны спорят, как обыкновенно случается, более о словах, нежели о существе предмета, придают слишком много важности формам и что на самом деле нет ни классической, ни романтической поэзии, а была, есть и будет одна истинная, самобытная поэзия, которой правила всегда были и будут одни и те же.

Приступим к делу.

В средние веки, когда заря просвещения уже начинала заниматься в Европе, некоторые ученые люди избранных ими авторов для чтения в классах и образца ученикам назвали классическими, т. е. образцовыми. Таким образом, Гомер, Софокл, Виргилий, Гораций и другие древние поэты наименованы поэтами классическими. Учители и ученики от души верили, что, только слепо подражая древним и в формах и в духе поэзии их, можно достигнуть до той высоты, до которой они достигли, и сие-то несчастное предубеждение, сделавшееся общим, было причиною ничтожности произведений большей части новейших поэтов. Образцовые творения древних, долженствовавшие служить только поощрением для поэтов нашего времени, заменяли у них самые идеалы поэзии. Подражатели никогда не могли сравниться с образцами, и кроме того, они сами лишали себя сил своих и оригинальности, а если и производили что-либо превосходное, то, так сказать, случайно и всегда почти только тогда, когда предметы творений их взяты были из древней истории, и преимущественно из греческой, ибо тут подражание древнему заменяло изучение духа времени, просвещение века, гражданственности и местностей страны того события, которое поэт желал представить в своем сочинении. Вот почему Метропа, Эсфирь, Митридат и некоторые другие творения Расина, Корнеля и Вольтера превосходны. Вот почему все творения сих же или других писателей, предметы творений которых почерпнуты из новейшей истории, а вылиты в формы древней драмы, почти всегда далеки совершенства.

Наименование классиками без различия многих древних поэтов неодинакового достоинства принесло ощутительный вред новейшей поэзии и поныне служит одною из главнейших причин сбивчивости понятий наших о поэзии вообще, о поэтах в особенности. Мы часто ставим на одну доску поэта оригинального с подражателем: Гомера с Вергилием, Эсхила с Вольтером. Опутав себя веригами чужих мнений и обескрылив подражанием гения поэзии, мы влеклись к той цели, которую указывала нам ферула Аристотеля и бездарных его последователей. Одна только необычайная сила гения изредка прокладывала себе новый путь и, облетая цель, указанную педантами, рвалась к собственному идеалу. Когда же явилось несколько таких поэтов, которые, следуя внушению своего гения, не подражая ни духу, ни формам древней поэзии, подарили Европу своими оригинальными произведениями, тогда потребовалось классическую поэзию отличить от новейшей, и немцы назвали сию последнюю поэзию романтической, вместо того чтоб назвать просто новою поэзиею. Дант, Тасс, Шекспир, Ариост, Кальдерон, Шиллер, Гете наименованы романтиками. К сему прибавить должно, что самое название романтической взято из того наречия, на котором явились первые оригинальные произведения трубадуров. Сии певцы не подражали и не могли подражать древним, ибо тогда уже, от смешения с разными варварскими языками, язык греческий был искажен, латинский разветвился, и литература обоих сделалась мертвою для народов Европы. Таким образом, поэзиею романтическою назвали поэзию оригинальную, самобытную, а в этом смысле Гомер, Эсхил, Пиндар, словом, все лучшие греческие поэты-романтики, равно как и превосходнейшие произведения новейших поэтов, написанные по правилам древних, но предметы коих взяты из древней истории, суть произведения романтические, хотя ни тех, ни других и не признают таковыми. Из всего вышесказанного не выходит ли, что ни романтической, ни классической поэзии не существует? Истинная поэзия в существе своем всегда была одна и та же, равно как и правила оной. Она различается только по существу и формам, которые в разных веках приданы ей духом времени, степенью просвещения и местностию той страны, где она появлялась. Вообще можно разделить поэзию на древнюю и новую. Это будет основательнее. Наша поэзия более содержательная, нежели вещественная: вот почему у нас более мыслей, у древних более картин; у нас более общего, у них частных. Новая поэзия имеет

еще свои подразделения, смотря по понятиям и духу веков, в коих появлялись ее гении. Таковы: *Divina Comedia* Данта, чародейство в поэме Тасса, Мильтон, Клопшток с своими высокими религиозными понятиями и, наконец, в наше время поэмы и трагедии Шиллера, Гете и особенно Байрона, в коих живописуются страсти людей, их сокровенные побуждения, вечная борьба страстей с тайным стремлением к чему-то высокому, к чему-то бесконечному.

Я сказал выше, что формам поэзии вообще придают слишком много важности. Это также важная причина сбивчивости понятий нашего времени о поэзии вообще. Те, которые почитают себя классиками, требуют слепого подражания древним и утверждают, что всякое отступление от форм их есть непростительная ошибка. Например, три единства в сочинении драматическом у них есть непременный закон, нарушение коего ничем не может быть оправдано. Романтики, напротив, отвергая сие условие, как стесняющее свободу гения, полагают достаточным для драмы единство цели. Романтики в этом случае имеют некоторое основание. Формы древней драмы, точно как формы древних республик, нам не впору. Для Афин, для Спарты и других республик древнего мира чистое народоправление было удобно, ибо в оном все граждане без изъятия могли участвовать. И сия форма правления их не нарочно была выдумана, не насильно введена, а проистекла из природы вещей, была необходимостью того положения, в каком находились тогда гражданские общества. Точно таким образом три единства греческой драмы в тех творениях, где оные встречаются, не изобретены нарочно древними поэтами, а были естественным последствием существа предметов их творений. Все почти деяния происходили в одном городе или в одном месте; это самое определяло и быстроту и единство действия. Многолюдность и неизмеримость государств новых, степень просвещения народов, дух времени, словом, все физические и нравственные обстоятельства нового мира определяют и в политике, и в поэзии поприще более обширное. В драме три единства уже не должны и не могут быть для нас непременным законом, ибо театром деяний наших служит не один город, а все государство, и по большей части так, что в одном месте бывает начало деяния, в другом продолжение, а в третьем видят конец его. Я не хочу этим сказать, что мы вовсе должны изгнать три единства из драм своих. Когда событие, которое поэт хочет представить в своем творении, без всяких усилий вливается в формы древней

драмы, то разумеется, что и три единства не только тогда не лишнее, но иногда даже необходимое условие. Нарочно только не надобно искажать исторического события для соблюдения трех единств, ибо в сем случае всякая вероятность нарушается. В таком быту наших гражданских обществ нам остается полная свобода, смотря по свойству предмета, соблюдать три единства или довольствоваться одним, т. е. единством происшествия или цели. Это освобождает нас от вериг, наложенных на поэзию Аристотелем. Заметим, однако ж, что свобода сия, точно как наша гражданская свобода, налагает на нас обязанности труднейшие тех, которых требовали от древних три единства. Труднее соединить в одно целое разные происшествия так, чтобы они гармонировали в стремлении к цели и составляли совершенную драму, нежели написать драму с соблюдением трех единств, разумеется, с предметами, равномерно благодарными. Много также вредит поэзии суетное желание сделать определение оной, и мне кажется, что те справедливы, которые утверждают, что поэзии вообще не должно определять. По крайней мере по сю пору никто еще не определил ее удовлетворительным образом: все определения были или частные, относящиеся до поэзии какого-нибудь века, какого-нибудь народа или поэта, или общие со всеми словесными науками, как Ансильоново¹. Идеал поэзии, как идеалы всех других предметов, которые дух человеческий стремится объять, бесконечен и недостижим, а потому и определение поэзии невозможно, да, мне кажется, и бесполезно. Если б было можно определить, что такое поэзия, то можно б было достигнуть и до высочайшего идеала оной, а когда бы в каком-нибудь веке достигли до него, то что бы тогда осталось грядущим поколениям? Куда бы девалось *perpetuum mobile*?

Великие труды и превосходные творения некоторых древних и новых поэтов должны внушать в нас уважение

¹ По мнению Ансильона: «Поэзия есть сила выражать идеи посредством слова, или свободная сила представлять, помощью языка, бесконечное под формами конечными и определенными, которые бы в гармонической деятельности своей говорили чувствам, воображению и суждению». Но сие определение идет и к философии, идет и ко всем человеческим знаниям, которые выражаются словом. Многие также (см. «В. Евр.», 1825, № 17, стр. 26), соображаясь с учением новой философии немецкой, говорят, что сущность романтической (по-нашему, истинной) поэзии, состоит в стремлении души к совершенному, ей самой неизвестному, но для нее необходимому стремлению, которое владеет всяким чувством истинных поэтов сего рода. Но не в этом ли состоит сущность и философия всех изящных наук?

к ним; но отнюдь не благоговение, ибо это противно законам чистейшей нравственности, унижает достоинства человека и вместе с тем вселяет в него какой-то страх, препятствующий приблизиться к превозносимому поэту и даже видеть в нем недостатки. Итак, будем почитать высоко поэзию, а не жрецов ее, и, оставив бесполезный спор о романтизме и классицизме, будем стараться уничтожить в себе дух рабского подражания и, обратясь к источнику истинной поэзии, употребим все усилия осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близких человеку и всегда не довольно ему известных.

⟨1825⟩

ПИСЬМА

1. ОТЦУ

〈Петербург〉 〈март 1809〉

Милостивый государь!

Батюшка!

Федор Андреевич!

Я ваше письмо получил от того генерала, который с вами приходил в корпус в казацком платье, и благодарю вас за присланное ко мне от вас письмо. Я все слава богу здоров. Здоровы ли вы, любезный батюшка, я после вашего уезда был переведен в 3-й средний класс из 5-го среднего, через 2 класса выше. Любезный батюшка, сделайте милость, пришлите мне на покупку вещей и бумаги, то сделайте милость, не позабудьте мне прислать денег также и на книги, потому что я, любезный батюшка, весьма великий охотник до книг. Кланяется вам матушка и сестрица. Любезный батюшка, вы не печальтесь об сестрице¹, она отдана в пансион генерала Ренбота, в котором уже говорит по-французски и по-немецки. Она и я целуем ваши ручки и ножки. Сделайте милость, не позабудьте мою просьбу, и если хотите прислать, то сделайте милость, и Анне Федоровне, она вас очень просила, пришлите в письме мне и Анне Федоровне, любезной сестрице.

Остаюсь ваш сын

Кондратий Рылеев

Санктпетербург

Прибавление. Поздравляю вас с праздником², любезный Батюшка, пришлите мне также и на праздник деньги, ибо меня один кадет учит геометрии; мне ему надобно подарить, того кадета зовут Бурков.—

2. ОТЦУ

〈Петербург. Апрель 1810 г.〉

Христос воскрес,
дражайший мой родитель
Федор Андреевич,

Имея благовременный случай изъяснить мою сыновнюю к Вам привязанность, беру смелость к Вам писать. Зная, что Вы теперь находитесь в хлопотах и не имеете время писать к Иван Гермолаичу, который ныне получил Вашу квитанцию на 2800 асс. от каретника, предоставил мне Вас об оном известить; то извольте, дражайший мой родитель, ко мне или к Иван Гермолаичу об оном написать, как и куда деть.

Я, исполняя Вашу волю в рассуждении учения, осмеливаюсь у Вас просить 25 рублей, дабы купить сии книги: Полную Математику в 7 частях, состоящую и содержащую все математические науки и стоящую 25 рублей, и Жизнь Суворова, в книге недавно вышедшей, стоящую 10 асс. 25 коп.; сии обе книги один кадет уступает за 30 асс. Пять у меня есть, оставшиеся с праздника, на котором у меня было 15 асс., 10 от Вас оставшиеся, а 5 принес Аденау. Вы можете на меня положиться, ибо в бытность Вашу в Петербурге, когда Вы мне давали деньги, то я всегда употреблял на книги, которых у меня уже набрано 15 *. Также сделайте милость, напишите к Иван Гермолаичу, чтобы он ко мне носил книги, которые Вы у него оставили.

Уведомляю Вас, что матушка терпит нужду в деньгах, которые она должна в ломбард, но сделайте милость, не говорите, что я Вас уведомил.

В прочем остаюсь Ваш почитающий и любящий сын
Кондратий Рылеев

П<остскрипту>: Весьма сожалею о смерти Вашего благодетеля, князя Голицына, также и о Вашей потере, но бог вознаградит оное.

* Ср. также письмо А. М. Рылеевой мужу от 7 мая 1807 г. (автограф — ИРЛИ): «Милый Федор Андреевич. Посылаю сундук с твоим платьем и судок серебряный, цепочку золотую. Книги потому не посылаю — желаю, чтоб они остались сыну нашему от тебя, когда он будет их читать, то скажет: вот родитель мой оставил мне. А ты, право, несправедлив: ни сыну, ни дочери не оставил ни мальчика, ни девки, а все продал спустя руки».

3. ОТЦУ

〈Петербург〉 7 декабря 1812

Дражайший родитель! Вот уже почти три года, как не имею я об вас никаких известий. Много писал писем, но не получал на оные ни одного ответа. Конечно, болезнь или какое-нибудь другое злосчастное обстоятельство, думал я, вам то воспрещает; старался осведомиться об вас; был у генерала Сергеева, который принял меня как родного сына и успокоил в рассуждении вас. Я восхищался, что нашел такого человека, который будет уведомлять меня о моем родителе — но недолго. Скоро принужден был я лишиться и его! — Он уехал в Казань. После его отбытия спешу к вам писать, но тщетно; ответа нет! Я решился не писать до тех пор, пока точно не узнаю, где вы находитесь; не писал более года, но нужда снова меня принудила взяться за перо. — Та минута, которую достигь жаждал я, не менее как и райской обители священного Эдема, но которую ум мой, устрешенный философами, желал бы отдалить еще на время, быстро приближается. Эта минута — есть переход мой в волнуемый страстями мир. Шаг бесспорно важный, но верно не столь опасный, каким представили его моему воображению мудрецы, беспрестанно вопиющие против разврата, обуревающего мир сей. — Так, любезный родитель, я знаю свет только по одним книгам, и он представляется уму моему страшным чудовищем, но сердце видит в нем тысячи питательных для себя надежд. Там рассудку моему представляется бедность во всей ее наготе, во всей ее обширности и горестном ее состоянии; но сердце показывает эту же самую бедность в златых цепях вольности и дружбы, и она кажется мне не в бедной хижине и не на соломенном одре, но в позлащенных чертогах, возлежащею на мягких пуховиках, в неге и удовольствии. Там, в свете, ум мой видит ряд непрерывных бедствий — и ужасается. Несчастья занимают первое место, за ними следуют обманы, грабительства, вероломства, разврат и так далее. Устрашенное мое воображение и рассудок мой с трепетом гласят мне: «Заблужденный молодой человек! разве ты не видишь, чего желаешь с таким безмерием. Ты стремишься в свет — но посмотри, там гибель ожидает тебя. Посмотри, там бездны изрыты на каждом шагу твоём, берегись низринуться в них. — Безрасудный! в свете каждая минута твоя будет отравляема

горьким страхом, и ты не насладишься жизнью. Хотя бы ты проходил свет ощупью, но не избежешь несчастья — скрытые сети вовлекут тебя в оные, и ты погибнешь». Так говорит мне ум, но сердце, вечно с ним соперничающее, учит меня противному: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков». — Тут я восклицаю: «Быть героем, вознестись превыше человечества! Какие сладостные мечты! О! я повинуюсь сердцу». Разберем теперь, кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу? — Первый бывает всегда важен, разбирателен, строг, осудителен, все почти человеческие страсти и предприятия осуждает безжалостно; свет для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая, где не находит он ни единого человека, между тем как он с избытком наполнен ими. — Сердце же, напротив того, видит в нем одни радости и всегда готово ими наслаждаться, не утомляя себя скучными разбирательствами; строгость его непричастна; оно снисходительно ко всем, много хвалит и никого не осуждает; для него свет — прелесть, в коем везде видна добродетель, и порок изредка показывается в нем так, как туманное облако в ясный день. И люди кажутся сердцу любезными существами. — Вот как судит о свете сердце и как судит о нем ум ¹. Или лучше сказать, что так судят о нем мудрец и светский человек. Следовать первому — есть быть человеконенавидцем, людей не считать людьми и искать их, при свете ясного дня, с фонарем ². Но поступай так, и ты будешь счастлив: бедствие никогда, никогда не постигнет тебя. — Но соразмерно ли силам человеческим принять методу мудрецов? не лучше ли любить своего ближнего с нежною дружбою, не раздражать его самолюбия, не хулить чужих поступков, и злоба их никогда не коснется тебя, ты будешь также счастлив, хотя счастье будет и зыблемо, хотя ты падешь в бедствии, но друг утешит тебя в твоей горести, ты найдешь отраду в его сострадании, и возвращение твое к счастью будет неизъяснимо приятно и с рукоплесканиями твоих друзей. Мы должны все умереть, но опять восстанем для блаженства, пред коим прежнее было — ничто.

Вот, любезный родитель, мои мысли, вот мои правила, плоды наставлений и размышлений собственного разума, коим и следовать я намерен. — Отечество наше потерпело от врага вселенной, нуждалось в воинах, кои и были собраны. Из нашего корпуса были нынешний год три выпуска.

в кои выбыло кадет до 200; да ныне выходит человек 160. Слышно, что будет выпуск в мае месяце будущего, 1813 года. Мои лета и некоторый успех в науках дают мне право требовать чин офицера артиллерии, чин, пленяющий молодых людей до безумия, и который мне также лестен, но ничем другим, как только тем, что буду иметь я счастье приобщиться к числу защитников своего отечества, царя и алтарей земли нашей, приобщиться и возблагодарить монарха кроткого, любезного, чадолюбивого за те попечения, которые были восприняты обо мне во все время долголетнего пребывания моего в корпусе.— Так, любезный родитель, любезны для меня виновники благ, коими наслаждался я во младенчестве, мила для меня страна, где родились моя мать и отец и в коей я сам родился; несказанно приятна для меня вера, которую исповедуют мои родители, в коей и я воспитывался. Обожаю я монарха нашего, потому что печется об подданных своих, как отец, обожающий чад своих, и как царя, над нами богом поставленного! — Хочу возблагодарить его; но чем же и где мне возблагодарить? Чем, как не мужеством и храбростию на поле славы. Я буду проситься в конную артиллерию, ибо вообще конная служба мне нравится. В мае из первых чисел верно будет выпуск. Вот почему — опять велено набирать рекрутов с 500 по 8; почему можно безошибочно заключить, что и нас потребуют, более же потому, что в армии недостает офицеров по крайней мере до двух тысяч, несмотря на то, что много было выпущено. Почему, любезный родитель, прошу вашего родительского благословения, так и денег, нужных для обмундировки. Вам неизвестно, что ужасная ныне дороговизна на все вообще вещи, почему нужны и деньги, сообразные нынешним обстоятельствам. Два мундира, сюртук, трое панталон, жилетки три, рейтузы, хорошенькая шинель, шарф серебряный, кивер с серебряными кишкетами, шпага или сабля, шляпа или шишак, конфедератка, тулуп и прочее требуют по крайней мере тысячи полторы; да с собою взять рублей до пятисот, а не то придется ехать ни с чем. Надеюсь, что виновник бытия моего не заставит долго дожидаться ответа и пришлет нужные мне деньги к маю месяцу; также прошу вас прислать мне при первом письме рублей 50, дабы нанять мне учителя биться на саблях.— Кланяются вам и кланялись во всяком письме матушка, Петр Федорович, Катерина Ивановна его супруга³, сестрицы и другие, между прочими генерал Дашкевич и господин кавалер Нейман и его супруга. В заключение, поздравляя

вас с наступающим новым годом и желая вам всяких благ, остаюсь покорнейшим вашим сыном

К. Рылеев

Р. С. Вот уже два года, как я нахожусь в гренадерской роте. Следственно, надписывайте: в 1-й корпус гренадерской роты его высочества кадету N. N. R. *

* 30 апр. 1813 г. Ф. А. Рылеев писал сыну из Киева (автограф — ИРЛИ): «Письма твои, любезнейший мой Кондратий Федорович! одно с адъютантом, отсюда ездившим, другое 17 декабря минувшего года, а третье без числа, по почте полученное мною сего апреля в 26 день, с одной стороны, утешили меня тем, что по благости всевышнего ты здоров, а с другой — и огорчили немало, как потому что не получил я от тебя удовлетворительного на письмо мое ответа, так и для того, что ты, любезный сын! вместо последования отцовскому не говорю уж предписанию, но предусмотренному относительно из Корпуса твоего выпуска совету наполнил свои письма, особенно же последнее, обдуманно, если кем-нибудь не настроенными, то прямо детскими затеями, которые не токмо отцу, но и чужому, сединами покрытому мужу юноша 18-летний едва ли решился бы на бумагу сколько пространно, столько без участия прямого сердца, и еще трикратно излагать!.. Ах, любезный сын! сколько утешительно читать от сердца написанное, буде то сердце во всей наготе неповинности откровенно и просто изливается, говоря собственными его, а не чужими либо выученными словами! сколь же напротив того человек делает сам себя почти отвратительным, когда говорит о сердце и обнаруживает притом, что наполнено чужими умозаключениями, натянутыми и несвязными выражениями и что всего гнуснее, то для того и повторяет о сердечных чувствованиях часто, что сердце его занято одними деньгами... Надобны ли они ему действительно или можно без них обойтись?.. — вот, любезный сын! истинная причина, для которой приостановил я к тебе писать, мня, что, не получа моего ответа на два твои письма, вникнешь со вниманием в смысл моего, с адъютантом отсюда отправленного к тебе отзыва... Там предусмотрительно писал я в рассуждении твоего выпуска, когда бы он ни случился, что тебе по долгу сына к отцу сделать тогда надлежало. И ежели я твой родитель, то должен ты из сыновнего уважения, не размышляя ни о чем другом, прежде всего броситься в отцовские объятия и верить благонадежно тому, что с лучшею противу всякого другого благодетеля твоего горячностью примет, обымет и благословит по возможности! да и приятнее ему будет видеть тебя вместо двух дорогостоящих в одном, от казны даваемом мундире, и буде ты приедешь теми деньгами, которые на проезд та же казна жалует, так все и изо всех мест выпускные, в полк определяемые, от благодетельной казны снабждаются с дозволением не только к родителям, но и к дальним родственникам заезжать. И довлет ли тебе только одному не пользоваться щедротами от общего нашего Отца! Не сердись на меня, мой милый Кондраша! за сии истины. Я с ними удерживался и ожидал от тебя, как выше сказано, дабы ты вразумел смысл моего отзыва, но когда ты и в третьем письме не отстал от внушений, худыми людьми тебе преподанных, то ты же и вынудил от меня сие отцовское изложение. Время сделает, что сам познаешь: что ни ложного, ни суетного говорить, а тем меньше на бумагу излагать не может и не должен, по всей строгой справедливости тебя токмо любящий и благословляющий отец твой Федор Рылеев.

Р. С. Жене моей, а твоей матери объяви постоянную мою к тебе

〈Петербург. Июль 1813〉

Дражайший родитель!

Письмо ваше, от 25 июня *, получено мною; я не мог оное читать без пролития слез и сокрушался сердцем, что вы, не разобрав все в совершенстве, меня вините. Вы пишете, что письма мои наполнены противоречиями; я не мало сему удивляюсь! Копии с оных и теперь еще лежат передо мной, и я в них ничего такого не нахожу, кроме разного назначения времени выпуска; вот тому причина: после прошлогоднего выпуска ожидали вдруг другого: оный не случился, а время назначения было февраль, март, апрель, май или июнь, ссылаясь на то, что рекрутам в сии месяцы будто бы было назначено прийти в Петербург, где, обучив,

приверженность, кланяясь и целуй за меня ее руки. Скажи ей, что не пишу я к ней для того, что и она ко мне не пишет, и как сие письмо, так и то, которое писал я к тебе с адъютантом, непременно покажи и дай ей прочитав, уверяя, что, буде она ко мне напишет, то я с душевным удовольствием готов возобновить с нею переписку, жаждущую мною выше всякого удовольствия. Я и прежде к тебе писал и теперь напоминаю, чтоб ты взял от Анны Федоровны письмо ко мне, оное при своем доставил и обстоятельно уведомил бы меня, где она и чем занимается. Ожидаю от тебя, любезнейший мой Кондратий Федорович, скорого и удовлетворительнейшего на прежнее и на сие письма ответа!»

* Письмо это было послано из Киева не К. Ф. Рылееву, а его матери (М а с л о в. С. 115. Автограф — ИРЛИ): «С несказанным обрадованием получил я письмо твое, милая моя Настасия Матвеевна! Писано было мною к сыну нашему соответственно его двум ко мне письмам; да и на нынешнее не мог я удержаться, чтоб не написать к ему того же, что сердце его, будучи молодо и необразовано, чувствует внушенное либо сговоренное круга его людьми, а отнюдь не свое собственное. А потому, любезнейшая моя! не только за то не должна огорчаться нимало, но обязана преподавать ему согласно со мною наставления: дабы он, выходя на поприще света, главным поставлял себе правилом в пылких его пожеланиях иметь воздержность, а в снабжении и содержании себя умеренность — полезное как для него самого, так и для нас, родителей. Из всех трех писем его ко мне о выпуске из корпуса, назначая в каждом из них разное к тому время, не вижу я ни малейшей его склонности, а тем меньше собственного побуждения заехать к отцу! В сообразность сего и ответ мой на последнее его письмо я написал. А потому убедительнейше прошу тебя, милая моя Настасия Матвеевна, внушить ему, что главнейшее его обязанностью есть и довлеет быть, не предполагая никаких препятствий, ниже самых военных действий, заехать к отцу! и тем засвидетельствовать к нему сыновнюю любовь. Разумеется, что при том не только издержки его на почтовых возвратятся, но и снабдится он так, что и тебе, милый мой друг! к намереваемой ему помощи больших усилий делать не нужно будет...». Последнее утверждение, однако, противоречит смыслу письма к сыну от 30 апр 1813 г., на которое А. М. Рылеева фактически и отвечала мужу.

их отправят на границы; но ничего сего не состоялось. — Вот почему и я назначал различное время моего выпуска; но теперь уже подходит то время, в которое обыкновенно бывают годовые выпуски, а именно, сентябрьские. — Мог бы я и далее оправдываться, представляя вам в подробности все причины, все обстоятельства, которые претят мне поступить в сходственность ваших желаний касательно моего выпуска (смотрите письмо мое от 22 числа в рассуждении о выпуске), но зная, сколь неприлично мне оспаривать мнение отца, хотя и несправедливое, оставляю то. Будьте уверены, что желание ваше, дабы я приехал к вам, есть и мое собственное; оно, во что бы то ни стало, свято будет исполнено. Но с чем я поеду к вам? Как проживу две трети года в полку без жалованья? — Вот два вопроса, которые прошу вас разрешить. Просил я у вас 50 р., дабы нанять учителя биться на саблях, ибо я выйду в конную артиллерию, но, не получа никакого на то ответа, осмеливаюсь повторить свою просьбу. Засим свидетельствуя сыновнюю мою к вам любовь и почтение, остаюсь покорнейший сын ваш

Кондратий Рылеев

Р. С. Письмо к матушке в тот же день послано. Она в деревне. Анне Федоровне *, слава богу, легче.

5. МАТЕРИ

Город Дрезден февраль 28 число 1814

Дражайшая матушка!

Здесь нашел дядюшку Михайла Николаича, который при сем как вам, так и Петру Федоровичу, Катерине Ивановне, господам Прево и своей сестрице кланяется. Очень, очень, очень добрый и редкий!! все еще страдает раною. Он мне довольно подробно объяснил дело батюшки и очень сожалел, что я не поехал чрез Киев, ибо тамошний полицеймейстер его приятель, выдал бы мне лучшие вещи. Что же делать? Мы этого не знали.

* «Ныне лето, солнечные лучи вредны для глаз, — писал Ф. А. Рылеев жене 25 июня 1813 г., — и для того прошу тебя, друг мой! не пожалей призвать глазного доктора и вылечить глаза у Аннушки. Что в ней будет в слепой!»

На что высокий чин, богатства,
На что и множество крестов!
В них вовсе, вовсе нет приятства,
Когда *душевно нездоров*.
Богат будь добрыми делами,
И будешь счастлив навсегда;
Не лезь за суетой — чинами —
И не споткнешься никогда! —

Ваш покорнейший сын
Кондратий Рылеев

При сем вложенное письмо в корпус.

6. МАТЕРИ

Дражайшая матушка!

Ради бога не беспокойтесь обо мне; читая письмо ваше к дядюшке, я увидел из него, сколь много вы отягчаете себя печалию; сделайте милость, поберегите себя! Я, благодаря бога, здоров, чего и вам всем живущим в Петербурге желаю. Дядюшка находится теперь в Дрездене комендантом, место прекрасное! по 300 р. серебром жалованья в месяц! — Почтеннейшая супруга его, Марья Ивановна, с ним — и он в полном удовольствии! Слава богу и благодарение! Такого дяди, каков он, — больше другим не найти! Добр, обходителен, помогает, когда в силах: ну, словом, он заменил мне умершего родителя! — Князь Репнин его любит и все, что ни скажет, исполняет! — Недавно выхлопотал мне дядюшка место в Дрездене, при артиллерийском магазейне¹. В день моего рождения подарил он мне на мундир лучшего сукна! Вы, читая письмо сие, благодарите и благословляйте душевно благодетельного дядю! Так, он достоин того! Почтеннейшая его супруга, заменяющая у меня здесь ваше место, — своею материнскою нежностью, своею заботливостью и попечением превосходит всякое описание! и мы, не могущие заплатить им в сей жизни ничем, как только благодарением, предоставим то всевышнему!..

Не получая столь долгое время от вас писем, то есть с самого моего отъезда, я беспокоюсь в рассуждении вашего здоровья; почему и прошу, поспешите присланием; две строчки, писанные вашею рукою, утешат меня.

Засвидетельствуйте мое почтение Катерине Ивановне, Елизавете Никитишне, его Превосходительству г-ну Пре-

во, Алене Петровне, Крестьян Ивановичу, Евгении Петровне, Анне Федоровне и, словом, всем, всем, кто знает меня!

Засим, с глубочайшим почтением и искреннею любовью остаюсь покорнейший сын ваш

Кондратий Рылеев

21 сентября 1814. Дрезден

7. МАТЕРИ

Несвиж. Марта 6 дня 1815

Дражайшая матушка!

Наконец после годовой разлуки получил я от вас 5-го числа сего месяца письмо! Сколько неоцененного утешения, сколько неизъяснимого удовольствия принесло оно мне! — О дражайшая матушка! Я молю только создателя, да продлит он дни ваши и да утешит он вас в скорбях ваших! Впрочем, об деньгах теперь не забочусь — и, слава богу, я кой-что уже исправил, чему много помогло сукно, купленное мною за границей и проданное здесь весьма выгодно. Теперь недостает у меня только вальтрапа и лошади; первый постараюсь вскорости сделать, а без второй обойдусь до время. Теперь я нахожусь в Минской губернии в городе Несвиже, с командою для обучения верховой езде; надеюсь сам скоро быть ездоком. Пред отъездом моим занял я у капитана 200 рублей ассигнациями, но уже и выплатил оные, как из жалованья за сентябрьскую треть, так и за деньги, добытые при продаже сукна. Седло и весь прибор для лошади купил я весьма дешево; лошадь имею я из казенных и без своей покаместь обойдусь. Когда же не вошедший в опись дом в Киеве продается, то можно будет и ее купить. Один офицер из нашей роты, человек очень хороший и надежный, имеющий сам умеренный достаток, поехав пред сим в Киев, где будет служить, взялся справиться обо всем в Киеве; хотя это будет и лишнее, однако я хочу написать письмо к княгине Варваре Васильевне¹ О Вельможи! О Богачи! неужели сердца ваши нечеловеческие? Неужели они ничего не чувствуют, отнимая последнее у страждущего? — Но, удивляясь бесчувственности человечества к страданиям себе подобных, я утешаю себя сладостною надеждою на Спасителя, который, в противность варварства людей, гонимым ими всегда бывает последним и лучшим прибежищем и защитой!

Вы пишете, что Петр Федорович болен; но, дражайшая матушка, неужели творец благодати отнимет у бедных, страждущих сирот последнюю подпору? Удались, исчезни мысль ужасная, мысль пагубная! Нет, нет! Он не умрет, он будет жить — он будет жить для блага, для счастья невинных детей своих, для оживления нас, бедных! О дражайшая матушка! Неужели бог не слышит те ежедневные, пламенные моления, сопровождаемые током слез, которые я ежедневно воссылаю к нему! Вы пишете, дражайшая матушка, что не имеется у вас денег, дабы выкупить последнюю фамильную драгоценность, сыновнее сокровище — ваш портрет! Не присылайте лучше ко мне ни копейки, я, право, не нуждаюсь в деньгах, ей-богу, не нуждаюсь, постарайтесь только выручить портрет! — Вы желаете знать, потерял ли я вместе с своими и бывшие посылки в роту? — Нет, они отданы Капитану Сухозанету, по письму, которое писал к нему хозяин оных господин Маркевич.

Радуюсь сердечно, что Бреклин вышел; дай бог ему счастья службу начать счастливее моего, хотя я, слава и благодарение богу, не могу теперь пенять на оную, ибо я очень доволен нынешним командиром моим. Впрочем, не подумайте, что я не желаю от того быть адъютантом при генерале Бениксене! не желать сего — я почел бы себе за величайший проступок. Всегда удивляясь отличным достоинством сего военачальника, я надеюсь, находясь при нем, не только составить себе счастье, но и почерпнуть много полезного для рода службы, в который себя посвятил, — и я уже, будучи столь много благодетельствован Петром Федоровичем, осмеливаюсь просить его об сем, но только надобно поспешить, ибо теперь время дорого. Жене Федора Павлова скажите от него, чтобы она не печалилась, что он все, слава богу, здоров и при первой оказии придет. Я никак не могу нахвалиться сим добрым стариком — и желал бы, дражайшая матушка, дабы вы его, когда он придет, отправили бы в деревню на покой за его труды и добродетель.

Впрочем, благодаря творца, я здоров, беспокоился только в рассуждении вас, но полученное мною от вас письмо не только меня утешило, но вознесло наверх неопи-санного удовольствия. Желая, чтобы и мое письмо вам то же принесло и в ожидании от вас ответа остаюсь с искреннею любовью и глубочайшим почтением

сын всепокорнейший

Кондратий Рылеев

Р. С. От дядюшки Михайла Николаевича, при пропаже денег, получил я 200 р. ассигнац (иями), да в другие раза до 150 рублей.

Сделайте милость, пришлите поскорее Федьку, и еще одного мальчика понятного; первый будет за лошадыми смотреть как охотник до них, а второй будет в горнице.

Также покорнейше прошу купить в Петербурге золотые на черном сукне конно-артиллерийские петлицы, также для вальтрапа золотой прибор.

8. МАТЕРИ

〈Апрель 1815 г.〉

Дражайшая матушка! Настасья Матвеевна!

Ровно почти через год¹ я вновь переправляюсь чрез Рейн; — какая величественная река! Какое чудесное зрелище! — При приближении к ней, я ощутил некоторый род благоговения — множество различных чувств волновали душу мою!.. Года за четыре пред сим, кто предполагал, что войска чуждых стран так легко будут переправляться через реку сию?! — Этого мало, кто мог предполагать столь быстрые действия союзников наших, столь слабое сопротивление противников!? — Но, — обстоятельства переменились — что было за четыре года, что могло быть тогда — то не будет и не может быть теперь. — Великая нация теперь слабая — войско ее — шайка разбойников, — начальник — странствующий Дон Кишот. — Но куда завлекли меня мрачные размышления? Как могу я определять случаи будущности? Время, время! лети скорее, удвой полет свой — любопытство знать будущее сдает меня.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью ваш всепокорнейший сын Кондратий Рылеев.

Всем родным и знакомым свидетельствую нижайшее почтение, желаю того здоровья и удовольствия, которым я наслаждаюсь. Теперь я с самой польской границы еду квартирмейстером; довольно забот, прежде немного трудноватых, но теперь приятных, ибо начальник мой подполковник Сухозанет очень доволен мной.

Кондратий Рылеев

Право, некогда, еду вперед.

9. МАТЕРИ

Любезная Матушка! Настасья Матвеевна!

Долго, долго беспокоился я и не знал, к чему отнести столь продолжительное ваше молчание; самые мучительные мысли тревожили меня непрестанно; — наконец, получаю я письмо; узнаю на конверте руку Аннушки; узнаю печать вашу; спешу разломать оную — и, вынимаю ваше письмо. Сердце мое затрепетало от восхищения. О, любезная матушка! Какую неоцененную минуту блаженства доставили вы мне! Ни на какие в мире сокровища не променял бы ее! —

В письме своем вы хвалитесь г-ми офицерами, расположенной в Рождестве ¹ 2-й батареей роты и любуетесь братским согласием и дружеством, между ними существующим; — не удивляйтесь сему; в артиллерии ведется то издавна — и с сей стороны я также считаю себя счастливым; — и если бы не обстоятельства, об которых я неоднократно уже изустно и письменно с вами изъяснялся, то, конечно, никогда б не подумал об оставлении службы, которая доставляет молодому человеку такое общество, в коем, кроме образцов истинного благородства, дружеского согласия и бескорыстной друг к другу любви, он ничего не видит. В следующем письме я изъясняюсь о сем по-подробнее, а равно изложу вам свои намерения в рассуждении службы.

Вы желаете знать, каковы наши квартиры; — такие, каких мы еще никогда не имели! — Мы расположены на лето в слоб(оде) Белогорье, в полуверсте от Дона. Время проводим весьма приятно: в будни свободные часы посвящаем или чтению, или приятельским беседам, или прогулке; ездим по горам — и любимся восхитительными местоположениями, которыми страна сия богата; под вечер бродим по берегу Дона и при тихом шуме воды и приятном шепоте лесочка, на противоположном берегу растущего, погружаемся мы в мечтания, строим планы для будущей жизни и чрез минуту уничтожаем оные; рассуждаем, спорим, умствуем — и наконец, посмеявшись всему, возвращаемся каждый к себе и в объятиях сна ищем успокоения. Иногда посещаем живущую в слободе вдову, генерал-майоршу Анну Ивановну Бедрягу; у нее лечится теперь сын ее, подполковник гвард(ии) Конно-Егерского полка, раненный при Бородине ². Дом весьма почтенный и гостеприимный; и мы в оном приняты как нельзя лучше. В праздничные дни ездим к другим помещикам, а я чаще на

зимние свои квартиры в сл(ободу) Подгорное, где также живет добрый, гостеприимный и любезный помещик, г(осподи)н Тевяшов; в семействе его мы также приняты как свои — и проводим время весьма, весьма приятно. —

Сделайте милость, пишите чаще, Петру Федоровичу и Катерине Ивановне, а равно Аграфене Григорьевне и Марье Григорьевне засвидетельствуйте всенижайшее мое почтение. В июне месяце был в Петербурге один из наших офицеров и, имея от меня к вам письмо, заходил в дом, но, как он рассказывает, никого не застал, ибо все, не исключая и Петра Федоровича, были в то время в деревне. Он же говорил мне, что в Выре³ на почте сказывали ему, что Петр Федорович не все деревни продал; я было утешился сею мыслию, но письмо ваше лишило меня сего. Жаль, весьма жаль. Сделайте милость, уведомьте меня поподробнее обо всех детях и перецелуйте всех их за меня.

Я весьма нуждаюсь теперь в платье; сделайте милость, пришлите из С.-Петербурга сукон: черного мне нужно на мундир, панталоны и сюртук, всего восемь аршин; из них четыре аршина купите лучшего; серого сукна нужно четыре аршина; сверх того необходимо нужно мне одна пара эполет с 11-м номером и шарф, который у меня все еще тот же, который куплен мне при моем выпуске. Сделайте милость, поспешите присылкою сих вещей; нас в октябре будет смотреть, как говорят, сам государь. Служащий у нас Федор Петрович Миллер, сын бывшего нашего исправника, кланяется вам; он бывал у вас с Бреклиным. Кстати, не имеете ли вы какого сведения о нем? —

Кланяйтесь от меня Всеволоду Петровичу и попросите его, дабы он написал мне об корпусных новостях. Уведомьте меня также об Видищеве, и когда увидите его, то сделайте милость принудьте его написать ко мне.

Евгении Петровне и Ивану Андреевичу засвидетельствуйте мое почтение и пожелайте счастья. Густав Андреевич уже переведен от нас. — Скажите Евгении Петровне, что если угодно будет ей переписываться со мной о разных местах, в коих мы были, то я с величайшим удовольствием, первый начну.

Ф. П. Миллер кланяется также и Всеволоду Петровичу

Письма свои надписывайте: Воронежской губернии, в г. Павловск, Конно-Артиллерийской № 11-й роте.

Уведомьте меня, не сделали ли вы чего в рассуждении Киевского дела, по письму Зубковского^{4*}.

* 3 сент. 1816 г. И. С. Зубковский, опекун Голицыных, писал по этому делу Рылееву (в ответ на его письмо от 20 июля 1816 г., не дошедшее до

На днях приехал в нашу дивизию служивший в елисаветградском гусарском полку — генерал-майор Рылеев; он у нас будет бригадным генералом. На будущей неделе я надеюсь быть у него. Генеральша Барчукова давно желает меня видеть, но обстоятельства службы препятствовали мне до сего побывать у нее. Прощайте.

С истинным почтением и с сыновней привязанностью
Честь имею пребыть

ваш сын

К. Рылеев

Сл. Белогорье. Августа 10 дня 1817

10. МАТЕРИ

Дражайшая матушка!

Настасья Матвеевна!

Давно уже приметил я, что с самого того времени, как я только в состоянии стал рассуждать, ни Вы, ни я совершенным счастьем еще не наслаждались; долго изыскивал я сему причину; наконец приметил, что расстроенные домашние обстоятельства главную и настоящею тому виною. — Ах! сколько раз, увлекаемый порывом какой-нибудь страсти, виновный сын ваш предавался удовольствиям и мог забывать тогда о горестях и заботах своей матери! Но, благодаря ангелу хранителю, это заблуждение не долго продолжалось. Первый предмет, напоминавший мне вас, извлекал меня из оногo; мнимое мое счастье исчезало, а место оногo заступало мучительное беспокойство в рассуждении вас. Не однажды, среди самого веселогo общества, взирая на прочих товарищей, на лицах коих светлели беспечность и удовольствие, ничем не отравляемое, задумывался и говорил сам себе: «Почему, подобно им, и я не могу быть счастливым?» — Так протекло около четырех лет; в продолжение оных я непрестанно придумывал средства, кои бы, поправив домашние обстоятельства, могли

нас): «Дело покойного родителя вашего весьма критическое, и сомнительно, чтобы оно кончилось в вашу пользу; но так как предъявившая в суде свою претензию кн. Голицына умерла, а остались наследники ее сыновья, пять братьев Голицыных, по моему мнению, весьма бы хорошо было, ежели бы вы нашли какое средство отозваться письменно от себя чрез посредство благодетелей ваших, к старейшему из князей, кн. Федору Сергеевичу... чтобы он, по великодушию своему и из уважения на сиротство ваше, приказал заведенное матерью его об отчете за управление покойным батюшкою вашим их деревнями уничтожить и приарестованное имущество и деньги отдать вам» (Соч., 1874. С. 304).

спокойствие ваше сделать прочным; но по сие время минутные, но частые восторги пылкой и неопытной юности препятствовали рассудку моему найти их. Наконец теперь случай открыл и, может быть, решил все.

Но, не распространяясь далее, скажу короче: посещая довольно часто живущего от Белогорья в 30 верстах доброго и почтенного помещика Михаила Андреевича Тевяшова и быв принят в доме почти как за родного, я имел приятные случаи видеть двух дочерей его, видеть — и узнать милые и добродетельнейшие их качества, а особливо младшей. Не будучи романистом, не стану описывать ее милую наружность, а изобразить же душевные ее качества почитаю себя весьма слабым; скажу только вам, что милая Наталия, воспитанная в доме своих родителей, под собственным их примером и не видевшая никогда большого света, имеет только тот порок, что не говорит по-французски. Ее невинность, доброта сердца, пленительная застенчивость и ум, обработанный самою природою и чтением нескольких отборных книг, в состоянии соделать счастье каждого, в ком только искра хоть добродетели осталась. Я люблю ее, любезнейшая матушка, и надеюсь, что любовь моя продолжится вечно, ибо я предался оной не вдруг, как сродно пылкому юноше; нет, я, напротив, в первый раз видел ее весьма равнодушно, но уже по прошествии нескольких посещений, узнав некоторые достоинства милой Наталии, а особенно доброту души ее, я полюбил ее; и теперь время от времени любовь моя более и более увеличивается; — но я, однако, имел твердость еще не открыться, хотя твердо надеюсь, что и она меня любит взаимно, а почтенные родители ее, любя ее особенно от прочих детей своих и будучи ко мне весьма отлично расположены, не захотели бы лишить нас нашего счастья. Итак, любезнейшая матушка, от нас зависит благословить сына вашего и, позволив ему выйти в отставку, заняться единственно вашим и милой Наталии счастьем.

Знаю, что неприлично в такой молодости оставить службу и что четырехлетние беспокойства недостаточная еще жертва с моей стороны отечеству и государю за те благодеяния, коими я от них осыпан... Но разве не могу и не в военной службе доплатить им то, чего недодал в воиной? а равно и расстроенное имение, год от году более и более уменьшающееся, не есть ли самый справедливый предлог, на котором основываясь, я могу оправдаться и в глазах своих родственников, и всех благоразумных людей.

Облагодетельствованный Петром Федоровичем на всю жизнь свою и зная, сколь живое участие принимает он во всем, что касается до нашей фамилии, я почитаю за непростительный проступок и неблагодарность приступить столь к важному делу, не спрося у него совета и благословения; почему и прошу у вас покорнейше, любезнейшая матушка! показать ему сие письмо. Каков бы ответ ни был, я клянусь следовать оному, хотя бы то было с утратою моего спокойствия; но только поспешите ответом, — дабы я мог принять надлежащие меры. —

Письмо сие посылаю страховым; ради бога, отвечайте поскорее *.

С истинным почтением остаюсь ваш
послушнейший сын

Кондратий Рылеев

С. Белогорье сентября 17 дня 1817

II. МАТЕРИ

Сл<обода> Подгорная

Любезная матушка! Настасья Матвеевна!

В прошедшем письме я уведомлял вас о моем намерении выйти в отставку, дабы только жить для вас и для милой — Наталии, и просил вашего на то изволения; не получая по сие время никакого на сие ответа, я уже теряю надежду, чтобы желание мое могло в нынешнем году совершиться, ибо уже приближается то время, когда более уже не будут принимать просьб об отставках; а как теперь произошла у нас перемена в форме мундиров: прежние отменены, а положено теперь иметь однобортный колет и виц-мундир по образцу драгунских, только с петлицами и красною выпушкою кругом, сверх того велено иметь ледунку с золотою перевязью на манер гвардейской конной артиллерии, с тою только разницею, что у нас на ледунку, вместо орла, должны быть крестообразно пушки; эполеты

* В письме от 19 окт. 1817 г. А. М. Рылеева отвечала сыну: «Тебе, мой друг, известно, деревня не так велика, ревизских душ 42, а работников 17. то сам посуди, сколько они могут наработать; земля у нас не такая, как там, где ты теперь; долгу на мне много, деревня в закладе, тебе известно, что я насилу могу проценты платить, и то с помощью друга моего Петра Федоровича, а что пишешь в рассуждении женитьбы, я не запрещаю с богом, только подумай сам хорошенько: жену надо содержать хорошо а ты чем будешь ее покоить?..» (РС. 1875. № 9. С. 73; автограф ИРЛИ).

золотые, такие же точно, как в гвардии, но с прибавкою номеров; у нас они должны быть с II-м номером; портупья к сабле также золотая; все прочее остается по-прежнему. Вся обмундировка, по приказу корпусного командира, должна непременно кончиться до февраля месяца будущего года, ибо около того времени мы выступим на смотр к государю. На всю сию необходимую обмундировку нужно: 1) темно-зеленого (но не черного) сукна, на колет, вицмундир и двое панталон 6 $\frac{1}{2}$ аршин; 2) сукна серого для шинели 6 арш〈ин〉, сукна серого получше для рейтус 2 арш〈ина〉 и $\frac{1}{2}$ аршина лучшего красного; 3) ледунку с золотою перевязью; 4) к сабле золотую портупью; 5) две пары эполет золотых с серебряными нумерами; 6) петлиц две же пары золотых на черном сукне и 7) два темляка. Не имея никакой возможности все сие сам исправить, осмеливаюсь я беспокоить вас, любезнейшая матушка! Знаю, сколь сие вас опечалит, но делать нечего: обстоятельства и судьба расположили так. Прибегните с просьбою к Петру Федоровичу, если сами не в состоянии; он сам увидит нашу необходимость и поможет, а мы, с помощью божиею, со временем отблагодарим его. Сделайте милость только, любезнейшая матушка, поспешите присылкою упомянутых вещей до февраля месяца, дабы я мог быть исправен к смотру государя, который непременно будет в марте месяце. Вы не поверите, любезнейшая матушка, как больно мне, что сие письмо обеспокоит вас! один бог свидетель, что у меня теперь на сердце! —

Про Наталию и ее родителей напишу в следующем письме обстоятельнее; а теперь некогда — спешу отправить сие письмо.

С истинным почтением и такою же преданностию

Ваш покорный сын

Кондратий Рылеев

〈Октябрь?〉 31 дня 1817

12. МАТЕРИ

Любезнейшая матушка!

Больно, очень больно мне, что я умножаю ваши печали; но, видно, богу так угодно. В этом мире ничего нет вечного, и потому несчастья наши должны когда-нибудь кончиться. Я уже писал вам, каким образом я сие намерен сделать, и просил вашего благословения. Вы ничего в ответ не пишете¹; не знаю, чему приписать ваше молчание! Если

оно есть знак вашего несогласия, то почему вы не изъясните одного прямо, дабы я мог изложить яснее свои мнения. Когда вы полагаете меня слишком молодым, дабы сделать столь важный шаг,— то я бы мог вам на сие представить тысячи опровержений, к моему оправданию; если почитаете за неприличное в таких молодых летах оставить службы, но я уже на сей конец писал к вам, что служить можно не в одной военной службе. Впрочем, все мечта! Человек рождается не для других только, он должен заботиться и о себе — и потому, кажется, довольно для государя пяти лет: пора подумать и о своих! —

Между тем, любезная матушка, если бог поможет вам прислать мне вещи, об которых я писал к вам, то я постараюсь их хорошо сберечь до сентября, дабы, с позволения вашего подавши в отставку, мог бы оные, хотя с некоторою уступкою, продать. Об переводе же я более не думаю; все равно год где бы ни было дослужить. Впрочем, скажу вам откровенно, что я не без сожаления расстанусь с своими товарищами.

С истинным почтением

ваш покорный сын

Кондратий Рылеев

Р. С. Если бы знали, чего мне стоило написать письмо к Петру Федоровичу; если бы я не знал его, то никогда бы на то не решился².

С<лобода> Подгорное Генваря 31 дня 181<8>

13. МАТЕРИ

Любезнейшая матушка!

Письмо ваше, которым вы уведомляете меня вторично о тесных обстоятельствах, в которых находитесь вы теперь, по случаю предстоящего срока ко взносу денег в Ломбард, я получил на сих днях. Из одного также вижу я, что вы не менее беспокоитесь и в рассуждении меня, касательно обмундировки; почему и спешу уведомить вас, любезнейшая матушка, дабы вы в рассуждении сего были покойны, ибо я уверен, что Подполковник наш, зная, что я уже писал к вам и просил позволения оставить службу, не станет принуждать меня сделать новую обмундировку.— Из того же письма вижу я, что вы писали ко мне в рассуждении моей женитьбы, но как я сего письма не получал¹, то и прошу вас покорнейше, любезнейшая матушка, уведомить

меня вторично. При сем скажу вам откровенно, что от вашего решения зависит моя участь; ваш отказ погубит меня; не подумайте, что любовь ослепляет меня. Я все рассмотрел прежде, нежели решился просить вашего благословения, и нашел, что тогда только буду счастлив, когда вы согласитесь на мою просьбу. Полагаю, что и ваше собственное спокойствие от сего же зависит. Вам известно лучше, чем мне, как расстроено ваше имение! Кто же другой должен заняться устройством оно́го, как не я? И так уже много прошло времени в службе, которая никакой не принесла мне пользы, да и вперед не предвидится, ибо с моим характером я вовсе для нее не способен. Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастью, не могу им быть; и по тому самому ничего не выиграю. Прошу также уведомить меня, какого о сем мнения Петр Федорович.

На всякий случай прилагаю здесь адрес, по которому вы можете, если заблагорассудится, писать к Матрене Михайловне, супруге Михаила Андреевича Тевяшова.

Любезнейшая матушка, пришлите, сделайте милость, книжку с узорами, для вышивания по канве, а также и разноцветного бисеру. Наталья Михайловна старалась сама достать в Воронеже, но не нашла. Сделайте милость, пришлите.

Ваш послушнейший сын

Кондратий Рылеев

Сл. Подгорная
Апреля 7 дня 1818

14. МАТЕРИ

Любезнейшая матушка!
Настасья Матвеевна!

Слезы текли из глаз моих, когда я читал письмо ваше; чувствовал всю цену советов ваших, рассуждал, испытывал себя, и наконец, чувствуя, что я буду несчастнейший человек, если не соединюсь с Наташей,— показал родителям ее ваше письмо. Кажется, они были довольны сим поступком. Спрашивали Наташу, и на другой день объявили мне ее и собственное свое согласие, с тем однако условием, чтобы я вышел в отставку. Скажите, любезнейшая матушка, как было мне не согласиться для Наташи оставить службу? Мог ли я отказаться от нее? А это было бы все равно.—

Так как нам в октябре м(еся)це поход опять в Орлов

скую губернию, об чем я известил и почтенного Михаила Андреевича, то он и положил было так: дабы я, получив отставку, съездил к вам — получить благословление, но когда я изъяснил ему, что поездка в такую даль будет сопряжена с значительными издержками и что я письмом могу исходатайствовать ваше благословление, — то он согласился на то, дабы я вдруг по получении отставки приехал к нему. Так как у Наташи есть здесь 25 душ крестьян, то он меня и спрашивал, где я, здесь или в вашей деревне, намерен жить; я отвечал на сие, что это будет в воле Натальи Михайловны, но что нам непременно надобно будет ехать в Петербург к вам, на что тогда же все согласились и положили во всем отдаться на вашу волю. Вот, любезнейшая матушка! что произошло после получения вашего письма. Об свойствах Наташи я повторять не стану; я уже писал к вам, что они ангельские, и вы это сами скажете, когда узнаете ее.

В прошедшем письме я просил вас, дабы вы писали к Матрене Михайловне, супруге Михаила Андреевича. Сделайте милость, любезнейшая матушка, напишите, а равно и пришлите мне благословление, а также исходатайствуйте оное и от Петра Федоровича. —

Любезнейшая матушка, я уже писал к вам, что я имею крайнюю надобность в деньгах — и действительно, я так обносился, что даже стыдно. Белье скоро совсем нельзя будет носить, а в платье не знаю как и поправиться, потому что нет денег и сверх того еще, как я еще из Мценска писал к вам, должен товарищам, это-то самое и было причиною, что я почти ничего не мог сделать себе на свое жалованье, ибо я оным уплачивал им данные ими мне деньги, когда меня обокрали под Мценском¹. Теперь я остался должен 300 р. — Сделайте милость, пришлите мне хотя 500 р., а равно и сукон, дабы я мог одеться по-цивильному, ибо я уже не намерен обмундироваться по-военному.

Должен я еще уведомить вас, что у нас было случилась в роте весьма неприятная история: Сухозанет, дабы перессорить между собой офицеров, представил младших к повышению чинов. Эти догадались, и все пошли к нему. Те, которых он представил, сказали ему, что они не чувствуют, дабы они сделали для службы что-либо отличное противу своих товарищей, а те, которых он хотел было обойти, сначала довольно учтиво, а наконец, видя, что он не унимается, с неудовольствием доказывали ему, как он несправедлив. Видя же, что и это его не трогает, все офицеры, и представленные и обойденные, подали к переводу

в кирасиры; меня же тогда при штабе не случилось. Федор же Петрович Миллер, находясь в числе обиженных, будучи им весьма дерзко оскорблен, вынужден был поступить с ним как с подлецом. Но, слава богу — все обошлось хорошо. Корпусной начальник артиллерии приезжал нарочно в Белогорье, дабы успокоить господ офицеров и уверить Сухозанета, что он кругом виноват. После сего, хотя он и примирил офицеров с ним, но этот мир не продолжится долго. Ибо все решились разными дорогами выбраться из роты. Федор Петрович выходит в отставку. Кажется, что и Сухозанет после полученного от него подарка должен оставить службу.

Впрочем, будьте спокойны, я теперь совершенно уволен от штабных занятий и стою особенно в Подгорном с командою — следственно, со мною ничего случиться не может. А равно и то, что я подаю в сентябре в отставку, Сухозанет не может причесть к последствиям случившихся в роте неудовольствий, ибо намерение мое ему давно было известно.

При сем покорнейше прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение Петру Федоровичу, Катерине Ивановне и всем родным и знакомым.

Наша рота переименована 12-ою, адрес все старый.

С истинным почтением и таковою же преданностию честь имею быть

Ваш покорный сын

К. Рылеев

P. S. Если будете писать к Матрене Михайловне, то вложите мое письмо.

Сл. Подгорная. Июня 10 дня 1818

15. МАТЕРИ

С. Подгорная. Октября 13 дня 1818

Дражайшая родительница!

С вашего позволения и с согласия почтенных родителей милой Натальи Михайловны и ее самой, скоро буду должен приступить к браку; и потому прошу вас, дражайшая родительница, по долгу христианскому, прислать мне образ с своим благословением. Надеюсь также, что благодетель наш, Петр Федорович, не откажет в сем случае заступить место родителя, которого и прежде я всегда имел

в нем. Ласкаю себя приятною надеждою, что и он не оставит меня своим благословением. Вот последняя милость, которую еще я осмеливаюсь просить у него. Без его благословения я не осмеливаюсь приступить к браку. С дня на день ожидая отставки, я прошу вас, любезнейшая матушка, поспешить присылкою образа и благословения письменного, которое я должен буду показать родителям Натальи Михайловны.

Также, любезнейшая матушка, не могу и здесь не пожаловаться на свое жалости подобное положение в рассуждении долга и окапировки. Не знаю, что мне придется делать, если вы не пришлете мне денег или вовремя зачетной квитанции. Я так обносился, что даже стыдно показаться.

Прощайте, любезнейшая матушка.

Ваш покорнейший и послушнейший сын

Кондрат Рылеев

16. Н. М. ТЕВЯШОВОЙ

г. Воронеж, Генваря 14 дня 1819

Милая, несравненная сестрица!

Настасья Михайловна!

Вы желаете знать, милая сестрица, об новостях и веселостях воронежских? — Что я скажу вам об них, когда я почти ни у кого и нигде не бываю? — Мне здесь так грустно, так грустно, что я и выразить того не в состоянии. Будучи разлучен с вами и с милою, несравненною вашею сестрицею, какие могу я вкушать радости?.. Одно, одно только удовольствие осталось мне: Оно состоит в воспоминании о прошедшем и в ожидании блаженства в будущем — вот единственное мое утешение, которым я еще наслаждаюсь.— Странно; чем ближе я к цели своих желаний, чем ближе к своему блаженству, — тем более опасений и боязни для моего сердца! Представьте себе, милая сестрица, несколько дней напрасно ожидая приезда Ивана Михайловича, я вообразил, уж не заболел ли кто в вашем доме! Мне стало еще грустнее. Нетерпение мое увеличилось: я раза по два в день посылал к Николаю Ивановичу, дабы узнать — не приехал ли кто. Одно и то же — нет, еще в большие повергло меня сомнения и страхи, и вообразите, что я вздумал... но не скажу, что было хотел я сделать, дабы вы не посмеялись надо мною; как приеду, тогда,

может быть, скажу. Между тем вдруг узнаю я, что Ив(ан) Михайлович приехал. Я скорее к Ник(олаю) Ивановичу, но там не застаю его. Любимец братицын Тереха изволил уверить меня, что Иван Михайлович у кузнеца в Ямской; я туда, но, не найдя дома, возвращаюсь к себе довольно уже поздно и узнаю, что Ив(ан) Михайлович был у меня два раза. Представьте, сестрица, мое нетерпение! В то время был уже час десятый, и потому я принужден был, несмотря на чрезвычайное мое любопытство, отложить удовлетворение оногo до утра... Наконец узнаю я, что все вы здоровы и веселы. Это обрадовало меня и вместе опечалило. Можно ли быть тому веселым, кто в разлуке с тем, кого любит! Ах! я по собственному опыту знаю, что невозможно! К тому ж сестрица ваша еще и насмешница! Желают мне проводить в Воронеже в радости и в удовольствии все время! Не значит ли это не доверять чувствам моего сердца? Бог с ними; пусть теперь сомневаются во мне; время оправдает меня и, может быть, — наградит такую же точно любовь ко мне Натальи Михайловны, какую я теперь и всегда питаю к ним и буду питать в душе своей. Могут ли они сомневаться во мне?.. Я в Воронеже, но мысли мои, но сердце мое, но душа моя у вас в Подгорном. А здесь...

Ах! нет ее со мной! Бесценная далеко!
И я в разлуке с ней стал точно сиротой!
Брожу в унынии, в печали одинокой,
И все мне говорит: Ах! нет ее со мной!

Но пройдет две с половиною недели, и, может быть, я в силах буду сказать:

Как сладко вместе быть!.. Как те часы отрадны,
Когда прелестной я могу сто раз твердить:
Люблю, люблю тебя, мой Ангел ненаглядный!
Как мило близь тебя! Как сладко вместе быть!

Извините, милая сестрица, если я своим болтаньем утомил вас; но, уповая на ваше снисхождение, я надеюсь, что вы простите мне в вине моей.

В рассуждении же новостей, я ничего более не могу вам сказать, как только то, что губернатор завтра, т. е. в четверг, уезжает в С.-Петербург, где займет по Министерству Финансов место директора, по части государственного хозяйства. Место важное, означающее к нему доверие государя, который также прислал ему на проезд 20 000 р.— да за губернию 5000 десятин земли! Носятся

слухи, что вся Россия будет разделена на генерал-губернаторства, как при Екатерине — на наместничества, и что в Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях будет генерал-губернатором князь Голицын.—

Да, позабыл рассказать вам довольно забавный анекдот, недавно здесь случившийся, про который довольно долго здесь шумели: известно, что почти все находящиеся здесь кабаки сняты Мариным, Чарыковым и, под чужим именем, и самим виц-губернатором. Крепостные их люди, продающие в кабаках вино, надеясь, один на родство, а другие на дружбу их господ с Солнцовым, без всякой совести обмеривали покупателей; это разнеслось повсюду. Петр Александрович, желая на опыте испытать то, в партикулярном платье ночью поехал по кабакам. Пришед в один из них, он действительно застаёт сидельца, который обмеривал... «Что ты делаешь, братец? Зачем обмериваешь?» — спросил Солнцов. Сиделец, не узнав виц-губернатора, отвечал: «И, барин, кому ж и обмеривать, как не нам? Наш вить барин-то родня Петру Александровичу» (человек сей был Марина). Сей анекдот, который конечно бы должно было скрыть, сам Солнцов по неосторожности рассказал за столом у своего тестя при многочисленной публике.— Но вот новость, которая верно будет весьма приятна Михаилу Андреевичу и Матрене Михайловне: мне вышла в приказах отставка. В 306 номере «Инвалида» увидел я, что приказом государя, отданным от 26-го декабря, в С.-Петербурге, конно-артиллерийской № 12 роты прапорщик Рылеев увольняется от службы подпоручиком, по домашним обстоятельствам.

(Михайла Андреевич!

За это можно выпить рюмку водки.)

Итак, теперь я свободен, или по крайней мере очень скоро буду таким. Признаться,— когда я прочел этот приказ в комиссии, то так обрадовался, что даже на минуту позабыл, что я не в Подгорном!..

Сейчас принесли ко мне от М. В. Севастьянова письмо, которое просят, чтобы доставить молод(ому) отцу Василию, почему и прилагаю при сем.—

Прилагаю также при сем два узора; рад, если понравятся вам; но извините, что так худо срисовал: спешил. Надеюсь, что и Ангел Херувимовна¹ простит мне то.—

Братец Иван Михайлович берет с собою Ваську; когда будет сего последнего отправлять обратно, то прошу, милая сестрица, не забыть бедного, разлученного с милей-

шими для него существами воронежского труженика, который от 6-ти часов утра до 3-х часов вечера беспрестанно мерзнет в комиссариатских лабазах, стараясь поскорей отделаться от последних хлопот службы. Попросите также и милую сестрицу вашу, чтобы и они написали ко мне, да чуть побольше: как они проводят время, помнят ли меня? и проч.— скажите им, что я с нетерпением буду ждать возвращения Васьки, надеясь получить от них письмо, которое много, очень много принесет мне здесь отрады. Прошу засвидетельствовать мое почтение Михайлу Андреевичу и Матрене Михайловне, а равно и всем добрым приятелям вашего дома. Прощайте, любезнейшая и бесценная сестрица и не сердитесь, что я осмеливаюсь назвать вас так. Пеняйте на мое сердце: оно вас так называет. Оно, оно в том виновно.

Поручая себя прежнему вашему расположению, остаюсь навсегда с неизменяемыми чувствами, ваш друг и ваш брат

Кондратий Рылеев

Попеняйте братцу за гребень и башмаки; он обещал ко мне вчера заехать, но не сдержал слова. И это письмо, может быть, не успею отдать ему; он уже совсем собрался и теперь у кузнеца. Сейчас еду туда. Может, успею сделать и покупку — если застану братца.

17. П. Ф. МАЛЮТИНУ

〈Февраль — март 1819 г.〉

Письмо от матушки от 17 декабря прошлого года с почтеннейшим приписанием в оном рукою вашего превосходительства и с препровождением 800 р. ассиг 〈нациями〉 я имел честь получить февраля 20 дня в г. Воронеже, куда оное письмо было обращено из г. Павловска по причине моего здесь пребывания.

За оказанное Вашим превосходительством матери и мне чувствительнейшего благодеяния я не нахожу слов благодарить вас; оно останется навсегда в памяти моей.

18. МАТЕРИ

Милостивая Государыня!
Дражайшая Родительница!
Настасья Матвеевна!

После последнего письма вашего при 800 р. по сие время, я не получил от вас ни строчки. Столь долговременное молчание заставляет меня беспокоиться в рассуждении вашего здоровья. — Не менее меня тревожатся родители Натальи Михайловны и она сама, что не получают от вас ответа на письма свои, из коих одно послано Федором Петровичем Миллером. Не знаю, получили ли вы оное. Сделайте милость, напишите к ним, дабы вывести их из сомнения. Мы хотели выехать первого сего м(есяц)а, но удержаны до половины июня по причине свадьбы сестрицы Натальи Михайловны, которая сосватана довольно богатым здешним помещиком Корневым. — В дороге мы надеемся пробыть не более пяти недель; следственно, к сентябрю непременно будем в вашу деревню, где надеемся застать и вас. Покорнейше прошу засвидетельствовать наше почтение всем родным.

За сим свидетельствуя вам мое сыновнее почтение, честь имею быть

ваш покорнейший сын

Кондратий Рылеев

Р. С. Сделайте милость, вдруг по получении сего письма, — отвечайте.

Сл. Подгорная
Июня 2 дня 1819

19. МАТЕРИ

Августа 29 дня 1819 г.

Любезнейшая матушка!

Уведомляю вас, что мы 23 сего месяца выехали из Подгорного и теперь находимся в Воронеже, откуда теперь отправляемся далее. До сих пор, слава богу, здоровы и Наташинька, и я. Но не прежде надеемся быть к вам в Батово, как около 20 сентября, ибо едем на своих лошадях. Прощайте, любезнейшая матушка. В нетерпеливом ожидании скорее вас увидеть, остаюсь ваш послушный сын

К. Рылеев

Рукою Н. М. Рылеевой: Милостивая государыня! Любезная маминька! Настасья Матвеевна! Почтеннейшее письмо ваше я имела честь получить, за которое целую ваши ручки; уведомляю вас, любезнейшая матушка, что мы теперь на дороге к вам и надеемся приехать в последних числах сентября. Прощайте, любезнейшая маминька. С истинным моим к вам почтением честь имею быть ваша покорная дочь *Наталья Рылеева*.

20. М. Г. БЕДРАГЕ

Петербург. 23 ноября 1820 года

...Государя еще нет ¹ и не ожидают прежде половины декабря. В Л(ейб)-гв(ардии) Конно-Егерском полку была также неприятность против Потапова; офицеры еще в октябре было подали почти все в отставку; но теперь все кончилось благополучно.— Любовь к воинским занятиям в крови царей наших столь сильна, что даже и Александр Николаевич ² по приказанию Михаила Павловича вытягивает уже руки по шву.

Моя сатира к временщику ³ уже печатается в 10 книге Невского Зрителя. Многие удивляются, как пропустили ее...

21. ЖЕНЕ

С.-Петербург. 25 ноября 1820

Милый друг Натанинька! Уведомляю, что просьба матушкина получена в сенате, но, как полагают, возвращена будет с надписью, ибо таковых в общем собрании не рассматривают. Так говорил мне один секретарь сенатский; но я думаю, что это в переводе значит: дай! Я писал уже об этом к Алексею Михайловичу. Я буду стараться, сколько моей силы станет. Обер-прокурор Маврин знаком нам весьма хорошо; но все же без денег ничего нельзя будет сделать. Деньги лучшие стряпчие, а потому и скажи матушке и Ивану Михайловичу, чтоб поспешили выслать к январю рублей тысячу. Разумеется, я употребляю их в таком случае, когда делу можно будет дать чрез то хороший оборот. Завтра же еду к обер-секретарю Ушакову просить, дабы просьба была принята. Из прилагаемой

записки из сената от секретаря в ответ на мою выpravку чрез Крестьяна Ивановича увидите, что уже пора подмазывать.

22. ЖЕНЕ

С.-Петербург. Декабря 2 дня 1820

Что с вами сделалось в Подгорном? никто ни строчки! — Уж не заболел ли кто, милая Натанинька?.. Я, право, теряюсь в размышлениях и весьма беспокоюсь. Ты прежде не была так ленива. Сестрица также. Чему же приписать столь долгое ваше молчание, как не болезни чьей-нибудь. Хотя Шарлота Васильевна и уверяет по картам, что все вы здоровы, но что болен в вашей окружности какой-то толстый и злой человек, который смертью своей не опечалит нас, но, напротив, обрадует. Уж не Александр ли Данилович это?.. Бог с ним! Но только я не думаю, чтобы кончине его обрадовалась наша добринькая сестрица. Она так жалостлива, так чувствительна, что и об чужих плачет, и об своем милом, прелестном, страстном пастушке, наверное, уж с тоски и горя сляжет в постель... Я об заклад бьюсь, что сестрица, прочтя сии строки, уж рассердилась на меня; но это грешно ей. Она знает мою к себе дружескую привязанность и, следовательно, должна быть уверена, что я не пожелаю ей зла... Ты знаешь, что матушка страшная неприятельница всем злым свекровям и можешь себе представить, как она расположена к Е. Г.....

Прощай, друг мой! Засвидетельствуй мое глубочайшее почтение матушке и поцелуй ручку. Сестрицу поцелуй в самые губки, и пожелай ей веселия. Ивану Михайловичу кланяйся в пояс и попеняй за леность. Нашу крошечку¹ поцелуй и скажи, чтобы росла.— У нас скоро начнутся выборы; мне предлагали быть в Софийском Уезде исправником, и даже настаивали, но я наотрез отказался от этой подлой должности, которою у вас так дорожат и тщеславятся.— Будь здорова, мой ангел. Твой друг

К. Рылеев

Р. С. Я и забыл было уведомить тебя, что с нового года я буду издавать журнал в Петербурге под названием Невский Зритель². Цена в год 35 р. Скажи об этом Николаю Федоровичу, также В. А. Труфанову. Если захотят выпи-

сать, то пусть едят и присылают деньги в С. Петербургский Почтамт.

К. Р-в

Рукою Е. И. Малютиной: Вы меня, любезнейшая моя Наталия Михайловна, совсем позабыли, изленились, не пишете, а мне очень бы приятно было получать от вас почаще письма. Я теперь одна — тетушка уехала и с Анною Федоровной в деревню. И такая тоска! Дети мои все здоровы и вам кланяются. Итак, прощайте, миленькая. Не забывайте верно вас любящую

Катерину Малютину.

Катинька и Любушка также пеняют тебе, что ты их позабыла. Это и правда; особливо виновата ты пред Катинькой; она писала к тебе, а ты не отвечала.— Твой верный друг

К. Рылеев

23. Ф. В. БУЛГАРИНУ

Острогожск. Июня 20 дня 1821

Вот уже три недели, как я пирую на Украине: пью донские вина и обжирюсь стерлядями; а ты по сие время не поздравил меня с таким благополучием! Ты, будучи сам одним из главнейших петербургских гастрономов, для возбуждения в своем приятеле еще большего аппетита, не хочешь из одной лености порадовать меня здесь хотя тремя строчками... Но добро ж, сармат неверный, я заплачу тебе, и ты не получишь ни сухой стерляди, ни балыка, по возвращении моем в Питер, если не пришлешь ко мне по крайней мере двух грамоток — сюда, в мое счастливое уединение, где я так доволен, так блаженствую, что, право, не хочется и вспоминать о шумной Пальмире Севера...

Давно мне сердце говорило:
Пора, молодой певец, пора,
Оставив шумный град Петра,
Лететь к своей подруге милой,
Чтоб оживить и дух унылый,
И смутный сон молодой души,
На лоне неги и свободы
И расцветающей природы
Прогнать с заботами в тиши.
Настал желанный час — и с тройкой

Извозчик ухарской предстал;
Залился колокольчик звонкий —
И юный друг твой поскакал...
Едва заставу Петрограда
Певец унылый миновал,
Как разлилась в душе отрада,
И я дышать свободней стал,
Как будто вырвался из ада...

Теперь я на ярмарке в г(ороде) Острогожске, в котором городничим Григорий Николаевич Глинка, брат почтеннейшего Федора Николаевича. Я познакомился с ним еще года за два пред сим. Тогда он был вдов; но недавно женился в Москве на одной любезной девице, которая весьма любит литературу — и я с большим удовольствием провожу у них время.

В своем уединении прочел я девятый том Русской Истории...¹ Ну, Грозный! Ну, Карамзин! — Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита. Вот безделка моя — плод чтения девятого тома².

Если безделка сия будет одобрена почтенным Николаем Ивановичем Гнедичем, то прошу тебя отдать ее Александру Федоровичу в «Сын отечества». Прощай. Свидетельствуй мое почтение всем добрым людям, сиречь: Н. И. Гнедичу, Н. И. Гречу, барону³, также Александру Федоровичу⁴ и проч... Пиши ко мне на Павловск. — Твой друг

К. Рылеев

24. Ф. В. БУЛГАРИНУ

С. Подгорная. Августа 8 1821

Скоро должен я буду оставить мое тихое, безмятежное уединение, дабы опять явиться в Северную Пальмиру. Холод обдает меня, когда я вспомню, что, кроме множества разных забот, меня ожидают в оной мучительные крючкотворства неугомонного и ненасытного рода приказных...

Когда от русского меча
Легли Моголы в прах, стеная,
Россию бог карать не преставая,
Столь многочисленный, как саранча,
Приказных род, в странах ее обширных,
Повсюду расселил,
Чтобы сердца сограждан мирных
Он навсегда как червь точил...

Ты, любезный друг, на себе испытал бессовестную алчность их в Петербурге; но в столицах приказные некоторым образом еще сносны... Если бы ты видел их в русских провинциях — это настоящие кровопийцы, и я уверен, что ни хищные татарские орды во время своих нашествий, ни твои давно просвещенные соотечественники в страшную годину междуцарствия не принесли России столько зла, как сие лютое отродие... В столицах берут только с того, кто имеет дело; здесь со всех... Предводители, судьи, заседатели, секретари и даже копиисты имеют постоянные доходы от своего грабежа; а исправники...

Кто не слыхал из нас о хищных Печенегах,
О лютых Половцах иль о Татарах злых,

О их неистовых набегах,

И <о> хищеньях их?

Давно ль сей край, где Дон и Сосна протекают
Средь тучных пажитей и бархатных лугов
И их холодными струями напояют,

Был достояньем сих врагов?

Давно ли крымские наездники толпами

Из отческой земли

И старцев, и детей, и жен, тягча цепями,

В Тавриду дальнюю влекли?

Благодаря творцу, Россия покорила

Врагов надменных всех,

И лет за несколько со славой отразила

Разбойника славнейшего набег...

Теперь лишь только при наездах

Свирепствуют одни исправники в уездах.

Но полно об этой дряни...

При сем посылаю несколько моих безделок. Потрудись показать их почтенному Николаю Ивановичу Гнедичу, и если годятся, отдай их Александру Федоровичу для «Сына отечества»¹. —

Прощай, я в половине сего месяца выезжаю, но буду в Петербург не прежде половины октября, ибо еду на своих.

Поручая себя дружеской твоей памяти и прося засвидетельствовать мое почтение всем, остаюсь

Твой друг

К. Рылеев

25. МАТЕРИ

Любезнейшая матушка!

Спешу уведомить вас, что я нанял тот самый дом, где стоял прежде Петр Петрович, за 750 р. в год¹. Квартера

выгодная, 4 комнаты довольно большие, из коих одна перегороженная. Людская с кухней особенная; конюшня на два стойла, может стоять и третья лошадь. Сарай, и ледник, в который можно будет складывать дрова. Печей и с тою, которая на кухне, четыре, и как Петр Петрович говорит — то очень хорошо. Только та беда, что деньги за каждую треть вперед; но я как-нибудь изворочусь, на эту треть будет. Сделайте милость, любезная матушка, отправляя Наташиньку², пришлите на первый случай посуды какой-нибудь, хлеба и что вы сами придумаете нужное для дома, дабы не за все платить деньги.

Пусть Наташинька скорей едет, а то чтоб после Нева не задержала.

С истинным почтением имею честь быть
вашим покорнейшим сыном

К. Рылеев

15 октября 1821 С. П(етер)бург

26. МАТЕРИ

⟨Петербург⟩ Марта 26 дня 1822

Любезнейшая маминька! Настасья Матвеевна!

Поздравляю вас с наступающим праздником¹ и желаю провести оный в веселии и здравии; мы, слава богу, здоровы; печалились было, не получая писем, но сегодня получили две повестки на два страховых письма. Еще не знаем, что пишут. Денег на праздник достал я и также сделал себе летний сюртук; он стал 95 р. — лошадь не спешите продавать, ибо я слышал, что ваш Рыжко очень худ: падет, так не на чем будет ездить. Засвидетельствуйте мое почтение Катерине Ивановне и Наталье Никитишне. Нам весьма хотелось бы быть у вас на праздниках, но не знаем, как попасть. Будьте покойны, любезнейшая маминька, и здоровье свое берегите хотя для крошки Настиньки.

С истинным почтением имею честь быть ваш послушный сын

Кондратий Рылеев

Ради бога, любезная маминька, пришлите воз сена для коровы, если можно, мы уже покупаем.

〈Петербург. Апрель 1822 г.〉

Любезнейшая матушка! Настасья Матвеевна!

Покорнейше благодарю вас, любезнейшая маминька, за присылку гостинцев на праздник, с которым имею честь поздравить и желаю провести оный в радости и удовольствии.— От Настасьи Михайловны и от Матрены Михайловны мы получили на днях письма; Настинька, слава богу, здорова и почти все говорит; так по крайней мере пишут; но там случилось другое несчастье — Настасья Михайловна лишилась мужа. Александр Данилович скончался на второй неделе поста, 23 февраля, в доме Матрены Михайловны; он приехал проводить Алексея Михайловича, который приезжал из полку в отпуск; пошел в баню; вышедши, выпил 4 стакана холодного квасу, и получил горячку; ее однако успели перервать; мать его приехала; приехали еще два лекаря; но мокроты, скопившись в груди, кончили жизнь его; он погребен в Сагунах, где жил. Старуха мать как убитая; лишилась последнего сына. Теперь просит Настасью Михайловну, чтобы не покинула ее на старости и жила бы с нею.— Я писал к Настасье Михайловне и, как умел, старался утешить ее; а равно писал я и к старухе. С наступающим праздником прошу вас покорнейше поздравить Катерину Ивановну, Наталью Никитишну и детей.

Вот Надгробная Рыжку:

Когда ты одарен чувствительной душою,
 Взгляни, Прохожий, глубоко:
 Под сею насыпью простою,
 Увы! лежит Рыжка!
 Его завидовали доле
 Все лошади окрестных деревень
 И не дожидаться им во век подобной холи!
 Бывало, кучеру нет воли
 Рыжка кнутом стегнуть за лень;
 Ему особенное стойло,
 И сена вдоволь, и овса,
 И в Оредиже роскошное пойло...
 Работы ж в месяц — три часа.

Ваш покорнейший сын

К. Рылеев

Рукою Н. М. Рылеевой: Любезнейшая, милая, бесценная маминька Настасья Матвеевна! Честь имею вас по-

здравить с преддверием праздника воскресения Христова. Даруй бог оный встретить и проводить в добром здравии и благополучии. За сим покорнейше вас благодарю также и за присланные гостинцы нам к празднику, покорнейше благодарю и целую ваши ручки. Маминька, сестрица и братцы свидетельствуют вам свое глубочайшее почтение. Настичка целует ваши ручки. Пишут в письме, что ее держат подле письма и она головкою кланяется: вам и нам поклон. Ах, любезнейшая маминька, какое нам несчастье случилось: сестрицын муж помер. Недаром я какое-то предчувствие имела: все мне так грустно весь пост было, и все я плакала, а вот это перед его смертью. Ах, любезнейшая маминька, как жаль вашего Рыжка, что он пропал. Я плакала, читая ваше письмо. Он вас так утешал, и вы его теперь лишились. Кондратий Федорович сочинил стихи ему на смерть и плакал тако же. Я вошла, а у него глаза заплаканы. Любезнейшая маминька, даруй бог, чтоб сие письмо застало вас в радости и в удовольствии. С глубочайшим почтением и сердечною любовью пребуду по гроб мой любящая вас дочь ваша *Н. Рылеева*.

28. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Петербург. Апрель — май 1822 г.〉

Милостивый государь!

Князь Петр Андреевич!

Предпринимая с А. А. Бестужевым издать русский альманах на 1823 год¹, мы решились составить оный из произведений первоклассных наших поэтов и литераторов, для чего уж от некоторых из сего числа получили несколько пьес, еще нигде не напечатанных. Желая, дабы издание сие, — у нас первое явление в этом роде, — было украшено свежим цветком музыки русского Шольё², осмеливаемся просить удостоить нас присылкою какого-либо произведения игривого Вашего пера, чем подарите публику и обяжете издателей. С истинным почтением имею честь быть, милостивый государь,

Ваш покорный слуга *Кондратий Рылеев*

P. S. Если почтите ответом, то адресовать можете в типографию Н. И. Греча: Кондратию Федоровичу Рылееву. Печатание альманаха начнется в первых числах июня.

Харьков. Июня 28 дня 1822 года

Милый друг мой! Натанинька! Мы приехали в Харьков вчера, то есть в воскресенье, поутру: накануне почивали от Харькова в 6-ти только верстах на постоялом дворе; ибо хотя и было еще рано, но по грязной дороге лошади, которых удружил нам Иван Михайлович, едва волочили бричку. Вороная, на которую так много надеялся Иван Михайлович, вышла самая негодная, и Иванька принужден был на половине дороги запречь в корень уже печеного. Буланая также не везла нисколько, так, как и вороная, и следовательно, мы ехали только на паре и две последние станции почти шаг за шагом! Скажи же, как не поблагодарить Ивана Михайловича! — Отсюда еду завтра на почтовых на Ахтырку, Ромен и Прилуки. Следовательно, могу надеяться быть у Алексея Михайловича. Подорожную я получил уже от губернатора. Прекраснейший человек! Меня принял весьма ласково, расспрашивал, зачем я в Харькове, и когда я ему сказал, то он весьма хвалил го(сподин)а Роберти. Косовского не застал, его теперь нет в городе.

Васька сегодня был у меня и хвалил пансион; говорит, что Мишинька после меня стал скучать и просился на время ко мне, но г(осподи)н Роберти не отпустил его. Он хоть и не сечет, но строго содержит учеников; они его любят, но вместе и боятся. Вчера вечером давали чай по одной большой чашке с белым хлебом. За ужином же было три блюда: окрошка, холодное и жаркое; хлеб же черный. Сам Роберти с женою и с детьми кушает всегда вместе с учениками. По-русски почти не говорят, а все по-французски или по-немецки. Конечно, сначала Мишиньке должно показаться трудно, но когда привыкнет, то все пойдет хорошо. Васька сказывал мне, что Мишинька говорил ему, что пробудет только в пансионе до Рождества, а там, поехав домой, останется у маминьки! — Это добрый знак! видно, он приметил, что тут не в Воронеже и надобно будет приниматься за дело без шуток, а это-то ему, верно, немножко и не нравится.

Скажи маминьке, что Васька просит, дабы прислали ему новые сапоги, да еще шаровары, ибо без них теперь ему нельзя будет убирать в комнатах; у него хоть и есть, но надобно на перемену. — Чрез час пойду в пансион проститься с Мишинькой. Прощай! друг мой! Поцелуй за меня сестрицу, Ивану Михайловичу засвидетельствуй мое по-

чение и искреннюю благодарность за вороную и буланую! Пиши ко мне в Киев с первою же почтою¹, ибо я буду в нем с божиею помощью дня через четыре и, верно, прежде, нежели воротится Иванька.

Твой друг

К. Рылеев

Р. С. Сей час я возвратился из пансиона вместе с Мишинькою. Он, кажется, уже начал привыкать и очень хвалит пансион и Адольфа Ивановича.— Посоветуй с сестрицею маминьке, дабы позволила Мишиньке учиться играть на фортепьяно. Это, право, для него очень хорошо, и при том разницы всего в 200 р. К тому же ему самому хочется.

Прощай!

Мой друг! Хранитель ангел мой!
О ты, с которой нет сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой!
Но где для страсти выраженья!

Твой навсегда

К. Рылеев

30. ЖЕНЕ

Киев. Июля 7 дня 18<22 г.>

Милый друг мой! Наташинька!

Я был у брата Алексея Михайловича в эскадроне, но, к сожалению, не застал его и, пробыв полторы сутки, принужден был поспешить в Киев, поручив капитану Балабину объявить ему о смерти почтеннейшего батюшки. Мне говорили, что Алексей Михайлович скоро по возвращении своем хотел ехать в Киев, где и надеялся увидаться с ним, но по сие время его еще не было, а потому и полагаю, что он, узнав о смерти М<ихаила> А<ндреевича>, поскакал прямо к вам.—

Ты, я думаю, весьма удивилась, что я в письме из Харькова не послал даже и поклона Настиньке, мне хотелось немножко рассердить тебя. Уведомляю тебя, милый мой друг, что я не пробуду здесь и месяца, все идет хорошо. Не знаю, как будет далее.— Новостей здесь я не слышал. Только недель шесть назад случилось здесь весьма трагическое происшествие. Один гвард<ейский> офицер нашел в Выборге, что в Финляндии, портрет одной прекрасной

дамы и влюбился в него. Долго искал он оригинала в Петербурге и других городах, наконец приезжает в Киев и находит то, к чему стремился всею душою. Это была дочь генерала Рейхеля. Представь, какое для него восхищение! Он старается познакомиться в доме. Его полюбили и дали слово выйти за него. Он пишет к родителям своим. Между тем неверная Лиза вдруг переменяется и отказывает ему. Несчастный просит, умоляет ее возвратить ему прежнюю любовь. Но уже поздно. Ветреница уже полюбила другого и назначила день свадьбы. Бедняк, получив письмо от отца, который позволял ему жениться, — бежит с оным в дом неверной; но жестокая принимает его так холодно, так холодно, что несчастный выхватывает пистолет, чтобы застрелиться, отец невесты вырывает у него оный, но он, выбежав на улицу и, вскричав еще раз: «Лиза, Лиза!» пред ее окошками стреляет себе в самое сердце! — В оставленном письме он просил, дабы портрет неверной положили с ним. Он похоронен недалеко от города, в дубовой роще, без всякого обряда, как самоубийца! — Жестокая Лиза через неделю обвенчалась с другим! Вот каковы женщины! — Города я еще не осматривал, и потому ничего не пишу об нем. Был только у Варвары великомученицы и взял крестик золотой для Настиньки и несколько серебряных колец. Поцелуй малютку за меня и уведоми, здорова ли она, а равно матушка, сестрица, ты и Иван Михайлович! — Засвидетельствуй матушке мое глубочайшее почтение. Будь здорова, а сестрице скажи, чтобы не печалилась и следовала моим добрым советам. Я ей от души желаю добра! Прощай, ангел! —

Твой навсегда верный друг

К. Рылеев

Р. С. Побывай у генеральши ¹.

31. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

С.-Петербург. 6 сентября 1822

Милый Парни! Сатиры твоей не пропускает Бируков ¹. На днях я пришлю ее к тебе с замечаниями, которые, впрочем, легко выправить. Жаль только, что мы не успеем ее поместить в Звезде, в которую взяли мы «Рим», «К Хлое» и «Признание»; в сей последней не пропущено слово «небесного огня». Дельвиг поставил прекрасного ². Нет ли

чего новенького? Ради бога присылай. Трех новых пьес Пушкина не пропустили³. В следующем письме пришлю к тебе списки с них. В одном послании он говорит:

Прошел веселой жизни праздник!
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
Нельзя ль найти подругу нежной,
Нельзя ль найти любви надежной,—
И ничего не нахожу.

Усердный твой читатель и почитатель *К. Рылеев*

32. Ю. У. НЕМЦЕВИЧУ

〈Перевод с польского:〉

Ясновельможный пан!

Любовь к правде и ко всему родному вдохновила меня представить вниманию моих соотечественников великие деяния русских героев и друзей всего человечества, и ваши «Исторические песни» были для меня отличным образцом, ради которого я выучился языку, украшенному именами Кохановских, Красицких, Трембецких и Немцевичем. Позвольте мне поэтому поднести вам одну из дум моих, переведенную с великолепного вашего собрания¹. Плоды гениев — это объединяющая всех собственность, я же смею уверить уважаемого Нестора польской литературы, что и на берегах Невы молодое в царстве наук поколение с восторгом наслаждается сладкими звуками сарматской лиры и умеет ценить друзей великого Вашингтона. Сам чувствую, что мой перевод далек от предмета и достоинств подлинника, но смею надеяться, что доброе желание вознаградит в глазах честного патриота поэтическую неспособность. Присоединяя здесь поздравление от всех ревнителей польской литературы, прошу и т. д.

Конрад Рылеев

Петербург. 11 сентября 1822

Депутат от дворянского сословия Главного уголовного суда. Член Общества любителей российской словесности.

33. П. П. СВИНЬИНУ

Петербург. Декабрь 24 1822

Милостивый Государь Павел Петрович!

Зная любовь вашу ко всему Русскому, посылаем вам при сем Русский Альманах и просим замолвить за него доброе словечко на Русском Парнасе¹. С истинною преданностию имею честь быть ваш покорнейший слуга.

К. Рылеев

Р. С. Мы желали было украсить нашу звезду виньетками; но, к сожалению, не успели.

34. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Ваше сиятельство,

милостивый государь,

петербургские волхвы, предрекающие Вам бессмертие, бьют челом «Полярною звездою»¹ и очень рады случаю еще раз поблагодарить русского Шольё за прекрасные пьесы, которыми он украсил наше издание. Мы сидим у моря и ждем, чтобы попутный ветер общего мнения подул в бумажные наши паруса для предприятия на будущий год². Испытав, с какою благосклонностью наделили Вы нас своими произведениями, позвольте надеяться, князь, что и следующая «Звезда» заблестит Вашими лучами. В этот раз мы поздно начали издание от замедления статей, но будущее для лучшего успеха намерены начать заране, с апреля месяца. Примите, князь, уверение в искреннем уважении нашем.

Вашего сиятельства покорнейшие слуги

Александр Бестужев и Конд(ратий) Рылеев

27 декабр(я 1822 г.)

С.-Пет(ербур)г

Р. С. Долгом считаем уведомить Вас, что корректуру пьес Ваших держал В. А. Жуковский. Пьесы, означенные двумя звездочками, принадлежат А. Пушкину³.

С.-Петербург. Января 1823

Прекрасные чувства, которыми исполнено письмо Ваше *, живо меня тронули... Так, отечество Ваше несчастно; оно в наши времена имело и недостойных сынов — но бесславие их не могло помрачить чести великодушного народа, <и> из среды оного явились мужи, которые с<лавою> дел своих несравненно более возвысили славу Польши, нежели первые предательством своим оную омрачили. Так; — и вы не одними воспоминаниями славных деяний, совершенных в веках минувших, можете утешать себя. К счастью всего челове<чества>, добрая слава дел наших зависит не от одного успешного окончания, но также от источника их и побуждения, — и славные имена Костюшки, Колонтая, Малаховского, Понятовского, Потоцкого, Немцевича и других знаменитых Патриотов, несмотря на то что успех не увенчал их благородные усилия, никогда не перестанут повторяться с благоговением, а деяния мужей сих будут всегда служить для юношества достойными образцами. — Семена Добра и Света уже посеяны в Отечестве вашем. Скоро созреют прекрасные плоды их. Вы были одним из ревностнейших сеятелей; Вы во все продолжение жизни своей, как Тиртей, высокими песнями возбуждали в сердцах сограждан любовь к Отечеству, усердие к Общественному благу, ревность к чести народной и другие благородные чувства. Итак, муж почтенный, утештесь — и, сняв лиру свою с печальной вербы ¹, подобно Лебеди на водах Меандра ², воспойте на закате дней своих высокие гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуйте достойное ваше Отечество...

Прошу принять милостиво уверения в высоком уважении и почитании, с которым имею честь оставаться ваш, милостивый государь, нижайший слуга.

* В письме от 30 окт. 1822 г., отвечая на первое письмо Рылеева, Немцевич писал: «...Вы суть сыны обширнейшего на земном шаре государства; первые в могуществе и силе, вы можете свету повелевать, а я, житель совершенно исчезнувшего королевства, по течению жизни моей встретивший только огорчения и обманчивые упования, нахожу единственно в протекших веках похвальные, поныне печальные напоминания. Последуйте по мне, мужи с вознесенным челом, на славном поприще вашем, а мне, седому и слабому старцу, возвесившему на плачевной вербе свою лютию, остается токмо под сенью древес искать защиты и ожидать последнего часа: счастлив, если перед кончиною моею узрю озарение спокойного неба на человеческое поколение» (ПСС, 1934. С. 775).

Р. С. Отсутствие мое из Петербурга ³ причиной тому, что я так долго был лишен счастья получить ваше письмо (от 30-го октября) и отвечать на него.

36. А. Ф. ВОЕЙКОВУ

⟨Петербург. 1 июля 1823 г.⟩

Милостивый Государь,
Александр Федорович!

Душевно благодарю вас, почтеннейший поэт ¹, что вспомнили обо мне. Желание Жуковского, Вяземского и ваше для меня закон, а в этом случае закон лестный и самый приятный — и я во вторник в 8 часов ваш ². Думу ³ постараюсь обделать к этому же времени.

Искренно преданный и уважающий вас
покорнейший слуга *К. Рылеев*

37. Ф. В. БУЛГАРИНУ

Петербург. 7 сентября 1823

Я был тебе другом, Булгарин; не знаю, что чувствовал ты ко мне; по крайней мере ты также уверял меня в своей дружбе — и я от души верил. Как друг, отдаю на твой собственный суд, исполнил ли я обязанности свои. Исследуй все мои поступки, взвесь все мои слова, разбери каждую мысль мою и скажи потом, по совести, заслуживал ли я такого оскорбления, какое ты сделал мне сегодня, сказав, что ты, «если бы и вздумал просить от кого-нибудь в Петербурге советов, то я был бы последний...». Что побудило тебя, гордец, к этому, я не знаю. Знаю только то, что я истинно любил тебя и если когда противоречил тебе, то не с тоном холодного наставника, но с горячностью нежной дружбы. Так и вчера, упрекая тебя за то, что ты скрыл от меня черное свое предприятие против Воейкова, я говорил, зачем ты не сказал; я на коленях уговорил бы тебя оставить это дело. Скажи, похоже ли это на совет; можно ли тем было оскорбиться, и оскорбиться до того, чтоб наговорить мне дерзостей самых обидных?.. Еще повторяю и прошу тебя вспомнить все мои поступки, слова и мысли — разобрать их со всею строгостью. Рано ли, поздно ли, но ты

или самые последствия докажут тебе справедливость мнений моих и правоту.

В пылу своего неблагородного мщения, ты не видишь или не хочешь видеть всей черноты своего поступка; но рано ли, поздно ли... Извини моего пророчества и прими его за остаток прежней моей дружбы и привязанности, которые одни удерживают меня требовать от тебя должного удовлетворения за обиду, мне сделанную... Ты гордишься теперь самым поступком и рад, что нашел людей, оправдывающих его, не вникнувших в обстоятельства дела, других ослепленных, как ныне и ты, мщением и враждою, и думаешь, что и все, кроме меня, разделяют твое мнение. Но узнай, как жестоко ты обманываешься. Не говоря о множестве других, которых ты в душе своей уважаешь, В. А. Жуковский, этот столь высокой нравственности человек, которого ты любишь до обожания, — в негодовании от твоего поступка. Он поручил мне сказать тебе, что ты оскорбляешь не одного Воейкова, но целое семейство, в котором ты был принят, как родной; что он употребит все возможные средства воспрепятствовать исполнению твоего желания и что, если ты и успеешь, то не иначе, как с утратою чести! Вот, Булгарин, какого ты человека тронул. Скажи же теперь, справедливы ли мои опасения? Удали от себя людей, в которых, по собственному сознанию твоему, ты более всех был уверен, — скажи, на кого ты надеешься, в чью дружбу уверовал? Что иное, как не дружба к тебе, побуждало меня говорить Н. И. Гречу резкие и верно неприятные для него истины; что заставляло меня говорить их тебе самому, как не желание тебе добра? И ты смел сказать, что мы закормлены обедами Воейкова, тогда как я у него в продолжение года был только два раза. После всего этого ты сам видишь, что нам должно расстаться. Благодарю тебя за преподанный урок; я молод — но сие может послужить мне на предыдущее время в пользу, и я прошу тебя забыть о моем существовании, как я забываю о твоём: по разному образу чувствования и мыслей нам скорее можно быть врагами, нежели приятелями *.

* 8 сент. Булгарин ответил Рылееву полуизвинениями и, в частности, писал: «Я тебя никогда не поставлю на одну доску с Воейковым и вонючим Слениным, от которого за три версты несет толкучим рынком, в котором нет ни совести, ни деликатности ни на грош. А потому не думай, чтобы я сохранил против тебя что-нибудь в душе, кроме уважения» (Соч., 1872. С. 250).

〈Петербург. 20 сентября 1823 г.〉

Милостивая Государыня
почтеннейшая матушка Матрена Михайловна.

Почтеннейшее письмо Ваше мы получили и приносим за оное душевную благодарность. Наташинька, слава богу, здорова, а равно и малютка Александр¹. Что бог даст далее. Восприемниками были Федор Николаевич Глинка с теткою моею Верою Сергеевною Готовцевою и матушка с Николаем Григорьевичем. Матушка теперь в деревне; насилу могла расстаться с Александром.

Приехали ли сестрица? — я много хохотал их поезду — представляю себе, как тянутся экипажи.

Будьте здоровы и благополучны, любезнейшая матушка, и поцелуйте крошку Настиньку². Я вижу, что она и добра и умна, по письмам Ивана Михайловича, и всем этим она обязана Вам.

С истинным почтением, честь имею быть,
Милостивая Государыня любезнейшая матушка,
ваш покорный сын

К. Рылеев

39. В. И. ТУМАНСКОМУ

〈Петербург〉. 3 Окт〈ября〉 1823

Из письма твоего к Редеди¹, милый Туманский, вижу, что прелестными пиэсами нашего Парнаского Чудотворца² Полярная Звезда обязана тебе. Да не угасает же в тебе за то никогда чистый пламень Поэзии, возженный твоею прелестною Музою, которую ты так мило славишь под именем милой Девы³. Пусть пламень сей на зло ничтожной и мелкой собратии Федорова⁴ чаще и чаще рождает в тебе истинное вдохновение и дразнит самолюбивое безвкусие Старообрядов нашей Словесности. Твоя последняя Элегия очень мила, как и другие две пиэсы⁵. Жаль только, что Манценил переведен не пятистопными стихами. Все сии стихотворения вместе с пиэсами Консула нашей Литературной Республики⁶ отданы Бирукову. Боюсь за Послание к А.⁷ и именно за то место, где исступленный любовник

Клянет ревнивого супруга
Или докучливую мать.

Бируков Цензор-деспот и ревнивый муж. Страшусь также за стихи к Иностранке, где есть слово боготворить: оно верно не будет пропущено. Попроси Пушкина, чтобы он пожертвовал им для Полярной Звезды⁸. Письмо твое к Алек(сандру) Бестужеву с приложением другого от Пушкина получено мною и за отсутствием Бестужева по праву дружбы распечатано⁹. Желания Пушкина все исполнены, а в отношении посланий к Кривцову¹⁰ и к В. Л. П(ушки)ну¹¹ при помощи самой Цензуры, не пропустившей их. Вакхическая песнь, не пропущенная прошлого года под именем стихов к Дружбам, проскользнула сквозь тесную калитку Цензуры и с торжеством вошла в широкие ворота Полярной Звезды¹². Просим позволения у Пушкина напечатать Турецкую песню¹³ и маленькую пиэску к малютке¹⁴, которые здесь ходят по рукам. Стихотворений наслано к нам куча. Между прочим будет, может быть, и Иванов вечер¹⁵. Алек(сандр) путешествует с Герцогом¹⁶ и на днях возвратится. Пиэсы его еще не готовы¹⁷. Пожури его из Одессы, как ветреника.

Исполняя твое желание, уведомляю, что Войнаровский приметно подвинулся вперед. Когда же кончится и как кончится, не знаю сам. Прощай, милый, не ленись и пользуйся вдохновением. Славь свою миленькую милую деву¹⁸. Обними и поцелуй Пушкина. Прилагаю к нему письма от Пушина и Дельвига. Проси об ответе.

Твой Рылеев

Р. С. Сей час получил пиэсы от Вяземского, Родзянки и В. Измайлова. От А. Измайлова имеем сказку «Лгун» на Свинына, которой ты от души похочешь.

Рукою Дельвига: Дельвиг бьет тебе челом и проч. Попавши случайно сегодня к первому номеру Редеди¹⁹, приписываю здесь тебе мой поклон по праву Редеди. Что-то давно от тебя нет ничего?

Рукою Рылеева: Сей час от Бирукова. Варвар не пропустил ни одной из пиэс Пушкина, за самые те места, об которых писал я выше; в пиэске же к приятелю находит он не нравственную цель; говорит: двое за одной волочатся. — Твою элегию к милой деве также не пропустил за ночлег в шалаше: это слишком сладострастно²⁰. Манценила тоже не пропущена: эта пиэса слишком либеральна, по мнению Бирукова. Ради бога, присылай других и проси Пушкина, чтобы он нас не оставил. Без него Звезда не будет сиять²¹.

Рылеев

〈Октябрь 1823 г.〉

Любезнейший братец Иван Михайлович!

Душевно благодарю Вас за приятные Ваши письма и за уведомления о крошке; особливо последним известием Вы много нас порадовали. Пожалуйста, продолжайте писать к нам — и попеняйте сестрице, что она не писала к нам из Киева. Это, право, непростительно; милая богомолочка совершенно забыла нас.

Поручая себя Вашей памяти и дружеству, остаюсь Вашим покорнейшим слугою и братом

К. Рылеев

Р. С. Посылаю один экземпляр моей новой «Оды» и прошу один отдать сестрице¹.

41. МАТЕРИ

〈Петербург. Около 4 октября 1823〉

Почтеннейшая и любезнейшая маминька!

Ваш Александр, слава богу, здоров и, кажется, пополнил. Сестра его прислала ему 5 рублей и хочет быть у него нянькой. Проказница¹.

Ревижскую сказку посылаю. Все хорошо пошло. Посылаю вам свою оду². Будьте здоровы и веселы. Спешу отправить Федьку. С истинным почтением и преданностью остаюсь ваш

Покорнейший сын

К. Рылеев

42. Ф. В. БУЛГАРИНУ

Июнь 1824

Любезный Фаддей Венедиктович!

Дельвиг соглашается все забыть с условием, чтобы ты забыл его имя, а то это дело не кончено. Всякое твое громкое воспоминание о нем произведет или дуэль, или убийство. Dixit*.

Твой Рылеев

* Он сказал (лат.).

На обороте адрес: Его благородию милостивому государю Фаддею Венедиктовичу Булгарину.

На Сампсониевской улице, у бутки в доме Калугиной.

43. А. Ф. ВОЕЙКОВУ

Государь наш.

Вы слушали от нас самих, что А. Пушкин отдал нам для П<олярной> З<везды> поэму «Разбойники». Вы знали тем же путем, что она пропущена цензурой, и имели низость употребить во зло нашу доверенность, упредив нас напечатанием лучшей из оной части, без малейшего на то права¹. Мы не раз терпели ваши выкраски из П<олярной> З<везды>^{2*}, но теперешний ваш поступок, следствие какой-то бездельнической интриги и к коему никогда ни словом, ни делом мы не давали поводу, превосходит всякую меру чести и терпения. Вследствие этого просим покорно вычеркнуть нас обоих из списка знакомцев ваших. Конечно, потеря знакомства с благородными людьми для вас не важна, не нова; зато разнокомленье с вами будет для нас очень выгодно. Не бесполезным считаем примолвить, что в случае повторения с вашей стороны подобного поступка мы не удовольствуемся, как теперь, одним презрением.

15 сент<ября>
1824

*Александр Бестужев
К. Рылеев*

44. С. И. СЕЛИВАНОВСКОМУ

<Начало декабря 1824 г.>

Почтеннейший Семен Иоанникиевич.

Мне желательно издать здесь и «Войнаровского», и «Думы» мои; я поручил об этом переговорить с вами

* Очевидно, к тому же Воейкову издатели ПЗ предполагали еще ранее отправить следующее послание: «Милостивый государь! Издатели «Полярной звезды» просят всех собирателей так называемых новостей литературы, образцовых сочинений и прочих словесных мозаиков пощадить их издание и не перепечатывать из оного самовольно ни прозы, ни стихов. В противном случае, если кто-либо вздумает впредь воспользоваться варварийским правом корсаров, то мы в замену не упустим употребить европейское право эмбарго. Побудительною причиною к сему объявлению есть уважение к публике, которой неприлично надоедать пьесами, несколько раз перепечатанными. Александр Бестужев. Кондратий Рылеев» (РА. 1871, № 4—5, Стб. 0964; черновой автограф руки Бестужева — ГБЛ).

Петру Александровичу Муханову; надеюсь, что вы с ним сойдетесь: человек редкой души и отличных правил. Я еду в ночь; постараюсь урвать несколько минут, чтобы еще раз увидеться с вами; в противном же случае прошу верить, что я душевно вас люблю и уважаю.

К. Рылеев

45. ЖЕНЕ

Москва. Декабря 9 дня 1824 г

Я сей час еду в Петербург. Москвою, друг мой, я чрезвычайно доволен: я был здесь принят как нельзя лучше, где только ни был. Представь себе: я встретил здесь Черновых — Константина и Сергея Пахомовичей; они приехали сюда стреляться с Новосильцевым¹; и уже чуть не было дуели; наконец все кончилось миром. Отец и мать Новосильцева позволили ему жениться наконец, и скоро будет свадьба. Слава богу, что так благополучно кончилось. Здесь только и говорят об этом. Наводнение в Петербурге было ужасное, а равно и в Кронштадте. Корабли ходили по улицам. Не описываю подробностей до приезда в Петербург. Поцелуй у матушки ручку и поблагодари за ласки и одолжения, которые у меня глубоко врезаны в сердце; сестрицу поцелуй, братцев, так и Настиньку. Будьте все здоровы, веселы и благополучны. Я же очень здоров: все еще действует Подгоренский воздух. Прощай, милый друг мой,

твой друг *К. Рылеев*

Р. С. Из Петербурга напишу об своем пребывании в Москве подробно, как тебе, так и Бедрогам. Теперь скажи им, что Денис Давыдов кланяется им.

46. ЖЕНЕ

С.-Петербург. Декабря 14 дня 1824

Наконец, мой милый друг Натанинька, я добрался до Петербурга. Ты, я думаю, уже слышала о бывшем здесь наводнении и об ужасах, которые оно произвело¹. Представь же себе мое удивление, когда я, въехав в город, едва мог заметить следы оною. Несмотря на то, многие однако ж

пострадали, и если б не пособия правительства и людей частных — голод и нищета довершили бы зло, причиненное водою. Теперь почти всем потерпевшим сделано возможное вспоможение. Мы же с тобой должны благодарить Алек<сандра> Алек<сандровича> Бестужева: наши люди совершенно потерялись, и если б не было его, то мы лишились бы всей мебели и всего, что было в комодах ². Бестужев прежде стал законопачивать двери, когда же вода начала пробираться в щели и сквозь пол, он приказал мебели ставить одни на другие и выбирать из комодов все и, находясь почти по пояс в воде, до тех пор не оставил квартиры, покуда все не прибрал. Таким образом он спас все почти и твой мех; попортилось только мое бюро, письменный стол, твой рабочий столик, половина моей библиотеки и еще кое-что. Прочее все спасено; да потонула корова. В комнатах воды было выше полтора аршина. Катерина Ивановна также пострадала; она с детьми провела около суток на чердаке и лишилась довольно мебели; а что всего хуже — потеряла Верочку: крошечка умерла от простуды, точно тою же болезнью, как и наш Саша. Теперь, слава богу, ей помогли, и есть надежда, что царь назначит ей пансион. Вебер ужасно пострадал, потери много, Прасковья Алексеевна больна и живут в одной гостиной и в ужасной сырости. Наша прежняя квартира ³ стоит теперь без окон; в ней жил Нелидов и все потерял. Слава и благодарение богу, что мы выехали. По 16 линии, где ни взглянешь, везде опустошение. Перед Вебера домом лежало несколько утопших. Представь себе ужас его. Множество домов совершенно снесено. Кронштадт также весьма пострадал. Но будь покойна: скоро не останется и следов ужасного бедствия. Все, что можно было сделать людям, люди все сделали.

Об себе скажу тебе, что я до Москвы от Воронежа ехал уже на санях. В Москве пробыл неделю и никогда не забуду этого времени. Гостеприимная старушка Москва очень мила. Меня приняли и знакомые и незнакомые как нельзя лучше, и я едва мог выбраться: затаскали по обедам, завтракам и ужинам. Супруга Владимира Ивановича Барона Штейнгеля просит, чтобы ты, во время проезда своего чрез Москву, остановилась в их доме; она обещает показать тебе все любопытное. Я у них был принят как родной, и это врезалось в сердце моем. В Воронеже я прожил сутки у Петра Демидовича; он мне показался большим чудачком; но при всем том он человек добрый.

Я думаю, что братец Алексей Михайлович уже приехал;

обними его за меня, поцелуй и скажи, что мне весьма жаль, что обстоятельства не позволили мне дожидаться его. Пожелай ему лучшего здоровья и попроси, чтобы он уведомил меня о своих мыслях касательно Мишиньки. Я уже справлялся — нет ничего легче, как определить его в Измайловский полк. А это, право, не худо. Почтеннейшей Матушке Матрене Михайловне мое истинное, глубочайшее почтение и душевное благодарение за ласки и одолжения. Сестрицу миленькую, добренькую и вместе сердитинькую поцелуй, братцу Ивану Михайловичу мое усердное почтение, Настиньке благословение и поцелуй. Будь здорова и пиши. Твой друг

К. Рылеев

Р. С. Николаю Федоровичу буду писать скоро.

Бестужевы кланяются тебе; они уже приехали. Напиши несколько строк к старшей сестре.

47. А. С. ПУШКИНУ

[5—7 января 1825 г. Петербург]

Рылеев обнимает Пушкина и поздравляет с «Цыганами»¹. Они совершенно оправдали наше мнение о твоём таланте. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца. Я пишу к тебе: ты, потому что холодное вы не ложится под перо; надеюсь, что имею на это право и по душе, и по мыслям. Пущин познакомит нас короче². Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы.

48. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Почтеннейший и любезнейший князь

Петр Андреевич!

Позвольте поблагодарить Вас за участие, которое принимаете Вы в судьбе «Войнаровского». Верьте, что Ваше внимание для меня драгоценно. Я никак не думал, чтобы сподвижник Мазепы так мало пострадал в чистилище цензуры нашей¹. Муханов писал ко мне, что Вы на время отсутствия его взяли на себя хлопоты издания. На

этот конец прилагаю письма на имя Муханова незапечатанными. Вы увидите в них несколько поправок для «Дум» и несколько слов о «Войнаровском». Перемены в «Думах» и три думы, прилагаемые здесь же, прошу Вас, почтеннейший и добрейший из князей, отослать в цензуру или к Селивановскому.

С душевною преданностию
остаюсь навсегда

Вашим К. Рылеев (ым)

12 января 1825

49. В. И. ТУМАНСКОМУ

〈Середина января 1825 г. Петербург〉

Милый Туманский.

Полюби Мицкевича и друзей его Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем, и писать лишнее: по чувствам и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевич к тому же и поэт — любимец нации своей. Ты ленишься, мы также. Вот времечко: не сберегает ли сам бог деятельность нашу на что-либо лучшее?.. Но как бы то ни было, а стыдно. Посмотри, как шагает Пушкин! мы пигмеи перед ним.— Будь здоров, отжени лень, пиши, но пиши дело — у тебя прекрасный талант: ты сам не дорожишь им

Твой Рылеев

50. ЖЕНЕ

С.-Петербур〈ург〉. Генв〈аря〉 27 дня 1825

Письмо твое, мой милый ангел Наташинька, в котором уведомляешь меня о приезде братца Алексея Михайловича, я получил вчера. Очень сожалею, что не мог его дожидаться, и более еще сожалею о его нездоровье; попросите его все совокупно, чтобы поберегал себя.

Об себе скажу, что я, благодаря бога, здоров, но только часто страдаю припадками скуки и всегдашнего моего петербургского сотоварища геморроя. Как я был здоров в Подгорном! сам удивляюсь и не знаю, чему это чудо приписать: Подгоренскому климату или Подгоренскому добродушию. Сколько раз сожалел я, что непреодолимые обстоятельства приковывают меня к Петербургу тогда, как

слабость здоровья, расположение душевное, желание, Поэзия и чувства влекут меня на Украину.

Сей час была у меня Татьяна Николавна: она кланяется тебе; долго сидела и много расспрашивала и об тебе, и об нашей малютке. Добрая женщина! По сию пору плачет об маминьке¹.

Антропов был здесь очень короткое время; спешил в полк, был у Катерины Ивановны, без ума от К. и хотел в сентябре опять приехать.

Дома все благополучно. За комодом смотрит Петрушка; Аксинья в деревне, Машка отпущена еще до меня по пашпорту. Якова и Марину хочу также отослать в деревню: совершенно лишние в доме. В гостиной переключивали печь; наводнение совершенно ее испортило. В спальне нашей велю также переключить, но не прежде весны; тогда же будут и красить комнаты: у нас в комнате воды было выше аршина. Впрочем, большого вреда не было. Вера Сергеевна получила по случаю наводнения 2500 р.

В деревне продолжают возить лес: уже привезено до 200 бревен. Весною съезжу в деревню на неделю и займусь поправкою дома и флигеля к твоему приезду.—

Не знаю, получила ли ты письмо от Катерины Ивановны. Я послал его чрез Белогорье. Засвидетельствуй мое глубочайшее почтение матушке и поцелуй ручку. Сестрицу и братьев обойми. Настичку поцелуй и благослови. К братцу Алексею Михайловичу буду писать со следующей почтою. Прощай, будь здорова и не ленись писать к другу своему

Рылеву

Могилка Саши цела.

51. П. М. СТРОЕВУ

Петербург. Конец января 1825

Милостивый Государь Павел Михайлович,

Весьма сожалею, что П. А. Муханов вас растревожил¹; поступки его действительно заслуживают порицания, и вы вправе на него негодовать, тем более что хорошо не знаете его; но по праву приязни с Мухановым и по личному моему уважению к вам, должен вам с откровенностью сказать, что оскорбительные личности на счет Муханова, которыми наполнено письмо ваше, обидны и мне. По той короткости,

которую вы не могли не заметить между мною и им, вам вовсе не следовало бы так поспешно объявлять мне, и еще письменно, своего мнения на счет его поступков. Муханов истинно добрый и благородный человек — и вероятно какое-нибудь обоюдное недоразумение было всему причиною. Вот мое мнение: уверен, что имею дело с благородным человеком, и для того пишу откровенно, чтобы ничего не осталось на сердце. — Я был бы мерзавец, если б мог хладнокровно прочитать письмо ваше. Я думаю, что вы уже виделись с Князем Евгением Петровичем Оболенским: я поручил ему, по случаю отъезда Муханова, принять на себя издание Дум и Войнаровского. В нем вы найдете человека с отличными свойствами души и с прекрасными правилами: он вас и без меня удовлетворил, вероятно, если вы обращались к нему. Теперь я также пишу и к Князю ². Некоторые примечания ваши я уже имею здесь и душевно благодарю вас за них. Вы совершенно оправдали выбор наш. Прошу вас покорнейше сделать и ко вновь присланным мною Думам такие же примечания, если цензура была милостива ко мне. Прошу сказать мое истинное почтение г. Селивановскому. Он у меня из головы не выходит. Истинно почтенный человек! С душевной преданностью и истинным почтением имею честь быть Милостивый Государь

вашим покорным слугою

Кондр. Рылеев

P. S. За откровенность прошу не гневаться. Это мой порок.

52. ЖЕНЕ

(Петербург. Начало февраля 1825 г.)

Милый друг мой, Наташинька!

Вот я уже пишу к тебе третье письмо из Петербурга, а ты еще только одним порадовала меня. Это, дружочек мой, стыдно и грешно. Пожалуйста, пиши хоть два раза в месяц: мне очень скучно без твоих писем. Хочется знать обо всех вас, ждешь почты, она приходит, и вдруг ничего; даже досадно.

Я по большей части сижу дома; принялся за Полярную Звезду; надеюсь выдать к святой ¹. Теперь же еще скопилось много дел по Компании, которые все в этом месяце надобно

будет окончить, а хлопот пропасть. При тебе все бы шло веселее. Вперед и на месяц не разлучусь с тобой.

Пиши ко мне, что вы делаете, бываете ли где, что Бедряги? — Все ли вы здоровы; что Настинька? У тебя столько предметов, об которых можешь писать ко мне, что на каждый день мало места, а ты ленишься.

Здесь все здоровы: Катерина Ивановна, Вера Сергеевна, Софья Николаевна, Татьяна Николаевна, — Александра Антоновна уезжает из Петербурга, чтобы в Киеве обвенчаться с усачом Книппером. Бедный Миллер в полуотчаянии; но при всем том поздоровел. Он ожидает отставки. Бестужев Николай произведен в следующий чин и уже щеголяет в больших эполетах. Антропов скоро сюда прибудет: он в каждом письме пишет об Катерине Петровне: видно, шутка не на шутку.

Поцелуй ручку у матушки, сестрицу и Настичку в губки, братцу поклон, а равно и всем прочим и знакомым. Уведоми меня об Настичке подробнее.

Твой друг

К. Рылеев

Р. С. Локоны получишь перед масленицей².

53. ЖЕНЕ

〈Февраля〉 10 дня 1825 С.-П(етер)бург

Письмо твое милое, мой Ангел Наташинька, я получил на самой масленице. Оно тем более было мне приятно, что утешило в скуке. Нынешняя масленица была мне не в масленицу; я почти все дни просидел дома и — поверишь ли? — не только ни одного блина не съел нигде, но даже не видел. Желаю, чтоб ты провела ее лучше; да иначе и быть не могло; находишься в кругу добрых родных, с которыми все мило. С тобою маминька, сестрица, братец и крошечка Настинька, а я был в совершенном почти одиночестве — настоящий сирота. Один только Бестужев мог рассеять грусть мою, но на ту пору у него было свое горе — и мы вдвоем довольно мрачно проводили вечера. К этому еще захворал нервическою горячкою бедный Яков и несколько дней находился в опасности. Теперь, благодаря бога, начал он поправляться мало-помалу.

Теперь собралось много дел в Компании, сверх того начато печатание Полярной Звезды — это все вместе заня-

ло меня и несколько рассеяло скуку и пустоту душевную наполнило. Письмо твое хотя прежде несколько утешило, зато после меня много опечалило. Прежде прочел я известие о болезни доброго и почтенного брата Алексея Михайловича как известие о болезни обыкновенной. Но подумав, стал за него бояться. Дай бог поправиться ему с весною. Впрочем, я не думаю, чтобы у него была чахотка, как ты пишешь. В его лета она так сильно не действует. Не знаю, застанет ли письмо это его — и потому не пишу лично к нему; буду следующею почтою писать прямо в Ромны. Насчет Мишиньки мнение мое не переменилось. Науки он может еще лучше кончать здесь в Петербурге, под моим надзором и при знакомстве моем с лучшими профессорами. К тому ж расходы будут те же: быть может, еще умереннее, жительствова с нами. Что же касается до больших будто бы издержек для содержания его в гвардии, я более ничего не могу сделать, как только указать на Мих (айла) Петр (овича) Малютина и сотню друг (их) гвард (ейских) офицеров, служащих здесь при самом ничтожном вспомоществовании со стороны родных. Притом же лучше две-три тысячи издержать лишние, но видеть за то молодого человека в хорошем обществе и быть покойным на счет его нравственности и образования, теперь для каждого необходимых. Знакомство мое будет и для него знакомством, а тебе известно, что я оным счастлив. Поцелуй ручку у матушки, милую сестрицу обейми, а равно и братцев, и крошечку поцелуй. Прощай, будь здорова.

Твой друг *Рылеев*

К М. Г. Бедряге буду писать с следующею почтою.

Н. Ф. Матвеев, верно, не получил первого моего письма, что пишет упреки ко мне.

54. А. С. ПУШКИНУ

[12 февраля 1825 г. Петербург]

(К. Ф. Рылеев:)

Благодарю тебя, милый Поэт, за отрывок из «Цыган» и за письмо; первый прелестен, второе мило. Разделяю твое мнение, что картины светской жизни входят в область поэзии. Да если б и не входили, ты с своим чертовским дарованием втолкнул бы их насильно туда. Когда Бестужев писал к тебе последнее письмо, я еще не читал вполне

первой песни «Онегина». Теперь я слышал всю: она прекрасна; ты схватил все, что только подобный предмет представляет. Но «Онегин», сужу по первой песне, ниже и «Бахчисарайского фонтана», и «Кавказского пленника». Не совсем прав ты и во мнении о Жуковском. Неоспоримо, что Жуковский принес важные пользы языку нашему; он имел решительное влияние на стихотворный слог наш — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за влияние его на дух нашей словесности, как пишешь ты. К несчастью, влияние это было слишком пагубно: мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали. Зачем не продолжает он дарить нас прекрасными переводами своими из Байрона, Шиллера и других великанов чужеземных. Это более может упрочить славу его. С твоими мыслями о Батюшкове я совершенно согласен: он точно заслуживает уважения и по таланту, и по несчастью. Очень рад, что «Войнаровский» понравился тебе. В этом же роде я начал «Наливайку» и составляю план для «Хмельницкого»¹. Последнего хочу сделать в 6 песнях: иначе не все выскажешь. Сейчас получено Бестужевым последнее письмо твое². Хорошо делаешь, что хочешь поспешить изданием «Цыган»; все шумят об ней, и все ее ждут с нетерпением. Прощай, Чародей.

Рылеев

12 января

(А. А. Бестужев:)

Письмо твое сердечно получил — но отвечать теперь нет время. Буду писать с требуемым номером журнала и тогда потолкуем о комедии. Замечания твои во многом правы — до свиданья на письме, прощай, мой поэт, будь самим собою и помни друзей, которые желают тебе счастья и славы.

Твой Александр

55. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

О несчастьи, Вас постигшем, почтеннейший князь Петр Андреевич, мы узнали еще до письма вашего¹. Чувствую вполне и по опыту, как велика должна быть горесть Ваша, но делать нечего: жизнь наша есть железная цепь беспре-

станных неприятностей и лишений, кое-где позолоченная минутным счастьем. Твердость — обязанность каждого, и Вы, князь, отдав долг природе должное, как отец семейства, как просвещенный гражданин и писатель, обязаны, призвав ее в помощь, посвятить себя снова на пользу общую, должны снова разить порок и обличать невежество своими ювеналовскими сатирами к удовольствию публики и к радости друзей и почитателей Ваших и Вашего дарования; к досаде Лужницких старцев² и юношей, ими растлеваемых.

За участие в издании книг моих снова душевно и премного благодарю. Не пропущенных цензурою «Дум»³ не жалею, но боюсь за «Войнаровского»: из письма Нечаева вижу, что цензура опять в раздумье⁴. За чужие гостинцы для «Звезды» нашей приносим благодарность. Пред Иваном Ивановичем Дмитриевым я очень виноват, не быв у него в проезд свой чрез Москву для изъявления нелицемерного уважения. Нсльзя ли, почтеннейший и добрейший из князей, выхлопотать у него отпущение столь тяжкого греха: теперь же великий пост. Одно обстоятельство оправдывает меня: я выехал из Москвы прежде, чем предполагал, получив от Бестужева известие о затоплении квартиры моей. Оболенский обрадовал нас, уведомив, что привезет нам Ваши гостинцы для «Звезды»; это необходимо: у нас только и недостаток в стихотворениях Ваших⁵ и Жуковского. От В(асилия) Андр(еевича) ни стишка, зато подарил он нам письмо о Швейцарии⁶. Кажется, третья «Звезда» будет лучше двух первых, особенно, когда вы не забудете подкрепить нас. Бестужев делает обзор литературы за прошлый год. Начало ново, живо и кипит мыслями глубокими. В продолжении он намерен сделать маленькое нападение на непостоянство суждений некоторых журналистов и критиков наших. Давно пора, но вряд ли будет полезно: хромых одна могила исправит. Половина «Звезды» уже оттиснута. Альманах Аладьина⁷ вышел на масленице. Вы, я думаю, уже потешались этою аладьею. Дерзость удивительная печатать чужое без позволения и кабалить людей в одно общество с бессловесными⁸. Недостаток благородного, честного журнала с каждым годом становится ощутительнее, но страшно сделаться журналистом: так это звание теперь опакосчено.

Прощайте, почтеннейший князь.

Будьте здоровы, благополучны и грозны по-прежнему для врагов вкуса, языка и здравого смысла. Вам не должно забывать, что, однажды выступив на такое прекрасное

поприще, какое Вы себе избрали, дремать не должно: давайте нам сатиры, сатиры и сатиры. Бестужев благодарит за память: он на дежурстве и потому не пишет. Грибоеду я передал поклон Ваш; он благодарит и взаимно просил меня передать Вам свой поклон. Он дал в «Звезду» прекрасный отрывок из Гетева «Фауста»⁹.

С сердечною преданностию

Ваш Кондратий Рылеев

Мы и Грибоедов просим Вас послать к Верстовскому за музыку, которую сделал он для Грибоедова романса, и переслать к нам для «Звезды»¹⁰.

20 февраля (1825 г.)

С.-П(етер)бург

56. ЖЕНЕ

20 февраля 1825 г. С.-П(етер)бург

Я здоров, в квартире все благополучно. Яков совершенно выздоровел, но я ужасно занят делами Компании; сей час отправляют почту, и я, писав к тебе более недели, спешу хотя несколько строчек написать к тебе. Я по-прежнему сижу все дома вместе с Бестужевым и работаем для Полярной Звезды. Напечатано более половины. Мое душевное почтение почтеннейшей матушке, сестрицу и Настиньку целую по 100 раз, тебя также.

Твой друг К. Рылеев

57. ЖЕНЕ

С.-П(етер)бург. Февраля 26 дня 1825

Письмо твое, милый друг Наташинька, от 2-го числа февраля, получил. Вижу, что ты тоскуешь очень, не получив от меня около двух недель письма. Не понимаю, отчего письма мои не доходят к тебе: я пишу постоянно чрез две недели и часто каждую. Только пред последним письмом не писал недели три: был в хлопотах как по службе, так и по изданию «Полярной Звезды». Сверх того сам грустил и при всем этом боялся за Якова, который был при смерти. А ты, мой друг, могла написать, что я, может быть, тебя забыл. Мне это очень больно и обидно. Будто в столько лет ты не могла увериться в моей к тебе любви и привязанности. Чем сомневаться в чувствах моих, ты взяла бы подорожную,

села в сани и приехала бы сюда. Это было б лучше. В другом месте письма твоего ты думаешь, что сержусь на тебя. Но за что?.. Видно, что ты стала слишком грустить; я и сам грущу без тебя, мой милый ангел, но что же делать; мы сами виноваты: ты в том, что осталась на такое долгое время в Подгорном, а я, что позволил тебе остаться. Вперед этой милости от меня не ожидай. — Об Алексее Михайловиче очень, очень жалею. Зачем матушка отпустила его в таком положении. Я пишу к нему с этою же почтою. Мишиньку непременно надобно привезти сюда, а то он много потеряет время, да и для тебя лучше ехать с братом. Денег на дорогу я вышлю тебе чрез недели три. Если же почему-либо ты не получишь оных в половине мая, то достань сама и выезжай с подорожною по почте. Лошадей я раздумал покупать в ваших краях. Впрочем, об этом я еще буду писать к тебе. Во всяком случае, я более тысячи рублей не в состоянии буду послать тебе; — не забудь одеть Настиньку потеплее, да дорогой не давай ей воды без вина. — Удивляюсь, что ты не получала письма от Катерины Ивановны и барышень. Они писали к тебе, и письмо отправлено на почту мною. Барышни каждое воскресенье у Крикуновских танцуют. Они еще выросли. Крикуновская кланяется тебе, Вера Сергеевна, Алена Петровна с дочерьми также. У зятя их умер отец — и они в трауре. Бестужевы кланяются тебе — и все упрекают меня, что я решился расстаться с тобою на восемь месяцев. Тебе также достается — и поделом. Я по-прежнему сижу почти все дни дома; в мае месяце начну приготовляться к твоему приезду: стены надобно будет перекрасить, а равно и пол. Мебель уже вся исправлена. мех твой здравствует; но книги мои в самом жалком положении от наводнения. Новостей здесь нету, кроме того, что Николай Павлович с супругою приехал сюда, а Елена Павловна вчера разрешилась от бремени дочерью Мариею Михайловною. Скоро ожидают разрешения и Александры Федоровны¹. Засвидетельствуй мое глубочайшее почтение матушке и поцелуй ручку. Сестрицу милую поблагодари за приписку и уведомление о новостях ваших: они потешили меня. Братцу мой поклон. Настиньку благослови и поцелуй. Ты мне мало пишешь об ней, а сама и давно знаешь, как в разлуке приятно получать письма о детях милых. Что она делает, каково ее здоровье теперь? — Прощай, друг мой, будь здорова, покойна и не печалься.

Твой верный друг

К. Рылеев

Письма твои ко мне и к Катерине Ивановне я получил вчера, мой милый дружок Наташинька. Очень рад, что ты успокоилась моими письмами. Благодарю тебя и сестрицу за уведомление об Настиньке. Поцелуй ее и благослови за меня. Насчет раздела — твое дело ¹, а я на все буду согласен, на что ты будешь согласна, особливо чтоб сделать угодное братцу Алексею Михайловичу. Не знаю, почему сестрице не выйти за Раевского: долго ли ей перебирать женихами; какого она надеется и как будет жить век свой. Если Раевский хороший душою человек, то с богом, по моему. Нечего и откладывать в долгий ящик. Скажите ей, что пора уже ей жить своим, а не чужим умом. В ее положении муж необходим.

Антропов был здесь и ему очень Катинька понравилась. Что будет дальше, Бог весть; он хотел в сентябре сего года опять приехать. Вчера здесь был пожар: сгорел дотла новый деревянный театр, который был построен у Чернышева моста ². В нем и двадцати пяти раз не успели сыграть. Пожар был в 12 часу ночи; я ездил с Бестужевым смотреть: ужасная картина!

Дома у нас все благополучно. Перины и подушки давно высушены. Все в целости, только не выкрашены стены; это сделаю я в конце апреля. Готовься к дороге, я скоро пришлю деньги; уговори матушку послать перед святою неделю за Мишею, чтоб он не задержал тебя. Все вы вместе с братцем Алексеем Михайловичем затеяли вздор, вздумав определить его по Министерству. Ему необходимо служить в Гвардии, расходов лишних не будет; это я беру на себя. Только ради бога, привези его с собою, я писал об этом к Алексею Михайловичу. Поцелуй у матушки ручку и уверь ее, что Мише будет хорошо и полезно здесь быть. Сестрицу и тебя целую по сто раз. Братцу мой поклон. Тебе с собою брать чужих нельзя, ибо ты поедешь по почте. Впрочем, при посылке денег уведомяю подробнее обо всем. Прощай, будь здорова и не печалься.

Твой друг

К. Рылеев

Петербург 3 марта 1825

[10 марта 1825 г. Петербург]

Не знаю, что будет «Онегин» далее: быть может, в следующих песнях он будет одного достоинства с «Дон Жуаном»: чем дальше в лес, тем больше дров; но теперь он ниже «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника». Я готов спорить об этом до второго пришествия.

Мнение Байрона, тобою приведенное, несправедливо, Поэт, описавший колоду карт лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника¹. У каждого свой дар, своя Муза. Майкова «Елисей» прекрасен; но был ли бы он таким у Державина, не думаю, несмотря на превосходства таланта его пред талантом Майкова. Державина «Мариамна»² никуда не годится. Следует ли из того, что он ниже Озерова?

Не согласен и на то, что «Онегин» выше «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника» как творение искусства. Сделай милость, не оправдывай софизмов Воейковых: им только дозволительно ставить искусство выше вдохновения. Ты на себя клепешь и взводишь бог знает что.

Думаю, что ты получил уже из Москвы «Войнаровского». По некоторым местам ты догадаешься, что он несколько ощипан. Делать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои «Думы», несмотря на то, я просил Пушкина и их переслать тебе³. Чувствую сам, что некоторые так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но зато убежден душевно, что «Ермак», «Матвеев», «Волынский», «Годунов» и им подобные хороши и могут быть полезны не для одних детей. «Полярная звезда» выйдет на будущей неделе. Кажется, она будет лучше двух первых. Уверен заранее, что тебе понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу⁴. Он в первый раз судит так основательно и так глубокомысленно. Скоро ли ты начнешь печатать «Цыган»?

Рылеев

Марта 10 дня

Чуть не забыл о конце твоего письма. Ты великий льстец: вот все, что могу сказать тебе на твое мнение о моих поэмах. Ты завсегда останешься моим учителем в языке стихотворном. Что Дельвиг? Не у тебя ли он? Здесь говорят, что он опасно заболел.

С.-П(етер)бург. Марта 12 дня 1825

Посылаю к тебе письмо от Катерины Ивановны; я из любопытства распечатал. Слава богу, что она весела теперь, а то была буря на всех, а особенно на Михаила Петровича: она точно ненавидит его. Проклинала его при мне, досталось и барышням бедным; все за то, что Крикуновские и Боровковы очень полюбили их и ласкают. Вы все хлопчете о наводнении: здесь уже забыли о нем, да почти и следу не осталось. Вас, провинциалов, по-старому занимают старые новости. К Алексею Михайловичу я опять писал. Каково-то он доехал и получили ли вы от него известие. Ты очень напугала меня своим письмом на его счет. Дай бог ему здоровья и благого помышления выйти скорее в отставку. Это лучшее для его болезни лекарство. Я теперь хлопочу о Звезде своей, о Думах и Войнаровском. Думы и Войнаровский уже вышли из печати и продаются: уже тысячи две заработал. Что бог даст дальше. Звезда на будущей неделе выйдет непременно. Тогда пришлю все вместе как Михаилу Григорьевичу, так и тебе для раздачи добрым людям. Тогда и письмо к нему напишу с отчетом об делах его и брата его Николая Григорьевича. Когда увидишь их, скажи им об этом и извини меня: я, право, ужасно был занят. Теперь начинает отлегать.

Я говорил Степ(ану) Тихон(овичу) Лисиневичу о свадьбе брата его: он верить не хочет. Что делает Настинька: здорова ли она? Пожалуйста, вывози ее, чтобы она мало-помалу привыкала расставаться с бабушкой. Здорова ли почтеннейшая матушка. Что сестрица, что новый жених ее? Пожалуйста, пиши. Прощай, будь здорова, мой ангел, и не горюй.

Твой друг *Рылеев*

Поцелуй у матушки ручку. Сестрицу в губки розовые, брата также. Настиньку в глазки.

61. Ф. В. БУЛГАРИНУ

〈Петербург. Между 14 и 26 марта 1825 г.〉

Любезный Фаддей Венедиктович. Читал твое суждение о Войнаровском с чувством. Вижу, что ты по-прежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя так

лестно отозваться о Поэме, и это обязывает меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставал и, верно, не перестану любить тебя. Прошу верить этому. Знаю и уверен, что ты сам убежден, что нам сойтись невозможно и даже бесчестно: мы слишком много наговорили друг другу грубостей и глупостей, но по крайней мере я не могу, не хочу и не должен остаться в долгу: я должен благодарить тебя. Прилично или неприлично делаю, отсылая к тебе письмо это, не знаю еще: следую первому движению сердца. Во всяком случае, надеюсь, что поступок мой припишешь человеку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгарин, вперед самому не писать обо мне в похвалу ничего; ты можешь увлечься, как увлекся, говоря о «Войнаровском», а я человек: могу на десятый раз и поверить; это повредит мне — я хочу прочной славы, не даром, но за дело.

Рылеев

Слышу, что суждение о «Думах» тобою уже написано и что ты ими не совсем доволен, особенно предисловием. В таком случае с богом: печатай и ради бога ничего не переменяй, если не хочешь оскорбить меня¹.

Вверху письма написано рукой Булгарина: Письмо сие расцеловано и орошено слезами. Возвращаю назад, ибо подлый мир недостойн быть свидетелем таких чувств и мог бы перетолковать — а я понимаю истинно — *Булгарин*.

Ответ на том же Рылеева: Напрасно отослал письмо: я никогда не раскаиваюсь в чувствах, а мнением подлого мира всегда пренебрегал. Письмо твое и должно остаться у тебя.

Рылеев

Прежде, нежели увидишь меня, поговори с Александром Бестужевым: он, может быть, сегодня будет у тебя.

62. А. С. ПУШКИНУ

Спешим доставить тебе «Звезду». Уверены, что она понравится Пушкину, и заранее радуемся этому. Она здесь всем пришла по сердцу. Это хоть не совсем хороший знак, но уверены, что в ней есть довольно и таких пьес, которых похвалить не откажутся и истинные ценители произведений нашего Парнаса. Мы много одолжены нашим добрым

поэтам и прозаикам за доставленные пьесы, но как благодарить тебя, милый Поэт, за твои бесценные подарки нашей «Звезде»? ¹ От «Цыган» все без ума, «Разбойникам», хотя и давнишним знакомцам, также чрезвычайно обрадовались. Теперь для «Звездочки» ² стыдимся и просить у тебя что-нибудь, так ты наделил нас. На последнее письмо я еще не получал от тебя ответа. Уж не сердись ли за откровенность мою? Это, кажется, тебе не вперу; ты выше этого. Что Дельвиг? По слухам, он должен быть у тебя ³. Радуюсь его выздоровлению и свиданию вашему. С нетерпением жду его, чтоб выслушать его мнение об остальных песнях твоего «Онегина». Не пишешь ли ты еще чего? Что твои записки? ⁴ Чем ты занимаешься в праздное время? Мы с Бестужевым намереваемся летом проведать тебя: будет ли это кстати? Вот тебе несколько вопросов, на которые буду ожидать ответа.

Твой *Рылеев*

Марта 25 дня
1825

63. В. И. ШТЕЙНГЕЛЮ

⟨С.-Петербург. Март 1825 г.⟩

Исполняя твое желание, спешу уведомить, что общее собрание было 18-го марта ¹ и, по обыкновению, весьма шумное и не совсем разумное. Голосистее прочих горланили братья Лобановы, исподтишка — Политковский. Дело шло о балансе, который по сие время не подписан еще, потому что Крамер не захотел явиться для рассмотрения оногo. Это решено тем, чтобы упряма вызвать посредством Правительства. Потом читали извлечения из депеш Муравьевских; положено изъявить ему от лица общего собрания благодарность и вместе с тем просить его, чтобы он остался в колониях еще года хоть на два. Третье дело было о долге Болтона и Компании; определено остальную сумму 6 000 р. и процентов 20 000 взыскать с Крамера как с директора, выдавшего сии деньги в отсутствие одного и без согласия другого директора. Мордвинов при первом деле о Крамере сказал: «Когда он к нам не вежлив, так нечего и нам щадить его». Засим предложено было о избрании члена совета, и все единогласно избрали В. М. Головнина. Этому выбору я очень рад. Знаю, что он упрям, любит умничать; зато он стоек пред правительством, а в теперешнем положении Компании это нужно. Говорят, что он

за что-то меня не жалуешь; да я не слишком этим занимаюсь: так, хорошо; не так, так мать твою так — я и без Компании молодец: лишь бы она цвела. Последнее дело было о прибавке тысячи рублей к пенсону Зеленского. Большинство голосов определило сию прибавку сделать ему. Хотя он поистине и не заслуживает этого, но я хлопотал за него у некоторых акционеров. Заняв место этого старца, у меня что-то лежало на совести, особливо когда он жаловался. Теперь я покоен. Вот тебе возможно подробный отчет.— Спасибо за письма. Спасибо, что полюбил Пушина, я еще от этого ближе к тебе. Кто любит Пушина, тот уже непременно сам редкий человек. Селивановский пишет ко мне то же, что он говорил тебе. Морской офицер привез к Смирдину экземпляры², с ним посланные, позже полученных им с почтою. Но тоска; пора об этих дрязгах забыть. Селивановскому буду писать с первою почтою. Проси его, чтобы он прислал ко мне окончательный счет. Зачем он отправил остальные экземпляры в контору Компании, кто его просил об этом. Во-первых, я удаляюсь от всяких расчетов денежных с Компанией; во-вторых, я по сие время не получил экземпляров и, вероятно, еще дней десять не получу, между тем я теряю... Опять математика! К черту ее. Твой друг

К. Рылеев

У Пушина твой экземпляр «Звезды». Уведоми, будет ли довольна Москва.

64. ЖЕНЕ

Письмо твое, милый, неоцененный друг мой, Натанинька, я имел удовольствие получить.— Благодарю и целую тебя за него. Одно мне только досадно и на тебя, и, признаться, на всех вас, даже и на почтеннейшую матушку Матрену Михайловну. Это за вашу общую нерешительность насчет Мишиньки. Не понимаю, как можно думать, что лучше и дешевле кончить науки в Харькове. Я, кажется, писал об этом довольно обстоятельно. А я вижу: тут замешалась слабость маминьки, которую поддерживает слабость сестрицы и слова братцев. Что в Гвардии содержание дорого, так для этого надо служить по Министерству. Кто же вам сказал, что по Министерству служба дешевле? То же, если не дороже. Я повторяю, что если можно служить Малютину, то можно и Тевяшову. Да если

и желаете вы, чтобы он выгоднее начал службу, то все-таки лучше в Гвардии. Прослужив года четыре, он может вступить в службу гражданскую прямо титулярным советником, а пять, так коллежским ассессором или надворным советником. Ради бога, уговори маминьку отправить его с тобой. Иначе Миша пропадет. Пусть хоть последнее время не пропадет у него даром. На первый год более тысячи, а может, и более 800 р. не будет нужно. А в Харькове все дороже. Прощай, будь здорова. На следующей почте вышлю к тебе деньги. Засвидетельствуй мое почтение матушке. Поцелуй сестрицу и братца. Настиньку также. Ради бога, начинай ее вывозить и катать, чтоб она привыкла, да оденьте ее в дорогу потеплее. Душевно твой

К. Рылеев

(Петербург). Апреля 3 дня 1825

65. ЖЕНЕ

Милый ангел мой, Натанинька!

Не знаю, застанет ли мое письмо тебя в Острогжске, но на всякий случай пишу. На обороте найдешь расписание станций от Воронежа и сколько на каждой должно будет платить за 4 лошади. Сверх того давай везде копеек по 20 на водку, если хорошо и бережно будут везти. Расчет пускай ведет Войтех, если он едет с тобой. Подорожную возьми на три лошади, а плати везде за четыре — лучше везти будет. Береги себя и Настиньку; останавливайся ночевать, когда устанете. В Воронеже купи хорошего вина, чтоб дорогою подкреплять и себя, и Настиньку. Прощай, мой друг, будь здорова и поспешай к другу, который стосковался по тебе. У матушки поцелуй ручку, сестрицу также поцелуй, равно и братца Ивана Михайловича и поблагодари их за Настиньку. Матушке скажи, чтобы не тосковала. Бог даст, как возьмусь за ум, то все продам в Петербурге да навсегда перееду в Воронежскую губернию поближе к Подгорному. Прощай, да благословит тебя бог.

Твой друг *К. Рылеев*

Петербург. Апреля 30 дня 1825

Версты			Следует платить
Воронеж	25	За четыре лошади	5 р. — коп.
Животинное	17	«	3—40
Бестужевка	14	«	2—80
Хлевное	26	«	5—20
Задонск	19	«	3—80
Извалы	19	«	3—80
Елец	27	«	5—40
Пальна	22 ¹ / ₂	«	4—60
Николаевка	20	«	4
Гор. Ефремов	16	«	3—20
Большие плоты	27	«	5—40
Никитское	25	«	5
г. Богородицк	25	«	5
Дидолово	33	«	6—60
г. Тула	15	«	3
Волота	20	«	4
Вошаны	28	«	5—60
Ведменский завод	33	«	6—60
г. Серпухов	27	«	5—40
Лопасня	32	«	6—40
г. Подольск	30	«	13—20
г. Москва	26	«	8—32
Черная грязь	30	«	9—60
Солнечная гора	23	«	7—36
г. Клин	28	«	8—96
Завидово	25	«	8
Городня	30 ¹ / ₂	«	9—70
г. Тверь	30	«	9
Медное	33 ¹ / ₂	«	10—56
г. Торжок	38	«	12—16
Видропуск	33	«	10—56
г. Вышний Волочек	30	«	9—60
Хотилово	34	«	10—88
Едрово	22	«	7—04
Зимгорье	22	«	7—04
Яжелбцы	22	«	7—04
Рахино	16	«	5—12
г. Крестцы	31	«	9—92
Зайцево	27	«	8—64
Бронницы	35	«	11
г. Новгород	22	«	7—04
Подберезье	24	«	7—68
Спаская полисть	24	«	7—68
Чудово	25	«	8
Померанье	32	«	10—24
Тосна	24 ¹ / ₂	«	8
Ижора	33	«	13—02
Петербург			

〈Конец апреля 1825 г. Петербург〉

Письмо твое Бестужев получил *, но не успел отвечать: его услали в Москву провожать принца Оранского ¹. Может быть, он напишет тебе оттуда. — Здесь слышно, что Дельвиг уже у тебя: правда ли? В субботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и с братом твоим. Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелестны; особенно отрывки из Алкорана. Страшный суд ужасен! Стихи

И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет

превосходны ². После прочитаны были твои «Цыгане». Можешь себе представить, что делалось с Кюхельбекером. Что за прелестный человек этот Кюхельбекер. Как он любит тебя! *Как он молод и свеж!* ³ — «Цыган» слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подыскивался, чтобы привязаться к чему-нибудь, и нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и собирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом ⁴. Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачем? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина, затем, что желаю от него совершенства. Насчет слога, кроме небрежного начала, мне не нравится слово: рек. Кажется, оно несвойственно поэме; оно принадлежит исключительно лирическому слогу. Вот все, что я придумал. Ах, если бы ты ко мне был так же строг; как бы я был благодарен тебе. Прощай, обнимаю тебя, а ты обними Дельвига.

...не пишешь ни слова о «Полярной звезде».

...ли «Наливайко»? Прощай,

...милая Сирена

Твой *Рылеев*

* Письмо от 24 марта 1825 г., где, в частности, говорится: «Рылееву не пишу. Жду сперва «Войнаровского». Скажи ему, что в отношении мнения Байрона он прав. Я хотел было покривить душой, да не удалось... Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? мнение свое о его думам я сказал вслух и ясно, о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке — но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасюсь его не на шутку и жалею очень, что не застрелил, когда имел тому случай — да черт его знал. Жду с нетерпением «Войнаровского» и перешло ему все свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал — да более, более».

67. А. С. ПУШКИНУ

Дельвиг пересказал мне замечания твои о «Думах» и «Войнаровском». Хочется поспорить, особливо о последнем, но удерживаюсь до поры: жду мнения твоего на письме, и жду с нетерпением. Ты ни слова не говоришь о «Исповеди Наливайки», а я ею гораздо более доволен, нежели «Смертью Чигиринского старосты», которая так тебе понравилась¹. В «Исповеди» мысли, чувства, истины, словом, гораздо более дельного, чем в описании удальства Наливайки, хотя, наоборот, в удальстве более дела. Ты прав, опасаясь, что «Звездочка» отнимет у меня много времени. Петербург тошен для меня; он судит вдохновение: душа рвется в степи; там ей просторнее, там только могу я сделать что-либо достойное века нашего, но как бы назло железные обстоятельства приковывают меня к Петербургу. Ты обещаешь также поспорить с Бестужевым за обзорение, обещал прислать свое опровержение на Байрона и Бовля² — и, верно, все это отложишь в длинный ящик. Слышал от Дельвига и о следующих песнях «Онегина», но по изустным рассказам судить не могу. Как велик Байрон в следующих песнях «Дон-Жуана»! Сколько поразительных идей, какие чувства, какие краски. Тут Байрон вознесся до невероятной степени: он стал тут и выше пороков, и выше добродетелей. Пушкин, ты приобрел уже в России пальму первенства: один Державин только еще борется с тобою, но еще два, много три года усилий, и ты опередишь его: тебя ждет завидное поприще: ты можешь быть нашим Байроном, но ради бога, ради Христа, ради твоего любезного Магомета³, не подражай ему. Твое огромное дарование, твоя пылкая душа могут вознести тебя до Байрона, оставив Пушкиным. Если б ты знал, как я люблю, как я ценю твое дарование. Прощай, чудотворец.

Рылеев

Мая 12 дня
1825

Бестужев еще в Москве.

68. А. С. ПУШКИНУ

〈Первая половина июня 1825 г. Петербург〉

Благодарю тебя, милый чародей, за твои прямодушные замечания на «Войнаровского». Ты во многом прав совершенно; особенно говоря о Миллере. Он точно истукан.

Это важная ошибка; она вовлекла меня и в другие. Вложив в него верноподданнические филиппики за нашего Великого Петра, я бы не имел надобности прибегать к хитростям и говорить за «Войнаровского» для Бирукова. Впрочем, поправлять не намерен; это ужасно несносно для такого лентяя, как я, лучше написать что-нибудь новое. О «Думах» я уже сказал тебе свое мнение. Бестужев собирается отвечать тебе, и правда, ему есть об чем поспорить с тобой касательно мнений твоих об его обозрении*. Главная ошибка твоя состоит в том, что ты и ободрение и покровительство принимаешь за одно и то же. Что ободрение необходимо не только для таланта, но даже для гения, я твердил Бестужеву еще до получения твоего письма; но какое ободрение. Полагаю, что характер и обстоятельства определяют его. Может быть, Гомер сочинял свои рапсодии из куска хлеба; Байрона подстрекало гонение и вражда с родиной. Тасса любовь, Петрарка также; иначе быть и не может, и покровительство в состоянии оперить, но думаю, что оно скорей может действовать отрицательно. Сила душевная слабеет при дворах, и гений чахнет; все дело добрых правительств состоит в том, чтобы не стеснять гения; пусть он производит свободно все, что внушает ему вдохновение. Тогда не надобно ни пенсий, ни орденов, ни ключей камергерских; тогда он не будет без денег, следовательно, без пропитания; он тогда будет обеспечен. Гений же немного и требует в жизни. Тогда потерпят, быть может, только одни самозванцы гении. Прощай, гений.

Твой *Рылеев*

Еще обнимаю тебя за твои примечания. «Войнаровского» вышлю с следующей почтой.

Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу

* В письме к А. Бестужеву (конец мая — начало июня 1825 г.) Пушкин возражал на его статью в ПЗ: «Одобрения у нас нет — и слава богу!.. ты не то сказал, что хотел; я буду за тебя говорить. Так! мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы... Иностранцы нам изумляются — они отдают нам полную справедливость — не понимая, как это сделалось. Причина ясна. У нас писатели взяты из высшего класса общества — аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою — а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, — дьявольская разница!»

маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным. Ты сам по себе молодец.

69. А. А. ДЕЛЬВИГУ

Потомку тевтонов, сладостно поющему на русский лад и мило на лад древних греков, не Поэт, а Гражданин¹ желает здоровья, благоденствия и силы духа, лень поборающей! — Вместе с сим уведомляет он о получении 500 р. этой прозаической потребности, без которой и Поэта, и Гражданина мучит только тогда, когда нечего есть. Сего со мною не было, и потому Гражд(анин) Рылеев не помнил о долге Поэта — Баратынского.

⟨Петербург⟩ 5 окт ⟨ября 1825⟩

70. А. С. ПУШКИНУ

⟨Около 20 ноября 1825 г. Петербург⟩

Извини, милый Пушкин, что долго не отвечал тебе; разные неприятные обстоятельства, то свои, то чужие, были тому причиною. Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлетним дворянством*; но несправедливо. Справедливость должна быть основанием и действий, и самых желаний наших. Преимуществ гражданских не должно существовать, да они для Поэта Пушкина ничему и не служат ни в зале невежды, ни в зале знатного подлеца, не умеющего ценить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдывает тебя, точно так, как она не в состоянии уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску с камердинером знатного барина. Чванство дворянством непростительно, особенно тебе. На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин. — Мы опять собираемся с «Полярною»¹. Она будет последняя; так, по крайней мере, мы решились. Желаем распротиться

* В июне — авг. 1825 г. Пушкин писал Рылееву: «Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (№, мое дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей (...). Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия... Там есть нечего, так пиши книгу, а у нас есть нечего, служи, да не сочиняй. Милый мой, ты поэт и я поэт — но я сужу более прозаически и чуть ли от этого не прав».

с публикою хорошо и потому просим тебя подарить нас чем-нибудь подобным твоему последнему нам подарку. — Тут об тебе бог весть какие слухи: успокой друзей своих хотя несколькими строчками. Прощай, будь здоров и благоденствуй.

Твой *Рылеев*

На днях будет напечатана в «Сыне отечества» моя статья о поэзии²; желаю узнать об ней твои мысли.

71. ЖЕНЕ

Уведомляю тебя, друг мой, что я здоров. Ради бога, будь покойна. Государь милостив. Положись на бога и молись. Настиньку благословляю. Уведомь меня о своем и ее здоровье.

Твой друг *К. Рылеев*

19 декабря 1825

72. ЖЕНЕ

Милосердие государя и поступок его с тобою потрясли душу мою. Ты просишь, чтобы я наставил тебя, как благодарить его. Молись, мой друг, да будет он иметь в своих приближенных друзей нашего любезного отечества и да осчастливит он Россию своим царствованием. Ты пишешь, что ты не так здорова. Ради бога, береги себя. Положись на всевышнего и на милосердие государя и укрепи себя. Настиньку поцелуй и благослови за меня. Сего дни день ее именин: поздравь ее. За белье благодарю тебя; чрез неделю пришли опять. Я, благодаря бога, здоров. Беспokoюсь о тебе. Ради самого создателя, береги себя. Уведомляй меня о себе и о Настиньке; также о родных наших. Успокой матушку свою и сестрицу и засвидетельствуй им мое почтение. Вере Сергеевне мое душевное почтение. Попроси ее, чтобы она тебя навещала чаще. В твоем горе ее советы могут быть для тебя полезны; тебя же, мой друг, прошу простить меня, чувствую, как ужасно я огорчил тебя.

Твой друг *К. Рылеев*

23 декабря 1825

С бельем не забудь прислать фуфайку*.

* В письме от 21 дек. Н. М. Рылеева сообщала: «Император прислал твою записку и вслед за тем 2000 р. и позволение посылать тебе белье» (Соч., 1872. С. 292).

Ради бога, не унывай, мой добрый друг; без воли всемогущего ничего не делается; я здоров; береги свое здоровье — оно нужно для нашей малютки. Молись богу за императорский дом. Я мог заблудиться, могу и вперед, но быть неблагодарным не могу. Милости, оказанные нам государем и императрицею, глубоко врезались в сердце мое. Что бы со мной ни было: буду жить и умру для них. Быть может, скоро позволят мне увидиться с тобою; тогда привези и Настиньку. Впрочем, если она думает, что я в Москве, то не лучше ли будет оставить ее в сих мыслях. Сделай, как найдешь лучше. Благодарю за меня почтеннейшую Прасковью Васильевну, за то, что она тебя не оставляет. Истинные друзья узнаются в несчастии. Скажи ей, что моя благодарность к ней вечна. Бог видит сердце мое. Здорова ли Катерина Ивановна и ее семейство. Засвидетельствуй ей мое почтение. Сестрицу благодари и кланяйся. Настиньку обойми; тебе должно беречь себя. От твоего спокойствия зависит мое. Положись на всемогущего: он благ, государь милосерд.

Твой друг *К. Рылеев* *

Декабря 28 дня, 1825

* На письме жены от 26 дек. рукою Рылеева помечено: «Катер(ине) Ив(ановне) Малютиной 200. Булдакову 3500. Компании 3000. За деревню в ломбард 8000 (каждый год с 2 июля 700 или 800 р.). За серебро 2200. Разным лицам 1000. Всего 19 700.— На Пушине около 1500 р. Он оставил об том письмо отцу своему, сенатору. У Петра Александровича Муханова надо будет спросить: кому он поручил дом в Киеве; за ним по моему счету еще 2000 р.; 5 тыс. он переслал ко мне в разное время чрез Пушина. За Оржицким 200 р. За Миллером 100 р. В Военной типографии до 200 экз. «Полярной звезды на 1825 год». У Сленина 100 экз. «Дум» и «Войнаровского».— В бюро: крепости и 10 акций Российско-Американской компании. На Ф. П. Миллере 100 р.

Приписные к деревне 1 чел. Прокофьева и 1 чел. Неймана.— Мишка и Олимпиада должны быть вольные: они имеют на то право, и это желание покойной матушки.

О киевском доме надо писать к надворному советнику Ивану Семеновичу Зубковскому или статскому советнику Матвею Васильевичу Могиланскому. Документы на дом сей и план потеряны Ф. П. Миллером. В Киеве еще в Главном суде есть вексель на 100 р. за каретником Книппе. Дом и вексель сей, на который в десять летросло еще 1000 р., я дарю Анне Федоровне. Жалею, что больше не могу. Я сам получил из Киева вместо 10 000 только 5 000 р. по милости Муханова. Дом может она сейчас продать, а о деньгах надо похлопотать и просить кн. Александра Сергеевича Голицына, чтобы он дал от себя свидетельство, что он от иска на покойном батюшке отказывается: подобные свидетельства от 6-ти братьев уже получил» (Соч., 1872, С. 295).

74. ЖЕНЕ

Из письма твоего вижу, мой милый друг, как ты страдаешь. Прошу тебя, ради создателя, не изнурай себя горестью. Вспомни, что у тебя дочь. Покорись воле всемогущего и уповай на благость его святую. Старайся устроить хозяйственные дела наши; все бумаги и документы лежат в бюро. Счеты по опекунству над детьми Катерины Ивановны там же. Их надо сохранить для отчета. Марье Федоровне и Николаю Ивановичу мое душевное почтение и благодарность. Я прошу их навещать тебя. Катерине Ивановне и всему семейству пожелай всякого благополучия и здоровья. Почтеннейшей Прасковье Васильевне мое почтение. Увидеться с тобою надеюсь скоро. Государь обещал. На счет мой будь покойна. Повторяю: от твоего спокойствия зависит мое. Обнимаю тебя и Настиньку; поцелуй ее за меня. Я здоров.

Твой друг *К. Рылеев*

Генваря 4 дня 1826

На обороте:

Ради бога, уведоми меня откровенно о своем здоровье; не обманывай меня; я не могу поверить, чтобы ты была здорова. О Настиньке также. Если Настинька захворает, то, пожалуйста, возьми опять Зеланда; а если ты — Сальмона. Повторяю, что твоя обязанность беречь себя — и молиться богу. Матушку свою старайся приготовить к горестному известию обо мне. Прежде напиши, что я нездоров.

75. ЖЕНЕ

Очень рад, мой друг, что ты подкрепляешь себя верою. Ты всегда была добрая христианка: бог тебя не оставит в горе твоем. Жди решительной минуты с надеждою на благость всемогущего и милосердие государя. Думаю, что минута сия недалека. Ты беспокоишься о моем здоровье; напрасно. Уверяю тебя, что я совершенно здоров, хотя, правда, несколько дней и был немного болен, но это было следствием прежней простуды. Я не нахожу слов для изъявления душевной моей благодарности почтеннейшей Прасковье Васильевне: вижу, что она у тебя беспрестанно. Бог воздаст ей за то. Почтеннейшей Авдотье Петровне мое почтение. Равно Ивану Васильевичу. Чувствую, как он

и прочие гг. директора вправе негодовать на меня. Вино-
ват. Бог видит душу мою. Настиньку поцелуй и благослови.
Скажи, чтобы она у Прасковьи Васильевны и у Авдотьи
Петровны поцеловала ручки за то, что не оставляют ее
и маминьку. Белья пришли мне полную перемену, да сверх
того два белых шейных платка, да два колпака. Прощай,
мой друг.

Твой *Кондратий Рылеев*

14 Генваря 1826

76. ЖЕНЕ

Ты напрасно беспокоишься, мой милый друг, о моем
здоровье. Я истинно здоров, и не стану обманывать тебя.
Я уже писал тебе, что я был несколько болен прежде, но это
было следствие прежней простуды: теперь же — я совер-
шенно оправился. Беспокоюсь только о тебе; боюсь, чтобы
ты в своем горе не впала в какую-нибудь болезнь; ты и без
того так часто страдала грудью. Ради бога, береги себя,
друг мой. Я это пишу к тебе во всяком письме и все боюсь,
что ты просьбы моей не исполняешь. Пожалуйста, уведомя
меня подробно о состоянии своего здоровья и кто тебя
лечит. Также о Настиньке. Белья больше мне не нужно,
а пришли мне, пожалуйста, все 11 томов Карамзина Исто-
рии¹; но не те, которые испорчены наводнением, а лучшие:
они, кажется, стоят в большом шкапу; да прикажи также
приискать в книжных лавках книгу: О подражании Христу,
переводу М. М. Сперанского².—

Из того, что я не писал к тебе в последнем письме
о нашем свидании, которое мне обещано, ты заключила,
что я должен быть болен. Я и теперь больше ничего не могу
тебе написать касательно сего, как только то, что я наде-
юсь скоро увидеться с тобой; тогда ты увидишь, что я точно
здоров; а до того пиши ко мне и пришли книги. Всем род-
ным, и особенно Прасковье Васильевне, мое почтение.
Настиньку обнимаю.

Твой друг *К. Рылеев*

21 Генваря 1826

77. ЖЕНЕ

Последнее письмо твое меня много успокоило насчет
твоего здоровья; ради бога, не расстройвай его скорбью:
мать нужнее дочери, нежели отец. Положись на Создате-

ля; Он знает, что делает. Благодарю тебя за твои письма, мой милый друг. Можешь представить себе, какое удовольствие доставляют они мне. Пожалуйста, уведомляй меня подробнее о Настиньке. Благодарю тебя также за присланную книгу: Она питает меня теперь. Советую тебе снова прочесть ее: в час скорби она научает внятнее и высокие истины ее тогда доступнее. Родным и знакомым нашим мое почтение скажи. Я, благодаря бога, здоров. Настиньку поцелуй и благослови.

Твой *Кондратий Рылеев*

Февр⟨аля⟩ 5. 1826

Я просил тебя прислать Карамзина Историю; ты, верно, позабыла. Пожалуйста, пришли.

78. ЖЕНЕ

Ты пишешь мне, милый друг, что ты мучилась, долго не получая от меня ответа на последнее твое письмо. Верю, друг мой: но надобно иметь более твердости и надежды на Создателя. Если сердце твое с надеждою обращается к Нему, как пишешь ты, то не унывай и будь уверена, что Он ни тебя, ни малютки нашей не оставит и все устроит к лучшему. Я совершенно предался его святой воле и с тех пор совершенно успокоился, как в рассуждении тебя с Настинькой, так и насчет участи, какую предназначит мне милосердие Государя. Тебе то же надо сделать. Я, благодаря Бога, здоров. Поцелуй Настиньку и скажи, чтобы она училась прилежнее. Родным и знакомым засвидетельствуй мое почтение, особенно же Прасковье Васильевне. Что бедная Прасковья Михайловна и дочери ее? Как переносят они горе свое? —

Твой *Кондратий Рылеев* *

Февраля 15. 1826

* На обороте ответного письма жены от 20 февр. рукою Рылеева начерно написано: «Полагая необходимым привести в устройство дела свои и будучи не в состоянии сам заняться тем, прошу тебя принять в полное свое распоряжение как имение мое, состоящее С.-Петербургской губернии, Софийского уезда в деревне Батове, так равно и дом, находящийся в Киеве, и десять акций Российско-Американской компании, мне

Ты, я думаю, мой друг, чрезвычайно беспокоилась, так долго не получая от меня известия, но напрасно: я здоров и с дня на день более и более успокоиваюсь, возлагая всю мою надежду на Создателя. Поверь, мой друг, что самое несчастье мое принесло мне уже важные пользы. Пробыв три месяца один с самим собою, я узнал себя лучше, я рассмотрел всю жизнь свою — и ясно увидел, что я во многом заблуждался¹. Что бы со мной ни было, я столько не утрачу, сколько приобрел от моего злополучия. Благодарю каждый день за то Всевышнего и жалею об одном только, что уже более не могу быть полезным моему отечеству и Государю². Ради бога, мой милый друг, и ты имей более твердости и надежды на благодать творца. Я знаю твою душу и совершенно уверен, что он ни тебя, ни малютки нашей не оставит без своего покровительства. Надейся также и на милосердие государя, и молись богу не за одного меня, но за всех, кто пострадал вместе со мною³: многие из них истинно достойны милосердия Царского и заслуживают лучшей участи. Скажи мое истинное почтение Праксисе Васильевне. Благодарю ее душевно, что она тебя в твоём горе не оставляет. Да воздаст ей за то Бог. Дай бог, чтобы это письмо застало Веру Сергеевну уже здоровою. Здорова ли Катерина Ивановна с семейством, а равно Николай Иванович и Марья Федоровна. Уведомь меня о себе и о Настиньке. Не тоскует ли она. Прощай, мой милый друг; да ниспошлет тебе господь спокойствие и твердость.

Твой К. Рылеев

Прощай, мой друг *
Марта 11 дня 1826

принадлежащие, с правом все упомянутое имущество мое или по твоему усмотрению какую-либо часть из оногo в случае надобности продать, для уплаты долгов моих разным лицам. Равномерно прошу тебя принять на себя ходатайство по производящемуся в Киевском главном суде делу покойного родителя моего, подполковника Федора Андреевича Рылеева с кн. Александром Сергеевичем Голицыным и по всем сим делам или по каким-либо могущим встретиться подавать от имени моего прошения и за меня подписываться, и что ты по оным ни сделаешь или тот, кого ты уполномочишь, я спорить и прекословить не буду. В чем я тебе верю».

* Угол листа отрезан.

80. ЖЕНЕ

(Между 17 и 20 марта 1826 г.)

Прости меня великодушно, мой милый друг, я иногда бог знает что пишу к тебе, чтобы только тебя успокоить: могу ли быть покоен, когда ты и несчастная наша малютка беспрестанно пред моими глазами. Мой милый друг, я жестоко виноват пред тобой и ею: простите меня, ради Спасителя, Которому я каждый день вас поручаю: признаюсь тебе откровенно, только во время молитвы и бываю я покоен за вас; Бог правосуден и милосерд, он вас не оставит, наказывая меня. Тебе должно беречь себя: ты мать. К тому ж, повторяю, что писал к тебе прежде: что от твоего спокойствия зависит и мое. О свидании нашем опять не могу тебе более ничего сказать, как только: надейся и моли Бога. Ежели же эту милость нам окажут, то обдумай хорошенько, брать ли с собой Настиньку. Лучше откажусь от сладкого утешения видеть ее, если она от свидания со мною расстроит свое здоровье; она так слаба. Матушке твоей и сестрице мое душевное почтение; также всем здешним родным и знакомым, и особенно Прасковье Васильевне. Прощай, мой друг: да будет над тобой и нашей малюткою Божие благословение.

Твой друг *К. Рылеев*

Тот образ, которым благословила нас матушка на смертном одре, пришли, пожалуйста, ко мне. Те же пять живописных Образов, которые обещаны мною в Подгоренскую церковь, вели привезти бережно из деревни и отшли к матушке своей. В таком случае их надо будет снять с рамок и накатать на палку. Ты посоветуйся об этом. Образа не нужно ли будет поновить,—спроси Ивана Васильевича.

81. ЖЕНЕ

Марта 27 дня 1826

Ты знаешь, мой друг, что для уплаты долгов покойной матушки я должен был заложить деревню. Я надеялся, что при хорошем жалованье, которое получал я, и при трудах уплата каждогоднего взноса в Ломбард не будет нам

тягостна. В теперешних же обстоятельствах боюсь, чтобы долг сей тебя не обременил. К тому же за деревней нужен личный присмотр, а тебе и родство, и собственное хозяйство не позволит остаться в Петербурге, а потому и полагаю я необходимою деревню продать и, уплатив долги, остальную сумму положить в банк, дабы процентами с оной ты могла воспитать нашу малютку и помогать себе. Марья Федотовна Данаурова давно имеет желание купить деревню нашу: она для нее и необходима, находясь в середине ее имений. Дядя Пелагеи Моисеевны Посников также хотел купить ее и, как мне сказывали, еще при матушке предлагал за оную 50 000 р., но я полагаю, мой друг, что деревни с подобными удобствами и так близкой от Столицы за сию цену отдать нельзя. Если же Данаурова или Посников согласятся дать 60 000 р., то отдай. Когда ж примут они на себя Ломбардный долг, то придется получить 52 000 р.¹ Дай им об этом знать, а я между тем буду просить разрешения выдать тебе полную доверенность. Ты мать — и, верно, лучше каждого будешь заботиться о судьбе своей дочери. Между тем не позабудь, что 2-го июля должно будет внести в Ломбард около 700 р. Об этом отнесись в Ломбарде к чиновнику Уткину: он всегда мне услуживал. В деревне прикажи овес и сено продать. Серебро, отобрав, которое найдешь нужным, также можно будет продать. Долг мой Компании проси Ивана Васильевича и прочих гг. Директоров простить мне: когда не по заслугам, так хоть по теперешним моим обстоятельствам; взыскание оно не так мне, как семейству моему будет тягостно. Михаилу Матвеевичу Булдакову можно будет возратить купленные мною у него Акции; но об этом посоветуйся с Иваном Васильевичем; теперь цена на Акции повысилась; притом скоро и прибыли будут раздаваться. О других делах напишу в следующем письме. До того да будет с тобою и крошкою нашею благословение Создателя и да подкрепит он тебя. Прощай.

Твой друг *К. Рылеев*

Я, благодаря Бога, здоров. Мой поклон всем *.

* В черновике далее следовало: «Что со мною ни будет, мне ничего не нужно. Я заслужил во всяком случае нищету и всякое страдание. Притом же я один, а ты с малюткой» (на этих словах черновик кончался). Вполне очевидно, что эти слова написаны для успокоения жены, сам же он не сомневался в смертном приговоре.

Апреля 13 дня 1826

Мне позволили, мой друг, выдать тебе доверенность, и ты скоро ее получишь, если уже не получила¹; я тебя уполномочил во всем: дай Бог, чтобы ты все устроила благополучно. Анне Федоровне я отдаю дом Киевский и вексель на иностранца Книппе, по которому теперь считается за ним 2000 р. Вексель сей находится в Киевском главном суде по делу с Князем Александром Сергеевичем Голицыным, которого надо будет Анне Федоровне просить, чтоб он выдал ей на мое имя акт (на трехрублевом листе), что он от иску на покойного родителя моего отказывается за себя и за наследников своих. Он в этом не откажет, ибо все другие братья его подобные акты мне выдали; его же я сам не успел просить. Чтоб однажды навсегда кончить с А. Ф., ты покажи ей это письмо и, ей ли самой или кому она доверит, выдай доверенность как на ходатайство по делу с князем Голицыным, так и на продажу дома, если она рассудит его продать, и пусть она делает сама, как хочет; тебе же не следует в это мешаться. Крепость на дом и план потеряны Ф. П. Миллером, но это не помешает, ибо дом написан на имя Орловского, который заявил об этом в суде. Я советую Анне Федоровне поговорить об этом с Александром Яковлевичем Перреном; может быть, он имеет в Киеве знакомых, которым может поручить продажу дома. Также пусть она напишет в Киев к Статскому Советнику Матвею Васильевичу Могилянскому и Надворному Советнику Ивану Семеновичу Зубковскому и посоветуется с ними. Более я ничего не могу сделать для нее: я сам получил вместо 10 000 только 5 000 р. по милости Муханова. О долге моем Катерине Ивановне теперь я не могу ничего сказать, и потому пришли мне записку мою из бумаг по опеке, в которой я отмечал, кому сколько мною заплачено было долгов покойного Петра Федоровича. Скажи Катерине Ивановне, чтобы она не беспокоилась, что ей все будет отдано с процентами. Портному Яуцхе отдай теперь же 571 р., а 295 тогда, когда узнаешь, что Каховский не в состоянии заплатить, ибо я поручился за него. При отдаче возьми расписку. Деревню поручи Якову и вели ему все принять от Кондратия, а то он наделает пакостей без меня. Сено продай за то, что дают. Уведомь, был ли ответ от Данауровой и уведомила ли ты Посникова о деревне. Попроси Петра Петровича Миллера, чтобы он сказал

о продаже ее своим соседям. Я, благодаря бога, здоров, и на прошедшей неделе удостоился приобщиться святых тайн. Это много меня успокоило; прости меня и ты, как простил меня создатель; я много виноват пред семейством своим. Поцелуй Настиньку и засвидетельствуй мое истинное почтение Прасковье Васильевне; также родным и знакомым. Да поможет тебе создатель и да подкрепит тебя.

Твой друг *К. Рылеев*

О человеке Ивана Васильевича посоветуйся с ним. Также о поверенном.

83. ЖЕНЕ

Христос Воскрес!

Поздравляю тебя, мой милый друг, с наступившим праздником. Молю Создателя, да ниспошлет он тебе твердость и силы к перенесению тех бедствий, которые я причинил моему семейству. Я, благодаря бога, здоров; что-то ты и наша малютка. Поздравь ее от меня с праздником и поцелуй. Также всех родных и знакомых. О деревне припечатай в газетах: попроси об этом Крестьяна Ивановича. Да не забудь упомянуть, что кроме 700 десятин земли, показанных на плане, при деревне 200 десятин строевого лесу особняком, на который плана не взято из Сенату. Ты пишешь, что Дирин дает 40 000 р., но не уведомляешь, всего ли дает столько или сверх того берет на себя и уплату ломбардного долга. Я долго обдумывал и полагаю, что в этом положении деревню непременно надобно будет продать, хотя с убытком; и потому думаю, что в крайности надобно будет решиться отдать ее за 50 000 или с переводом долга в Ломбард за 42 000. В газетах цены не надо выставлять. Акции мои лежат в бюро в верхнем ящике с левой стороны; там же крепость на деревню и другие разные документы. Узнай, когда будут раздаваться прибыли на Акции и по сколько, тогда можно будет сообразить, чего они стоят. Думы и Войнаровского отдай Ивану Васильевичу Сленину на комиссию; у него еще прежних 100 экземпляров Дум.

Пушин (Иван Иванович) остался мне должен около полуторы тысячи рублей, о чем и отец его извещен. Имей это в виду, но сама не посылай за долгом. Пришлют, хорошо; нет — что делать? К тому ж я давал Пушину как другу

и не напоминал о том и прежде, а теперь напомнить грешно. Другие долги небольшие за генеральшей Палицыной и за Миллером тебе известны. При случае напомнишь. Попроси Катерину Ивановну, чтобы она дала тебе записку, сколько и когда она и дети ее от меня получали, равно кому сколько заплатил я кредиторам ее. Матушку свою, сестрицу и братьев поздравь с праздником от меня. Прощай, мой друг. Да будет с тобою Бог.

Твой друг *К. Рылеев*

Апреля 20 д⟨ня⟩ 1826

84. ЖЕНЕ

Мая 6 дня 1826

В бумагах опекунских находится, мой друг, несколько счетов, по которым я платил долги покойного Петра Федоровича. Потрудись, пожалуйста, и сделай из них краткую выписку. Многого я не могу припомнить, и потому очень бы хотел увидеться с тобою. Уведомь меня, припечатала ли ты в газетах о продаже деревни и есть ли кроме Дирина другие покупщики, а также и об Акциях, если узнала, когда будут выдавать на них прибыли и по сколько. Не присылала ли также опять Данаурова. С А⟨нной⟩ Ф⟨едоровной⟩ постарайся поскорей кончить, чтобы и меня, и себя успокоить. Уведомь меня, знает ли твоя матушка о нашем положении. Если знает отчасти, то предупреди ее лучше заранее и напиши обо всем, что сделал для нас Государь, чтоб она не отчаивалась. Как я пред всеми вами виноват. Здорова ли ты с Настинькою. Я, благодаря Бога, здоров. Скажи мое почтение всем нашим родным и знакомым, и особенно почтеннейшей Прасковье Васильевне.

Твой друг *К. Рылеев*

85. ЖЕНЕ

Акции мой друг, отдай в Компанию на тех условиях, как предложили Господа Директоры, и скажи им, что я принимаю это за благодеяние и душевно благодарю их. Проси их, чтобы они простили меня: я виноват пред ними много. К М. М. Булдакову напиши об долге моем и о том, что онъ взялись уплатить гг. Директоры. Благодарю и его от

меня за его одолжение и ласки. Деревню продать уполномочиваю тебя совершенно за какую цену хочешь; но советую немного еще повременить. Не найдутся ли покупщики более совестные. Я уверен, что и Данаурова тысяч пять прибавит еще. Впрочем, мой друг, как ты найдешь лучшим, так и распоряжайся. Мне ничего не нужно. От А<нны> Ф<едоровны> не ожидал я таких поступков, как дурно ни думал о ней. Но Бог с нею. Спроси ее последний раз письменно: берет ли она то, что я назначил ей и на тех условиях, какие предложил. Если нет, то проси, чтобы она тебя уведомила, чтобы сообщить о том мне. Причем поясни ей, что мне хлопотать уже нельзя для нее, а тебе и со своими делами дай Бог управиться, да и я не желаю, чтобы ты вмешивалась в ее дела. Напомни ей от меня, что я ничем не обязан устраивать участь ее, что она не имеет никакого права делать какие-либо требования, а что если я назначаю ей дом и прочее из имения покойного батюшки, то делаю это по собственной моей воле. Ее же воля: принять или нет. Из имения же матушки я не вправе ей дать и копейки, потому что у меня есть дочь. При сем прилагаю расход денег по опеке в 1823 году. Тут выставил я настоящие суммы, мною выданные и заплаченные разным лицам по актам, справедливость которых и Катерина Ивановна, и я признали. Сюда не вместил я только 200 ру<блей> по счету за разные вещи, ибо не помню, всю ли сумму заплатил, и потому показал половину я или часть только, засим остается за мною около четырех тысяч рублей; считая и проценты тут же. Расход покажи Катерине Ивановне и М<ихаилу> Петровичу и проси подписать. Пусть также подает она от себя в Надворный Суд просьбу о снятии запрещения с моего имения и что она всю ответственность берет на себя. После чего и отдай ей упомянутые четыре тысячи рублей при продаже имения. В противном же случае деньги надо будет при продаже имения внести в суд, и расход денег со всеми счетами, по коим мы платим, представить в опеку за ее и мою подписями. Прилагаемую записку о расходе денег вели переписать и отвезти Катерине Ивановне, а настоящую моей руки со всеми счетами сохрани у себя до окончания дела с опекою. Смирдину вели сказать, чтобы дал записку, какие книги требует он, и пришли ее ко мне, много у Петрова, пошли взять. Настиньку за приписку целую. Скажи ей: «умница», обойми ее. Прощай, мой друг, будь здорова и уповай на Всевышнего. Мое почтение всем родным и знакомым.

Твой друг *К. Рылеев*

Еще не внес я счет в 599 р. купца Дюкло, которого также не помню, 4000 р. показал за долгу, считая по 10 процентов, чтобы не жаловались. Мы благодетельствованы покойником.

Счеты возвращаю.

13 мая 1826

86. ЖЕНЕ

Мая 24 дня 1826

Хорошо сделала, мой милый друг, что побывала в деревне, но Кондратия напрасно оставила старостою. Теперь особенно надо за ним присматривать. Юнихе, кроме 250 р., мы ничего не должны. В противном случае матушка не забыла бы записать, да и сама она вдруг бы по смерти матушки о том меня уведомила. Это должны быть плутни сына ее и Кондратия, как это уже и было раз. С нетерпением жду уведомления о деревне и чем ты кончила с Веселковым. Авось-либо хотя в нем пошлет Бог покупателя совестного. Посылала ли ты к П. П. Миллеру? Он может найти покупателей. Попроси его. Лошадей продай. Я прежде полагал, чтобы отправить на них некоторые вещи в Подгорную при отъезде твоём туда, но его можно будет сделать и на наемных. Не сердись на меня за то, что я сказал: мне ничего не нужно. Я пишу тебе то, что мне внушают чувства, и ты никогда не думай, чтобы я согласился и допустил тебя разделять со мною участь мою. Ты не должна забывать, что ты мать. Впрочем, мой друг, надейся на благость Божию и милосердие Государя. Как ни велико преступление мое, но по сию пору обращаются со мною не как с преступником, а как с несчастным, и потому не предавайся отчаянию. У Бога все возможно, и все, что ни творит Он, все творит к лучшему. Молись ему вместе с малюткою нашею, и что бы ни постигло меня, прими все с твердостью и покорностью его святой воле.

Настиньку целую за приписку *. Вчера ей минуло шесть лет. Мне ни разу не довелось дня этого провести с нею. Молю бога, да устроит он ее судьбу и здесь, и там. Засвиде-

* На письмах жены от 8—18 мая рукою дочери Рыльева написано: «Миленький папочка, целую ручку», «Любезный папилька, целую вашу ручку, приезжайте поскорей, я по вас соскучилась, поедете к бабиньке».

тельствуи мое почтение Прасковье Васильевне. Благодарю ее душевно, что не покидает тебя и была с тобою в деревне. Воображаю, как она плакала над гробом друга своего.

Мне бы желалось, мой друг, чтобы ты, устроившись, положила в банк рублей сто и билет отдала в Рождественскую церковь с тем, чтобы за проценты на него тамошний священник ежегодно отслуживал 2-го июня панихиду на гробе матушки, когда и нас не будет. Здорова ли Катерина Ивановна и ее семейство, а также Прасковья Михайловна с дочерьми. Давно ли ты была у них? Всем и родным, и знакомым мое почтение. Да будет над тобою благословение божие.

Твой друг *К. Рылеев*

От Смирдина потребуй записку, какие книги считает он на мне, и скажи ему, что эту записку ты пошлешь ко мне.

87. ЖЕНЕ

Мая 27 1826

Я писал тебе, что в крайности можно деревню уступить и за сорок пять тысяч; разумеется, в таком случае — расходы покупателя. Впрочем, мой друг, делай, как найдешь лучшим или как заставят обстоятельства. Делать нечего. Одного меня должно винить во всем. Надо однако ж подождать решительного ответа от Веселкова. Очень рад и благодарю Бога, что А⟨нна⟩ Ф⟨едоровна⟩ одумалась и что ты скоро кончишь с нею. Книги к Смирдину, на которых были номера его лавки, ты напрасно отослала. Многие у него куплены с номерами. Уведомь меня, сколько книг и на какую сумму ты отослала ему. Боюсь, чтоб ты не отослала лучшие книги, которые могли бы пригодиться и Настиньке со временем. Книг Смирдина, кроме бывших у Петрова, у меня не много было.

Сколько расходов будет при совершении купчей, не знаю, но также полагаю, что не менее 2500 р. В таком случае, и если Данаурова кроме расходов возьмет на себя и ломбардный долг, то можно будет отдать деревню на 36 000 р. Но это только мнение мое. Ты себя не связывай им, а делай, как почтешь полезнейшим. Не забудь, что по 2 июля надо внести в ломбард около 700 р. Пошли об этом справиться в ломбарде к чиновнику Уткину. Он не доставил еще и квитанции за прошлогодний взнос. Что ты не

уведомишь меня: довольна ли Катерина Ивановна моим распоряжением. За крестьянами 400 р. Сколько кому и когда дано, ты найдешь в записной книге. Половину долга прости им, а другую половину пусть Кондратий соберет с них, и отдай их ему же в награду. Ему же отдай и все вещи в деревне, которые оставишь. Всем родным и знакомым скажи мое почтение. Я, благодаря Бога, здоров, и молю Его, да ниспошлет Он на тебя и Настиньку свое благословение. Матушку и сестрицу душевно благодарю. Давно ли писал к тебе Алексей Михайлович и каково его здоровье?

Твой друг *К. Рылеев*

Прасковья Михайловна здорова ли с семейством? Благодарю тебя, друг мой, за памятник Сашиньке.

88. ЖЕНЕ

Июня 21 дня 1826

После свидания нашего я не мог к тебе писать скоро; я был сильно расстроен¹ и свиданием, и милосердием великодушного Государя; но теперь, успокоившись, спешу отвечать на последнее письмо твое.

Я предугадывал, что с нею не обойдется без неприятностей и что наше несчастье подаст ей случай свою ненависть к нам обнаруживать явно. Но ты, мой милый друг, ради бога, этим не тревожься. Бог видит все и не даст тебя в обиду. Скажи своему поверенному, что два билета принадлежащие детям покойного П(етра) Ф(едоровича) находились в Надворном Суде в обеспечение иска Лемке на покойном, и как дело сие завязалось надолго, что упомянутые билеты по желанию К(атерины) И(вановны) выданы, один ей, а другой мне с наложением запрещения на ее и мое имение. Деньги по моему билету употреблены на уплату долгов покойника, признанных и ею, и мною за справедливые; причем кредиторы по моему настоянию и стараниями сделали важные уступки. Остальная сумма, в 4 тысячах состоящая, включая в то число и проценты, должна быть представлена обратно в Надв(орный) Суд при совершении купчей. Счеты долговые и мою записку о расходе денег ты уже имеешь у себя. Другой билет находится у К. И., проценты с суммы сей, как и с той, которая находится в ведомстве Опекы, она употребляла на домашний расход. Оброк

с людей получала сама, а следовательно, сама и должна подать во всем этом отчет. Если бы даже она истратила и все 6000 р. с процентами по билету, ей отданному, то и то не беда. За это отвечает дом ее. А потому и не думаю, дабы что-либо могло попрепятствовать совершению купчей. Да если бы и случились какие препятствия, то ты можешь отвратить их, сделав при совершении купчей денежное обеспечение, какие опека или Надвор(ный) Суд признает нужным, и потом весть дело с нею судебным порядком.

Дней через десять пошли к Данауровой сказать решительно, что ты деревню уступаешь за 36 000, с тем чтобы она взяла на себя ломбардный долг и расходы при совершении купчей. Не забудь, что 3 июля надо внести проценты за деревню. Олимпиаде и Мишке дай отпускные и по 50 р. и скажи крестной их матери, чтобы прискала им место в ученье.

Поцелуй Настиньку. Как она у тебя худа. Ради бога, береги ее! Прошу тебя, постарайся кончить дела свои чрез месяц и уезжай к матушке. Это необходимо и для тебя, и для малютки.

Почтеннейшую Прасковью Васильевну душевно, сердечно благодарю за ее к тебе дружбу. Ф. В. мой дружеский поклон. Здоров ли почтенный дядя его, и что его процесс. Каково здоровье Веры Сергеевны? Прощай, мой друг, будь здорова и уповай на бога и милосердие Госу-даря.

Твой друг *К. Рылеев*

89. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

(Июнь 1826 г.)

Любезный друг!

Какой бесценный дар прислал ты мне! — Сей дар чрез тебя, как чрез ближайшего моего друга, прислал мне сам Спаситель, которого давно уже душа моя исповедует. Я ему вчера молился со слезами. О, какая это была молитва, какие это были слезы и благодарности, и обетов, и сокрушения, и желаний за тебя, за моих друзей, за моих врагов, за мою добрую жену, за мою бедную малютку, словом, за весь мир! Давно ли ты, любезный друг, так мыслишь? Скажи мне: чужое ли это или твое? Если эта

река жизни излилась из твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое оно или твое, но оно уже мое, так как и твое, если и чужое. Вспомни брожение ума около двойственности моего духа и вещества.

90. ЖЕНЕ

13 июля 1826

Бог и государь решили участь мою: я должен умереть, и умереть смертью позорною. Да будет его святая воля! Мой милый друг, предайся и ты воле всемогущего, и он утешит тебя. За душу мою молись богу. Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на государя: это будет и безрассудно, и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые суды непостижимого? Я ни разу не возроптал во все время моего заключения, и за то дух святой дивно утешал меня. Подивись, мой друг, и в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашею малюткою, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе. О, милый друг, как спасительно быть христианином. Благодарю моего создателя, что он меня просветил и что я умираю во Христе. Это дивное спокойствие порукою, что творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради бога, не предавайся отчаянию: ищи утешения в религии. Я просил нашего священника посещать тебя. Слушай советов его и поручи ему молиться о душе моей. Отдай ему одну из золотых табакерок в знак признательности моей, или лучше сказать — на память, потому что возблагодарить его может только один бог за то благодеяние, которое он оказал мне своими беседами. Ты не оставайся здесь долго, а старайся кончить скорее дела свои и отправься к почтеннейшей матушке. Проси ее, чтобы она простила меня; равно всех родных своих проси о том же. Катерине Ивановне и детям ее кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за М〈ихайла〉 П〈етровича〉: не я его вовлек в общую беду: он сам это засвидетельствует. Я хотел было просить свидания с тобою, но раздумал, чтоб не расстроить себя. Молю за тебя и Настиньку и за бедную сестру бога, и буду всю ночь молиться. С рассветом будет у меня священник, мой друг и благодетель, и опять причастить. Настиньку благословляю мысленно нерукотворным образом спасителя и поручаю всех вас святому покровительству живого бога. Прошу тебя, более всего заботься

о воспитании ее. Я желал бы, чтобы она была воспитана при тебе. Старайся перелить в нее свои христианские чувства — и она будет счастлива, несмотря ни на какие превратности в жизни, и когда будет иметь мужа, то осчастливит и его, как ты, мой милый, мой добрый и неоцененный друг, осчастливила меня в продолжение восьми лет. Могу ли, мой друг, благодарить тебя словами: они не могут выразить чувств моих. Бог тебя наградит за все. Почтеннейшей Прасковье Васильевне моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! Велят одеваться. Да будет его святая воля.

Твой истинный друг *К. Рылеев*

У меня осталось здесь 530 р. Может быть, отдадут тебе¹.

КОММЕНТАРИИ

Настоящее издание сочинений К. Ф. Рылеева включает избранные стихотворения, думы, поэмы, агитационные и подблюдные песни (написанные совместно с А. А. Бестужевым), а также избранную прозу и все дошедшие до нас (кроме официальных) письма. Все тексты проверены по прижизненным публикациям Рылеева и по автографам, в отдельных случаях — по авторитетным научным изданиям (если произведения публиковались после смерти Рылеева и автографы их не сохранились). Внутри жанровых отделов произведения располагаются в хронологию их создания (за исключением отдела «Думы»). В постатейном комментарии указывается время и место первой публикации данного произведения, местонахождение автографов (если они известны), обосновываются — в необходимых случаях — датировка, выбор источников текста и редакторские конъектуры, сообщаются сведения, поясняющие историю создания, реальное содержание, историко-литературный контекст и литературно-общественное значение произведения. При подготовке текстов и в их комментировании учитывался опыт предшествующих изданий. Имена, встречающиеся в текстах Рылеева, комментируются в аннотированном именном указателе, мифологические имена и названия — в «Словаре».

ПРИМЕЧАНИЯ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Б — Благонамеренный.

БЗ — Библиографические записки.

ВД Т. 1, 2, 4, 9 — Восстание декабристов: Материалы Централрхива. Т. 1—14. Т. 1. М.; Л., 1925. Т. 2. 1926. Т. 4. 1927. Т. 9. 1950.

ВЕ — Вестник Европы.

ВОЛРС — Вольное общество любителей российской словесности (Петербург).

ВОЛСНХ — Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (Петербург).

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Думы», 1825 — Рылеев К. Думы. М., 1825.

«Думы», 1975 — Рылеев К. Ф. Думы. Издание подготовил Л. Г. Фризман. М., 1975.

Звенья — Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв. Т. 9. М., 1951.

ИВ — Исторический вестник.

Изд. 1956 — Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма/Вступ. статья В. Г. Базанова. Подгот. текстов и примеч. Ю. Г. Оксмана. М., 1956.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

ЛГ — Литературная газета.

ЛН — Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. М., 1954.

М а с л о в — Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев. 1912. Приложения.

НЗ — Невский зритель.

НЛ — Новости литературы.

ОЗ — Отечественные записки.

ПД — Памяти декабристов. Кн. 1. Л., 1926.

ПДвВС — Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т./Вступ. статья И. Б. Мушиной и Я. Л. Левкович. Сост. и примеч. Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович, И. Б. Мушиной. М., 1980.

ПЗ — Полярная звезда.

ПСС, 1861 — Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева/Изд. Н. В. Гербеля. Лейпциг, 1861.

ПСС, 1934 — Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений/Ред., вступ. статья и коммент. А. Г. Цейтлина. М.; Л., Academia, 1934.

ПССт., 1934 — Рылеев К. Полное собрание стихотворений/Ред., предисл. и примеч. Ю. Г. Оксмана. Вступ. статья В. Гофмана. Л., 1934. (Б-ка поэта. Большая серия)

ПССт., 1971 — Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений/Вступ. статья В. Г. Базанова и А. В. Архиповой. Подгот. текста А. В. Архиповой, В. Г. Базанова, А. Е. Ходорова. Примеч. А. В. Архиповой, А. Е. Ходорова. Л., 1971. (Б-ка поэта. Большая серия. 2 изд.)

РА — Русский архив.

РВ — Русский вестник.

РИ — Русский инвалид.

РЛ — Русская литература.

РС — Русская старина.

СО — Сын отечества.

Соревнователь — Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения).

Соч., 1872 — Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылева/Изд. его дочери. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1872.

Соч., 1874 — Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылева/Изд. 2 его дочери. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1874.

СП — Северная пчела.

СЦ — Северные цветы.

Труды ВОЛРС — Труды Вольного общества любителей российской словесности.

ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов.

ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР — Центральный гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. В отрывках: ИВ, 1885, № 1. С. 82; № 4. С. 118; полностью: РС, 1896, № 3. С. 506—510. Сохранились (ИРЛИ) автограф поэмы (записанный по памяти, с явными ошибками и нарушением ритма отдельных строк) и ранний список, также не вполне исправный, но отчасти корректирующий текст автографа. В наст. изд. текст поэмы печатается по данным двух этих рукописных источников (варианты списка учитываются при явной порче текста в автографе).

Поэма написана Рылевым во время пребывания его в кадетском корпусе (не позднее 1813 г.) и принадлежит к жанру бурлескной, травестийной поэмы, использующей — в комических целях — для описания бытового происшествия (в данном случае — смерти корпусного повара Кулакова) высокую фразеологию и приемы героической поэмы. О реальном содержании и обстоятельствах написания произведения см.: ПДвВС. Т. 2. С. 10. *Смоленска* (Смоленская) — церковь на Смоленском кладбище в Петербурге. *Тулаев, Зайцев, Савинов* и др. — «писаря, служители и разный люд корпусных душ — так называли их, начиная с последнего водовоза до высшего начальства», по свидетельству Н. С. Лескова (ИВ. 1885, № 4. С. 119). В автографе и в списке большинство собственных имен и названия некоторых атрибутов кухонной утвари подчеркнуты

(не всегда, впрочем, последовательно) и при публикациях поэмы печатались курсивом.

2. В отрывках — ПСС, 1861; полностью — *М а с л о в. С. 1*. Автограф — ИРЛИ, с пометой: «Подражание Крылову». Здесь имелась в виду сатира К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809), широко распространявшаяся в списках без подписи автора и посвященная скандальному эпизоду в деятельности возглавляемой А. С. Шишковым Российской академии: 13 марта 1809 г. при выборах был забаллотирован (тринадцать голосами против двух) И. А. Крылов; непосредственной причиной провала послужила басня Крылова «Парнас» (1808), направленная против поэтов шишковского направления. *Потомок вздорливый Ираклов...* — Писатель и педагог (преподаватель истории в I кадетском корпусе) Г. В. Гераков был греком по происхождению. *Пиит слезливый* — вероятно, поэт кн. П. И. Шаликов.

3. *М а с л о в. С. 15*. Автограф — ИРЛИ. Наиболее раннее обращение Рылеева к темам стих. К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (1811) — см. также стих. «Пустыня» (с. 47 наст. изд.). *Ротово* (ныне г. Ретавас Литовской ССР), *Вежайцы* — местечки в Виленской губернии, в которых стояла часть Рылеева.

4. *М а с л о в. С. 20*. Автограф — ИРЛИ. Обычно считалось, что стих. обращено к Е. Е. Лачинову, будущему декабристу. Однако никаких сведений, подтверждающих его знакомство с Рылеевым, не имеется. Учитывая упоминания Боярского и Фролова (ср. стих. «Путь на Парнас», «К Фролову»), которые были, по-видимому, хорошо знакомы адресату, его следует искать также среди офицеров-артиллеристов. Известен, в частности, прапорщик лейб-гвардии конной артиллерии Дмитрий Николаевич Лачинов, фамилия которого встречается в «Списке гг. военным генералам, штаб и обер-офицерам, кои принадлежали к масонским ложам и на основании высочайшего повеления отказались от оных данными подписками» (РС. 1907, № 9. С. 651).

5. *М а с л о в. С. 13*. Автограф — ИРЛИ.

6. *М а с л о в. С. 23*. Автографы (2) — ИРЛИ.

7. *М а с л о в. С. 7*. Автограф — ИРЛИ.

8. *М а с л о в. С. 29*. Автограф — ИРЛИ. Адресат стих. раскрыт в кн.: Удодов Б. Т. К. Ф. Рылеев в Воронежском крае. Воронеж, 1971. С. 41—42. См. также: ПДвВС. Т. 2. С. 29.

9. Б. 1820, № 5. С. 344, с подписью «К. Р-в». Вместе со следующей эпиграммой это первое выступление Рылеева в печати. Автограф — ИРЛИ.

10. Там же, с подписью «К. Р-в».

11. Б. 1820, № 6. С. 415, с подписью «К. Р-в». Автограф — ИРЛИ.

12. Б. 1820, № 13. С. 50. Первое по времени (июль 1820 г.) стих. Рылеева, появившееся в печати за полной его подписью. Подражание «Тибулловой элегии III. Из III книги» К. Н. Батюшкова (1809). Третья книга элегий (в том числе и элегия к Нэре, послужившая для Батюшкова

образом) приписывалась Тибуллу, но на самом деле ему не принадлежала (что во времена Батюшкова еще не было установлено). Судя по содержанию стих. Рылеева, оно скорее всего написано в 1817—1818 гг. как отклик на осторожные увещания матери (смотри письма Рылеева к ней этих лет) повременить с женитьбой на Н. М. Тевяшовой и выходом в отставку ввиду недостатка средств. Об этом, в частности, свидетельствует выделенное в отдельный период четверостишие, которое не находит соответствия в батюшковской элегии. *Дочь Сатурна — Юнона. Любви мать — Венера.*

13. НЗ. 1820, № 10. С. 26. В подзаголовке стих. фактически указывается его литературный источник: сатира М. В. Милонова «К Рубеллию. Из Персия». Об этом стих. см. с. 7 наст. изд. Рылеев рассчитывал на великую силу прецедента (в своей сатире он «все-навсего» перелагал дозволенное к печати стихотворение М. В. Милонова), и успокоительность высоких авторитетов (в подзаголовке была ссылка на несуществующее произведение древнеримского сатирика Персия), и стыдливую мимирию злодеев, рядившихся под порядочных людей («без лести предан»). Расчет его оказался верным. Когда Аракчеев потребовал возмездия, от министра народного просвещения ему пошел следующий запрос: «Так как ваше сиятельство... требуете, чтобы я отдал под суд цензора и цензурный комитет за оскорбительные на вас выражения, то, прежде чем я назначу следствие, мне необходимо знать, какие именно выражения принимаете вы на свой счет?» Ответа на сие не последовало. *Селения лишил их прежней красоты...* — В ведении гр. А. А. Аракчеева были военные поселения.

14. НЗ. 1820, № 11. С. 141, с подписью «К. Р-в».

15. НЗ. 1820, № 12. С. 274, с подписью «К. Р-в». Автограф — ИРЛИ.

16. НЗ. 1821, № 1. С. 37.

17. Б. 1820, № 13. С. 54, с подписью «К. Р-в».

18. Б. 1820, № 23—24. С. 372. Поэма Пушкина «Руслан и Людмила» вышла в свет в начале августа 1820 г. Отгадка шарады: Бор-ода. *Сви-стов* — вероятно, Д. И. Хвостов.

19. НЗ. 1821, № 2. С. 147.

20. РС. 1872, № 5. С. 760. Автограф — ГБЛ.

21. НЗ. 1821, № 3. С. 259; СО. 1821. Ч. 69. № 15. С. 35—36; в обоих случаях без подписи. Автографы (2) — ИРЛИ (один из них в архиве Хвостова, здесь отсутствуют строки 5—8; второй — на форзаце кн. «Андромаха, трагедия в пяти действиях в стихах. Сочинение Расина. Перевод графа Д. Хвостова. Изд. 5. СПб., 1821»; на титуле помета: «Из книг К. Рылеева»). Стих. по форме представляет собой панегирик, а по сути — сатиру, пародирующую самовосхваления Д. И. Хвостова. Отклики последнего на стих. см.: Сочинения графа Д. И. Хвостова. Т. 2. СПб., 1821. С. III; РС. 1892, № 8. С. 412. *Твой славный перевод Расина, Буало...* — Хвостов переводил «Науку стихотворства» Буало (1804).

22. ВЕ. 1888, № 11. С. 218. Автографы — 1) ЦГАОР — (здесь

находится совершенно иной — вероятно, более ранний — вариант монолога Богача, см.: ПСССт., 1971. С. 360—361); 2) ИРЛИ (здесь же, на обороте, черновой набросок другой концовки сатиры — см. с. 45 наст. изд.). Перевод с польск. сатиры Ф. В. Булгарина был представлен 25 апр. 1821 г. при вступлении в ВОЛРС (в этот день Рылеев был избран членом-сотрудником, 19 дек. 1821 г. — действительным членом) и в начале 1823 г. — при вступлении в ВОЛСНХ.

23. РС. 1877, № 2. С. 360. Автограф — ЦГАОР. Написано в связи с началом военных действий Этерни за освобождение Греции от турецкого ига и надеждами передовых кругов русского общества (не подтвердившимися впоследствии) на прямую поддержку движения этеристов силами регулярной русской армии.

24. РС. 1872, № 1. С. 65. Автограф — ИРЛИ. Стих. в собраниях сочинений традиционно датируется летом 1821 г. (временем поездки Рылеева в Воронежскую губернию), но, возможно, оно написано позже, так как соответствует господствующему пафосу его лирики последних лет (см.: ПДВВС. Т. 2. С. 39).

25. Труды ВОЛРС. 1821. Ч. XVI. С. 337 (без десяти последних строк, означенных точками). В ВОЛРС стих. прочитано 12 сент. 1821 г. Автографы (2) — ИРЛИ. Стих. по жанру восходит к «Мои пенатам» К. Н. Батюшкова, вызвавшим множество подражаний (см., например, «Городок» А. С. Пушкина, 1814 г.) и посвященным воспеванию деревенского досуга, который проводится в чтении любимых авторов, в беседе с соседом и поэтических занятиях. Наряду с этим, в стих. отражены реальные впечатления Рылеева во время посещения Воронежской губернии летом 1821 г. Так, прототипом упоминаемого здесь «майора», «героя Кавказа», «грозы Кавказских гор», послужил майор в отставке Яков Григорьевич Урсул, восприемниками сына которого в августе 1818 г. были Рылеев и его будущая жена (см.: *К о ж е м я к и н* А. Неизвестный друг К. Ф. Рылеева // *Подъем*. 1979, № 4. С. 159). *Абазех, бах, кабардинец, лезгин, абазинец — народности Северного Кавказа. Война, война кипит!.. и ...Война на Юге за свободу...* — Речь идет о войне греков за свободу, начавшейся в 1821 г. (ср. стих. «А. П. Ермолову» и «На смерть Бейрона»). *...Тацит-Карамзин С своим девятым томом...* — Имеется в виду «История Государства Российского», девятый том которой Рылеев читал в 1821 г. *В Морея пышет пламя!* — Морея — современное Рылееву название части Балканского полуострова (в древности Пелопоннес).

26. М а с л о в. С. 40. Автограф — ИРЛИ. Судя по тому, что стих. записано на обороте последнего из листов, занятых стих. «Пустыня», оно также, по-видимому, написано летом 1821 г. и обращено к одному из воронежских приятелей Рылеева. Из всех известных нам лиц этого круга под криптоним «С-ов» подходит лишь Петр Александрович Солнцов, воронежский вице-губернатор, упомянутый в письме Рылеева к свояченице Н. М. Тевяшовой от 14 янв. 1819 г.

27. СО. 1821. Ч. 74. № 50. С. 175. Непосредственным поводом к напи-

санию стих. послужила речь Н. И. Гнедича «О назначении поэта», произнесенная 13 июня 1821 г. на заседании ВОЛРС — яркий манифест гражданской поэзии. В стих. Рылеева отражены некоторые мотивы послания Буало к Расину (1677). *Творца «Димитрия», «Фингала», «Поликсены»...* — Имеется в виду судьба драматурга В. А. Озерова, сошедшего с ума и рано скончавшегося (в его гибели современники винили влиятельного театрального деятеля и драматурга А. А. Шаховского). *Ширяясь, как орел, на небеса парит...* — Этот образ введен в русскую поэзию Державиным (1802), использовавшим в данном случае фразеологию «Слова о полку Игореве». *Эдема пышны двери, В ответ ругателям, открыл для юной пери.* — Имеются в виду строки из поэмы Жуковского «Пери и ангел (из Мура)» (1821) о казни героя, каплю крови которого Пери уносит на небеса.

28. БЗ. 1861, № 19. С. 585. Автограф (черновой, с большой правкой) — ИРЛИ (на обороте черновика очерка «Женская игрушка» 1821 г.). Стих. является подражанием отрывку из поэмы Парни «*Сour d'œil sur Cythère*» (этот же отрывок лег в основу стих. Пушкина «Платоническая любовь» 1819 г.; напечатано в 1858 г.).

29. ЛН. С. 131. Автограф — ЦГАОР (на следующем листе — автограф послания к А. П. Ермолову, сходный по почерку и чернилам, что и служит основанием для датировки данного стих.). Стих. полемично по отношению к карамзинским представлениям о том, что «просвещенный ум есть царь земли» (см.: ЛН. С. 131 — 132).

30. РС. 1871, № 1. С. 97. Автограф — ИРЛИ (на обороте черновых набросков к думе «Державин» и стих. послания «Ф. Н. Глинке»). Первая строфа является довольно близким переводом из «Слова о полку Игореве» (о курянах, воинах «буй-тура Всеволода»). У Рылеева эта характеристика перенесена на воинов самого Игоря. Вторая строфа отрывка не имеет прямого соответствия в тексте «Слова». Это позволяет предполагать, что в данном случае Рылеев предпринял не перевод, а самостоятельное произведение о походе Игоря на половцев.

31. ВЕ. 1888, № 11. С. 222. Черновой автограф — ИРЛИ (на обороте того же листа — наброски драмы «Мазепа» 1822 г.). Стих. посвящено молодому Державину, который в 1762 г. служил в Петербурге солдатом Преображенского полка. Ср. также думу «Державин».

32. ЛН. С. 31—34. Автограф — ЦГАОР. В отрывке использованы весьма популярные в русской поэзии начала века оссианические мотивы, в нем также угадывается влияние пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» (рассказ Финна) и предвосхищены некоторые мотивы поэмы Рылеева «Войнаровский».

33. РС. 1870, № 7. С. 88—90, с подзаголовком «Послание Кондратия Рылеева к А. А. Бестужеву по поводу поездки А. Бестужева в Кронштадт» и с пометой, что стих. напечатано «со списка собственной руки его друга, Миханла Александровича Бестужева». *Сидя, как труженик, в палате..., ...сделавшись жрецом Фемиды...* — Здесь говорится о службе Рылеева

в Петербургской палате уголовного суда (1821—1824). *Один пигмей литературный* — П. А. Катенин, с которым А. Бестужев полемизировал в СО (1822. Ч. 77. № 18. С. 158—168; № 20. С. 253—269).

34. РС. 1871, № 1. С. 101. Автограф — ИРЛИ (на одном листе с набросками к «Партизанам»). Эпиграмма на австрийского императора Франца I (см.: РС. 1870, № 1. С. 344) — возможно, здесь содержится намек на помилование в 1822 г. итальянского поэта и карбонария Сильвио Пеллико (на эшафоте смертный приговор был заменен ему пятнадцатилетним заключением в крепости).

35. РС. 1871, № 1. С. 95. Черновой автограф — ИРЛИ (конец листа оторван) — на одном листе со строфой из думы «Державин» («Горжусь к тирану я враждой...») и наброском к думе о Минихе. Отклик Ф. Глинки на публикацию стих. см.: РС. 1871, № 3. С. 244—245.

36. Лит. листки. 1823, № 3, с цензурными искажениями и примеч. редактора, также имеющими цензурный характер («Под именем святой правды здесь подразумевается Священный союз, установленный для блага народов» и т. п.). Печатается по: ПССт., 1934. С. 91, где текст исправлен по копии с автографа (не сохранился), представленного в ответ на требование Следственного комитета 24 апр. 1826 г. (см.: ВД. Т. 1. С. 169). Ода посвящена пятилетнему великому князю (впоследствии император Александр II) и продолжает традиции просветительных, «учительных» од Державина, Карамзина, Жуковского, обращенных к монархам. В планах Северного тайного общества в числе прочих обсуждался проект провозглашения императором малолетнего Александра Николаевича с целью проведения передовых государственных реформ. Ода Рылеева была широко распространена в списках, эпиграф из нее использован А. И. Герценом в «Письме к императору Александру II», открывавшем первую книгу ПЗ на 1855.

37. ПЗ на 1855. Кн. 2. С. 27. (по списку ранней редакции); РС. 1871, № 11. С. 562 (по не дошедшему до нас автографу). Отрывок чернового автографа — ГБЛ (на обороте черновика письма к Булгарину от 7 сент. 1823 г.). Ода предназначалась для ПЗ на 1824 (не пропущена цензурой) и посвящена гр. Н. С. Мордвинову, оппозиционные настроения и гражданская твердость которого снискали ему широкую популярность в среде передовой дворянской интеллигенции. Ода в 1820-е гг. была широко распространена в списках. *Держал оспаривать Петра...* — Я. Ф. Долгоруков однажды порвал подписанное царем постановление Сената, считая его несправедливым, за что попал в опалу, но позже был прощен. См. также стих. Пушкина «Пир Петра Великого» (1836).

38. М а с л о в. С. 9. Автограф — ИРЛИ. В 1823 г. представлялось в ВОЛРС. Подражание сонету А. Мицкевича «Воспоминание» (1818), переведенному на русский язык (1823) В. И. Туманским.

39. РА. 1871. № 7—8, стлб. 1012. В мае 1823 г. И. А. Крылова разбил паралич, и он был приглашен вдовствующей императрицей Марией Федоровной в Павловск для окончательного выздоровления.

40. СЦ на 1828. С. 56, без подписи, с подзаголовком «Отрывок». Автограф — ИРЛИ (на одном листе с эпиграммой на Франца I и наброском «Повсюду вопли, стоны, крики...»). Неоконченный замысел стих. или поэмы, посвященной партизанам 1812 г. *Ахтырцы* — офицеры Ахтырского гусарского полка, служившие в партизанском отряде под командованием Д. В. Давыдова (среди них — М. Г. Бедрга, знакомый Рылева — см. с. 249 наст. изд.). *Бугцы и донцы* — казачьи части, также принимавшие участие в партизанских отрядах.

41. РС. 1871, № 1. С. 101. Автографы — 1) ЦГАОР (первоначальный черновой набросок), 2) ИРЛИ (на одном листе с эпиграммой на Франца I и набросками к «Партизанам»). Набросок определяется как начало думы о царевне Софье (ПССТ., 1934. С. 538) или же отрывок, входящий в замысел произведения о партизанах 1812 г. (В а ц у р о В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 121).

42. Альманах «Альбом Северных Муз». СПб., 1828. С. 244, без подписи автора и с многочисленными цензурными искажениями. Автограф — ИРЛИ. Ода посвящена смерти 7 (19) апр. 1824 г. Байрона в Миссолунгах, куда он выехал, чтобы принять участие в борьбе за освобождение Греции. *Царица гордая морей* — Англия.

43. ПЗ на 1856. Кн. 2. С. 21, с искажениями некоторых стихов, без предпоследней строфы и с заголовком «Гражданин», отсутствующем в беловом автографе — ИРЛИ. Рылеев показал Следственному комитету, что передал это стих. вместе с песней «Ах, тошно мне...» М. И. Муравьеву-Апостолу в авг. 1824 г. (см.: ВД. Т. 1. С. 176). Стих. было широко распространено в списках. В списке М. А. Бестужева (1870) стих. озаглавлено «К молодому русскому поколению» (см.: ЛН. С. 92), по-видимому, ему была знакома прокламация «К молодому поколению», вышедшая из кругов «Современника» в 1861 г., открывавшаяся стих. Рылева, как и первый номер нечаевской «Народной расправы» (1869).

44. ПЗ на 1825. С. 115; по автографу ЦГАОР стих. напечатано: ЛН. С. 123 с включением третьей строфы, придающей стихам гражданский оттенок. «Стансы» по стилю и ритмически близки к монологу Иоанны («Ах, почто за меч воинственный Я мой посох отдала...») из «Орлеанской девы» Шиллера в переводе В. А. Жуковского (напечатан: ПЗ на 1824. С. 18).

45—46. Северный Меркурий. 1830. № 8. С. 32; № 11. С. 44, с подписью «Р.» (в обоих случаях в оглавлении указано, однако, «Р-ва Конд. Фед.»). Автографы черновых набросков первого стих.— ИРЛИ и ЦГАОР. Наряду с последующими пятью стих. составляют своеобразный цикл и посвящены, по-видимому, Теофании Станиславовне К., об увлечении которой известно из мемуаров Н. А. Бестужева (ПДВВС. Т. 2 С. 68—74).

47—48. Русское слово. 1861. № 4. С. 42, 50. Автограф — ИРЛИ. Первое стих. построено как отклик на элегию Пушкина «Я пережил свои желанья» (напечатано: НЛ. 1823, № 48), теме увяданья в которой Рылевым противопоставлена тема возрождения.

49. БЗ. 1861, № 18. С. 582 (с неверной датой «1822»). Черновой и белой (на одном листе с двумя предыд. стих.) автографы — ИРЛИ.

50. ВЕ. 1888, № 12. С. 590. Черновой автограф — ИРЛИ; первоначально в автографе стих начиналось со строфы 3, строки 1—8 (в несколько измененном виде взятые из предыд. стих.) приписаны на полях.

51. СП. 1825, 12 мая, с подписью «Р.» Черновой автограф — ИРЛИ. Обращено к дочери Н. С. Мордвинова и написано по поводу смерти ее мужа, сенатора А. А. Столыпина (5 мая 1825 г.), близкого к декабристским кругам.

52. РС. 1871, № 1. С. 94. Автограф — ИРЛИ. Отклик на строгий отзыв Пушкина о «Думах» Рылеева, известный от Дельвига (см. письмо Рылеева к Пушкину от 12 мая 1825 г.).

53. Стих., написанные К. Ф. Рылеевым в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, сохранились отчасти (2-е и 3-е) в черновых набросках на обороте писем жены Рылеева от 26 мая и 4 июня 1826 г.: Соч., 1872. С. 322; автографы — ИРЛИ. В наст. изд. стих печатаются в иной редакции по сравнению с последними изд. соч. Рылеева. Основными источниками текста избраны «Воспоминания о Рылееве» Е. П. Оболенского, законченные им на поселении в Ялutorовске в 1856 г. (за девять лет до смерти), и список руки М. А. Бестужева — ИРЛИ, с отдельными уточнениями по черновым автографам. В сущности, три стих. составляют единый цикл, основанный на библейских мотивах и посвященный судьбе пророка-праведника, осужденного на казнь, которая, однако, не может уничтожить света нового учения. В каком-то отношении цикл этот перекликается с неоконченной поэмой «Наливайко», как это проясняется ее планом (см. с. 369 наст. изд.). Стих. были впервые напечатаны в журн. «Будущность» (Париж, 1861, № 10—11. С. 82) в составе воспоминаний Оболенского, с подписью: «К. Р.» (Кондратий Рылеев) и пометой: «А. Р. 1826 г.» (Алексеевский равелин).

1. «Мне тошно здесь, как на чужбине...» Ст. 3—4 — цитата из псалма Давида (см.: Псалт. LIV, 3—7).

2. «О милый друг, как внятен голос твой...» Об обстоятельствах получения этого и предыд. стих. Оболенский рассказывал в мемуарах (см.: ПДВВС. Т. 2. С. 106—108). Ст. 13—23 — контаминация цитат из Евангелия (см.: Матф. V. 10—13; X. 27—28). Ст. 13—17 вычеркнуты в черновике (стих. пересылалось Оболенскому с пропуском ст. 13—19), но они должны быть восстановлены в рылеевском тексте, так как составляют композиционный и смысловой центр цикла; в воспоминаниях Оболенского и в копии М. Муравьева-Апостола пропущен также ст. 5.

3. «Ты прав: Христос спаситель нам один...» В сюжете стих. интерпретируется евангельский миф о том, как, прозрев свою скорую гибель, Христос на миг смутился душой (Матф. XXVI. 37—41). В конце стих. вспоминается библейский миф о смерти пророка Моисея после того, как он провозгласил своему народу новый закон (Второзак. XXXII. 48—52).

В списке М. Бестужева вслед за этим стих. следует еще одно: «Прими, прими, святой Евгений...» (см.: ПССт., 1971. С. 103). Вопрос о рылевском авторстве данного стих., на наш взгляд, остается открытым.

ДУМЫ

Отдельным изд.: «Думы, стихотворения (на обложке — «сочинение». — С. Ф.) К. Рылеева. Москва. В типографии С. Селивановского. 1825» (цензурное разрешение 22 дек. 1824 г.). Вошедшие в эту кн. произведения написаны и публиковались в журн. в 1821—1823 гг. Большинство из них были прочитаны на заседаниях ВОЛРС в следующем порядке (это проясняет, до некоторой степени, хронологию создания отдельных дум): в 1821 г. — «Смерть Ермака» (28 ноябр.), «Боян» и «Богдан Хмельницкий» (5 дек.); в 1822 г. — «Артемон Матвеев» (17 апр.), «Святослав» и «Мстислав» (15 мая), «Глинский» (7 авг.), «Волынский» (4 сент.), «Дмитрий Донской» (2 окт.), «Видение императрицы Анны» (16 окт.), «Державин» (6 нояб.); в 1823 г. — «Первое свидание Петра Великого с Мазепой» и «Наталья Долгорукая» (16 мая). На обороте белого автографа (ИРЛИ) думы «Артемон Матвеев» Рылеев карандашом набросал следующий перечень дум, которые потом вошли в отдельное издание: «1. Курбский. 2. Боян. 3. Хмельницкий. 4. Смерть Ермака. 5. Святотоплк. 6. Святослав. 7. Матвеев. 8. Петр в Острогжске. 9. Глинский. 10. Самозванец. 11. Борис Годунов. 12. Наталья Долгорукая. 13. Олег Вещий. 14. Ольга при могиле Игоря. 15. Волынский. 16. Державин. 17. Димитрий Донской. 18. Сусанин. 19. Рогнеда. 20. Михаил Тверской. 21. Мстислав Удалый». Перечень этот отчасти поясняет ход работы поэта над циклом. Можно уверенно предположить, что впервые мысль о таком цикле возникла у Рылеева именно после написания «Артемона Матвеева» (стих. напечатано: РИ. 1822, 7 февр.). В рылеевском перечне все произведения до этой думы перечислены в строгой хронологической последовательности их создания, далее — в той последовательности, в какой ему в то время приходили на ум необходимые темы еще не написанных дум. Не случайно, что начиная с «Артемона Матвеева» все последующие произведения, вошедшие в цикл, появлялись в печати и зачитывались на заседаниях ВОЛРС — за единичными исключениями — уже именно как «думы» (более ранние произведения в протоколах ВОЛРС означены как «сочинения Рылеева»). Впоследствии Рылеев педантично выполнил этот общий план, а при составлении цикла расположил все написанное в хронологическом порядке событий, изображенных в думах. К маю 1823 г. план цикла, намеченный в автографе «Артемона Матвеева», Рылевым был выполнен, но в это время он еще не предпринимал попыток напечатать думы отдельным сборником. Очевидно потому, что считал необходимым дополнить написанное новыми думами, список которых также дошел до нас (ИРЛИ): «Владимир. Рюрик. Вадим. Владимир Мономах. Василько.

Гарольд и Елизавета. Пожарский и Минин. Марина. Марфа Посадница. Гермоген. Мазепа. Софья. Петр Великий. Лукьян Стрешнев. Миних. Румянцев. Суворов. Меншиков. Потемкин. Яков Долгорукий». Из этого списка написаны были только «Яков Долгорукий» и намеченная уже в первом списке дума «Петр Великий в Острогожске», резко отличающаяся по манере от остальных дум первой части; начата была также работа над думами «Владимир Святой», «Вадим», «Марфа Посадница», «Меншиков в Березове», «Миних»; сохранились также и несколько других черновых набросков дум, конкретное отнесение которых к тому или иному сюжету затруднительно. В конце 1824 г. Рылеев решает издать сборник дум в первоначально намеченном составе. 14 нояб. 1824 г. он отправил из Воронежа в Москву сборник из двадцати дум, поручив П. А. Муханову провести его через цензуру и проследить за изданием (цензурная рукопись хранится сейчас в ЦГАДА). В сборнике этом еще отсутствовала дума «Петр Великий в Острогожске» и предисловие, досланное в цензуру позже (первую редакцию предисловия см. на с. 253 наст. изд.). В янв. 1825 г. Рылеев дослал в Москву еще три думы, законченные к тому времени: «Петр Великий в Острогожске», «Видение Анны Иоановны» и «Царевич Алексей Петрович в Рождествене»; две последние в печать не были пропущены (доказательством того, что в Москву досылались именно эти думы, служит то, что автографы их сохранились там же, где и цензурная рукопись сборника дум, — в ЦГАДА).

О литературных источниках дум см.: Ф р и з м а н Л. Г. «Думы» Рылеева/Р ы л е е в К. Ф. Думы. М., 1975 (АН СССР. Литературные памятники).

1. *Примечания, припечатанные при думах.* — Рылеев написал примеч. к думам «Боян», «Петр Великий в Острогожске», «Наталья Долгорукова» и, по-видимому, «Богдан Хмельницкий». Исторические справки к остальным думам написаны П. М. Строевым.

2. НЛ. 1822. Кн. 1. № 11. С. 171. *И пред Леоновой столицей...* — перед Константинополем (Царьградом), где правил Леон (Лев) VI (886—912). *Потомки Брута и Камилла* — то есть потомки римлян (Византия образовалась после разделения Римской империи на Западную и Восточную в IV в.). *Прибил свой щит с гербом России...* — На эту историческую ошибку неоднократно указывал Пушкин — в частности, в письме к Рылееву в мае 1825 г.: «Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде».

3. НЛ. 1822. Кн. 1. № 12. С. 187, с подзаголовком «Дума». Вероятно, 12 янв. 1825 г. в письме к Вяземскому Рылеев прислал новую редакцию предпоследней и начала последней строф, автограф которых сохранился в ЦГАОР (см.: ЛН. С. 19—20), но через цензуру они не прошли (в наст. изд. учтены).

4. Труды ВОЛРС. 1822. Ч. XIX. С. 79, с подписью «К. Р-в»; НЛ. 1882,

№ 4 (июль). С. 61, с подзаголовком «Дума». Первая и третья строки думы повторены в поэме «Войнаровский». Действие думы отнесено к 24 июля 1773 г., ко времени русско-турецкой войны, когда в сражении у Кучук-Кайнарджи погиб русский генерал Отто Адольф Вейсман фон Вейсенштейн. *Белый царь* — русский царь (белый цвет — символ чистоты и святости).

5. СО. 1821. Ч. 47. № 47. С. 33. В отдельном издании дум переработана концовка (четыре последних стиха).

6. ПЗ на 1823. С. 45 (цензурное разрешение 30 окт. 1822 г.), с подзаголовком «Повесть». Черновой автограф наброска — ЦГАОР.

7. Труды ВОЛРС. 1822. С. 330, с подзаголовком «Дума». Автограф ранней редакции — ГБЛ. Образ древнерусского певца Бояна воспет в «Слове о полку Игореве». Рылеев полагал, что жил он во времена вел. кн. Владимира; в ту же эпоху он был перенесен и в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» (1820). Ст. 27—28 восходят к тексту «Слова о полку Игореве», с которым связано и начатое стих. Рылеева «Они под звуком труб повиты...» (см. с. 59 наст. изд.).

8. ПЗ на 1823. С. 282.

9. НЛ. 1822. Кн. 2, № 19. С. 93, с подзаголовком «Дума (Ф. В. Булгарину)».

10. СО. 1822. Ч. 80. № 40. С. 315. *Там Белозерский князь и чада...* — Князь Федор Белозерский и его сын Иван погибли в битве. *Черный стяг* — знамя московского князя. *Силен русский бог...* — Об употреблении этого выражения в разные времена см.: Р е й с е р С. А. Русский бог // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1961. № 1.

11. Труды ВОЛРС. 1822. Ч. XIX. С. 314, с подзаголовком «Дума». Тогда же напечатана отдельным выпуском и перепечатана с небольшими изменениями в последней строфе — НЛ. 1822. Кн. 2. С. 11. Фрагмент чернового автографа — ЦГАОР. Вольный перевод стих. Немцевича (см. письмо к нему на с. 301 наст. изд.).

12. СО. 1821. Ч. 71. № 29. С. 129, с подзаголовком «Элегия» и пометой «Острогжск, июня 20, 1821». Перепечатана (без подзаголовка и даты) в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах». Изд. 2. Ч. 4. СПб., 1822. С. 312. Автограф включен в письмо к Булгарину от 20 июня 1821 г. — ИРЛИ; здесь находится авторский вариант ст. 25—32, 45—47, в печати изъятых или искаженных цензурой.

13. РИ. 1822, 17 янв., без посвящения, с примеч. издателя: «Сочинение молодого поэта, еще мало известного, но который скоро станет рядом со старыми и славными. В <оейкову>». Перепечатано: Труды ВОЛРС. 1822. Ч. XVIII. С. 100 и СЦ на 1825. С. 56. Дума послужила основой народной песни. *Дар царя*. — Панцирь был подарен Ермаку после победы над Кучумом на мысе Подчуваш (1582).

14. ПЗ на 1823 (цензурное разрешение 30 нояб. 1822 г.). С. 176, с подзаголовком «Дума». О фабуле думы см.: П р и в а л о в а Е. О думе К. Ф. Рылеева «Борис Годунов». РЛ. 1963. № 3.

15. НЛ. 1822. Кн. 1. № 2. С. 28, с подзаголовком «Дума» (цензурное разрешение 30 июня 1822 г.). *Я введу закон римлян* — католичество. Под «Неблагоденными писателями иностранными» имеются в виду, вероятно, П. Ш. Левек, Маржерет, Гревенбух (см.: Шмурло. Дмитрий.— В кн.: Шиллер/Под ред. С. А. Венгерова. Т. III. СПб., 1902. С. 262—278).

16. ПЗ на 1823. С. 370 (цензурное разрешение 30 нояб. 1822 г.), с подзаголовком «Дума». Перепечатано: НЛ. 1823. Кн. 3. № 11. С. 172. В среде декабристов была популярна легенда о Михаиле Федоровиче как о царе, избранном на престол волей народа (Земского собора). В Петербурге действовала масонская ложа «Избранного Михаила», руководящую роль в деятельности которой играли члены тайного общества.

17. РИ. 1822. 1 марта, с примеч. Рылсева. С некоторыми новыми вариантами перепечатано: Труды ВОЛРС. 1822. Ч. XVIII. С. 342 и СО. 1822. Ч. 78. № 23. С. 130. В первой печатной публикации ст. 2 был в такой редакции: «Куда лишь в полдень проникал...» — впоследствии Рылеев изменил его под влиянием критики Пушкина (см. его письмо к брату от 4 сент. 1822 г. Во второй половине 1825 г. Рылеев начал работать над трагедией о Б. Хмельницком, оставшейся незаконченной.

18. РИ. 1822. 7 февр. Беловой автограф ранней редакции (с подзаголовком «Дума» и с подписью «К. Р-в») — ИРЛИ.

19. Труды ВОЛРС. 1823. Ч. XXI. С. 287, с подзаголовком «Дума», без подписи автора и с посвящением: «Барону А. А. Дельвигу». Перепечатано: НЛ. 1824. Кн. 10. № 15, с подписью автора, без посвящения, с изменением двух стихов и с примеч.: «Сердюки — гвардия гетмана». Автограф ст. 1—28 — ЦГАДА. Цит. из этой думы («Кобылиц неукротимых Гордо бродят табуны») Пушкин употребил в черновой редакции первой главы «Путешествия в Арзрум». Отзвук той же думы слышится в стих. «Пир Петра Первого», которым открывался первый том журн. «Современник» (1836) и которое аллегорично напоминало о необходимости прощения декабристов. В 1822—1823 гг. Рылеев составил записку об Острогжске — см. с. 252 наст. изд.

20. НЛ. 1822. Кн. 2. № 16. С. 42, с подзаголовком «Дума», с жизнеописанием А. П. Волынского. Здесь Рылеев указывает использованные им материалы: «Записки кн. Я. П. Шаховского» (1821) и «Манштейновы современные записки о России» (пер. с фр., 1810). Гражданско-революционная трактовка личности Волынского, однако, принадлежала самому Рылееву и оказала влияние на изображение вельможи в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (1835). Черновой автограф думы — ГБЛ, перебеленный автограф более ранней редакции — ИРЛИ.

21. НЛ. 1823. № 30 (авг). С. 161, с подзаголовком «Дума» и биографическим примеч., повторенным при отдельном издании дум. Автограф первоначальной редакции думы с отметкой «около Павлодар, близ сл. Дмитриевки, на Самаре» — ИРЛИ. Для концовки «Наталии Долгоруковой» Рылеев использовал одну из отброшенных строф думы «Яков

Долгорукий». О работе над думой Рылеев писал в записке к А. Ф. Воейкову от 1 июля 1823 г. (см. с. 304 наст. изд.). Впервые к образу Долгоруковой Рылеев обратился в думе о Меншикове, оставшейся незаконченной. *Мне друг прекрасный и молодой Был дан, как призрак, на мгновенье...* — свадьба Н. Б. Долгоруковой состоялась 6 апр. 1730 г., а через три дня ее супруг, Иван Алексеевич Долгоруков (1708—1739), был сослан в Березов, куда за ним последовала и жена; арестованный там, Долгоруков под пыткой проговорился о составлении подложного завещания Петра II и был колесован; Н. Б. Долгорукова постриглась в монастырь.

22. СО. 1822. Ч. 82. № 47. С. 31, с подзаголовком «Дума». Автограф ранней редакции — ИРЛИ. Переработка в окончательной редакции последних строф была связана не только с цензурными опасениями, но с тем, что такая декларация мало соответствовала заветам Державина, будучи по сути дела поэтическим кодексом самого Рылеева. К образу Державина Рылеев впервые обратился в стих. «По небу голубому...» (см. с. 59 наст. изд.). В предисловии цит. обзор А. Ф. Мерзлякова «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии» (Труды Общества любителей российской словесности. Ч. 1. М., 1812).

ДУМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ. НЕОКОНЧЕННОЕ

23. ПЗ на 1859. С. 6, по неисправному списку ранней редакции, с заголовком «Голова Волинского». Сохранилось четыре автографа думы — 1) ИРЛИ (беловой, с заглавием «Голова Волинского»), 2) ЦГА-ОР (беловой, с заглавием «Видение императрицы Анны», с примеч. «Содержание из народного предания» и с пометой — не рукой Рылеева — «для Соревнователя»), 3) ГБЛ (беловой, с зачеркнутой первой строфой и правкой последней, с заглавием «Голова Волинского», измененным на «Видение императрицы Анны»), 4) ЦГАДА (в новой редакции, с заголовком «Видение Анны Иоановны», на одном листе с думой «Петр Великий в Острогжске»). Дума (под заглавием «Видение императрицы Анны») была представлена в ВОЛРС 16 окт. 1822 г., предназначалась для «Соревнователя», но, по-видимому, не была пропущена цензурой; после 22 дек. 1824 г. была представлена вместе с думами «Петр Великий в Острогжске» и «Царевич Алексей Петрович в Рождествене» и предисловием — в дополнение к двадцати думами, уже прошедшим цензуру в качестве отдельного издания, но опять была остановлена. О творческой истории думы см.: Ф р и з м а н Л. Г. Дума Рылеева «Видение Анны Иоановны»//Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. № 2; В а ц у р о В. Э. К изучению «Дум» К. Ф. Рылеева//РЛ. 1975. № 4. Об устных легендах об Анне Иоановне и источниках текста думы см. в ст. В. Э. В а ц у р о.

24. РС. 1871. № 1. С. 78. Автограф с большой правкой — ИРЛИ. Над думой Рылеев работал, вероятно, в начале 1823 г. (до 16 мая), так как в думе «Наталья Долгорукова» использованы ст. 25—28.

25. XIX век. Кн. 1. М., 1872. С. 191. Автографы — ГБЛ (черновой) и ЦГАДА (беловой). Название думы не отражено ни одним из двух списков намечаемых Рылеевым дум. Вероятно, Рылеев представлял эту думу в московский цензурный комитет, досылая три думы после 22 дек. 1824 г. в дополнение к цензурной рукописи сборника дум. Однако о заговоре царевича Алексея и казни его в печати вспоминать в начале XIX в. было абсолютно невозможно. В ордежском пейзаже, открывавшем думу, отразились реальные впечатления Рылеева от поездки в первых числах сент. 1824 г. в Батово (вместе с А. А. Бестужевым), которое находилось рядом с бывшей вотчиной царевича Алексея Рожественно.

26. РС. 1871. № 1. С. 75. Автограф — Рукописный отдел Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Возможно, дума потому не публиковалась Рылеевым, что была не завершена (см.: Вацу-ро В. Э. К изучению «Дум» К. Ф. Рылеева // РЛ. 1975. № 1).

27. РС. 1871. № 1. С. 73. Черновые автографы (3) — ИРЛИ. В наст. изд. текст дается по второй черновой редакции. Образ Вадима, легендарного защитника вольности Новгорода, погибшего в борьбе с варяжским князем Рюриком в 863 г., был чрезвычайно популярен в русской литературе как в охранительно-благонамеренной (буйный посягатель на мудрое правление Рюрика), так и в гражданской трактовке. В черновиках (ИРЛИ) «Наливайко» (на обороте ст. «Ах! если б возвратить я мог...») намечен список действующих лиц, по-видимому, драматической обработки сюжета о Вадиме: «Рюрик. <Умила> <Светлана> Кульдигера, дочь его. Вадим».

28. ВЕ. 1888. № 11. С. 221. Автограф — ИРЛИ. Конкретное отнесение отрывка к какому-либо историческому сюжету затруднительно. Предание о том, что из черепа погибшего в борьбе с печенегами Святослава была сделана чаша («История Государства Российского» Карамзина, т. I, гл. 7) в данном отрывке используется лишь как экспозиция.

29. 1. РС. 1871. № 1. С. 78 (автограф — ИРЛИ); 2. ЛН. С. 24 (автограф — ЦГАОР).

30. РС. 1871. № 1. С. 96; ВЕ. 1888. № 12. С. 595. Автографы, черновые и перебеленные, — ИРЛИ (5) и ГБЛ (1). *Березов* — город на реке Сосьва, в Западной Сибири; там отбывал ссылку (и умер) сподвижник Петра I Меншиков, а позже — Наталья Долгорукова, которая, вероятно, и имеется в виду в начале думы.

ПОЭМЫ

1. Отрывки: СО. 1824. Ч. 91. № 3. С. 130 (ст. 1—51 — «Якутск»); ПЗ на 1824. С. 82, 230 (ст. 312—433 — «Бегство Мазепы»); Труды ВОЛРС. 1824. Ч. XXV. С. 255 (ст. 1036—1084 — «Смерть Войнаровского»). От-

дельное изд.: Войнаровский. Сочинение К. Рылеева. Москва. В типографии С. Селивановского. 1825 (цензурное разрешение 8 янв. 1825 г.), с цензурными пропусками, искажениями и добавлением охранительных примеч. (типа: «Так извиняет свое преступление справедливо и милосердно наказанный Войнаровский» — к ст. 283, «Напрасная забота! О благе России пекся великий преобразователь России» — к ст. 481 и т. п.), а также специального введения, добавленного, несомненно, по требованию цензуры, о «противуположности характера Мазепы, выведенного поэтом и изображенного историком». Авторские примеч. к тексту поэмы были помещены в ее конце, однако здесь имеются примеч. только к первой части. Автографы поэмы сохранились фрагментарно: 1) посвящение А. А. Бестужеву — ИРЛИ, 2) отрывок под заглавием «Беседа Войнаровского с Мазепой» (ст. 457—524) в альбоме С. Д. Пуномаревой — ИРЛИ, 3) черновик с зачеркнутым заглавием «Ссылный» — ИРЛИ, 4) черновики и перебеленные отрывки (более 400 строк) — ЦГАДА. Текст поэмы установлен Ю. Г. Оксманом в Изд. 1956, где все цензурные искажения и корректурные дефекты отдельного издания поэмы исправлены на основании критического изучения беловых и черновых рукописей поэмы (см.: ЛН. С. 31—56), первопечатных публикаций отдельных ее частей, рукописного оригинала 1825 г., приобщенного к делам Московского цензурного комитета (ЦГАДА, № 1425/860), и важнейших списков поэмы, из которых наиболее авторитетным является копия в собрании П. А. Вяземского, относящаяся к 1824 г. (ЦГАЛИ, № 195, ед. хр. 5568).

Замысел поэмы Рылеева возник в процессе работы над думой «Меншиков в Березове» (1823), повествующей о ссылке в Сибирь сподвижника Петра вместе с семьей (черновые наброски этой думы чередуются с первыми строками поэмы «Войнаровский»). Не закончив работу над думой, Рылеев сначала приступает к разработке плана драмы о Мазепе, но вскоре оставляет и этот замысел и приступает к поэме о другом ссылке, Войнаровском. 16 мая 1823 г. начало «Войнаровского» было зачитано Рылеевым на открытом заседании ВОЛРС. 7 янв. 1824 г. в Обществе был представлен отрывок «Смерть Войнаровского». 24 мая 1824 г. Н. М. Языков в письме к своему брату сообщал: «Рылеев кончил своего «Войнаровского» и скоро напечатает» (Языковский архив. Вып. 1. СПб., 1913. С. 136). Время работы над поэмой совпадает со вступлением Рылеева в Северное тайное общество (март 1823 г.) и все возрастающей его активной ролью в деятельности этого общества. Воспевание борьбы с самовластьем и гордого мужества в несчастье прямо соотносилось с программными установками декабристов, нацеленными на открытое выступление против самодержавия. Сразу же с появлением в печати отрывков поэмы она восторженно была принята передовой критикой. Пушкин отмечал, что поэма «несравненно лучше всех его дум, слог его возмужал и становится истинно повествовательным».

2. *И. Гайдамак. Труды ВОЛРС. 1825. Ч. XXX. С. 97; с подзаголовком*

«Отрывок», с некоторыми искажениями (цензурное разрешение 1 апр. 1825 г.). Автографы (беловой и черновые) — ИРЛИ. Черновые наброски перемежаются отчасти с произведениями Рылеева 1823 г., что и определяет время работы над ними, в вариантах «Гайдамака» дважды упоминается имя Палея, что связывает оба отрывка в единый замысел, общие очертания которого и сюжетные перипетии, однако, остаются неясными.

2. Палей. СП. 1825, 3 янв. Беловой автограф — ИРЛИ, черновые наброски — ИРЛИ (3) и ЦГАОР (1). Этот отрывок, как и следующий за ним, отнесен Ю. Г. Оксманом к замыслу поэмы о Мазепе (раньше они связывались с замыслом поэмы о Хмельницком) на основании свидетельства Н. А. Бестужева (см.: ПДвВС. Т. 2. С. 78).

3. Отрывки «Киев», «Смерть Чигиринского старосты» и «Исповедь Наливайки»: ПЗ на 1825. С. 185, 30, 370. Черновые и беловые фрагменты поэмы — ИРЛИ и ЦГАОР (опубликованы: ВЕ. 1888. № 12. С. 582; ЛН. С. 26). Сохранился черновой набросок плана поэмы — ИРЛИ: «Сельская картина. Нравы малороссиян. Чувства Наливайки. Киев. Картина Украины. Униаты. Евреи. Поляки. Притеснения и жестокость поляков. Смерть Косинского. Смерть старосты. Восстание народа. Наливайко гетман. Новые жестокости поляков. Поход. Сражение. Тризна. Мир. Лобода и Наливайко в Варшаве. Казнь их. Эпилог». Некоторые из этих пунктов надписаны наверху, в качестве уточнения первоначально составленного плана. Кроме того, под планом сначала было еще дописано: «Церковь. Пещеры. Поход козаков», — все эти три пункта записаны не подряд, а лишь как отдельные эпизоды поэмы, которым надлежало найти место в составленном выше плане; последний из этих пунктов был вписан над строкой — перед пунктом «Сражение», два же первых остались не соединенными с планом (возможно, потому, что Рылееву место их было и так ясно: после пункта «Киев», надписанного над строкой). Еще позднее (более темными чернилами и несколько иным почерком) были записаны под планом еще два пункта, один под другим: «Наливайко в темнице» и «Молитва Наливайки». И, наконец, уже карандашом ниже Рылеев пометил: «Он может и не хочет бежать». В соответствии с этим планом и нужно размещать дошедшие до нас фрагменты поэмы (в прежних изданиях соч. Рылеева они размещались несколько иначе). При этом можно высказать и некоторые дополнительные соображения в пользу такого размещения, исходя уже из содержания самих фрагментов. Фрагмент «Весна» соответствует, как вполне очевидно, пункту плана: «Сельская картина» (а не «Картина Украины», как полагали раньше); не случайно один из беловых автографов этого эпизода непосредственно предвдвряет фрагмент «Но Наливайко всех сильнее...» (в плане: «Чувства Наливайки»). К последнему фрагменту, в свою очередь, непосредственно примыкает по смыслу разговор Наливайки с Лободой, продолжением которого представляются и следующие фрагменты, излагающие слова или передающие мысли Наливайки перед началом его активных действий против угнетателей (последний из этих фрагментов до конца не обработан).

Далее мы помещаем фрагмент «Киев». В плане этот пункт подписан сверху строки и кажется, на первый взгляд, продолжением также надстрочной надписи «Нравы малороссиян», от которой идет отсылочная черта, относящая этот пункт вслед за пунктом «Сельская картина». Но в плане слово «Киев» надписано как раз между пунктами «Чувства Наливайки» и «Картина Украйны» (можно полагать, что Рылеев здесь случайно не сделал соответствующей отсылки). Описание Киева во многом заменяет (или же предваряет) именно пункт «Картина Украйны», который в отличие от первого пункта плана предполагает, по-видимому, описание политического состояния Украйны. В Киев герой попадал не случайно: он пришел в центр православия на Украйне поститься и исповедаться у печерских монахов (ср. «Пещеры») перед началом кровопролитной борьбы (см. предисловие к опубликованным фрагментам поэмы в ПЗ). Борьба эта начата по-гайдамацки: убийством польского шляхтича. Дальше в поэме намечались картины уже народного восстания, из которых начата была лишь обработка описания победоносного сражения с правительственными войсками под командованием коронного гетмана Жолкевского. Заметим, что первоначально Рылеев предполагал, очевидно, более подробно рассказать о воинских действиях Наливайки: в частности, о его походе на крымских татар в 1794 г. Имя Хмельницкого, надо полагать, здесь легло под перо Рылеева по ошибке (в общем-то, вполне закономерной, так как восстание Наливайки было своеобразным историческим прологом побед Хмельницкого и воссоединения Украйны с Россией; не случайно Наливайко в поэме Рылеева наделяется отчасти чертами биографии Хмельницкого — реальный Наливайко, выходец из Острога, к Чигирину не имел никакого отношения, в отличие от Хмельницкого). В биографии Наливайки и в успешном начале восстания, им поднятого, поход на крымцев (Хмельницкий между прочим с ними поддерживал союз) был чрезвычайно важной вехой: именно эта кампания, начатая с помощью польских панов (набеги татар угрожали им в равной степени), позволила Наливайке организовать и вооружить свое войско, ставшее грозной силой для панской Польши. Как бы то ни было, при последующей обработке данного эпизода («Веет, веет, повеваает...») упоминание о «мрачной думе» Наливайки (а обдумывал он план начала восстания) и о крымцах были сняты. Эпизод «Молитва Наливайки» («Ты зришь, о боже всемогущий...») в одном из черновых автографов непосредственно предшествует эпизоду «Меж тем потопленный в туманах». Молитва эта по содержанию своему предвещает решительное сражение, она переключается с пророческим сном Жолкевского (ср. также последнюю строфу стих. «Я ль буду в роковое время...»). В «Сне Жолкевского», в свою очередь, заметна переключка с думой «Видение Анны Иоанновны».

Некоторые эпизоды в автографах поэмы озаглавлены: это фрагменты или напечатанные («Киев», «Смерть Чигиринского старосты», «Исповедь Наливайки»), или подготовленные к печати («Весна», «Сон Жолкевского»). Так же со специальными заголовками первоначально печатались

отдельные эпизоды поэмы «Войнаровский» — при издании поэмы книгой эти заголовки были сняты. Поэтому и мы опускаем заголовки фрагментов поэмы «Наливайко».

Над поэмой Рылеев работал, очевидно, с конца 1824 г.; намеченный вначале план ее (в чем-то со временем изменившийся) он успел выполнить примерно наполовину.

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ, НАПИСАННЫЕ СОВМЕСТНО С А. А. БЕСТУЖЕВЫМ

В процессе следствия по делу декабристов были выявлены сведения о шести агитационных песнях Рылеева и А. Бестужева: «Ах, где те острова...», «Ты скажи, говори...», «Ах, тошно мне...», «Вдоль Фонтанки-реки...», «Как шел кузнец из кузницы...», «Подгуляла я...»; тексты их были вырваны из следственных дел наряду с другими «возмутительными» стихами по личному распоряжению Николая I, но частично сохранились в копии, сделанной для себя делопроизводителем Следственного комитета (членом-корреспондентом ВОЛРС) А. А. Ивановским, одна же из них («Подгуляла я...») впоследствии была прочитана в показаниях М. И. Муравьева-Апостола, несмотря на то, что была тщательно зачеркнута. Ряд этих песен широко бытовал в устной традиции накануне восстания декабристов, что выясняется из мемуаров Н. И. Греча, А. О. Смирновой-Россет, И. Г. Головина, Н. А. Маркевича и др. Песню «Ах, где те острова...» вспоминал в своем одесском письме к брату в янв. 1824 г. Пушкин, позже ее размером написавший стихи «Как в ненастные дни...» (помещены в качестве эпиграфа к «Пиковой даме»), он же, по воспоминаниям Смирновой-Россет, на прогулках в Царскосельском парке в 1831 г. обычно распевал песню «Царь наш, немец русский...». После осуждения декабристов распространение этих песен не прекратилось. Известно, что они были пересказаны А. И. Полежаевым членам постдекабристского революционного кружка братьев Критских, что повлекло за собой специальное расследование в 1827 г. Их особенно ценили революционеры-народники, песни эти послужили образцом многим произведениям революционной потаенной поэзии, вплоть до начала XX века. Часть их впервые была напечатана А. И. Герценом. В 1950-х гг. в архиве П. А. Вяземского был обнаружен список, содержащий не только известные к тому времени, но и новые для нас агитационные песни, созданные декабристами.

1. Впервые: ПЗ на 1859. Кн. 5. С. 9 по неисправному списку, в котором текст этой песни был объединен с песней «Ты скажи, говори...» и со стихами Пушкина «Как в ненастные дни...». Наиболее полный и достоверный текст песни установлен Ю. Г. Оксманом на основании изучения дошедших до нас списков (ПССт., 1934). Песня эта, вероятно, была самой ранней из всего цикла, еще не столько агитационной, сколько сатирической, рассчи-

танной на пение в литературных кругах, в процессе которого она постепенно наполнялась новыми злободневными намеками. Вероятно, прежде всего эту песню имел в виду в своих показаниях во время следствия Е. П. Оболенский: «О помянутых Комитетом песнях я слышал... Сочинением же оных никто не занимался особенно (сколько мне известно), но каждый куплет имел своего автора; и вообще они были плоды веселых часов досуга поэтов и литераторов наших, членов и нечленов Общества — во время свиданий их между собою» (ВД. Т. 1. С. 267). Постепенное пополнение этой песни новыми куплетами подтверждается одновременностью намеков, заключенных в них: слухи о том, что Н. И. Греча высекли в полиции, так как он подозревался в составлении прокламаций к восставшему Семеновскому полку, относятся к 1820 г.; А. А. Бестужев служил поручиком лейб-гвардии драгунского полка до мая 1822 г. (*не дает карачун Смыслу* — намек на его прозу, не чуждую витиеватых выражений); под именем *Танты* весь литературный Петербург знал Е. И. Видеман, тетку жены Ф. В. Булгарина (женился же он в июле 1825 г.). «Pucelle» — «Девственница» (то есть «Орлеанская девственница»), запрещенная в России антиклерикальная, сатирическая поэма Вольтера. *Князь-чудодей* — вел. кн. Константин Павлович, командовавший войсками в Польше. Запись напева песни см. в кн.: Г л у м о в А. Музыкальный мир Пушкина. М.; Л., 1950. С. 158.

2. См. коммент. к предыд. песне. В песне речь идет о дворцовых переворотах 1762 и 1801 гг. — об убийстве Петра III и Павла I.

3. Впервые там же, в сокращенном (5 строф) и искаженном варианте. Текст на основании списков установлен Ю. Г. Оксманом в ЛН. Время создания песни определяется на основании куплетов о Волконском, Закревском (губернаторе Финляндии, со ставкой в г. Або) и Потапове (двое последних были назначены на свои посты 30 авг. 1823 г.; Волконский же в это время, будучи в отпуске за границей, продолжал числиться начальником штаба). *Трусит он масонов...* — намек на закрытие масонских лож в 1822 г. *Голубая лента* — знак высшего российского ордена Андрея Первозванного. Песня пелась на мотив дуэта из оперы-водевиля Н. П. Семенова «Удача от неудачи» (преьера 4 янв. 1817 г.) — см.: Г л у м о в А. Н. Революционные песни декабристов//Сов. музыка. 1950. № 12. С. 63—64.

4. Впервые — там же (7 строф). В процессе следствия было выяснено, что эту песню, наряду с некоторыми подблюдными, в 1824 г. на юг привез М. И. Муравьев-Апостол (ВД. Т. 9. С. 261). Полный текст песни установлен Ю. Г. Оксманом в ЛН. Песня исполнялась на мотив популярного романса Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох, скучно мне на чужой стороне».

5. Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861. С. 117, с заглавием «Песня К...ой», по неточному списку *...Развяжу язык У сенаторов...* — Здесь видят отражение принятого по предложению П. И. Пестеля на петербургских совещаниях 1824 г. плана издать манифест к русско-

му народу от имени Сената после победы восстания. Дошла до нас в показании на следствии М. И. Муравьева-Апостола (текст, записанный им, возможно, не полон).

6. Впервые в таком составе: ЛГ. 1950. № 125 по списку из архива П. А. Вяземского. До этого была напечатана лишь песня о кузнеце (в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия»). Во время следствия всплыли сведения и о песне «Вдоль Фонтанки-реки...» А. Бестужев показывал на следствии: «Не знаю, по научению ли общества сделал сие Рылеев, только однажды в 1822 г., в конце, в забавном расположении духа, пригласил он меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню «Ах, скучно мне» написали мы вместе, а некоторые подблюдные я один» (ВД. Т. 1. С. 457—458). Время создания подблюдных песен Бестужевым указано явно неточно: в 1822 г. Рылеев не был членом тайного общества, да и сам резкий антицаристский характер песен заставляет отнести их к последнему этапу движения декабристов; возможно, к зиме 1825—1826 годов: подблюдные песни пелись во время святочных гаданий. Преимущественное авторство Бестужева в их создании подтверждается отчасти тем, что в его рассказе «Страшное гадание» (1827) приводятся народные песни, послужившие образцом агитационных песен (см. в кн.: Б а з а н о в В. Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М., 1953. С. 194—196). *Как идет мужик из Новогорода...* — Здесь имеются в виду военные поселения, расположенные под Новгородом. *Вдоль Фонтанки-реки...* — Возможно, имеются в виду волнения в Семеновском полку в 1820 г. (Семеновский полк квартировал в районе Фонтанки; впрочем, на набережной Фонтанки размещались также полки Московский и Измайловский). *Князьки-голяки* — вел. кн. Николай и Михаил, шефы Измайловского и Московского полков. *Быть по сему* — формула царской резолюции.

ПРОЗА

1. М а с л о в. С. 81. Копия в составе тетрадки с произведениями воспитанников кадетского корпуса — ИРЛИ, без подписи, но с припиской неизвестного лица (составителя тетради?):

Тебе достойным быть сей песни, о Рылеев;
Ты будешь тот герой.— Карай только злодеев.

Написана между концом 1812 г. (после бегства французов из Москвы, о чем говорится в «Песне») и февр. 1814 г. (когда Рылеев оставил кадетский корпус). Образцом для Рылеева послужила «Песнь Оссиана после поражения римлян» Э. де Гарольда (см.: Л е в и н Ю. Д. Об источнике «Победной песни героям» К. Ф. Рылеева//РЛ. 1980. № 2).

2. М а с л о в. С. 46. Автограф — ИРЛИ. Заметка написана после возвращения из первого заграничного похода (1814). *Шафхаузен* —

главный город самого северного из швейцарских кантонов, близ Рейнского водопада.

3. Отрывки (часть третьего и четвертого письма): Соч., 1872. С. 218. Полностью: М а с л о в. С. 47. Автограф и копия — ИРЛИ. Письмо первое и начало второго утрачены. Дневник парижских впечатлений Рыльева (обращение к другу при этом, вероятно, обычная для того времени литературная условность). *Пале-Рояль*. — Сходное описание Пале-Рояля имеется в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина (Париж, 27 марта 1790), которые Рылеву служили отчасти образцом. *Кокетка* — пьеса. «*Vive Henry IV*». — О популярности этой, роялистской по своему содержанию песни, завезенной в Россию офицерами из Парижа, свидетельствует комедия А. С. Грибоедова и П. А. Катенина «Студент» и повесть А. С. Пушкина «Метель». Рылеев замечает в театральном зале скрытое недовольство парижан (*принужденное веселие многих*) Реставрацией. *Третье посещение*. — Имеется в виду Наполеон, находившийся в ссылке на о. Св. Елены (второе посещение — его правление Ста дней в 1815 г.). *Варфоломеевская ночь* — избиение гугенотов католиками во Франции 24 авг. 1572 г. *Варшавское кровопролитие* — акция революционного террора 9 мая 1794 г. в Варшаве в ходе национально-освободительного польского восстания под руководством Костюшко. *Суд над Маршалом Неем...* — Маршал Ней был предан суду за то, что во время Ста дней в битве при Ватерлоо перешел на сторону Наполеона. В 1815 г. был расстрелян. *Машина Марли*. — Рылеев имеет в виду водяную машину в Марли (по дороге на Версаль), считая это название именем механика. Машина эта описана в «Письмах русского путешественника» Карамзина, причем здесь замечалось, что изобретатель ее не знал грамоты. Рассказ о расправе с механиком основан у Рыльева на каком-то недостоверном слухе.

4. Соч., 1872. С. 217. Автограф — ИРЛИ. Фрагмент путевого дневника Рыльева (наряду с «Рейнским водопадом» и «Письмами из Парижа»)

5. Первый и третий очерки: НЗ. 1821. № 5. С. 48, 156; второй — М а с л о в. С. 72. Автографы (беловые и черновые) — ИРЛИ. *Липецкие воды* — «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), комедия А. А. Шаховского.

6. НЗ. 1821. № 5. С. 160. Беловой автограф — ИРЛИ. Отмечалось некоторое фабульное сходство между этим очерком и романом в стихах Пушкина «Евгений Онегин» (Л е р н е р Н. О. Заметки о Пушкине//РС. 1907, № 12).

7. ОЗ. 1820. № 8. С. 284 в форме письма в редакцию. О Бедраре см.: Л и т в и н о в В. О. Участники Отечественной войны и заграничных походов 1813—1815, из дворян и уроженцев Воронежской губернии. Воронеж, 1912; РА. 1877. Кн. 2. С. 437. К нему обращены стих. Рыльева «Пустыня (К М. Г. Бедраре)»; письмо Рыльева к М. Г. Бедраре см. на с. 290 наст. изд.

8. РС. 1871. Кн. 3. С. 83. Автограф — ИРЛИ. Возможно, вся заметка

предназначалась в качестве примечания к думе «Петр Великий в Остро-гожске» (в качестве примеч. использован лишь последний абзац).

9. ЛН. С. 15. Черновой автограф — ЦГАОР. Ранний вариант предисловия, замененный при подготовке сборника «Думы» более удобной, по цензурным условиям, редакцией.

10. ВЕ. 1888. Кн. 11. С. 212. Черновой автограф — ИРЛИ. Своеобразным коммент. к этому отрывку философско-исторического содержания являются, с одной стороны, заключительные слова первых показаний Рылеева после ареста, написанных им 14 дек. (см. с. 11—12 наст. изд.). С другой стороны, сохранившееся в рукописях Рылеева четверостишие доказывает, что понятие «дух времени» не было для него чем-то непостижимым для человека:

Заплатимте тому презрением холодным,
Кто хладен может быть к страданиям народным.
Старайтесь разгадать цель жизни человека,
Постичь дух времени и назначенье века.

Понятие «промысла» (провидения) с этой точки зрения переосмыслилось Рылеевым, как и многими другими декабристами, как основание нравственного права на революционное насилие. См.: Т о й б и н И. М. О прозаических набросках Рылеева философско-исторического содержания//Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. Вып. 3. 1954.

11. СО. Ч. 104. 1825. № 22. С. 145, с подзаголовком «Отрывок из письма к NN». Автограф черновой наброска начала ст.— ИРЛИ. В авторской сноске к ст. цит. кн. Ж. П. Ф. Ансильона «Эстетические рассуждения» (СПб., 1813. С. 134) и ст. Н. Р... на (Н. Рожалина?) «Нечто о споре по поводу Онегина» (ВЕ. 1825. № 17. С. 23—34).

ПИСЬМА

1. Соч., 1872 (без указания года и месяца); в ПСС, 1934, датировано 1811 г. Автограф — ИРЛИ. На обороте письма помета: «Получено 15 марта», на основании которой письмо датируется мартом 1809 г., так как пасха 1807—1813 гг., кроме этого года, падала на апрельские дни. 1. Сестра К. Ф. Рылеева, побочная дочь его отца. 2. Пасха в 1809 г. была 28 марта.

2. ЛН. С. 137. Автограф — ЦГАОР. Датируется по упоминанию о смерти кн. С. Ф. Голицына (апр. 1810 г.) и пасхальному поздравлению в начале письма (в 1810 г. пасхальное воскресенье было 17 апр.). К этому времени родители Рылеева проживали врозь: мать — в деревне Батово под Петербургом, приобретенной в начале 1800 г., отец служил главным управляющим имениями кн. С. Ф. Голицына на Украине.

3. XIX век. Кн. 1. М., 1872. С. 362. 1. Ср. стих. «Вотще в различные рядим его одежды...», с. 59 наст. изд. 2. Имеется в виду предание

о древнегреческом философе-кинике Диогене, который при дневном свете ходил с фонарем, говоря: «Ищу человека». З. П. Ф. Малютин (умер 16 сент. 1820 г.) и его жена, над детьми которой впоследствии К. Ф. Рылеев был назначен опекуном.

4. Соч., 1872. С. 229. Автограф — ИРЛИ. Датируется на основании письма отца от 25 июня 1813 г., на которое служит ответом.

5. ВЕ. 1888. Кн. 11. С. 200. Автограф — ИРЛИ.

6. Соч., 1872. С. 261 (без обращения и последних трех абзацев; далее неточные публикации писем нами не оговариваются). Автограф — ИРЛИ. 1. «В Архиве внешней политики России (дело «К. Ф. Рылеев») хранится... девять рапортов «артиллерии прапорщика» Рылеева... М. Н. Рылееву. Содержание этих рапортов однотипно: Рылеев извещает начальство о своих переездах по населенным пунктам Саксонии в районе города Торгау, информирует его о состоянии дорог, жалуется на неуважительное отношение к нему местных властей и т. д. Из этих рапортов видно, что 20 июня 1814 г. Рылеев посетил Делич, 21 июня — Дюбек, с 21 по 25 июня был в Герцберге, 25 июня — в Дамме» (ЛН. С. 166).

7. Соч., 1872. С. 262. Автограф — ИРЛИ. 1. Княгиня В. В. Голицына, у мужа которой служил управляющим отец Рылеева.

8. ПСС, 1934. С. 437. Автограф — ИРЛИ. Датируется на основании формулярного списка Рылеева, где сказано, что он послан «1815 года, апреля с 12 за границу» (ВД. Т. 1. С. 151). 1. См. заметку о «Рейнском водопаде», датированную 25 марта 1814 г.— с. 228 наст. изд.

9. Соч., 1872. С. 438. Автограф — ИРЛИ. 1. Рождествено — село в нескольких верстах от Батово, некогда принадлежавшее царевичу Алексею Петровичу — см. думу Рылеева «Царевич Алексей Петрович в Рождествене», с. 153 наст. изд. 2. См. заметку Рылеева «Еще о храбром М. Г. Бедраре», с. 249 наст. изд. 3. Почтовая станция близ Батово; в настоящее время здесь открыт Музей стационарного зрителя. 4. Вдова С. Ф. Голицына княгиня В. В. Голицына предъявила к наследникам Ф. А. Рылеева, скончавшегося в 1814 г., большой денежный иск.

10. Соч., 1872. С. 267. Автограф — ИРЛИ.

11. В подлиннике описка: «ноября» (в нояб. 30 дней). Соч., 1872. С. 270. Автограф — ИРЛИ.

12. В подлиннике описка: «1819». Соч., 1872. С. 275. Автограф — ИРЛИ. 1. Между тем письмо матери от 19 окт. 1817 г. было получено Рылеевым (сохранилось в его архиве). Возможно, он не признается в этом, не желая отвечать на материнские увещания. 2. См. письмо Рылеева к П. Ф. Малютину и коммент. к нему, с. 288 и 377 наст. изд.

13. Соч., 1872. С. 271. Автограф — ИРЛИ. 1. См. примеч. к предыд. письму.

14. Соч., 1874. С. 242. Автограф — ИРЛИ. 1. Письмо это до нас не дошло. В Мценск Рылеев прибыл в февр. 1817 г. в качестве квартирьера перед переводом артиллерийской бригады из местечка Ротово (ныне г. Ретавас Литовской ССР) в Орловскую губернию.

15. Былое. 1925. № 5. С. 29.

16. Соч., 1874. С. 247. Автограф — ИРЛИ. 1. То есть Наталия Михайловна, невеста Рылеева.

17. Черновик письма, без обращения и даты — ИРЛИ. Они определяются по содержанию письма; ср. также письмо Рылеева к матери от 2 июня 1819 г. Вполне очевидно, что деньги, необходимые на уплату долга в счет утраты в г. Мценске (см. письмо к матери от 18 июня 1818 г.) и на свадебные расходы, получены им именно от П. Ф. Малютина, — вероятно, в ответ на прямую просьбу об этом (см. приписку к письму матери от 31 янв. 1818 г.).

18. М а с л о в. С. 90. Автограф и копия — ИРЛИ.

19. ПСС, 1934. С. 454. Автограф — ИРЛИ.

20. Отрывок письма сохранился в полицейских делах как результат перлюстрации писем, в поисках откликов на возмущение Семеновского полка. Опубликовано в ст. С. Я. Штрайха «Новые письма декабристов» (в сб.: Утренники. 1922, № 2, июнь. С. 69). 1. Александр I находился на конгрессе государств Священного союза в Троппау, где и узнал о возмущении Семеновского полка. 2. Будущий император Александр II. 3. См. с. 36 наст. изд.

21. Как и предыд., это письмо также было перлюстрировано властями — см.: Черты к характеристике русского общества 1820—1826 гг. // РС. 1882, № 2. С. 471—472.

22. М а с л о в. С. 92. Автограф — ИРЛИ. 1. Дочь Рылеева, Настя, родилась 23 мая 1820 г. 2. Издателями НЗ были И. М. Сниткин и Г. П. Кругликов; Рылеев опубликовал здесь несколько произведений в стихах и прозе (в том числе и стих. «К временщику»).

23. РС. 1871, № 1. С. 65. Автограф — ИРЛИ. 1. «История Государства Российского» Н. М. Карамзина. 2. Далее в письме следует текст думы «Курбский». 3. А. А. Дельвиг. 4. А. Ф. Воейков.

24. РС. 1871, № 1. С. 68. Автограф — ИРЛИ. 1. В 1821 г. в СО появились думы «Курбский» и «Святополк», а также «Послание к Н. И. Гнедичу».

25. М а с л о в. С. 93. Автограф — ИРЛИ. 1. Рылеев нанял одноэтажный дом с мезонином на Васильевском острове между Большим и Средним проспектами по 16 линии (дом Белобородова). 2. Жена оставалась в Батово.

26. Былое. 1925, № 5. С. 30. 1. Пасха, 2 апр.

27. Соч., 1872. С. 280. Автограф — ИРЛИ.

28. ЛН. С. 138. Автограф — ЦГАОР. 1. ПЗ. 2. Пушкин называл Вяземского в шутку «Шолье Андреевичем», по фамилии французского поэта-эпикурейца XVII — начала XVIII вв.

29. Соч., 1872. С. 280. Автограф — ИРЛИ. 1. В Киев Рылеев ездил, чтобы урегулировать дела с иском кн. Голицыной о долге покойного отца.

30. Соч., 1872. С. 281. Автограф — ИРЛИ. 1. У Е. И. Малютинной.

31. Петербургский вестник. 1861, № 14. С. 314. 1. Вероятно, стих.

«Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры». 2. В ПЗ на 1823 были напечатаны стих. Дельвига «Песня» («Ах, ты ночь ли...»), «На смерть ***», «Вдохновение», «Песня» («Роза ль ты роза, роза душистая...»). 3. В ПЗ на 1823 были напечатаны три стих. Пушкина: «Гречанке», «Мечта война» («Война»), «Овидию». Какие три стих. Пушкина не были пропущены цензурой, неизвестно, кроме «Алексееву» (оно цит. ниже), которое удалось, однако, напечатать в третьем выпуске альманаха.

32. *Obrazy i widerunki historyczne z ilustracyami*. Warschawa, s. 330. Русские ведомости. 1904, № 81. 1. См. с. 112 наст. изд.

33. М а с л о в. С. 94. 1. П. П. Свиньин был издателем ОЗ.

34. ЛН. С. 139. Автограф — ЦГАЛИ. 1. Здесь напечатаны следующие стих. Вяземского: «Послание к И. И. Дмитриеву», «Всякий на свой покрой», «Цветы», «Надписи к портретам» и пять эпиграмм. 2. Во втором выпуске альманаха были напечатаны стих. «Молоток и гвоздь», «Воли не давай рукам», «В шляпе дело», «Петербург», «Давным-давно». 3. «Овидию» и «Мечта война» («Война»).

35. ВЕ. 1888, № 11. С. 202. В ИРЛИ хранятся черновик на русском языке (рукою Рылеева), черновик и беловик на польском языке, русский перевод для Следственного комитета (на почтовой бумаге в траурной рамке; именно такой бумагой пользовался в конце 1825 — начале 1826 гг. Ф. В. Булгарин. Любопытно, что только на этом экземпляре письма имеется дата — можно полагать, что как переводчиком на польский язык письма Рылеева, так и переводчиком с польского, по требованию Следственного комитета, был именно Булгарин). 1. Имеется в виду псалом Давида «На реках вавилонских» (см.: Псалт. СXXXVI. 1—6). 2. Меандр — река в Малой Азии, знаменитая красотой обитающих здесь лебедей (в рукописных источниках и в публикациях ошибочно: Леандр). 3. В конце 1822 г. Рылеев не выезжал из Петербурга: он был занят подготовкой альманаха ПЗ.

36. Труды Черниговской архивной комиссии. Вып. 2. Чернигов. 1899—1900. Отд. I. С. 25. 1. А. Ф. Воейков, издатель НЛ и РИ, пользовался известностью как автор литературно-сатирической (не опубликованной в то время) поэмы «Дом сумасшедших» и переводчик поэмы Делиля «Сады» (отрывки из которой печатались в ПЗ на 1823 и 1824). 2. Речь идет о литературном вторнике (в тот год он падал на 3 июля) в гостиной А. А. Воейковой (Светланы), в доме Меншикова на Невском проспекте (ныне д. 64); здесь же жил и В. А. Жуковский. 3. По всей видимости, речь идет о «Наталии Долгоруковой», которая позже была напечатана в НЛ. А. А. Воейковой была посвящена дума (повесть) «Рогнеда», опубликованная ранее, в ПЗ на 1823.

37. XIX век. Кн. 1. М., 1872. С. 365. Ссора Рылеева с Булгаринным произошла из-за того, что последний подал прошение в «Комитет о раненых» о передаче ему от А. Ф. Воейкова права на издание газеты РИ, обязуясь платить в Комитет вдвое больше.

38. ПД. С. 142. Черновой автограф — ИРЛИ (здесь же письмо Рылеева к И. М. Тевяшову от 4 окт. 1823 г.). 1. Сын Рылеева, родился около 1 сент. 1823 г., умер 6 сент. 1824 г. 2. Дочь Рылеева жила в то время у бабки, Тевяшовой М. М.

39. Былое. 1925, № 5. С. 35; ПД. С. 18. Автограф — ГПБ. 1. Шутливо подразумеваются Рылеев и Бестужев — «братья-разбойники» (см. думу «Мстислав Удалий», в которой рассказывается о поединке тмутараканского князя с косою Редедей). 2. А. С. Пушкин служил в то время вместе с В. Туманским в Одессе. 3. Имеется в виду стих. Туманского «Милой деве», напечатанное в ПЗ на 1823. 4. Б. М. Федоров нападал на стих. Туманского как представителя «новой школы» в статье «Разговор о романтиках и о Черной речке» (Благонамеренный. 1823, № 15). 5. Вероятно, имеется в виду стих. «Элегия» («Как звонкое журчание Салгира»), «Торжество поэта», «Манцил (из Мильвуа)». 6. А. С. Пушкин. 7. Стих. «Алексееву» («Мой милый, как несправедливы...») представлялось в цензуру — также безуспешно — еще для предыдущего выпуска альманаха (см. письмо к Баратынскому от 6 сент. 1822 г.). 8. «Иностранке» («На языке тебе невнятном...») — впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина» (СПб., 1826). 9. Это письмо не дошло до нас. 10. Стих. «Кривцову» («Не пугай нас, милый друг...») впервые напечатано в «Стихотворениях Александра Пушкина». 11. Стих. «Отрывок из послания В. Л. Пушкину» («Что восхитительней, живей...»), однако, появилось в ПЗ на 1824. 12. «К друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...»). 13. Высказывалось предположение (см.: ПСС, 1934. С. 785); что здесь имеется в виду стих. «О дева-роза, я в оковах...», напечатанное в сборнике 1826 г. под названием «Подражание турецкой песне» и с датой «1820». Однако дата эта опровергается положением чернового автографа данного стих. среди произведений, написанных в Михайловском в марте — мае 1825 (ни в коем случае не раньше). Более вероятно, что Рылееву стала известна «Татарская песня» («Дарует небо человеку...»), вошедшая позже в поэму «Бахчисарайский фонтан» и в черновом автографе 1822—1823 гг. озаглавленная: «С турецкого». 14. «Адели» («Играй, Адель...») — посвящено дочери В. А. Всеволожского (см.: К а з а н ц е в П. М. Пушкин и Всеволожские // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983); в альманахе напечатано под заглавием «В альбом мадютке». 15. Баллада Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» долгое время не пропускалась цензурой в печать (в ПЗ она также опубликована не была). 16. С герцогом Вюртембергским, адъютантом которого он был. 17. В ПЗ на 1824 помещены ст. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года», повесть «Замок Нейгаузен» и «Роман в семи письмах». 18. То есть музу — см. примеч. 3. 19. То есть к Рылееву — см. примеч. 1. 20. Имеется в виду стих. «Торжество поэта», начинающееся так: «Когда Владыку муз (то есть Аполлона.— С. Ф.) с холмов его счастливых Пустынный-юноша, игрою струн своих, В неведомый шалаш приманит, хоть на миг, Он празднует сей миг в мечтах честолюбив-

вых!..» Рылеев ошибочно называет это стих. (см. примеч. 3), так как и в нем воспевается муза. «Торжество поэта» было напечатано в Соревнователе (1823. Ч. 21. Кн. 2). 21. Кроме упомянутых выше, в ПЗ на 1824 были напечатаны следующие произведения Пушкина: «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...»), «Нереида», «К Морфею», «Элегия» («Редет облаков летучая гряда...»), «Элегия» («Простишь ли мне ревнивые мечты...»), «Домовому», «Надпись к портрету» («Судьба свои дары явить желала в нем...»).

40. ПД. С. 142. Черновой автограф — ИРЛИ (на одном листе с письмами Рылеева и его жены к родным от 20 сент. 1824 г.), с пометой рукой Н. М. Рылеевой: «октября 4 число 1823». 1. Первоначально было написано: «Посылаю три экземпляра», с просьбой отдать «другой М. Г. Бедрге, а третий Н. Ф. Матвееву».

41. М а с л о в. С. 94. Автограф — ИРЛИ. 1. Речь идет о сыне и дочери (бывшей в то время у бабушки, в Воронежской губ.). 2. Отдельный оттиск оды «Видение».

42. ЛН. С. 28 — здесь записка датируется концом апр. 1825 г. При этом предполагалось, что после ссоры с Булгариным в сент. 1823 г. Рылеев с ним не общался вплоть до марта 1825 г. (см. с. 304 и 378 наст. изд.). Однако впоследствии было обнаружено письмо Булгарина к П. А. Муханову от 19 янв. 1825 г., где, в частности, говорится: «С Рылевым мы вчера жестоко поссорились и, кажется, навсегда. Мне кажется, что он виноват противу меня и крепко. Но это мне не помешает почитать его всегда добрым и честным человеком и любить заочно.— Ни говорить, ни писать противу него не стану дурно, ибо во мне есть еще кроха совести. Я не почитаю всех тех дурными, с которыми поссорюсь, ибо я сам болван порядочный, горяч, часто бываю дерзок: это физика — много крови» (См.: РЛ. 1971, № 2. С. 114). Следовательно, примирение в марте 1825 г. произошло именно после этой январской ссоры. Что же касается несостоявшейся дуэли Дельвига с Булгариным (Рылеев должен был быть секундантом у последнего), то о ней сохранилась запись в дневнике А. А. Бестужева от 19 июня 1824 г.: «У Рылеева с Баратынским. История Дельвига с Булгариным». Пушкин позднее вспоминал: «Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: «Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил». П. В. Нащокин, который был секундантом Дельвига, также вспоминал, что Булгарин отказался от поединка и «Дельвиг послал ему ругательное письмо за подписью многих лиц». Именно июнем, согласно дневниковой записи А. А. Бестужева, и следует датировать данную записку Рылеева (см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978, С. 28, 255). Дополнительным подтверждением необоснованности датировки этой записки весенними днями является адрес, помеченный на ней: «На Сампсониевской улице, у бутки в доме Калугиной» (на месте современного дома 49/10 по пр. К. Маркса) — это адрес летней дачи Булгарина.

43. Литературный архив. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 422. Копия рукой А. А. Бестужева за подлинными подписями Бестужева и Рылеева — ИРЛИ; сбоку приписка неизвестной рукой: «Письмо к Александру Федоровичу Воейкову по случаю перепечатки из «Полярной звезды» в «Славянине». Дано Ф. Булгарину». 1. В июльском номере НЛ за 1824 г. А. Ф. Воейков напечатал начало поэмы Пушкина «Братья разбойники», отданное автором для ПЗ на 1825 (где оно и появилось, не имея, однако, по произволу Воейкова, прелести новизны). 2. Предполагают (см.: ЛН. С. 140), что письмо это было написано в июне — июле 1823 г. в ответ на перепечатку из ПЗ на 1823 в НЛ (1823. Кн. 3, № 1) стих. Пушкина «Элегия», Вяземского «Всякий на свой покрой» и думы Рылеева «Иван Сусанин» (Кн. 3, № 11). Письмо это, однако, не было, вероятно, отправлено издателю НЛ, так как он пользовался покровительством В. А. Жуковского и до поры до времени оставался безнаказанным в своих издательских плутнях.

44. В кн.: П и г а р е в К. Жизнь Рылеева. М., 1947. С. 137. Автограф — ЦГАДА. Написано в Москве, где Рылеев остановился проездом из Воронежа в Петербург. Несколько раньше в Москву была послана рукопись дум с надписью на титульном листе: «По нахождению моему в г. Воронеже покорно прошу гвардии капитана Петра Александровича Муханова подать рукопись сию в Цензурный комитет Московского университета и обратно получить оную. К. Рылеев. Воронеж. Ноября 14 дня 1824 года» (ЛН. С. 142). Рукопись была передана в комитет 18 дек. 1824 г., а спустя четыре дня разрешена к печати.

45. Соч., 1872. С. 283. Автограф — ИРЛИ. 1. Дуэль К. П. Чернова с В. Д. Новосильцевым состоялась (последний сватался к сестре Чернова, но по настоянию аристократки-матери отказался от сватовства) 8 сент. 1825 г. со смертельным исходом для обоих противников. Рылеев был секундантом Чернова и оставил записку о поединке — вероятно, для генерал-губернатора гр. Милорадовича (см.: ПСС, 1934. С. 313). Ему же долгое время приписывалось стих. «На смерть Чернова», которое в настоящее время убедительно атрибутировано В. К. Кюхельбекеру.

46. Соч., 1872. С. 283. Автограф — ИРЛИ. 1. Наводнение произошло 7 нояб. 1824 г. 2. Во время отсутствия Рылеева в его квартире в доме Российско-американской компании у Синего моста (ныне наб. Мойки, д. 72) жил Бестужев. 3. На Васильевском острове, в 16 линии.

47. ПЗ на 1861. С. 33. Автограф — ИРЛИ (нижний край с подписью оторван). 1. Поэма «Цыганы» была окончена в начале окт. 1824 г. и стала известна в литературных кругах Петербурга в чтении Л. С. Пушкина. Орывок из поэмы был продиктован автором Пушкину и был напечатан в ПЗ на 1825. 2. Письмо было привезено в Михайловское И. И. Пушкиным 11 янв. 1825 г. В ответном письме 25 янв. Пушкин писал: «Благодарю тебя за ты и за письмо».

48. ЛН. С. 144. Автограф — ЦГАОР. 1. О прохождении сборника «Думы» в цензуре см. примеч. к ним с. 363 наст. изд.

49. Киевская старина. 1899. Кн. 3. С. 300. Письмо не датировано, но написано на одном листке с письмом А. Бестужева, помеченным «15 января». Послано с Мицкевичем, который был выслан с двумя своими товарищами из Петербурга в Одессу.

50. Соч., 1872. С. 285. Автограф — ИРЛИ. 1. Мать Рылеева умерла 2 июля 1824 г.

51. В кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 98 (отрывок); ПСС, 1934. С. 479. 1. Об этой истории см.: ПСС, 1934. С. 790. 2. Письмо к Оболенскому до нас не дошло.

52. Соч., 1872. С. 285. Автограф — ИРЛИ. 1. Пасхальная неделя в 1825 г. падала на 29 марта — 4 апр. 2. Вероятно, имеется в виду заговенье (последнее воскресенье масленицы), в 1825 г. — 8 февр.

53. Соч., 1872. С. 287. Автограф — ИРЛИ (здесь ошибочно написано «Генваря 10», между тем как масленица кончалась в 1825 г. 8 февр.).

54. ПЗ на 1861. С. 33. Автограф — ИРЛИ (здесь ошибочно помечено «12 генваря»). 1. План поэмы до нас не дошел. Рылеев вскоре решил писать трагедию о Хмельницком. 2. Письмо от 25 янв. 1825 г. с отзывом о комедии Грибоедова «Горе от ума».

55. ЛН. С. 144. Автограф — ЦГАЛИ. 1. У Вяземского умер ребенок. 2. Под этим псевдонимом писал издатель ВЕ М. Т. Каченовский. 3. См. с. 362 наст. изд. 4. См. с. 368 наст. изд. 5. В ПЗ на 1825 напечатаны стих. Вяземского «Того-сего» и «Графиням Чернышевым». 6. «Отрывки из письма о Швейцарии». 7. «Невский альманах». 8. То есть «скоты» — ср. в «Горе от ума»: «А впрочем, он дойдет до степеней известных, Ведь нынче любят бессловесных». 9. «Отрывок из Гете» («Пролог в театре» к «Фаусту»). 10. Ноты романса Грибоедова (музыка А. Н. Верстовского из оперы-водевила Грибоедова и Вяземского «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом») были помещены в альманахе в качестве приложения.

56. Соч., 1872. С. 288. Автограф — ИРЛИ (с пометой рукою Н. М. Рылеевой: «Получено марта 12 чи(сла)»).

57. Соч., 1872. С. 289. Автограф — ИРЛИ. 1. Вел. кн. Александра Федоровна родила дочь Александру 13 июня (СП. 1825, 16 июня).

58. Соч., 1872. С. 290. Автограф — ИРЛИ. 1. После смерти отца Н. М. Рылеевой. 2. Пожар в Новом театре, открытом 1 янв. 1825 г.

59. ПЗ на 1861. С. 38—39. Автограф — ИРЛИ. 1. Байрон, возражая своему соотечественнику и поэту Боульсу в споре о том, что должна изображать поэзия (природу или искусственные предметы), говорил, что мастерски описанная колода карт выше вяло описанных деревьев. 2. Трагедия «Ирод и Мариамна». 3. Очевидно, мнение о «Думах» было высказано при встрече с Пушиным в Михайловском 11 янв. 1825 г. 4. Именно первая (теоретическая) часть обзора А. Бестужева вызвала возражение Пушкина. Во второй же части обзора (недаром Рылеев не предполагает ее одобрения Пушкиным) исподволь проведено противопоставление автора «Евгения Онегина» автору «Горя от ума» не в пользу первого из них

(см. об этом: Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983).

60. ПД. С. 143.

61. Соч., 1874. С. 222. Автограф — ИРЛИ. Датируется по номерам СП, в которых были напечатаны рецензии на поэмы «Войнаровский» и сборник «Думы». 1. Далее тщательно зачеркнуты две строки, написанные Рылеевым после возвращения ему письма как первоначальный ответ на приписку Булгарина. Зачеркнуто самим Рылеевым, теми же чернилами, какими писались эти строки, поэтому специальное фотографирование в Лаборатории реставрации и консервации документов ЛО АН СССР позволило определить лишь отдельные буквы и границы слов и восстановить зачеркнутое предположительно: «Зависть главный наш враг. Греч может быть иногда беспощаднее...» (одно слово совершенно не читается).

62. ПЗ на 1861. С. 39. Автограф — ИРЛИ. 1. В альманахе напечатаны отрывки из поэм «Братья разбойники» и «Цыганы» (ранее воровски напечатанные в НЛ, см. с. 381 наст. изд.), а также «Послание к А (лексе-еву)» («Мой милый, как несправедливы...»), дважды задерживавшееся в цензуре. 2. Альманах «Звездочка» был частично набран, но не увидел света после событий 14 дек. 1825 г. Здесь был помещен «Отрывок из III главы Евгения Онегина. Ночной разговор Татьяны с ее няней». 3. Дельвиг посетил Пушкина в Михайловском несколько позже, во второй половине апреля. 4. Об «Автобиографических записках» Пушкина Рылеев, очевидно, узнал от Пушкина. «Записки» были сожжены после 14 дек. 1825 г., так как в них были отражены взаимоотношения Пушкина с декабристами.

63. ВЕ. 1888, № 11. С. 204. Автограф — ИРЛИ (вверху помета: «получено: 28-е марта»). 1. Общее собрание акционеров Российско-американской компании. 2. Экземпляры поэмы «Войнаровский», изданной в Москве.

64 и 65. Соч., 1872. С. 290, 291. Автограф — ИРЛИ.

66. ПЗ на 1861. С. 37. Автограф — ИРЛИ (оторван край листа). 1. Принц Оранский пребывал в Москве с 24 апр. по 7 мая 1825 г. (СП. 1825, 5 мая и 16 мая). 2. Цит. третье «Подражание Корану» Пушкина. 3. Цит. из песни Земфиры («Цыганы»). 4. В заметках «Опровержение на критики...» Пушкин позже (1830) писал: «Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазающей публики... (Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее). Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы, *ma tanto meglio*» (но тем лучше.— *ит.*).

67. ПЗ на 1861. С. 40. Автограф — ИРЛИ. 1. В письме к брату от 22 апр. 1825 г. Пушкин писал, что Дельвиг «любит лежать на постели, восхищаясь Чигиринским старостою». Отвечая Рылееву, Пушкин писал во второй половине мая: «Об «Исповеди Наливайко» скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым; но и тут, конечно, наложил ты свою печать». 2. См.

примеч. I к 59 письму. 3. Имеются в виду «Подражания Корану» Пушкина.

68. ПЗ на 1861. С. 36—37. Автограф — ИРЛИ.

69. ВЕ. 1888, № 11. С. 208. Черновой автограф — ИРЛИ. Шутливая записка написана, как очевидно, в ответ на пересланные Рылееву Дельвигом пятьсот рублей от Баратынского. 1. Строка из посвящения к «Войнаровскому». Пушкин вспоминал, что Дельвиг «уморительно сердился» на Рылеева за эти строчки, говоря: «Гражданствуй в прозе».

70. ПЗ на 1861. С. 35. Автограф — ИРЛИ. 1. Альманах «Звездочка». 2. См. с. 256 наст. изд.

71. Этим письмом открывается переписка Рылеева с женой из Алексеевского равелина Петропавловской крепости (Соч., 1872. С. 291—334). Автографы — ИРЛИ. В эпистолярном наследии Рылеева эти письма занимают очень важное место. Разрешение царя на переписку с женой и денежные подачки ей были одним из расчетливых ходов царя, адресуемых к общественному мнению. Рылеев с самого начала своего заключения (он был арестован вечером 14 дек. 1825 г.) выдерживал позицию раскаивающегося заговорщика, несущего всю ответственность за восстание 14 дек., надеясь этим в какой-то мере облегчить участь своих товарищей. В ходе следствия выяснилось, что «откровенность» его была отнюдь не полной, и сведения у него следствию приходилось вырывать путем длительных допросов и очных ставок. Видимо, Рылеев не обманывался в том, что будет приговорен к смерти. Тем более важно было не отягчать тяжелого положения своей семьи, оставшейся при стесненных средствах и отмеченной клеймом семьи государственного преступника. Вся переписка с женой, конечно, тщательно просматривалась жандармами, и вполне естествен поэтому ее «благонамеренный тон», как и полное отсутствие в ней какой-либо информации, интересовавшей следствие. С другой стороны, ожидающий самой суровой кары Рылеев должен был подготовить постепенно к этой мысли свою жену, дать ей практические советы по устройству материальных дел.

76. 1. «Историю Государства Российского» передавать Рылееву было запрещено. 2. Сочинение Фомы Кемпийского представляло собою популяризацию основ христианской морали в духе средневекового аскетизма и пользовалось популярностью у заключенных декабристов. Его же вспоминал Пушкин в рецензии на книгу итальянского карбонария Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» (Современник. 1836. Т. 3).

79. Соч., 1872. С. 305 (в редакции 13 марта). Данное письмо не было передано жене. По-видимому, Рылееву было предложено его переписать, изменив ряд фраз, что он и сделал 13 марта. 1. 13 марта после этой фразы следовало: «Раскаиваюсь и благодарю всевышнего, что он открыл мне глаза». 2. Добавлено: «столь милосердному» (13 марта). 3. В письме 13 марта «многие из них...» и прочее — опущены.

80. Датируется по смежным ответным письмам жены, имеющим даты 17 и 20 марта.

81. *1.* О ходе продажи Батова после казни Рылеева и об устройстве остальных его имущественных распоряжений см. в ст. В. Нечаяева «Батово, усадьба Рылеева» (Звенья. С. 194—212).

82. *1.* Первоначальный набросок доверенности приведен выше., см. с. 338—339 наст. изд., окончательный текст: Звенья. С. 211.

88. *1.* Разрешение на свидание было дано 9 июня (Соч., 1872. С. 329). Об этом свидании Д. А. Кропотков вспоминал: «Мы отправились в Петропавловскую крепость в коляске. Наталья Михайловна с бабушкой (Кропотова — С. Ф.) Прасковьей Васильевной сидели рядом, Настенька и я напротив. Проехав Иоановские ворота, мы сейчас же остановились, не доезжая палисадника. Наталья Михайловна с Настенькой отправились в каземат... Спустия три четверти часа Наталья Михайловна и Настенька возвратились в слезах, беспрестанно оглядываясь на одно окно. На окне, за железную решеткой, стоял Рылеев, в белой одежде, слегка потрясая вздетыми к небу руками. Сидя в коляске, мы смотрели на окно каземата и заливались слезами. Кучер Петр, сняв свою шляпу, громко рыдал и причитывал, как это водится в деревнях по умершим. Наконец мы тронулись» (ПДвВС. Т. 2. С. 20).

89. XIX век. Кн. 1. М., 1982. С. 372 (в составе воспоминаний Оболенского, воспроизведшего это письмо, написанное на кленовых листьях, по памяти).

90. Письмо написано после того, как 12 июля Рылееву объявили смертный приговор. Широко распространялось в списках, некоторые из которых дошли до нас. По одному из списков впервые опубликовано в «Записках» Н. И. Греча (РВ. 1868, № 6. С. 384). Известно стих. переложение этого письма. *1.* Деньги были переданы вдове Рылеева комендантом Петропавловской крепости А. Сукиным 25 июля 1826 г. (Соч., 1872. С. 334).

На вклейке: *К. Ф. Рылеев*. Гравюра неизвестного художника. 1820-е годы. (Медальон Н. М. Рылеевой.) Музей Революции СССР (Москва).

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

- Агамемнон** (*греч.*) — царь Микенский, герой «Илиады» Гомера.
- Аквилон** (*рим.*) — олицетворение северного ветра.
- Альбион** — древнее название Великобритании.
- Амур** (*рим.*) — бог любви.
- Анахорет** (*греч.*) — отшельник, человек, чуждающийся общества.
- Андромаха** (*греч.*) — жена Гектора, героя Троянской войны; героиня «Илиады» Гомера.
- Аониды** (*рим.*) — см. **Музы**.
- Аполлон** (*греч.*) — бог солнца, покровитель поэзии и искусств.
- Арей** (*греч.*) — бог войны; возлюбленный Афродиты.
- Вакх** (*греч.*) — бог вина и веселья, покровитель виноградарства.
- Венера** (*рим.*) — богиня любви и красоты; у греков Афродита.
- Геба** (*греч.*) — богиня юности, дочь Зевса; подносила богам на Олимпе нектар и амброзию.
- Гектор** (*греч.*) — старший сын царя Трои Приама; герой «Илиады» Гомера.
- Геликон** (*греч.*) — гора в Беотии, посвященная Аполлону и музам; на ней находился легендарный источник Ипокрены, возбуждающий поэтическое вдохновение.
- Гермес** (*греч.*) — вестник богов; бог красноречия и торговли.
- Гермиона** (*греч.*) — дочь Спартанского царя Менелая и Елены; упоминается в «Илиаде» Гомера.
- Гетеры** — в Др. Греции незамужние женщины, ведущие свободный образ жизни.
- Гименей** (*греч. и рим.*) — бог брака.
- Голиаф** (*библ.*) — великан, сраженный Давидом; позднее — олицетворение грубой силы.

Грации (рим.) — три сестры-богини, состоявшие в свите Венеры; богини красоты, радости.

Делия (рим.) — возлюбленная Тибулла, прославленная в его элегиях; в классической поэзии условное имя возлюбленной поэта.

Зефир (греч.) — олицетворение западного ветра; в поэзии — приятный легкий ветерок.

Змий Пифийский (греч.) — Пифон, мифологическое чудовище, убит Аполлоном (отсюда — Аполлон Пифийский).

Илион, или Троя (греч.) — древний город в Малой Азии, известный по «Илиаде» Гомера.

Иракл, или Геракл, Геркулес (греч.) — герой, отличавшийся большой физической силой.

Кастальские воды — родник на горе Парнас; в Др. Греции почитался как дарующий поэтическое вдохновение.

Киприда (греч.) — одно из имен Афродиты.

Клио (греч.) — муза, покровительница истории.

Крон (греч.) — божество всеокрушающего времени.

Лайса (греч.) — имя двух гетер; в классической поэзии условное имя обольстительницы.

Лаокоон (греч.) — жрец Аполлона в Трое; упоминается в «Илиаде» Гомера.

Латона (греч.) — возлюбленная Зевса, мать Аполлона и Артемиды.

Лета (греч.) — река забвения в подземном царстве.

Марс (рим.) — см. Арей.

Мегера (греч.) — одна из эриний, богинь кровной мести, доводящих виновного до безумия; в переносном смысле — злая сварливая женщина.

Мельпомена (греч.) — муза, покровительница трагедии.

Минерва (рим.) — богиня, покровительница ремесел и искусств; почиталась как богиня войны и государственной мудрости.

Минотавр (греч.) — чудовище (полубык, получеловек), заключенное критским царем Миносом в лабиринт.

Моисей (библ.) — пророк у христиан, иуданстов и мусульман.

Мом (греч.) — бог насмешки и злословия.

Морфей (греч.) — бог сновидений.

Музы (греч.) — богини поэзии, искусств и наук.

Орест (*греч.*) — герой «Илиады», сын Агамемнона, известный, в частности, своей неразлучной дружбой с Пиладом.

Паллада (*греч.*) — прозвище богини мудрости Афины.

Пальмира — древний город в Сирии, знаменитый своими архитектурными памятниками; Северной Пальмирой с сер. XVIII в. стали называть Петербург.

Парки (*рим.*) — три богини судьбы, прядущие и обрывающие нить человеческой жизни.

Парнас (*греч.*) — гора в Греции; местопребывание Аполлона и муз.

Пафосские проказы — проказы Афродиты, т. е. любовные.

Пегас (*греч.*) — крылатый конь; символ поэтического вдохновения.

Пелид (*греч.*) — прозвище Ахилла, «Пелеева сына».

Пери (парсы, инд.) — волшебные существа, отвернувшиеся от царства мрака и стремящиеся к свету.

Перун (*слав.*) — бог грозы; в Др. Руси покровитель князя и дружины, глава языческого пантеона.

Петр (*библ.*) — в Новом завете один из апостолов.

Поликсена (*греч.*) — дочь Приама и Гекубы.

Рифей (*рим.*) — античное название Уральских гор.

Сатурн (*рим.*) — бог всепожирающего времени.

Тирезий (*греч.*) — слепой прорицатель из города Фивы.

Тифон (*греч.*) — стоглавое огнедышащее чудовище; Зевс, победив Тифона, навалил на него громаду горы Этны, из вершины которой дыхание его низвергается в виде огня, камней, дыма.

Улисс (*рим.*) — Одиссей.

Феб (*греч.*) — см. Аполлон.

Фемида (*греч.*) — богиня правосудия.

Феникс — сказочная птица, сжигавшая себя и возрождавшаяся из пепла молодой; символ вечного возрождения.

Филомела (*греч.*) — афинская царевна, превращенная богами в ласточку; в поэзии Филомела — соловей.

Фингал (*кельт.*) — легендарный воин, отец Оссиана.

Ц е р е р а (*рим.*) — богиня плодородия, покровительница земледелия.
Ц и р ц е я (*греч.*) — героиня «Одиссеи» Гомера; в классической поэзии — опасная обольстительница.

Ч е р н о б о г (*слав.*) — у западных славян бог зла, злой дух.

Э в к с и н (*греч.*) — название Черного моря.

Э д е м (*библ.*) — место обитания Адама и Евы; синоним рая.

Э р о т (*греч.*) — см. А м у р.

Ю н о н а (*рим.*) — богиня, супруга Юпитера.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Август II Фридрих (1670—1733), король польск. и саксонск. — 164, 166, 197
- Аладын Егор Васильевич (1796—1860), литератор, издатель «Невского альманаха» — 319
- Александр Николаевич, вел. кн. (1818—1881), будущий император Александр II — 64—67, 290, *359, 377*
- Александр Ягеллон (1460—1506), король литовский — 112, 114
- Александр I (1777—1825), император — 219—222, 227—228, 233, 252, 267, 278, 281, 286, 290, *377*
- Александра Федоровна, вел. кн. (1798—1860), жена Николая I — 321, 335, *382*
- Алексей Михайлович (1629—1676), царь — 252
- Алексей Петрович, царевич (1690—1718), сын Петра I — 153, 154, *363, 366, 367, 376*
- Андрей Александрович (ум. 1304), вел. кн. владимирский, сын Александра Невского — 106
- Анна Иоанновна (1693—1740), императрица — 138, 149—151, *362, 363, 366, 370*
- Ансильон Жан Петр Фридрих (1767—1837), нем. гос. деятель и историк — 259, *375*
- Антонин Пий (86—161), рим. император, полководец — 67
- Аракчеев Алексей Андреевич, гр. (1769—1834) — 7, 219, 222, *356*
- Ариосто («Ариост») Лудовико (1474—1533), ит. поэт — 257
- Аристид (ок. 540 — ок. 467 до н. э.), афин. гос. деятель и полководец — 68
- Аристотель (384—322 до н. э.), др.-греч. философ — 257, 259
- Асосков (Ососков) К. И., по-видимому, сослуживец Рылеева по конноартиллерийской роте — 32
- Атила (ум. 453), предводитель гуннов; возглавил опустошительные походы в Вост. Рим. империю — 69
- Бавий Марк, незначительный рим. поэт, литературный враг Горация и Вергилия — 39

* Страницы вступительной статьи и примечаний выделены курсивом.

- Байрон (Бейрон) Джордж Ноэль Гордон (1788—1824) — 73, 74, 258, 318, 323, 331—333, 357, 360, 382
- Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — 49, 223, 300, 333, 379, 380, 384
- Батый (1208—1255), хан Золотой Орды, предводитель общемонгольского похода в Центр. и Вост. Европу — 209
- Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — 49, 318, 355—357
- Бедрага (Бедряга) Анна Ивановна, мать М. Г. Бедраги — 275, 310, 316
- Бедрага Михаил Григорьевич, ветеран Бородинской битвы, приятель Рылеева — 47, 249, 250, 275, 290, 310, 316, 317, 324, 360, 376, 380
- Бедрага Николай Григорьевич (1776—1856), брат М. Г. Бедраги, остро-гожский знакомый Рылеева — 250, 324
- Бедрага Сергей Григорьевич, брат М. Г. Бедраги — 250
- Белозерский Федор, кн., герой Куликовской битвы — 110, 364
- Беннигсен (Бениксен) Леонтий Леонтьевич, гр. (1745—1826) — 273
- Бестужев (Марлинский) Александр Александрович (1797—1837), писатель, издатель (с Рылеевым) «Полярной звезды», декабрист — 8, 13, 17, 62—64, 75, 80, 162, 167, 217, 297, 302, 307, 309, 311, 312, 316—323, 325, 326, 330—333, 358, 359, 367, 368, 371—373, 379—382
- Бестужев Михаил Александрович (1800—1871), брат А. А. Бестужева, декабрист — 312, 358, 360—362
- Бестужев Николай Александрович (1791—1855), брат А. А. Бестужева, прозаик, художник, декабрист — 11, 316, 360, 369
- Бестужева Елена Александровна (1792—1874), сестра А. А. Бестужева — 312, 321, 338, 347
- Бестужева Прасковья Михайловна (1775—1846), мать декабристов Бестужевых — 312, 321, 338, 347, 348
- Беттагер, российский резидент в Гамбурге в Петровское время — 166
- Бецкий Иван Иванович (1704—1795), президент Академии художеств — 195
- Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), герцог Курляндский, министр имп. Анны Иоанновны — 138, 140, 141
- Бируков Александр Степанович (1772—1844), цензор — 300, 306, 307, 332
- Богданович Ипполит Федорович (1743/44—1803), поэт, автор «Душеньки» — 50
- Борис (ум. 1015), кн. ростовский, убит вместе с братом Глебом сторонниками Святополка I Окаянного, канонизирован церковью — 92
- Боровков Александр Дмитриевич (1788—1856), литератор, близкий декабристам, участник следствия над ними — 324
- Боровкова Елена Алексеевна (урожд. Кильштедт; ум. 1849), жена А. Д. Боровкова — 324
- Боульс (Бовль) Вильям Лайль (1762—1850), англ. поэт — 323, 331, 382
- Боян, легендарный др.-слав. певец, известный по «Слову о полку Игореве» — 97, 98, 102, 103, 154, 362—364

- Боярский, приятель Рылеева — 25, 29, 31, 355
- Бреклин, знакомый Рылеевых — 273, 276
- Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), рим. республиканец — 7, 8, 37, 43, 69, 75, 85, 191, 255, 363
- Брюховецкий Иван Мартынович (ум. 1668); гетман Левобережной Украины; хитрый, беспринципный политик — 137, 252
- Буало-Депрео Никола (1636—1711), фр. поэт и теоретик классицизма — 42, 49, 55, 356, 358
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), литератор — 104, 106, 217, 292, 293, 304—305, 308, 324, 325, 333, 359, 372, 378, 380, 381, 383
- Булдаков Михаил Матвеевич, знакомый Рылеева, акционер Российско-американской компании — 341, 344
- Бурбоны, королевская династия во Франции в 1589—1792, 1814—1830 гг. — 236
- Вадим (ум. 864), вождь новгородцев; поднял восстание против Рюрика и был убит им — 157, 363, 367
- Василий III Иванович (1479—1533), вел. кн. московский — 112
- Василий IV Шуйский (1552—1612), царь — 124—126
- Василько Ростиславович, кн., ослеплен в 1097 г. владимирово-волынским кн. Давидом Игоревичем — 362
- Васильчиков Л. В., командир Ахтырского полка, где служил Рылеев — 250
- Вашингтон Джордж (1732—1799), первый президент США — 301
- Вейсман фон Вейсенштейн Отто-Адольф, рус. полководец сер. XVIII в. — 92, 364
- Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.), рим. поэт — 256, 257
- Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862), композитор — 320, 382
- Вестрис Мария-Август (1760—1842), фр. танцовщик — 234
- Виговский Иван Остапович (ум. 1663), гетман Украины, сподвижник Б. Хмельницкого, впоследствии противник Москвы — 252
- Витгенштейн Петр Христианович, гр. (1769—1843), рус. ген.-фельдмаршал — 250
- Витовт (1350—1430), вел. кн. литовский — 112
- Владимир I Святославич (ум. 1015), кн. киевский — 92, 94, 96—102, 104, 154—156, 227, 362—364
- Владимир II Мономах (1053—1125), вел. кн. киевский — 362
- Владислав IV (1595—1648), польск. король (с 1632 г.), в ходе польско-шведской интервенции претендовал на рус. престол — 126
- Вобан Себастьян Ле Претр де (1633—1707), маршал Франции, воен. инженер — 239
- Воейков Александр Федорович (1779—1839), литератор, издатель «Русского инвалида», «Новостей литературы» — 49, 293, 294, 304, 305, 309, 323, 364, 366, 377, 378, 381, 383

- Воейкова Александра Андреевна (1795—1829), племянница В. А. Жуковского, жена А. Ф. Воейкова — 94, 378
- Войнаровский Андрей (ум. 1740), укр. казачий старшина, племянник Мазепы, участник его заговора — 3, 6, 11, 162, 165—167, 173, 178, 191—193, 307, 309, 312, 313, 315, 318, 319, 323, 324, 331, 332, 343, 357, 364, 367, 368, 371, 383
- Волконский Петр Михайлович, кн. (1776—1852), в 1823 г. нач. гл. штаба в г. Або — 219, 372
- Волинский Артемий Петрович (1689—1740), гос. деятель при Анне Иоанновне — 137, 138, 140, 141, 148, 150, 362, 365, 366
- Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778) — 49, 257, 372
- Вюртембергский Александр, герцог (1771—1833), брат императрицы Марии Федоровны — 307, 379
- Вяземский Петр Андреевич, кн. (1792—1878) — 297, 302, 304, 307, 312, 318—320, 363, 368, 371, 373, 377, 378, 382
- Гарольд Смелый (XI в.), норвежск. король, скальд — 363
- Гедимин (ум. 1341), вел. кн. литовский — 209
- Георгий Данилович (1281—1325), кн. московский, позднее владимирский — 106—108
- Гермоген (ок. 1530—1612), рус. церк.-полит. деятель — 363
- Герцен Александр Иванович (1812—1870) — 17, 359, 371
- Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 257, 258, 320, 382
- Глеб (ум. 1015), кн. муромский, брат Бориса — 92
- Глинка Григорий Николаевич, брат Ф. Н. Глинки, городничий в Острогжске — 293
- Глинка Федор Николаевич (1786—1880), поэт, прозаик, декабрист — 64, 299, 306, 358, 359
- Глинская Елена (ум. 1538), жена вел. кн. Василия III, мать Ивана Грозного — 112, 115
- Глинский Василий Львович, отец Елены Глинской — 112
- Глинский Михаил Львович (ум. 1534), знатный литовский вельможа, приближенный Василия III — 112—115, 362
- Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — 49, 55, 57, 144, 293, 294, 358, 377, 378
- Годунов Борис Федорович (ок. 1552—1605), царь — 121—124, 224, 362, 364
- Годунова Ирина Федоровна, рус. царица, жена царя Федора Иоанновича — 124
- Годунова Ксения Борисовна (1581—1622), дочь Бориса Годунова — 124
- Голицын Александр Михайлович, кн. (1718—1783), полководец — 195
- Голицын Александр Сергеевич — сын С. Ф. Голицына и В. В. Голицыной — 339, 342
- Голицын Василий Васильевич, кн. (1643—1714), воен. и гос. деятель — 163

- Голицын Сергей Федорович, кн. (ум. 1810), владелец имений, которыми управлял отец Рылеева — 264, 276, 375, 376
- Голицына Варвара Васильевна, кн., жена С. Ф. Голицына — 272, 276, 277, 376, 377
- Головин Федор Алексеевич, гр. (1650—1706), дипломат и гос. деятель — 198
- Головкин Гавриил Иванович, гр. (1660—1734), гос. деятель, приближенный Петра I — 164, 165
- Головнин Василий Михайлович (1776—1831), вице-адмирал, путешественник, писатель — 326
- Гомер, легендарный поэт Др. Греции — 49, 56, 57, 256, 257, 333
- Гораций Квинт Флакк (65—8 до н. э.), рим. поэт — 50, 144, 147, 256
- Гостомысл (1-я пол. IX в.), легендарный предводитель новгородских словен — 102
- Готовцева Вера Сергеевна, родственница Рылеева — 306, 314, 316, 321, 334, 339, 349
- Греч Николай Иванович (1787—1867), писатель, журналист — 4, 6, 217, 293, 297, 305, 371, 372, 382, 383, 385
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — 4, 6, 11, 320, 374, 382, 383
- «Губернатор в Або» — см. Закревский А. А.
- Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт и воен. писатель — 4, 250, 310, 360
- Данаурова Мария Федоровна, соседка Рылеевых по Батову — 341—345, 347, 349
- Данте (Дант) Алигьери (1265—1321) — 162, 257, 258
- Дезе Луи Шарль Антуан (1768—1800), фр. генерал — 237, 238
- Дельвиг Антон Антонович, бар. (1798—1831) — 293, 300, 307, 308, 323, 325, 330, 331, 333, 360, 361, 365, 377, 378, 380, 384
- Депрео — см. Буало-Депрео.
- Державин Гавриил Романович (1743—1816) — 39, 40, 60, 144—148, 323, 331, 358, 359, 362, 366
- Дзеньковский, полковник при царе Алексее Михайловиче — 252
- Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт — 49, 319, 378
- Дмитрий Иванович (1582—1591), царевич, сын Ивана IV Грозного — 121, 123, 124
- Дмитрий Донской (1350—1389) — 109—111, 362
- Дмитрий I Самозванец — см. Лжедмитрий.
- Добрыня, воевода при Владимире I Святославиче; прототип Добрыни Никитича — 102
- Долгоруков Иван Алексеевич, кн. (1708—1739), муж Н. Б. Долгоруковой, брат фаворитки Петра II Е. Долгоруковой — 141, 142, 366
- Долгоруков Яков Федорович, кн. (1639—1720), сподвижник Петра I — 68, 138, 151, 153, 358, 363, 364, 365

- Долгорукова Наталия Борисовна, кн. (1714—1771), дочь фельдмаршала Шереметева — 141—144, 362, 363, 365—367, 378
- Дорошенко Петр Дорофеевич (1627—1698), гетман Правобережной Украины, боролся против польск. владычества — 83, 163
- «Душеньки творец» — см. Богданович И. Ф.
- Дюпор, фр. танцовщик — 234
- Ежовский Юзеф (1798—1855), товарищ Мицкевича по кружку филосоматов — 313
- Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская) (1684—1727), вторая жена Петра I, императрица с 1725 г. — 138
- Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — 65, 68, 144, 195, 196, 218, 228, 252, 287
- Елена Павловна (1806—1873), жена вел. кн. Михаила Павловича — 321
- Елизавета, дочь Ярослава Мудрого, жена Гарольда Смелого — 363
- Ермак Тимофеевич (ум. 1585), казачий атаман, начал освоение Сибири рус. государством — 118—120, 169, 323, 362, 364
- Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), главноуправляющий Грузией, видный воен. деятель — 45, 65, 357, 358
- Еропкин Петр Михайлович (ок. 1698—1740), архитектор; казнен как противник бироновщины вместе с А. П. Волынским — 138
- Жолкевский Станислав (1547 или 1550—1620), польск. коронный гетман, возглавил подавление восстания казаков (1596) и польскую интервенцию против Московского государства — 15, 214, 370
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — 8, 49, 57, 302, 304, 305, 318, 319, 358—360, 378, 379, 381, 383
- Забрежценские, вельможи при Александре Ягеллоне и Сигизмунде I — 112, 114
- Закревский Арсений Андреевич, гр. (1783—1865), воен. и гос. деятель, в 1823 г. ген.-губернатор Финляндии — 219, 372
- Зеленский Иван Осипович, до Рылеева правитель дел канцелярии Российско-американской компании — 327
- Зеленский, иезуит, агент Станислава Лещинского — 164
- Зоил (IV в. до н. э.), др.-греч. философ; имя стало нарицательным для придиричивого и язвительного критика — 42, 56
- Зубковский Иван Семенович, поверенный князей Голицыных, знакомый Ф. А. Рылеева — 276, 342
- Иван Васильевич — см. Прокофьев И. В.
- Иван III Васильевич (1440—1505), вел. кн. московский — 363
- Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — 7, 116, 121, 124, 293
- Иван V Алексеевич (1666—1696), в 1682 г. провозглашен царем вместе с Петром I — 163

- Ивановский Андрей Андреевич (1791—1848), литератор, делопроизводитель Следственного комитета по делу декабристов, снявший копии стих. Рылеева — 371
- Игорь (ум. 945), вел. кн. киевский — 87—89, 362
- Игорь Святославич (1150—1202), кн. новгород-северский, герой «Слова о полку Игореве» — 59, 102, 353, 364
- Измайлов Александр Ефимович (1779—1831), писатель, журналист — 307
- Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830), писатель, издатель «Вестника Европы», цензор — 307
- Изяслав, сын Владимира и Рогнеды, владел Полоцком — 94, 95, 98, 100, 101
- Иоанн II Иоаннович Красный (1326—1359), вел. кн. владимирский и московский — 109
- Иоанн Казимир, польск. король (1648—1669) — 163
- Иов (ум. 1607), первый рус. патриарх, сторонник Бориса Годунова — 123
- Искра Иван Иванович (ум. 1708), казацкий полковник, передал Петру I донесение Кочубея об измене Мазепы; казнен — 165, 185
- К. Теофания Станиславовна, знакомая Рылеева — 76, 360
- Кавгадый, татарский военач.; помог вел. кн. Георгию Даниловичу победить и убить кн. Михаила Тверского — 106
- Кальдерон де ла Барка (1600—1681), исп. драматург — 257
- Камилл, рим. полководец V—IV в. до н. э. — 85, 363
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) («Наш Тацит») — 7, 49, 102, 293, 337, 357, 359, 367, 374, 377
- Карл XII (1682—1718), король Швеции — 164, 166, 167, 178, 182, 184, 186, 198
- Карломан, имя трех королей франков в VIII—IX вв. — 102
- Кассий Лонгин Гай (ум. 42 до н. э.), в Др. Риме один из организаторов убийства Цезаря — 7, 37
- Катенин Павел Александрович (1792—1853), поэт, критик, театр. деятель — 13, 359, 374
- Катерина Ивановна — см. Малютина Е. И.
- Катерина Петровна — см. Малютина Е. П.
- Катилина Луций Сергей (ок. 108—62 до н. э.), рим. полит. деятель, глава заговора республиканцев, раскрытого Цицероном — 36, 67
- Катон Младший Марк Порций (95—46 до н. э.) («враг царей»), республиканец, противник Цезаря — 8, 37, 43, 67, 69, 74
- Катон Старший Марк Порций (234—149 до н. э.), рим. писатель и гос. деятель — 67
- Каховский Петр Григорьевич (1797—1826), декабрист, казнен — 342
- Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842), историк, журналист, переводчик, псевдоним «Лужницкий старец» — 319, 382
- Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803), нем. поэт — 258

- Княжнин Яков Борисович (1742—1791), драматург, поэт — 49
- Коллонтай Гуго (1750—1812), польск. просветитель; лидер радикальных республиканцев в период польск. восстания 1794 г. — 303
- Колосова Евгения Ивановна (1780—1869), балерина — 234
- Кондратий, староста в Батове, крепостной Рылеевых — 342, 346, 348
- Константин Павлович, вел. кн. (1779—1831) («князь-Чудодей»), наместник царства Польского — 217, 372
- Кончака, сестра хана Узбека; умерла в плену у кн. Михаила Тверского — 106
- Коренев Александр Данилович (ум. 1822), муж Настасьи Михайловны Тевяшовой — 289, 291, 296, 297
- Корнель Пьер (1606—1684), фр. драматург — 57, 256
- Корнилович Александр Осипович (1800—1834), историк, писатель, декабрист — 165
- Косовский А. И., сослуживец Рылеева по конноартиллерийской роте — 27, 46, 298
- Костомаров Н. А., капитан; сослуживец Рылеева — 250
- Костров Ермил Иванович (1750 или 1752—1796), писатель, переводчик — 49
- Костюшко Тадеуш (1746—1817), руководитель польск. восстания 1794 г. — 303
- Кохановский Ян (1530—1584), польск. поэт — 301
- Кочубей Василий Леонтьевич (1640—1708), ген. судья Левобережной Украины; сообщил Петру I об измене Мазепы — 165, 185
- Крамер Венедикт Вениаминович, член правления Российско-американской компании до 1825 г. — 326
- Красицкий Игнацы (1735—1801), польск. писатель — 301
- Крёз (595—546 до н. э.), царь Лидии, обладавший несметными богатствами; имя Крёза стало нарицательным — 35
- Крестьян Иванович — знакомый Рылеевых по Петербургу — 272, 291, 343
- Крикуновские, знакомые Рылеевых и Малютиных — 321, 324
- Кропотов Дмитрий Андреевич (1817—1875), историк, воен. писатель, внук П. В. Устиновой — 385
- Крылов Иван Андреевич (1768—1844) — 49, 71, 355, 359
- Курбский Андрей Михайлович, кн. (1528—1583), полит. деятель, писатель — 7, 8, 117, 362, 377
- Кутузов-Смоленский Михаил Илларионович (1745—1813) — 227, 228
- Кучум (ум. ок. 1598), хан Сибирского ханства — 119, 121, 364
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт, декабрист — 330, 381
- Ланн (Лан) Жан (1769—1809), маршал Франции — 239
- Лафатер Иоганн Гаспар (1741—1801), швейц. писатель, автор популярного трактата «Физиогномические фрагменты» — 241

- Лачинов Дмитрий Николаевич — 28, 355
- Левек Пьер-Шарль (1736—1812), фр. историк — 365
- Леон (Лев) VI (ум. 911), визант. император — 85, 86, 363
- Лепер, фр. архитектор, автор проекта Вандомской колонны — 237
- Лжедмитрий I (ум. 1606), самозванец, авантюрист, выдававший себя за рус. царевича Дмитрия Ивановича, царь в 1605—1606 гг. — 122, 124—127, 358, 362, 365
- Лизогуб Яков (ум. 1698), военачальник — 197
- Лобода Григорий (ум. 1596), гетман запорожских казаков, руководитель нар. восстаний на Украине в кон. XVI в. — 13, 15, 206, 207, 213, 369
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — 49, 195
- Львов Павел Юрьевич (1770—1825), писатель — 25
- Любомирский Иероним, коронный гетман в Польше, соперник в борьбе за престол Станислава Лещинского — 198
- Людовик (Лудовик) XIV (1638—1715), фр. король — 239
- Людовик (Лудовик) XVIII (1755—1824), фр. король — 237
- Лютер Мартин (1483—1546), деятель Реформации в Германии — 241
- Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1844), в пору реформ ближайший сотрудник М. М. Сперанского, позднее — крайний реакционер — 217
- Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Левобережной Украины (1687—1708) — 83, 136—138, 163—167, 173, 178, 179, 181—186, 190, 191, 197, 198, 200, 253, 312, 358, 362, 363, 367—369
- Майков Василий Иванович (1728—1778), поэт — 323
- Малаховский Станислав (1736—1809), польск. гос. деятель — 303
- Малевский Франтишек Иероним (1800—1870), товарищ Мицкевича по кружку филоматов — 313
- Малютин Михаил Петрович, сын П. Ф. и Е. И. Малютиных — 273, 276, 292, 311, 317, 324, 327, 345, 350, 376
- Малютин Петр Федорович, ген.-лейтенант (ум. 1820), дальний родственник Рылеева — 267, 270, 273, 276, 279—285, 288, 342, 344, 345, 348, 376, 377
- Малютина Верочка (ум. 1824) — 311
- Малютина Екатерина Ивановна (1784—1869), жена П. Ф. Малютина — 267, 270—274, 276, 284, 292, 295, 296, 300, 311, 314, 316, 321, 324, 335, 336, 339, 342, 344, 345, 347—350, 376, 377
- Малютина Екатерина Петровна, дочь П. Ф. и Е. И. Малютиных — 267, 273, 276, 292, 311, 314, 321, 322, 324, 350, 376
- Малютина Любовь Петровна, дочь П. Ф. и Е. И. Малютиных — 267, 273, 276, 292, 311, 321, 324, 350, 376
- Мамай, хан (ум. 1380), фактический правитель Золотой Орды — 109
- Маметкул (XVI), сибирский царевич, племянник Кучума — 118
- Манштейн Кристоф Герман фон (1711—1757), автор «Записок о России, 1727—1744» — 137, 365

- Маржерет Жак (ок. 1550—1560 — после 1618), воен. наемник-авантюрист, автор записок о России — 365
- Мария Михайловна (скончалась в детстве), дочь вел. кн. Михаила Павловича и Елены Павловны — 321
- Маркевич Николай Андреевич (1804—1860), историк Украины, поэт — 371
- Маркевич, сослуживец Рылеева по конноартиллерийской роте — 273
- Марфа Посадница (XV в.), вдова новгородского посадника И. А. Борецкого, возглавляла антимосковскую партию новгородского боярства — 158—160, 363
- Матвеев Артамон (Артемон) Сергеевич (1625—1682), приближенный царя Алексея Михайловича, убит стрельцами — 133, 323, 362
- Матвеев Николай Федорович, сосед Тевяшовых — 291, 312, 317, 380
- Меншиков Александр Данилович (1673—1729), гос. и воен. деятель, сподвижник Петра I — 161, 166, 167, 363, 366—368
- Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), поэт, критик, переводчик — 144, 366
- Меценат Гай Цильний (между 74 и 64—8 до н. э.), рим. патриций, любитель искусств — 43
- Микеланджело («Мишель Анж») Буонарроти (1475—1564) — 232
- Миллер Герард Фридрих (1705—1783), рус. историк — 166, 170—172, 192—196, 331
- Миллер Петр Петрович, знакомый Рылеевых, брат Ф. П. Миллера — 294, 295, 342, 346
- Миллер Федор Петрович, друг Рылеева, сослуживец по конногвардейской роте — 276, 284, 289, 316, 335, 342, 344
- Милонов Михаил Васильевич (1792—1821), поэт — 49, 356
- Милорадович Михаил Алексеевич, гр. (1771—1825), петерб. ген.-губернатор — 381
- Мильтон Джон (1608—1674), англ. поэт, полит. деятель — 258
- Минин Кузьма (ум. 1616) — 363
- Миних Бурхард Кристоф, гр. (1683—1767), воен. и гос. деятель при Анне Иоанновне — 65, 138, 359, 363
- Михаил Павлович (1798—1849), вел. кн., брат Николая I — 223, 290, 373
- Михаил Тверской (ум. 1318), кн., убит в Орде ханом Узбеком — 106—108, 362
- Михаил Федорович (1596—1645), царь — 126—129, 365
- Мицкевич Адам (1798—1855) — 313, 359, 382
- Мишенька — см. Тевяшов М. М.
- Мишка, дворовый в Батово — 349
- Мнишек Марина (ок. 1588—1614), авантюристка, жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II — 363
- Мнишек Ежи (Юрий), отец Марины Мнишек, польск. воевода, один из организаторов интервенции против России нач. XVII в. —

- Мокиевский, соратник Палея, участник битвы с турками под Очаковым — 197
- Мордвинов Николай Семенович (1754—1845), гос. и обществ. деятель, единственный из членов Верх. уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам — 69, 80, 83, 217, 326, 359, 361
- Мориц Саксонский, гр. (1696—1750), маршал Франции — 166
- Мстислав Удалой (ум. ок. 1036), кн. тмутараканский — 104, 105, 362, 379
- Муравьев Матвей Иванович, кап.-лейтенант, член Русско-американской компании — 326
- Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886), декабрист — 360, 361, 371—373
- Муханов Петр Александрович (1799—1854), декабрист — 118, 310, 314, 315, 335, 342, 363, 380, 381
- Мысловский Петр Николаевич (1777—1846), священник Казанского собора — 350
- Нагие, боярский род, при Иване Грозном родственник царской фамилии — 121
- Наливайко Северин (ум. 1597), руководитель крестьянского восстания 1594—1596 гг. на Украине — 13, 14, 15, 205—207, 209, 211, 213, 318, 330, 331, 361, 367, 369—371
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — 8, 69, 227, 228, 231—233, 235—237, 240, 374
- Нарышкина Наталия Кирилловна (1651—1694), мать Петра I, вторая жена Алексея Михайловича — 133
- Ней Мишель (1769—1815), наполеоновский маршал — 239, 374
- Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829), поэт — 50, 372
- Немцевич Юлиан Урсын (1757 или 1758—1841), польск. писатель — 83, 84, 254, 301, 303, 364
- Неплюев Иван Иванович (1693—1773), гос. деятель — 138
- Нечаев Степан Дмитриевич (1792—1860), литератор, член «Союза благоденствия», впоследствии обер-прокурор Синода — 319
- Нечай Данила (ум. 1651), сподвижник Б. Хмельницкого, укр. народный герой — 83
- Николай I Павлович (1796—1855) — 223, 334—336, 338, 339, 344, 346, 348, 350, 371, 373, 384
- Николай Федорович — см. Матвеев Н. Ф.
- Новосильцов Владимир Дмитриевич (1800—1825), флигель-адъютант; погиб на дуэли с К. П. Черновым — 310, 381
- Новосильцова Екатерина Владимировна (урожд. Орлова) (ум. 1849), мать В. Д. Новосильцова — 310, 381
- Норов, по-видимому, один из сослуживцев Рылеева по конноартиллерийской роте — 31

- Оболенский Евгений Петрович, кн. (1796—1865), друг Рылеева, декабрист — 81, 315, 319, 349, 361, 372, 382, 385
- Озеров Владислав Александрович (1769—1816), драматург — 49, 56, 323, 358
- Олег Вещий (ум. 912 г.), кн. киевский с 882 г. — 84—86, 102, 157, 362, 363
- Олимпиада, дворовая девочка Рылеевых — 349
- Ольга (ум. 969), вел. кн. киевская — 87—89, 102, 362
- Омар I (ок. 519—644), мусульманский халиф — 255
- Оранский Вильгельм, принц (1792—1849), муж вел. кн. Анны Павловны; с 1840 г. король Нидерландов — 331, 383
- Орлик Филипп (1672—1742), укр. казацкий старшина, приверженец Мазепы — 166, 185
- Оссиан (III в.), легендарный певец и воин кельтов — 358, 373
- Павел I Петрович (1754—1801), император — 218, 252, 372
- Павлов Федор, крепостной Рылеевых, сопровождал Рылеева в воен. походе — 273
- Палей Хвостовский Семен Филиппович (ум. 1710), полковник Малороссийского войска, противник Мазепы — 83, 174, 197, 198, 204, 369
- Панаев Владимир Иванович (1792—1859), поэт — 50
- Панин Никита Иванович, гр. (1718—1783), гос. деятель и дипломат, воспитатель Павла I — 68, 195
- Парни Эварист Дезире де Форж, гр. (1753—1814), фр. поэт — 300, 358
- Пересвет Александр (ум. 1380), монах Троице-Сергиева монастыря, герой Куликовской битвы — 110
- Перикл (ок. 490—429 до н. э.), др.-греч. полит. деятель, вождь демократической группировки — 43
- Перрен Александр Яковлевич, знакомый Рылеевых — 342
- Персий Флакк Авл (34—62), др.-рим. поэт-сатирик — 356
- Петр I Великий (1672—1725) — 9, 10, 68, 136—139, 142, 152, 161, 163—165, 167, 178, 179, 181—183, 185—187, 193, 194, 197, 198, 228, 252, 253, 332, 359, 362, 365—368, 375
- Петр II Алексеевич (1715—1730), император (с 1727 г.), сын царевича Алексея Петровича — 138, 366
- Петр III Федорович (1728—1762), император — 218, 228, 372
- Петр Федорович — см. Малютин П. Ф.
- Петрарка Франческо (1304—1374), ит. поэт — 333
- Петров Василий Петрович (1736—1799), поэт — 40
- Пиндар (ок. 518—442 до н. э.), др.-греч. поэт — 257
- Пирр (319—273 до н. э.), царь Эпира, воевал против Рима, одержал победу при Аускулуме ценой огромных потерь (пиррова победа) — 42
- Плетнев Петр Александрович (1792—1866), поэт, критик — 330
- Пожарский Дмитрий Михайлович, кн. (1578—1642) — 227, 362
- Политковский Гаврила Герасимович, сенатор, член совета Российско-американской компании до 1825 г. — 326

- Понятовский Юзеф, кн. (1763—1813), польск. генерал, маршал Франции; участник польск. восстания 1794 г. — 303
- Потапов Алексей Николаевич (1772—1847), дежурный генерал Главного штаба — 220, 290, 372
- Потемкин Григорий Александрович, кн. Таврический (1739—1791), воен. и полит. деятель, ген.-фельдмаршал, фаворит Екатерины II — 363
- Потоцкий Игнаций (1741—1809), польск. просветитель и гос. деятель; один из лидеров польск. восстания 1794 г. — 303
- Потоцкий Иосиф (ум. 1750), польск. вельможа, великий коронный гетман, противник сближения с Россией — 197
- Потоцкий Степан, польск. военачальник, потерпевший поражение в 1648 г. от Хмельницкого — 197
- Прасковья Васильевна — см. Устинова П. В.
- Прасковья Михайловна — см. Бестужева П. М.
- Прево де Лумиан Иван Иванович, ген.-майор, член военно-учебного комитета, знакомый Рылеевых — 270—272
- Прокофьев Иван Васильевич, директор Российско-американской компании — 336, 340, 341, 343
- Прокофьева Авдотья Петровна, жена И. В. Прокофьева — 336, 337
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — 144
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 3, 5, 6, 10, 11, 13, 49, 80, 301, 302, 307, 309, 312, 313, 317, 323, 325, 326, 330—333, 357—361, 363—365, 368, 371, 374, 378—384
- Пушкин Василий Львович (1770—1830), поэт, дядя А. С. Пушкина — 307, 379
- Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852), брат А. С. Пушкина — 330, 381
- Пуцин Иван Иванович (1798—1859), декабрист — 10, 307, 312, 323, 327, 335, 343, 381—383
- Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872), поэт, декабрист — 9, 12
- Расин Жан Батист (1639—1699), фр. драматург — 41, 42, 256, 356, 358
- Рафаэль Санти (1483—1520) — 232
- Редедя, кн. косожский, в 1022 г. побежден в поединке с тмутараканским князем Мстиславом Владимировичем — 101, 306, 307, 379
- Репнин-Волконский Николай Григорьевич, кн. (1778—1845), в 1813—1814 гг. ген.-губернатор Саксонии — 5, 271
- Риего-и-Нуньес (Риега) Рафаэль (1785—1823), деятель исп. революции 1820—1823 гг. — 12, 75
- Ришелье («деспот-кардинал») Арман Жан дю Плесси (1585—1642), фр. гос. деятель — 57
- Роберти Адольф Иванович, владелец пансиона в Харькове, где учился шурин Рылеева М. М. Тевяшов — 298, 299
- Рогволод (ум. 980), кн. полоцкий — 94—96, 98
- Рогдай, сподвижник Владимира I, упоминается в летописях — 102

- Рогнеда (ум. 1000), дочь кн. полоцкого Рогволода — 84, 94, 95, 97—101, 362
- Родзянко Аркадий Гаврилович (1793—1846), поэт — 307
- Романовы, бояре, с 1613 г. царствующая династия — 121
- Румянцев-Задунайский Петр Александрович, гр. (1725—1796), ген.-фельдмаршал — 65, 363
- Руссо Жан-Жак (1712—1778) — 49
- Рылеев Александр (1823—1824), сын Рылеева — 306, 308, 310, 311, 314, 348, 380
- Рылеев Михаил Николаевич (1771—1833), («дядюшка»), ген.-майор, в 1814 г. комендант Дрездена — 270, 271, 274, 276, 376, 379
- Рылеев Федор Андреевич (ум. 1814), отец Рылеева — 263—266, 268, 270, 277, 339, 342, 345, 375, 376
- Рылеева Анастасия Кондратьевна (1820—1890), дочь Рылеева, жена И. А. Пушина — 6, 291, 295, 297, 299, 300, 306, 308, 310, 312, 314, 316, 317, 320—322, 324, 328, 334—351, 377, 379, 385
- Рылеева Анастасия Матвеевна (урожд. Эссен, 1758—1824), мать Рылеева — 263, 264, 268—285, 288—292, 294—297, 306, 308, 314, 340, 345, 346, 348, 375—377, 382
- Рылеева Анна Федоровна (ум. 1858), сестра К. Ф. Рылеева, побочная дочь его отца — 263, 264, 269, 270, 272, 275, 335, 342, 344, 345, 348, 375
- Рылеева Марья Ивановна, жена М. Н. Рылеева — 271
- Рылеева Наталья Михайловна (урожд. Тевяшова; 1800—1853), жена Рылеева — 5, 6, 16, 17, 31, 32, 70, 278, 279—291, 295—300, 306, 310—317, 320—322, 324, 327, 328, 334—351, 377, 380, 382, 384, 385
- Рюрик (ум. 879), кн., основатель династии Рюриковичей — 84, 87, 97, 126, 195, 362, 367
- С., один из воронежских приятелей Рылеева, возможно, Петр Александрович Солнцов — 54, 357
- Сагайдачный Петр Кононович (Конашевич-Сагайдачный) (ум. 1622), полит. и воен. деятель Украины — 83
- Самойлович Иван Самойлович (ум. 1690), гетман Левобережной Украины — 163
- Самусь Самойло Иванович, один из руководителей казацкого восстания на Правобережной Украине против польск. панов в 1702—1704 гг. — 197, 198
- Сарницкий Станислав (род. 1530), польск. писатель — 83
- Саша — см. Рылеев Александр.
- Свиньин Павел Петрович (1787—1839), прозаик, журналист — 302, 307
- Свистов — см. Хвостов.
- Святополк I Окаянный (ок. 980—1019), кн. туровский и вел. кн. киевский, убил трех своих братьев и завладел их уделами — 92, 93, 362, 377

- Святослав (ум. 972), вел. кн. киевский — 87—90, 97, 102, 157, 227, 362, 367
- Святослав Владимирович (ум. 1015), кн. древлянский, убит сторонниками своего брата, Святополка Окаянного — 92
- Селивановский Семен Иоанникиевич (1772—1862), книгопродавец, издатель — 309, 313, 315, 327, 362, 368
- Сергий Радонежский (ок. 1321—1391), церк. и полит. деятель — 109, 111
- Сеян, фаворит рим. императора Тиберия — 36
- Сигизмунд I Старый (1467—1548), король польск. и вел. кн. литовский — 112, 114, 115
- Сигизмунд II Август (1520—1572), король польск. и вел. кн. литовский — 116
- Сигизмунд III Ваза (1566—1632), польск. король, участник польск. и шведск. интервенции нач. XVII в. в Россию — 14, 126
- Сицкие, кн., бояре, родственные царской фамилии при Иване Грозном — 121
- Сленин Иван Васильевич (1789—1836), книгоиздатель — 305, 335, 343
- Смирдин Александр Филиппович (1795—1857), книгоиздатель, книгопродавец — 327, 345, 347
- Сократ (ок. 470—399 до н. э.), др.-греч. философ — 74
- Солнцов Петр Александрович, воронежский вице-губернатор, приятель Рылеева — 287, 357
- Софокл (ок. 496—406 до н. э.), др.-греч. поэт-драматург — 256
- Софья Алексеевна, царица (1657—1704), правительница Рус. государства в 1682—1689 гг. — 163, 360, 363
- Сперанский Михаил Михайлович, гр. (1772—1839), гос. деятель — 218, 337
- Станислав Лещинский (1677—1766), король польск. — 164, 165
- Столыпин Аркадий Алексеевич (1778—1825), сенатор, оппозиционно настроенный к правительству — 80, 361
- Столыпина Вера Николаевна (1790—1834), дочь Н. С. Мордвинова, жена А. А. Столыпина — 80, 361
- Стрешнев Лукьян, боярин, тесть царя Михаила Федоровича — 10
- Строгановы («Строгоновы»), род купцов и промышленников с эпохи Ивана Грозного — 118
- Строев Павел Михайлович (1796—1876), историк-археолог, написал исторические примеч. к девятнадцати думам Рылеева — 84, 314, 363, 382
- Струсы, рус. народные герои, пали в 1506 г. в битве с валахами — 83
- Суворов-Рымникский Александр Васильевич (1729—1800) — 65, 264, 363
- Сумароков Александр Петрович (1717—1777), писатель, критик — 50
- Сусанин Иван (ум. 1613) — 9, 10, 126—129, 362, 381
- Сухозанет Петр Онуфриевич, командир 12-й конноартиллерийской роты, где служил К. Ф. Рылеев — 250, 273, 274, 284

- Тассо (Тасс) Торквато (1544—1595), ит. поэт — 257, 258, 333
- Тацит Публий Корнелий (ок. 58 — ок. 117), рим. писатель-историк — 7, 49, 293, 357
- Тевяшов Алексей Михайлович, брат Н. М. Рылеевой — 290, 296, 298, 299, 310—314, 316, 321, 322, 324, 327, 344, 348
- Тевяшов Иван Михайлович, брат Н. М. Рылеевой — 285—288, 290, 291, 298, 300, 306, 308, 310, 312, 327, 328, 344, 379
- Тевяшов Михаил Андреевич (1763—1822), отец Н. М. Рылеевой — 276, 278, 280, 282—285, 287—289, 299, 382
- Тевяшов Михаил Михайлович, брат Н. М. Рылеевой — 298, 312, 316, 321, 322, 327, 328, 344
- Тевяшова Матрена Михайловна, мать Н. М. Рылеевой — 278, 280, 282—284, 287—289, 291, 296, 299, 300, 306, 310, 312, 316, 317, 320, 322, 324, 327, 328, 335, 340, 344, 347, 349, 350, 379
- Тевяшова Настасья Михайловна, сестра Н. М. Рылеевой — 278, 285—289, 291, 296, 299, 300, 306, 308, 310, 312, 316, 317, 320—322, 324, 327, 328, 340, 344, 347, 357
- Телепнев-Оболенский Иван Федорович, кн. (1-я пол. XVI в.), воевода; приближенный Елены Глинской — 112
- Тибулл Альбий (ок. 50—19 до н. э.), др.-рим. поэт — 35, 36, 355
- Тиртей (2-я пол. VII в. до н. э.), др.-греч. поэт; его имя олицетворяет высокую гражданственность — 303
- Тит Флавий Веспасиан (39—81), рим. император — 43
- Толь Карл Федорович, бар. (1777—1842), рус. генерал, участник следствия над декабристами — 12
- Траян, рим. император (с 98 г.) — 237
- Трембецкий Станислав (ок. 1739—1812), польск. поэт — 301
- Туманский Василий Иванович (1800—1860), поэт — 306, 313, 359, 379
- Тюренн (Тюрень) Анри де Ла Тур д'Овернь (1611—1675), маршал Франции — 239
- Узбек (ум. 1342), хан Золотой Орды — 106—108
- Унгерн-Штернберг Федор Романович, бар., сослуживец Рылеева по конноартиллерийской роте — 250
- Урсул Яков Григорьевич («герой Кавказа», «майор в ретиреде»), приятель Рылеева — 50—53, 357
- Устинова Прасковья Васильевна, приятельница матери и жены Рылеева — 335—340, 343, 344, 347—349, 351, 385
- Федор Алексеевич (1661—1682), царь — 133, 163
- Федор Иванович (1557—1598), сын Ивана Грозного, последний царь из династии Рюриковичей — 121
- Федоров Борис Михайлович (1798—1875), литератор — 306, 379
- Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.), афин. полководец и гос. деятель — 46, 73

- Филипп II Август (1165—1223), король Франции; сведения Рылеева ошибочны: строительство Лувра начато в XVI в. при Франциске I — 232
- Фома Кемпийский, средневековый богослов, автор «Подражания Христу» — 337, 384
- Фонвизин (Фон-Визин) Денис Иванович (1744 или 1745—1792) — 56
- Франц I (1768—1835), австр. император — 233, 359, 360
- Фролов, приятель Рылеева — 25, 26, 29, 30, 355
- Фуше Жозеф, герцог Отрантский (1759—1820), фр. полит. деятель — 240
- Хвостов Дмитрий Иванович, гр. (1756—1835), поэт — 26, 40—42, 356
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595—1657), гетман Украины; в 1654 г. на Переяславской раде провозгласил воссоединение Украины с Россией — 130—132, 213, 318, 362, 363, 365, 369, 370, 382
- Хрущов Андрей Федорович (1691—1740), капитан флота, единомышленник А. П. Волынского; казнен — 138
- Цезарь (Цесарь) Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.), рим. диктатор, полководец — 9, 43, 255
- Цимиский, визант. император, занимавший престол под именем Иоанна I (969—976) — 90, 97
- Цинна Корнелий (ум. 84 до н. э.), рим. патриций, боровшийся с консулом Суллой; герой трагедии Корнелия — 57
- Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), рим. полит. деятель, писатель — 8, 36, 69
- Чаплинский (Чаплицкий), враг Б. Хмельницкого — 130—132
- Чернов Константин Пахомович (ок. 1803—1825), подпоручик л.-гв. Семёновского полка — 310, 381
- Чернов Сергей Пахомович, брат К. П. Чернова — 310
- Шаликов Петр Иванович, кн. (1767—1852), писатель, издатель — 26, 355
- Шафиров Петр Павлович, бар. (1669—1739), гос. деятель, дипломат, сподвижник Петра I — 138
- Шаховской Александр Александрович, кн. (1777—1846), драматург, поэт — 358, 374
- Шаховской Яков Петрович, кн. (1705—1777), гос. деятель, автор «Записок» — 138, 365
- Шекспир Уильям (1564—1616) — 74, 257
- Шереметев Борис Петрович, гр. (1652—1719), ген.-фельдмаршал, сподвижник Петра I — 135, 141, 143, 253
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — 257, 258, 318, 360, 365
- Шихматов (Ширинский-Шихматов) Сергей Александрович, кн. (1783—1837), поэт — 25

- Шольё Гольом Амфрей (1639—1720), фр. поэт — 297, 302, 377
- Штейнгель Владимир Иванович, бар. (1783—1862), декабрист — 311, 326
- Эсхил (ок. 525—456 до н. э.), др.-греч. поэт-драматург, «отец трагедии» — 257
- Яблоновский, польск. вельможа — 197
- Языков Николай Михайлович (1803—1846/47), поэт — 17
- Яков, дворовый Рылеева — 314, 316, 320, 342
- Ян Усмошвец (Усмович), рус. богатырь, сподвижник Владимира I — 102
- Ярополк I Святославич (ок. 961—980), вел. кн. киевский — 92
- Ярослав Мудрый (ок. 978—1054), вел. кн. киевский — 92, 158

СОДЕРЖАНИЕ

С. А. Фомичев. Поэзия гражданского мужества 3

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Кулакияда	21
2. Путешествие на Парнас	25
3. Другам (<i>В Рогово</i>)	27
4. К Лачинову (<i>В Москву</i>)	28
5. К Фролову	30
6. Извинение пред Н. М. Т (<евяшо> вой)	31
7. Акrostих	31
8. К И. А (<соско>ву (<i>В ответ на письмо</i>))	32
9. «Ты знаешь Фирса чудака...»	34
10. Надпись к портрету одного старого воина, умершего от кровопускания	34
11. Романс («Как счастлив я, когда сижу с тобою...»)	34
12. К Делии (<i>Подражание Тибуллу</i>)	35
13. К временщику (<i>Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»</i>)	36
14. К другу	37
15. К Делии («Опять, о Делия, завистливой судьбою...»)	38
16. Зablуждение	39
17. «Безделок несколько наш Бавий накропав...»	39
18. Шарада	40
19. Жестокой	40
20. Нечаянное счастье (<i>Подражание древним</i>)	41
21. Переводчику Андрoмахи (<i>На случай пятого издания перевода сей прекрасной Расиновой трагедии</i>)	41
22. Путь к счастью. Сатира	42
23. А. П. Ермoлову	45
24. К К (<осовско>му (<i>В ответ на стихи, в которых он советовал мне навсегда остаться на Украине</i>))	46

25. Пустыня (К М. Г. Бедряге) .	47
26. К С. («Наш хлебосол-мудрец...»)	54
27. Послание к Н. И. Гнедичу (Подражание VII посланию Дегрео)	55
28. «Поверь, я знаю уж, Дорида...»	58
29. «Вотще в различные рядим его одежды...»	59
30. «Они под звуком труб повиты...»	59
31. «По небу голубому...»	59
32. <Отрывок>	60
33. (А. А. Бестужеву) («Ты разлеился уж некстати...»)	62
34. «Весь мир великостию духа...»	64
35. «Ты, Глинка, прав...»	64
36. Видение (Ода на день тезоименитства Его императорского высочества великого князя Александра Николаевича, 30 авгу- ста 1823 года)	64
37. Гражданское мужество. Ода	67
38. Воспоминания. Элегия	70
39. На болезнь Крылова	71
40. <Партизаны>	71
41. «Повсюду вопли, стоны, крики...»	72
42. На смерть Бейрона	73
43. «Я ль буду в роковое время...»	75
44. Стансы (К А. Б(естуже)ву)	75
45. В альбом Т. С. К.	76
46. К N.N. («У вас в гостях бывать накладно...»)	77
47. «Исполнились мои желанья...»	77
48. «Покинь меня, мой юный друг...»	77
49. «Когда душа изнемогала...»	78
50. «Ты посетить, мой друг, желала...»	78
51. Вере Николаевне Столыпной	80
52. Бестужеву («Хоть Пушкин суд мне строгий произнес...»)	80
53. Князю Е. П. Оболенскому	
1. «Мне тошно здесь, как на чужбине...»	81
2. «О милый друг, как внятен голос твой...»	81
3. «Ты прав: Христос спаситель нам один...»	82
 ДУМЫ	
1. [Предисловие к отдельному изданию]	83
2. Олег Вещий	84
3. Ольга при могиле Игоря	87
4. Святослав	89
5. Святополк	92
6. Рогнеда	94
7. Боян	102
8. Мстислав Удалый	104
9. Михаил Тверской	106

10. Димитрий · Донской .	109
11. Глинский .	112
12. Курбский . .	116
13. Смерть Ермака . .	118
14. Борис Годунов . . .	121
15. Димитрий Самозванец .	123
16. Иван Сусанин . . .	126
17. Богдан Хмельницкий .	130
18. Артемон Матвеев	133
19. Петр Великий в Острогжске .	135
20. Вольнский	137
21. Наталия Долгорукова .	141
22. Державин	144

ДУМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.
НЕОКОНЧЕННОЕ

23. <Видение Анны Иоановны>	149
24. Яков Долгорукий	151
25. Царевич Алексей Петрович в Рождестве .	153
26. Владимир Святый	154
27. <Вадим>	157
28. «На гордой крутизне берегов...» .	157
29. <Марфа Посадница>	158
30. <Меншиков>	160

ПОЭМЫ

1. Войнаровский	
А. А. Бестужеву («Как странник грустный, одинокий...») .	162
Жизнеописание Мазепы — А. К<орниловича>	163
Жизнеописание Войнаровского — А. Б<естужева>	165
Часть первая	167
Часть вторая	180
Примечания к первой части «Войнаровского» .	193
2. Мазепа. <i>Отрывки из поэмы</i>	
1. Гайдамак	200
2. Палей	204
3. Наливайко <Отрывки из поэмы> .	205

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ,
НАПИСАННЫЕ СОВМЕСТНО С А. А. БЕСТУЖЕВЫМ

1. «Ах, где те острова...»	217
2. «Ты скажи, говори...»	218
3. «Царь наш — немец русский...» .	219
4. «Ах, тошно мне...»	220
5. «Подгуляла я...»	222
6. Подблюдные песни	223

ПРОЗА

1. Победная песнь героям .	227
2. Рейнский водопад .	228
3. Письма из Парижа	229
4. Нечто о средних временах .	240
5. Провинциал в Петербурге	
1. Первый выезд. Магазины .	241
2. Женская игрушка .	244
3. Древние и новые .	246
6. Чудак. <i>Повесть</i>	248
7. Еще о храбром М. Г. Бедрге .	249
8. Об Острогожске	252
9. Предисловие к сборнику «Думы» (<i>Первая редакция</i>) .	253
10. О промысле	255
11. Несколько мыслей о поэзии (<i>Отрывок из письма к N. N.</i>) .	256

ПИСЬМА

1. Отцу. Март 1809 г. .	263
2. Отцу. Апрель 1810 г. .	264
3. Отцу. 7 декабря 1812 г. .	265
4. Отцу. Июль 1813 г.	269
5. Матери. 28 февраля 1814 г. .	270
6. Матери. 21 сентября 1814 г. .	271
7. Матери. 6 марта 1815 г. .	272
8. Матери. Апрель 1815 г. .	274
9. Матери. 10 августа 1817 г. .	275
10. Матери. 17 сентября 1817 г. .	277
11. Матери. 31 октября 1817 г. .	279
12. Матери. 31 января 1818 г. .	280
13. Матери. 7 апреля 1818 г. .	281
14. Матери. 10 июня 1818 г. .	282
15. Матери. 13 октября 1818 г.	284
16. Н. М. Тевяшовой. 14 января 1819 г.	285
17. П. Ф. Малютину. Февраль — март 1819 г.	288
18. Матери. 2 июня 1819 г.	289
19. Матери. 29 августа 1819 г.	289
20. М. Г. Бедрге. 23 ноября 1820 г. .	290
21. Жене. 25 ноября 1820 г. .	290
22. Жене. 2 декабря 1820 г.	291
23. Ф. В. Булгарину. 20 июня 1821 г. .	292
24. Ф. В. Булгарину. 8 августа 1821 г. .	293
25. Матери. 15 октября 1821 г. .	294
26. Матери. 26 марта 1822 г. .	295

27. Матери. Апрель 1822 г.	296
28. П. А. Вяземскому. Апрель — май 1822 г. .	297
29. Жене. 28 июня 1822 г. .	298
30. Жене. 7 июля 1822 г.	299
31. Е. А. Баратынскому. 6 сентября 1822 г. .	300
32. Ю. У. Немцевичу. 11 сентября 1822 г. .	301
33. П. П. Свиныну. 24 декабря 1822 г. .	302
34. П. А. Вяземскому. 27 декабря 1822 г. .	302
35. Ю. У. Немцевичу. Январь 1823 г. .	303
36. А. Ф. Воейкову. 1 июля 1823 г. . .	304
37. Ф. В. Булгарину. 7 сентября 1823 г. .	304
38. М. М. Тевяшовой. 20 сентября 1823 г. .	306
39. В. И. Туманскому. 3 октября 1823 г. .	306
40. И. М. Тевяшову. Октябрь 1823 г. .	308
41. Матери. Около 4 октября 1823 г. .	308
42. Ф. В. Булгарину. Июнь 1824 г. . .	308
43. А. Ф. Воейкову. 15 сентября 1824 г.	309
44. С. И. Селивановскому. Начало декабря 1824 г. .	309
45. Жене. 9 декабря 1824 г.	310
46. Жене. 14 декабря 1824 г.	310
47. А. С. Пушкину. 5—7 января 1825 г. .	312
48. П. А. Вяземскому. 12 января 1825 г. . . .	312
49. В. И. Туманскому. Середина января 1825 г. .	313
50. Жене. 27 января 1825 г.	313
51. П. М. Строеву. Конец января 1825 г.	314
52. Жене. Начало февраля 1825 г. .	315
53. Жене. 10 февраля 1825 г.	316
54. А. С. Пушкину. 12 февраля 1825 г. . .	317
55. П. А. Вяземскому. 20 февраля 1825 г. .	318
56. Жене. 20 февраля 1825 г. .	320
57. Жене. 26 февраля 1825 г. .	320
58. Жене. 3 марта 1825 г.	322
59. А. С. Пушкину. 10 марта 1825 г. .	323
60. Жене. 12 марта 1825 г.	324
61. Ф. В. Булгарину. 14—26 марта 1825 г. .	324
62. А. С. Пушкину. 25 марта 1825 г. .	325
63. В. И. Штейнгелю. Март 1825 г. .	326
64. Жене. 3 апреля 1825 г. .	327
65. Жене. 30 апреля 1825 г.	328
66. А. С. Пушкину. Конец апреля 1825 г. .	330
67. А. С. Пушкину. 12 мая 1825 г.	331
68. А. С. Пушкину. Первая половина июня 1825 г. .	331
69. А. А. Дельвигу. 5 октября 1825 г. . .	333
70. А. С. Пушкину. Около 20 ноября 1825 г. .	333
71. Жене. 19 декабря 1825 г. .	334

72. Жене. 23 декабря 1825 г. .	334
73. Жене. 28 декабря 1825 г. .	335
74. Жене. 4 января 1826 г. .	336
75. Жене. 14 января 1826 г. .	336
76. Жене. 21 января 1826 г. .	337
77. Жене. 5 февраля 1826 г. .	337
78. Жене. 15 февраля 1826 г. .	338
79. Жене. 11 марта 1826 г. . .	339
80. Жене. 17—20 марта 1826 г. .	340
81. Жене. 27 марта 1826 г. .	340
82. Жене. 13 апреля 1826 г. .	342
83. Жене. 20 апреля 1826 г. .	343
84. Жене. 6 мая 1826 г. .	344
85. Жене. 13 мая 1826 г. .	344
86. Жене. 24 мая 1826 г. .	346
87. Жене. 27 мая 1826 г. .	347
88. Жене. 21 июня 1826 г.	348
89. Е. П. Оболенскому. Июнь 1826 г. .	349
90. Жене. 13 июля 1826 г. .	350

КОММЕНТАРИИ

Примечания	352
Словарь мифологических имен и названий .	386
Указатель имен .	390

Рылеев К. Ф.

Р 95 Сочинения: Стихотворения и поэмы; Проза; Письма/Сост., вступ. ст., коммент. С. А. Фомичева.— Л.: Худож. лит., 1987.— 416 с., 1 л. портр.

В книгу «Сочинений» Кондратия Федоровича Рылеева (1795—1826), поэта-декабриста, вошли избранные стихотворения, думы, поэмы («Войнаровский», в отрывках «Мазепа» и «Наливайко»), агитационные и подблюдные песни, написанные совместно с А. А. Бестужевым, избранная проза («Письма из Парижа», «Рейнский водопад», «Провинциал в Петербурге» и др.), а также все дошедшие до нас, кроме официальных, письма.

Р 4702010100-066
028(01)-87 30-87

ББК 84. Р1

Кондратий Федорович Рылеев

СОЧИНЕНИЯ

Составитель

Сергей Александрович Фомичев

Редактор **Т. Степашова**

Художественный редактор **Р. Чумаков**

Технический редактор **Н. Литвина**

Корректоры **А. Борисенкова, Л. Никульшина**

ИБ № 4146

Сдано в набор 21.08.86. Подписано в печать 24.02.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84+0,05 вкл.=21,89. Усл. кр.-отт. 22,36. Уч.-изд. л. 23,61+1 вкл.=23,65. Тираж 200 000 экз. Изд. № ЛП—114. Зак. № 536. Цена 2 р. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

**В 1987 ГОДУ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:**

- В. Брюсов. Сочинения. В 2-х т.
- Г. Державин. Сочинения
- М. Загоскин. Сочинения. В 2-х т.
- А. Островский. Сочинения. В 3-х т.
- И. Панаев. Сочинения
- С. Степняк-Кравчинский. Сочинения. В 2-х т.

21.